

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Археологические памятники Восточной Европы

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Воронеж 2005

УДК 902.07
ББК Т4(0)26
А87

Рецензенты:

профессор *А.З. Винников*
профессор *А. А. Выборнов*

Редакционная коллегия:

профессор *А. Т. Синюк* (ответственный редактор)
доцент *Ю. Д. Разуваев* (ответственный секретарь)
доцент *В. Д. Березуцкий*

А 87 **Археологические памятники Восточной Европы:** Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2005. – 211 с.

В сборник включены статьи, посвященные публикации и анализу полученных за последние годы археологических материалов. Публикации затрагивают разные исторические эпохи от каменного века до средневековья. Помимо освещения результатов исследования поселений, могильников и других археологических памятников, работы сборника касаются отдельных историографических вопросов. В большинстве статей анализируются и реконструируются исторические и этнокультурные процессы преимущественно лесостепной зоны Восточной Европы.

Сборник предназначен специалистам-археологам, студентам и всем интересующимся вопросами археологии.

УДК 902.07
ББК Т4(0)26
А87

ISBN 5-88519-160-3

© Авторы статей, 2005

ОТ РЕДАКТОРА

Выход в свет очередного, одиннадцатого по счету, сборника продолжает взятый Воронежским государственным педагогическим университетом курс на сохранение одного из важнейших разделов фундаментальных научных знаний – археологических исследований.

Сейчас чуть ли не повседневно ведется разговор о трудностях, кризисном состоянии научного оснащения и реализации творческого потенциала представителей такого рода деятельности. И действительно, издержки в процессе социально-экономического переустройства в стране не обошли стороной археологию. Нередко приходится доказывать очевидное, что археологические источники являются незаменимой составной частью нашего исторического наследия, фундаментом для понимания собственной истории, без чего невозможно формирование просвещенного гражданского общества. Все чаще поступают сигналы о варварской деятельности «черных археологов», оснастивших себя дорогостоящим поисково-раскопочным оборудованием и присваивающих общенациональное достояние, лишая его научного осмысления. В ходе реформы образования заметно сокращаются учебные программы гуманитарного цикла, как и финансирование вузовской науки. Очевидно, что приобщение к истокам исторической памяти, столь необходимой для возрождения российской духовности, требует более весомой государственной поддержки.

Но очевидно также, что многое зависит от степени заинтересованности и инициативы на местах – в учреждениях научного, образовательного, культурно-просветительного и охранного направлений. В этой связи не могу не отметить позицию ВГПУ, в стенах которого действует археологическая научно-исследовательская лаборатория, развернута работа по созданию археологического музея, обновляется материальная база археологических экспедиций, осуществляется издание научных и учебно-методических работ по археологии, в том числе ставших фактически периодическими межвузовских археологических сборников.

Для последних, в плане содержания, уже традиционным является освещение круга проблем разных археологических эпох, что, на наш взгляд, делает сборник более востребованным.

В предлагаемом издании целый ряд статей посвящен каменному веку, в частности, оценке места Костенковских стоянок в палеолите Европы (А.А. Дудин; А.Ю. Пустовалов), типологии палеолитических жилищ (С.С. Чернышов), анализу уникальных комплексов финального палеолита, впервые заявивших о себе в бассейне Хопра (А.В. Сурков, И.В. Федюнин), вводу в научный оборот новых источников эпох мезолита-неолита со стоянок Верхнего и Среднего Дона. Для дальнейшего изучения бронзового века немалый интерес представляет публикация ярких материалов донских курганов из раскопок последних лет (В.Д. Березуцкий, Л.И. Маслихова). Важную информацию несет публикация источников по изучению раннего железного века (Ю.Д. Разуваев; Т.В. Сарапулкина) и средневековья, включая наследие ранних славян (В.Н. Ковалевский; В.В. Енуков, О.Н. Енукова; С.И. Андреев) и их соседей (В.Д. Березуцкий, В.В. Кравец). Истории исследования и историографии ряда актуальных проблем археологии посвящены статьи автора и С.Н. Гапочки, Л.И. Маслиховой, Ю.А. Чекменева, Н.А. Поташкиной. Данное направление требует дальнейших серьезных усилий в целях взаимопроверки и систематизации имеющихся научных разработок, а вместе с этим – выхода археологии на новый этап развития.

Хотелось бы обратить внимание на то, что соавторами сборника, наряду со специалистами вузов, выступают представители других учреждений, в сфере которых задействованы интересы археологии: музеев, органов охраны памятников истории и культуры и др. Отмечу также, что как и предыдущие, данный сборник включает публикации, подготовленные специализирующимися в области археологии студентами, что чрезвычайно важно для сохранения в системе вузовского образования профессиональной преемственности, что уже дало свои благотворные результаты.

А.Т. Синюк

ПАМЯТНИКИ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО РАЙОНА НА ДОНУ (тенденции научного поиска последних лет)

Приоритетным направлением исследований в Костенковско-Борщевском районе в последние годы является продолжение изучения как уже известных, так и новых археологических памятников, относящихся к кругу древнейших в пределах ранней поры верхнего палеолита Русской равнины.

Задачи современного этапа научных изысканий обусловлены, во-первых, актуализацией проблематики перехода от нижнего палеолита к верхнему, а, во-вторых, перспективностью разработки проблемы становления верхнего палеолита Русской равнины на основе региональной Костенковской модели.

Хроностратиграфическая региональная схема разделяет стоянки района на три основные хронологические группы. К памятникам ранней поры верхнего палеолита относятся стоянки первой и второй хронологических групп, приуроченных к гумусированным отложениям различного генезиса. Как стратиграфические подразделения выделяют «нижнюю» и «верхнюю» гумусированные толщи. Соответственно, культурные слои, связанные с «нижней гумусированной толщей», формируют древнейшую, первую группу. Ко второй хронологической группе отнесены стоянки, залегающие в «верхнем» гумусе. Стратиграфическим маркером, разделяющим две гумусированные толщи, является прослойка вулканического пепла. Хронологический диапазон отложений, вмещающих памятники ранней поры верхнего палеолита региона, оценивается средневалдайским временем (50-25 тыс.л.н.). При этом, отложения верхней гумусированной толщи соотносятся с временем последнего крупного оптимума среднего Валдая (Дунаевский или Брянский) (32-25 тыс.л.н.).

К сезону 1998 г. в Костенковско-Борщевском районе было известно шесть культурных слоев, включенных в первую хронологическую группу и залегающих ниже отложений вулканического пепла в нижней гумусированной толще (т.е. древнее 32тыс.л.н.). Их относительный возраст сопоставляется с возрастом древнейших памятников верхнего палеолита в Европе, и, в частности, на Русской равнине. Из их числа под определенным вопросом остается стратиграфическая принадлежность переотложенных остатков IV-го культурного слоя стоянки Костенки 8 (29 каменных изделий) (Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н., 1982, с.109). Самый же важный вывод предшествующих многолетних исследований заключался в том, что уже наиболее древние стоянки региона представлены индустриями принципиально отличного облика – архаического, с мустьерскими традициями, и вполне сформировавшегося верхнепалеолитического. К первым относятся памятники стрелецкой археологической культуры (Костенки 12, III-й культурный слой; Костенки 6), ко вторым – спицынской (Костенки 17, II-й культурный слой; возможно, Костенки 12, II-й культурный слой).

Исследования последних семи лет внесли существенные изменения в представления о региональной модели становления верхнепалеолитических культур и (что не менее важно) подвели к необходимости детализации и корректировки хроностратиграфической схемы региона. Базовыми памятниками современного этапа археологического изучения стали стоянка Костенки 14, где с 1998 г. осуществляется деятельность Костенковской археологической экспедиции ИИМК РАН г. С.-Петербурга под руководством А.А. Синицина, а также стоянка Костенки 12, где с 1999 г. работает Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция ИИМК РАН в тесном сотрудничестве с музеем-заповедником «Костенки» под руководством М.В. Аниковича и В.В. Попова. Важно

то, что работа этих двух исследовательских коллективов, связанных общей проблематикой, дает координируемые и сочетаемые между собой результаты.

Какие же важнейшие результаты были достигнуты за последние годы?

Прежде всего, была открыта целая группа новых памятников ранней поры верхнего палеолита, приуроченных к отложениям нижней гумусированной толщи. На стоянке Костенки 14 в 1998-1999 гг. были выделены хорошо стратифицированные культурные слои, соответственно, IVa, IVб, «горизонт очагов». Слой IVa и «горизонт очагов» представляют собой остатки необычных и редких для европейского палеолита типов памятников. В свою очередь, для IVб культурного слоя в 1999 г. было выявлено два горизонта залегания (IVб/1, IVб/2), связанных с различными стадиями его переотложения. В 2000 г. на локальном участке был открыт культурный слой в вулканическом пепле.

На стоянке Костенки 12, ниже залегания остатков третьего культурного слоя, древнейшего памятника стрелецкой археологической культуры, были открыты два новых горизонта находок, выделенные в IV-й и V-й культурные слои.

Остановимся на культурном определении вышеупомянутых слоев.

На стоянке Костенки 14 горизонт в пепле характеризуется наличием кремневого и костяного инвентаря, фаунистическими остатками и рядом других признаков. Техника расщепления пластинчатая. Диагностические формы – пластины Дюфур подтипа Рок де Комб и серия типично ориньякских костяных пронизок и подвесок из раковин моллюсков. Таким образом, культурный слой определяется как ориньякский (Синицын А.А., 2002, с. 222-224).

Слой IVa представлен скоплением костей широкопалой лошади. Однозначной интерпретации культурных отложений пока нет. Культурная диагностика из-за отсутствия (на момент публикации) законченных форм орудий не представлялась возможной (Синицын А.А., 2002, с.224-226).

Каменный инвентарь слоя IVб указывает на его своеобразие среди памятников Костенковско-Борщевского региона и Русской равнины в целом. Техника расщепления пластинчатая. Характерно сочетание долотовидных форм с орудиями с двухсторонней обработкой. К типично верхнепалеолитическим формам относятся резцы (обычно двухгранные) и скребки. Отметим также находку антропоморфной статуэтки и подвески из раковины моллюска (Синицын А.А., 2002, с.227-230).

Горизонт очагов представлен хорошо локализованными пятнами обожженности кирпичного цвета, которые интерпретируются как очаги. Кремневый инвентарь невелик. Можно лишь отметить, что наличие орудий долотовидных форм и мотыжки из рога – в пользу сопоставления этого слоя со слоем IVб (Синицын А.А., 2002, с.230).

На стоянке Костенки 12 IV-й культурный слой представлен фаунистическими остатками и незначительной коллекцией каменного инвентаря (72 предмета, девять из которых со вторичной обработкой). Культурная диагностика невозможна, но можно обратить внимание на присутствие, с одной стороны, двусторонне обработанных форм, а с другой – скрепка, выполненного на пластинчатом отщепе цветного кремня (как и другие изделия со вторичной обработкой) и микропластинку из мелового кремня (Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Попов В.В., 2004, с. 29-30).

V-й слой в основном характеризуется наличием фаунистических остатков. Кремневый инвентарь невелик, всего 10 предметов. Из них лишь два орудия (зубчатое и скребковидной формы), что недостаточно для определения культурной принадлежности слоя (Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Попов В.В., 2004, с.29-30).

На стоянке Костенки 12 было возобновлено изучение культурного слоя Ia (верхняя гумусированная толща) и третьего культурного слоя, рассматриваемых как разные этапы стрелецкой археологической культуры. Относительно культурного слоя Ia важным результатом можно считать находку в нем сланцевой подвески с биконическим отверстием подтреугольной формы. Это древнейшее на сегодняшний день украшение с памятников стрелецкой археологической культуры. Коллекция каменного инвентаря была пополнена выразительными типами орудий, включая два «стрелецких» наконечника, скребок с рас-

ширяющимися к лезвию краями, проколки (Аникович М.В., 2004, с. 26-27). Что касается изучения в последние годы третьего культурного слоя Костенок 12, то наиболее важным следует считать окончательное решение проблемы условий его залегания, чему во многом способствовало изменение представлений о структуре, характере отложений и «мощности» нижней гумусированной толщи, с основанием которой ранее он соотносился. Нельзя не отметить и продуктивность применявшейся методики ведения раскопок, когда в течение ряда лет последовательно вскрывались участки по склону мыса с формированием единой линии продольного разреза стоянки (21 метр), что способствовало уточнению признаков стратиграфии на значительном отрезке. Коллекция каменного инвентаря, насчитывающая теперь свыше 450 экземпляров (из них 50 – со вторичной обработкой), помимо известных типов, характеризующих древнейший этап развития стрелецкой культуры, пополнилась изделиями принципиально новой формы. В 2001 г. был обнаружен крупный листовидный бифас, выполненный из кварцита (Аникович М.В., 2004, с. 27-28). Аналогичных форм орудий в других стрелецких памятниках пока не встречено.

Существенным итогом исследований последних лет является открытие ряда структурированных объектов, залегающих *in situ* или слабопереотложенных. Так, в третьем слое Костенок 12 были выделены три локальных участка, два из которых представляют собой сочетание охристо-углистых пятен и связанных с ними находок крупных листовидных острий. Третий участок представлен скоплением осколков костей северного оленя и лошади. Характерные признаки – отбитые эпифизы и расколотые диафизы (Аникович М.В., 2004, с. 27). Скопление было сконцентрировано в древней западине овальных очертаний, ориентированной продольно по направлению древнего склона мыса. Данный объект интерпретируется как место трапезы или место отбросов.

На Костенках 14 скопление костей лошади в культурном слое IVa, возможно, являлось местом забоя. Во всяком случае, такая интерпретация остается наиболее вероятной (Синицын А.А., 2004, с. 52). Большой интерес представляет «горизонт очагов», стратиграфически самый «нижний» культурный горизонт стоянки. Структурными единицами его на вскрытой площади являются три хорошо выраженных пятна обожженного суглинка кирпичного цвета (Синицын А.А., 2002, с. 230-231).

Полученный в последние годы новый археологический материал существенно усложнил представления о генезисе верхнепалеолитических индустрий в рамках региональной модели. Так, в Костенковско-Борщевском районе, на стоянке Костенки 14 открыт еще один (второй по счету) ориньякский памятник, представленный «слоем в пепле». Среди аналогичных памятников он по всем показателям (стратиграфия, абсолютное датирование) – наиболее древний на Русской равнине. Напомним, что «классический» ориньяк здесь представлен третьим культурным слоем стоянки Костенки I (Рогачев А.Н., Праслов Н.Д., Аникович М.В., 1982, с.62).

Своеобразной оказалась индустрия слоя IVб Костенок 14. Пусть и при незначительном количестве каменного инвентаря, она может быть поставлена в один ряд с материалами второго слоя стоянки Костенки 17, а также с древнейшими памятниками стрелецкой культуры (Костенки 6, Костенки 12/III). На то, что традиционную концепцию становления верхнепалеолитических культур ждут серьезные изменения и, прежде всего, через усложнение структуры слагающих компонентов, указывает и наличие древнейших, но на современном этапе исследований не поддающихся диагностике культурных слоев (Костенки 12 / IV-й и V-й слои).

На сегодняшний день есть возможность говорить о двух генетических «системах», прослеженных в динамике их развития, интегрирующих ранний верхний палеолит Костенковско-Борщевского района в общеевропейский: европейском ориньяке и стрелецкой культуре Русской равнины. При этом сохраняется региональный статус спицынской археологической культуры (Костенки 17/слой II, Костенки 12/слой II?), как не имеющей аналогов за пределами изучаемого района. Подобная ситуация характерна и для культурного слоя IVб Костенок 14. Очевидно, что проблема интерпретации таких самобыт-

ных индустрий не может быть решена в узком контексте региональной модели становления верхнего палеолита без оценки источников более широкого пространственного охвата.

Как известно, памятники первой хронологической группы, о которых идет речь, приурочены к отложениям нижней гумусированной толщи, которая воспринималась как корреляционная единица в хроностратиграфических построениях региона, залегающая ниже горизонта вулканического пепла или вмещающих пепел слои. По мере вскрытия новых стратиграфических слоев на стоянках Костенки 12 и Костенки 14, окончательно сформировался взгляд на «нижнегумусированную толщу» как на неоднородную структуру, в сложении которой принимали участие процессы осадконакопления различного генезиса. Принципиально важным моментом стало выделение на обеих стоянках ниже содержащего пепел слоя (Костенки 12) или горизонта вулканического пепла (Костенки 14) нескольких погребенных почв. На стоянке Костенки 12 оба новых культурных слоя (IV-й и V-й) оказались приурочены к двум различным погребенным почвам (соответственно «В» и «D») (Аникович М.В., 2004, с. 29). Таким образом, все три нижних культурных слоя стоянки, относящихся к первой хронологической группе, образовали устойчивую стратифицированную колонку. На стоянке Костенки 14 ниже горизонта вулканического пепла были выделены три погребенные почвы, с верхней из которых связан культурный слой IVa, а с нижней – отдельные находки (Синицын А.А., 2004, стр. 43-44). Применительно к этому памятнику сейчас можно говорить о четырехуровневой последовательности залегания культурных слоев, относимых к первой хронологической группе, с включением культурного слоя в вулканическом пепле. Интересно, как руководители двух исследовательских коллективов подходят к оценке новых реалий. По мнению А.А. Синицына, выделение под пеплом трех почвенных горизонтов является более надежным основанием стратиграфической корреляции и означает переход от гумусовой стратиграфии к почвенной (Синицын А.А., 2002, с. 232). Это, естественно, относится пока лишь к результатам исследований стоянки Костенки 14. Стоит отметить, что в стратиграфии разрезов раскопа, исследуемого с 1998 года, действительно, не наблюдается признаков «нижней гумусированной толщи» в традиционном ее восприятии, как переотложенной пачки гумусированных суглинков преимущественно делювиального происхождения (Лазуков Г.И., 1982, с.21-22). По результатам же изучения стоянки Костенки 12 М.В. Аникович не видит необходимости пересматривать традиционную номенклатуру, оставаясь сторонником коррекции содержательного наполнения привычного понятия, поскольку сохраняется возможность рассматривать «нижнюю гумусированную толщу» как сложнопостроенное образование в рамках одного стратиграфического подразделения. Соответственно новым открытиям, по такой схеме III-й культурный слой стоянки Костенки 12 реально теперь связан не с основанием, как считалось ранее, а с верхней частью нижней гумусированной толщи, представленной в раскопе 1999-2003 гг. переслаивающимися линзами черного, коричневого и палевого суглинка (Аникович М.В., 2004, с. 27). Заметим, что продольный (по склону мыса) разрез на Костенках 12 являет собой более содержательный вариант стратиграфии.

Представляется, что подобное различие подходов принципиально не влияет на перспективы корреляции нижних частей разрезов обеих стоянок, так как присутствие погребенных почв, скорее, указывает на общие закономерности в стратиграфии балочных террас Костенковско-Борщевского района, соотносимых со второй надпойменной террасой р. Дон, а не подчеркивает исключительно специфику конкретных разрезов. Другое дело, что статус «нижнегумусированной толщи», как корреляционной единицы, становится проблематичным.

Следствием акцентирования исследовательских интересов на изучении древнейших памятников района является и обращение к проблеме их датирования. В этой связи можно выделить несколько важнейших аспектов. Прежде всего, это проблема соотношения абсолютных дат по радиоуглероду со шкалой относительной хронологии. Структура последней пока еще только выстраивается. Ее атрибуция может быть определена как

комплексная, поскольку она сочетает в себе как стратиграфию, так и данные палинологии, методы палеомагнитного анализа и IRSL. То есть, в данном случае мы имеем дело с датированием показателей тех или иных естественных процессов или явлений, имевших место в прошлом безотносительно антропогенного фактора (повторяющиеся палеомагнитные аномалии, к примеру). В этом отношении заметна тенденция на удревание отложений, вмещающих в себя культурные слои первой хронологической группы памятников, что косвенно «расширяет» диапазон формирования и «верхней гумусированной толщи» с культурными слоями второй хронологической группы. Существенную роль в этом процессе играют новые данные по возрасту вулканического пепла, фиксация палеомагнитного экскурса Лашамп (Каргаполово) в погребенной почве на стоянке Костенки 14, результаты палинологического анализа и серия дат IRSL. Так, возраст вулканического пепла определяется в настоящее время в диапазоне от 38 до 41 тысячи лет назад, что в среднем на 5 – 5,5 тысяч лет древнее традиционно принимаемой датировки (Синицын А.А., 2004, с. 43). Впрочем, надо учитывать, что здесь мы имеем дело с возрастом пепла, но не со временем его отложения как стратиграфического слоя на конкретных ландшафтах. Выделенная на стоянке Костенки 14 палеомагнитная флуктуация в погребенной почве, залегающей выше культурного слоя IVб и «горизонта очагов», соотносится с временным интервалом 45-39 тысяч лет назад. Соответственно, возраст последних более древний. Образцы на палеомагнитный анализ отбирались в 2002 и 2003 гг. и на стоянке Костенки 12. Пока есть только предварительные данные по образцам из разреза 2002 г. (Аникович М.В., 2004, с. 35). В перспективе же результаты палеомагнитного анализа могут оказаться очень полезными при корреляции отложений под пеплом на разных памятниках в контексте выявления стратиграфических закономерностей условий залегания культурных слоев.

Хорошо иллюстрирует состояние проблемы датирования культурных слоев сопоставление результатов радиоуглеродного анализа и IRSL дат. К настоящему времени древнейшим памятником региона, имеющим устойчивую серию дат, полученных радиоуглеродным методом, является «горизонт очагов» стоянки Костенки 14. Разброс дат достаточно компактный: в пределах 35-37 тысяч лет назад. Для этого же слоя получены две IRSL даты (по образцам обожженного суглинка): в интервале 35-45 тысяч лет (Синицын А.А., 2002, с. 230). Понятно, что до появления устойчивой серии дат такие результаты могут иметь только предварительный характер. Показательно, что если «древняя» IRSL дата по «горизонту очагов» хорошо вписывается в общую тенденцию удревания, то вторая, наоборот, подтверждает абсолютные датировки по этому культурному слою. Интересно, что IRSL даты, полученные для нижней части разреза стоянки Костенки 12 (включая погребенную почву D, вмещающую остатки V-го культурного слоя) образуют устойчивую серию в интервале от 44 до 51 тысячи лет. Дата IRSL, полученная непосредственно для почвенного горизонта D, вмещающего материал V-го культурного слоя, составляет 44150 ± 3780 (UIC – 945) (Аникович М.В., 2004, с. 21), что близко к ранней датировке для «горизонта очагов» стоянки Костенки 14. И, в целом, серия IRSL дат по нижним стратиграфическим слоям стоянки Костенки 12 хорошо соотносится с «древней» IRSL датой нижнего культурного горизонта Костенок 14. Нельзя также не учитывать, что поздняя дата по «горизонту очагов» (вместе с серией абсолютных дат) не сопоставляется с принятым в настоящее время временным диапазоном палеомагнитного экскурса Лашамп (Каргаполово), зафиксированным в стратиграфически более молодой погребенной почве. Тем не менее, серия IRSL дат для нижней части разреза стоянки Костенки 12 не может служить подтверждением ранней IRSL даты по «горизонту очагов». Все объясняется отсутствием на сегодня общей корреляционной единицы для нижних стратиграфических слоев, которая могла бы быть применима на обеих стоянках. Сравнительная характеристика на основе имеющихся дат также не возможна, так как оба основных метода датирования культурных слоев и отложений так называемой «нижней гумусированной толщи» - радиоуглеродный анализ и IRSL - не заполняют со-

бой всей свиты древнейших культурных слоев обеих стоянок. Фактически, до времени, когда будет подтвержден палеомагнитный экскурс Лашамп (Каргаполово) для стоянки Костенки 12, имеющиеся результаты датировок будут носить, в основном, частный характер.

Еще один аспект касается возможностей радиоуглеродного датирования применительно к культурным слоям, относительный возраст которых предполагает «пограничную» эффективность его применения как достоверного. В эту «неустойчивую зону» попадают все новые памятники Костенковско-Борщевского района. Возвращаясь к ситуации с датировками «горизонта очагов», остается констатировать противоречивость результатов. Имеет место хорошая компактная серия радиоуглеродных дат, но «внутри» целого десятка тысяч лет по IRSL. Причем абсолютные датировки ближе, в среднем, к поздней IRSL дате. Для стоянки Костенки 12 хорошая серия радиоуглеродных дат имеется для культурного слоя Ia (в диапазоне от 28 до 33 тыс. лет назад) (Аникович М.В., 2004, с.20). Третий культурный слой датирован возрастом 36280 ± 360 (GrA – 5551) (Аникович М.В., 2004, с. 21). И серия дат для культурного слоя Ia и возраст III-го культурного слоя хорошо согласуется с традиционными представлениями о времени формирования «верхней» и «нижней» гумусированных толщ и возрасте разделяющего их горизонта с вулканическим пеплом. По культурным слоям IV и V радиоуглеродных дат нет, а «разрыв» с ближайшей серией IRSL дат (по слою ниже уровня залегания IV-го культурного слоя) составляет уже около 8 тысяч лет.

Следует отметить, что тенденция к «удревнению» возраста вулканического пепла также приводит к противоречиям в сопоставлении с некоторыми абсолютными датировками по нижележащим культурным слоям, в частности, с датой по III-му культурному слою стоянки Костенки 12.

Говорят ли приведенные примеры о том, что радиоуглеродный метод на таких временных дистанциях дает определенное «омоложение», а IRSL датирование в сочетании с палеомагнитными данными и новыми данными по возрасту вулканического пепла, наоборот, работают на «удревнение»? Возможно. В любом случае, отмеченные выше факты хорошо иллюстрируют ситуацию, сформулированную А.А. Синецким проблему соотношения «длинной» и «короткой» хронологических шкал.

В целом, современный этап археологического изучения региона характеризуется углублением проблематики начального периода ранней поры верхнего палеолита. Особенность этого процесса заключается в том, что открытие новых древнейших памятников происходило в сочетании с тенденцией удревнения вмещающих их отложений по целому комплексу показателей.

То, что мы наблюдали на примере Костенковско-Борщевского района в течение последнего этапа его исследования можно обозначить как обострение проблемы по двум составляющим: относительно формата региональной модели в рамках периодизационной единицы; относительно критериев ее выделения. Во многом оформившиеся в последнее время противоречия обусловлены определенной информационной перегрузкой: в качестве источников выступают естественнонаучные данные и постоянно накапливающийся археологический материал, не находящий адекватного места на уровне сравнительно-исторического метода анализа.

Аникович М.В., Хоффекер Дж. Ф., Попов В.В., 2004. Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волковской) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, С. 18-38.

Краснов И.И., 1982. Геолого-геоморфологическое строение долины Дона и размещение палеолитических памятников // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л. С. 37-41.

Лазуков Г.И., 1982. Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л. С. 21-22.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н., 1982. Костенки 8 // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л. С. 109.

Рогачев А.Н., Праслов Н.Д., Аникович М.В., 1982. Костенки 1 (стоянка Полякова) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л. С. 62.

Синицын А.А., 2002. Нижние культурные слои Костенок 14 (раскопки 1998-2001) // Особенности развития палеолита Восточной Европы. СПб. С. 219-236.
Синицын А.А., Хоффекер Дж. Ф., Синицына Г.В., 2004. Костенки 14 // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж. С. 39-59.

А.Ю. Пустовалов
(Воронеж, музей «Костенки»)

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КОСТЕНКОВСКО- БОРЩЕВСКОГО РАЙОНА

Периодизация памятников верхнего палеолита – необходимое условие для систематизации обширного материала. В качестве ее основы в свое время предлагались разные признаки: характер фаунистических остатков, стратиграфическое положение памятника, типология каменного инвентаря и т.д. Проблема хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района была впервые разработана на основе данных стратиграфии и геоморфологии А.Н. Рогачевым и Г.И. Лазуковым в первой половине пятидесятых годов (Рогачев А.Н., 1953, 1957; Лазуков Г.И., 1957). В основу их построений легла стратиграфия второй надпойменной террасы Дона и балок. Костенковские памятники, приуроченные к отложениям второй террасы, были разделены на три хронологические группы. Первая, наиболее ранняя, включает культурные слои, залегающие в нижней гумусированной толще, вторая включает памятники, приуроченные к верхней гумусированной толще, третья содержит культурные слои, связанные с лессовидным суглинком, перекрывающим гумусированные отложения. Предложенная хронологическая схема в основных своих чертах блестяще выдержала проверку временем.

Кроме Костенок, где трехчленная периодизация археологических материалов строилась на стратиграфической основе, в других областях, где таких оснований не было, трехчленная схема, по-существу являлась внешней, искусственно налагаемой на материал. Трехчленная периодизация получила распространение просто как наиболее удобная для сравнительно-исторических исследований.

За исключением палеолита Среднего Дона, трехчленная периодизация для характеристики материалов других зон применяется скорее как «рабочая схема». Для палеолита бассейна Днепра, Днестра, степной зоны и Урала более обоснованной является двухступенчатая схема. Аналогичная ситуация характерна и для верхнего палеолита Западной, Центральной и Южной Европы (Синицын А.А., Праслов Н.Д., 1997).

Современное состояние проблемы выделения периодов в границах верхнего палеолита демонстрирует многовариантность подходов к этой тематике.

По мнению части исследователей в тот момент, когда в Средней и Восточной Европе появляются археологические культуры и культурные единства, начинается средняя пора верхнего палеолита. В среднюю пору появляются культуры, выделенные более или менее обоснованно, культурные единства, группы родственных памятников и, наконец, отдельные памятники, которые не удастся объединить в группы. То есть, типологически средняя пора на порядок сложнее ранней поры в силу отсутствия в раннюю пору археологических культур, но есть исключение – культуры на территории юго-западной Франции (Григорьев Г.П., 2004; Булочникова Е.В., 2004).

Общепринято считать, что творцами европейских среднепалеолитических индустрий являлись неандертальцы, а в позднем палеолите их сменяют кроманьонцы. В.Н. Степанчук полагает, что ранняя пора верхнего палеолита выделяется тем, что, по крайней мере, на первых порах сосуществовали симбиотические индустрии, творцами которых являлись неандертальцы и кроманьонцы, поэтому в индустриях ранней поры верхнего

палеолита существуют мустьерские архаические черты. В дальнейшем, в средней поре, остаются весьма развитые индустрии, творцами которых были кроманьонцы (*homo sapiens*). То есть, по мнению В.Н. Степанчука средняя пора верхнего палеолита начинается тогда, когда с исторической арены уходят неандертальцы (Степанчук В.Н., 2004).

Хронологическое распределение восточноевропейских материалов по археологическим культурам позволяет наметить в пределах верхнего палеолита данной территории три основные ступени, характеризующиеся массовой сменой одних археологических культур другими. По мысли М.В. Аниковича, ранняя пора верхнего палеолита характеризуется изначальным сосуществованием «архаичных» и «развитых» археологических культур. Средняя пора – период расцвета верхнепалеолитической культуры во всех ее аспектах: от каменной и костяной индустрии до домостроительства и искусства. Финальная пора характеризуется культурами, обычно описываемыми как «мезолитические» (Аникович М.В., 1993).

Иные способы подхода к построению периодизации верхнего палеолита – через технологические критерии: совершенствование способов расщепления камня (Гиря Е.Ю., 1997; Нехорошев П.Е., 2004), совершенствование техники обработки кости, возникновение вкладышевого оружия – приводят к сходным результатам.

Все без исключения «археологические» датировки предварительно обосновываются хронологией, построенной на естественнонаучных данных, в первую очередь, на данных геологии. В построении геологической шкалы существуют свои проблемы, связанные как с выделением ее подразделений, так и с их интерпретацией (Аникович М.В., 1993). Но очень важно то, что промежуток геологического времени, заключающий в себе весь верхний палеолит Европы, в разных системах членится примерно одинаково, а выделяемые подразделения достаточно хорошо коррелируются друг с другом. Здесь, прежде всего, выделяются два наиболее крупных подразделения: «средний валдай» и «поздний валдай» (Зарина Е.П., Краснов И.И., 1979), которые, в свою очередь, подразделяются на более мелкие отрезки, соответствующие периодам потеплений (погребенные почвы) и похолоданий. Предположительно верхней границей среднего периода верхнего палеолита можно считать рубеж конца брянского интерстадиала и начала оstashковского оледенения, что, примерно, соответствует 27-24 т. л. назад. Культурные слои, относящиеся к этому периоду, залегают в негумусированных суглинках выше верхнего гумуса. В археологическом отношении конец ранней и начало средней поры связывается с появлением в Восточной Европе «восточного граветта», наиболее ярким выражением которого в Костенковско-Борщевском районе выступают индустрии типа верхнего слоя стоянки Костенки I (Праслов Н.Д., 2001). Выделяется специфический пласт памятников, которые отличаются и от индустрий предшествующего этапа (стрелецкая археологическая культура, городцовская археологическая культура и т.д.), и от типичных «восточнограветтских» комплексов. Среди них особо выделяются индустрии III-го слоя Костенок 11 и I-го слоя Костенок 8. По мнению М.В. Аниковича, обе эти индустрии принадлежат одной археологической культуре (костенковско-тельмановская археологическая культура). К этому же времени можно отнести памятники Костенки I (слой II), Костенки 8 (слой Ia), Костенки 4 (слой II). В культурном отношении эти материалы совершенно изолированы (Аникович М.В., 1993).

Наиболее известные памятники средней поры в Костенках относятся к вилендорфско-костенковской археологической культуре (Костенки I (слой I), Костенки 13, Костенки 18, Костенки 14 (слой I)). Их проблематика во всех отношениях теснейшим образом связана с проблематикой однокультурных стоянок Центральной Европы.

Помимо названных памятников, в Костенках выделяется пласт индустрий, возможно, принадлежавших одной археологической культуре. Это материалы стоянок Костенки 11 (слой II), Костенки 21 (слой III), Костенки 5 (слой III) (Иванова М.А., 1981; Попов В.В., 1983, 1989, 1994; Праслов Н.Д., Иванова М.А., 1982; Рогачев А.Н., 1961), а также специфические обособленные индустрии верхнего слоя стоянок Костенки 4 и Костенки 9.

Следует отметить что, до сих пор неясен вопрос о стратиграфическом соотношении культурного слоя стоянки Костенки 9 с I и Ia культурными слоями соседней стоянки Костенки 8. По мнению некоторых исследователей, культурный слой этой стоянки является продолжением Ia слоя Костенок 8 (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1982).

Завершают средний этап верхнего палеолита памятники, представляющие собой характерное для Восточной Европы явление, отличающееся, прежде всего, распространением округлых наземных жилищ, сооруженных с использованием костей мамонта. Памятники этого типа распространены преимущественно в бассейнах Днепра и Десны (Мезин, Межирич, Добраничевка, Гонцы, Юдиново и др.). По имеющимся данным, памятники этого типа были распространены на территории Восточной Европы в пределах конца максимума оледенения.

В Костенках жилые конструкции из костей мамонта обнаружены на стоянках Костенки 11 (слой Ia) и Борщево I. Вышеперечисленные стоянки и стоянки без жилищ (Костенки 19, Костенки 21 (слой I), Костенки 3) по характеру каменного инвентаря можно отнести к одной археологической культуре (замятнинская археологическая культура).

Несомненно, что наиболее интересным памятником Костенковско-Борщевского района является стоянка Костенки 1, исследование которой ведется уже более ста лет. В 70-90-е годы здесь продолжались раскопки второго жилого комплекса, расположенного рядом с комплексом, вскрытым П.П. Ефименко в 30-е годы. Они представляют собой наземные жилища с очагами в центре, окруженные небольшими землянками в сочетании с ямами – кладовыми.

В результате работ на этом памятнике была получена богатейшая коллекция каменных и костяных орудий, а также различного рода предметов искусства и украшений.

Костенковская верхнепалеолитическая культура, существовавшая в центре Русской равнины 24-22 тыс. лет назад, благодаря параллельным раскопкам Костенок 1 и Авдеево, а в последние годы и Зарайской стоянки, сейчас изучена лучше. Появилось много новых материалов, которые дают возможность по-новому подойти к рассмотрению более общих вопросов, связанных с интерпретацией такого понятия, как «восточный граветт».

Название «граветьен» или «граветт» было в 40-е гг. XX в. заимствовано из французской терминологии. Франция вызывала всеобщий интерес благодаря найденным здесь палеолитическим памятникам и хорошо разработанной их систематизации. Вполне естественно поэтому, что именно отсюда заимствованы многие термины, в том числе и термин «граветьен». Из имеющихся в то время понятий, понятие «граветьен» лучше всего подходило для того, чтобы подчеркнуть неориньякский характер группы памятников средней поры верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы, таких как Виллендорф, Дольни Вестонице, Пшедомьш Гагарино, Костенки. Уточнение «восточный» имело своей целью указать на отличие этих памятников от французских (западных) памятников. В качестве главного признака западного граветьена указывалось на присутствие в каменной индустрии стоянок этого круга орудий, развившихся на местной основе (развитие острия граветт из острия шательперрон), а в качестве отличительной черты восточного граветьена - наконечник с боковой выемкой. В современной французской терминологии перигордьен, или граветьен, есть продолжение развития (раннего) перигордьена (Григорьев Г.П., 1998).

В советском палеолитоведении в 40-50-е гг. французская периодизация палеолита была подвергнута критике, особенно в части ориньякской стадии в развитии верхнего палеолита. Основное внимание исследователей было сконцентрировано на вопросах своеобразия развития памятников Русской равнины. Дискуссии вокруг ориньяка и перигордьена, так же как и проблемы, связанные с агсбахьеном и восточным граветьеном, не вызывали особого интереса и не нашли практически никакого отражения в отечественной археологии. К этому времени приурочена смена стадиалистической парадигмы развития верхнего палеолита Русской равнины на культурологическую, связанная с именем

А.Н. Рогачева. Его идеи о существовании местных (этнографических) культур на Русской равнине получили широкое признание и определили на многие годы общее развитие отечественного палеолитоведения.

И С.Н. Замятнин, и П.П. Ефименко, и А.Н. Рогачев в одинаковой мере не восприняли понятие «восточный граветт» («восточный граветъен»), несмотря на отличия в своих подходах к общим проблемам изучения палеолита. Что же касается существенных признаков, роднящих памятники Русской равнины типа Костенок и остальной Европы, то подчеркивалось, что «не может быть и речи о возникновении их случайно, путем совпадения. Культура верхнепалеолитического населения приледниковой Европы, на всем ее огромном протяжении, в это время являлась единой и могла сложиться только при условии реально имевшего место общения» (Замятнин С.Н., 1951, с. 129). В пределах этого обширного единства отмечалось существование «местных особенностей мелкого характера» (Замятнин С.Н., 1951, с. 129).

Развитие идеи «особенностей мелкого характера» у советских исследователей шло больше в направлении осмысления и конкретизации исторической сущности этого явления, чем поисков собственно археологического содержания понятия. Обращение к «особенностям» такого рода казалось многообещающим для возможностей выделения «племенных и родовых культур».

Эта тенденция, в конце концов, реализовалась в принципиальном принятии положения о характере верхнего палеолита Русской равнины как о множественности сосуществующих археологических культур (Рогачев А.Н., 1957). И при подобном подходе к проблеме естественным было объединение Костенок и Авдеево с виллендорфским кругом памятников в некое единство, имеющее статус археологической культуры. Эта точка зрения была воспринята многими и стала впоследствии преобладающей в объяснении соотношения памятников средней поры верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы (Тарасов Л.М., 1979; Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984).

В отношении рассматриваемой здесь темы наиболее заметной была попытка собственно археологического, т.е. типологического определения костенковской культуры. Впервые, предлагалось отказаться от претензий на выделение культуры, опираясь только на типы, и декларировалась возможность оперирования для этой цели морфологическими группами практически всех уровней классификации - от типов до субкатегорий (Григорьев Г.П., 1979, с. 29). К формам изделий, определяющих специфику, например, костенковско-авдеевской культуры, можно причислить длинные скребки, скребки с выемками по краям, пластинки с притупленным краем, проколки (Григорьев Г.П., 1979, с. 29). Разумеется, не оспаривалось значение руководящих предметов, которые отмечались всегда как диагностичные для данной культуры. Это относилось, в первую очередь, к наконечнику с боковой выемкой и женским статуэткам, но их значимость в качестве хронологических показателей, как на это указывал в свое время С.Н. Замятнин, отрицалась (Григорьев Г.П., 1979, с. 29).

По мнению Г.П. Григорьева, теперь можно говорить о структуре граветъена, поскольку известно несколько археологических культур, к нему принадлежащих, множество отдельных памятников, тоже граветтских. По его представлениям, структура выглядит следующим образом: «...В низу иерархии помещается отдельный памятник... Далее, или выше идет археологическая культура. На этом иерархия не кончается – следует единство нескольких, притом родственных культур, каково виллендорфско-павловско-костенковское единство. И выше помещается сам граветъен, как единство всех памятников, в которых есть наконечник и листовидное острие или нож и пластинка с симметричными концами...» (Григорьев Г.П., 1998, с. 75).

Для инвентаря в целом характерна чрезвычайная вариабельность форм внутри типов и большое разнообразие форм внутри категорий, применение различных технологических приемов при изготовлении одного и того же типа орудия. Развитой микроинвентарь, присутствие отдельных ориньякских форм и ретуши, архаических элементов

(остроконечники, скребла, селетские остря) дополняют своеобразие каменного инвентаря восточнограветтских памятников.

Всю совокупность восточнограветтских памятников можно разделить на две группы, внутри себя также неоднородных и делящихся в зависимости от степени сходства памятников на более мелкие совокупности. С одной стороны, это ядро восточного граветтена – «виллендорфско-павловско-костенковское единство», в котором наиболее полно воплощены вышеперечисленные черты восточного граветта. Сюда можно отнести такие памятники как Виллендорф, Пшедмость, Петржковице, Павлов, Дольни Вестонице, группу Мораванских стоянок, Костенки 1/1, Авдеево, Гагарино, Бердыж и, возможно, Спадзисту и Зарайск (Булочникова Е.В., 1998, с.69) .

Однако во многом типологически сходные памятники внутри единства также отличаются друг от друга по ряду признаков. В некоторых случаях это связано с составом специфических форм, имеющих в целом большой удельный вес в инвентарях. Так, в Павлове есть листовидные остря павловского типа, которые не встречены в Костенках 1/1 и в Авдеево. И напротив, многочисленные в этих двух памятниках наконечники с боковой выемкой отсутствуют в Павлове и Дольни Вестонице. Следует отметить тот факт, что не установлено случая сосуществования этих двух форм на одном памятнике. Ареал распространения памятников с острием павловского типа ограничен Центральной Европой, тогда как памятники с наконечником с боковой выемкой распространены как в Центральной, так и в Восточной Европе. Различие памятников единства заключается не только в факте присутствия или отсутствия той или иной специфической формы, но и в том, какова степень варибельности этой формы. Степень варибельности, например, наконечников с боковой выемкой в Авдеево очень велика. В целом морфологически сходные наконечники с боковой выемкой значительно различаются между собой размерами, внутренними пропорциями, количеством и качеством вторичной обработки (что определялось отчасти такими факторами, как качество заготовки и степень утилизации орудия). Наконечники с боковой выемкой Спадзисты и Гагарино более однообразны. Здесь представлены только некоторые известные в Авдеево и в Костенках 1/1 варианты.

Различаются памятники «единства» не только набором специфических форм и их варибельностью в пределах стоянки, но и присутствием на некоторых из них особых, характерных только для них элементов (например, геометрические микролиты Павлова).

Таким образом, характер инвентаря в целом очень сходен у всех стоянок виллендорфско-павловско-костенковского единства.

М.В. Аникович, описывая граветтскую индустрию, употребляет понятие «технокомплекс» Д.Кларка: «...Граветтоидный ТК отличается следующими характеристиками. Высокоразвитая пластинчатая техника, дающая тонкие пластины с параллельной огранкой спинки, узкие, «правильные» микропластинки. Характерно широкое употребление вертикальной краевой ретуши, сильно усекающей края пластин и микропластинок. Развита техника резцового скола. Набор орудий характеризуют формы, определяющиеся применением вертикальной ретуши: пластины и остря с притупленным краем. Среди резцов много боковых, прямо- и косоретушных...» (Аникович М.В., 1993; 1998, с.38).

Отличие инвентаря является не столько качественным, сколько количественным, и заключается в процентном соотношении категорий орудий, таких, например, как резцы, скребки и т.п. Кроме того, восточный граветт включает в себя круг памятников, которые не входят в виллендорфско-павловско-костенковское единство. Каменный инвентарь таких стоянок скорее демонстрирует разную степень их вовлеченности в сферу влияния восточного граветта.

Эти памятники, как правило, характеризуются наличием неполного набора специфических форм, представленных единичными экземплярами не в самом типичном своем выражении в несколько отличном (или имеющим чуждый для восточного граветта облик) контексте инвентаря. К таким памятникам можно отнести Молодова 5/7, Хотылево 2, Миловицы, Чейков и некоторые другие памятники Словакии и Германии. Наконец, в

Костенковско – Борщевском районе имеется целый ряд памятников, которые также обладают граветтскими чертами, но не могут быть отнесены не только к «восточному граветту», но даже к числу «испытывших влияние» последнего (например, Костенки 4, Тельманская стоянка, Борщево 1, Костенки 21 и др.).

Подводя итоги, необходимо отметить, что трехчленная схема деления верхнего палеолита Восточной Европы принимается для описания материала как достаточно подробная и достаточно обобщенная, как наиболее удобная для практических задач сравнительного анализа археологических материалов. Именно эта периодизация традиционно применяется при анализе костенковских памятников. Несмотря на огромное увеличение объема информации по палеолиту Восточной Европы, памятники Костенковско – Борщевского района играют большую роль при исследовании ранней и средней поры верхнего плейстоцена. В данном районе сосредоточены достаточно хорошо обоснованные с геологической точки зрения группы памятников. Материалы этих стоянок имеют прямое отношение не только к восточноевропейской, но и к общеевропейской проблематике, в частности, в вопросах, связанных с изучением так называемого «восточного граветта».

- Аникович М.В., 1993.* О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. №3. С. 3-19.
- Аникович М.В., 1998.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М. С.35-67.
- Булочникова Е.В., 1998.* Вчера и сегодня понятия «восточный граветтен» // Восточный граветт. М. С. 67-73.
- Булочникова Е.В., 2004.* Верхняя граница ранней поры верхнего палеолита: методические проблемы // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж. С. 95-96.
- Гиря Е.Ю., 1997.* Технологический анализ каменной индустрии Зарайской стоянки // Восточный граветт. Тезисы докладов. М. С. 35-39.
- Григорьев Г.П., 1979.* Костенковская культура: методические проблемы ее выделения // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж. С. 28-31.
- Григорьев Г.П., 1998.* Отношение восточного граветтена к Западу // Восточный граветт. Тезисы докладов. М. С. 73-81.
- Григорьев Г.П., 2004.* Понятие: ранняя пора верхнего палеолита // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж. С.100-102.
- Замятин С.Н., 1951.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды ИЭ. Новая серия. Т.16.
- Заррина Е.П., Краснов И.И., 1979.* Стратиграфия и палеогеография центральных областей Русской равнины в эпоху позднего палеолита // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж. С.31-38
- Иванова М.А., 1981.* Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках // КСИА. Вып. 165. С. 37-42.
- Лазуков Г.И., 1957.* Геология стоянок Костенковско-Борщевского района // МИА. № 59.
- Нехорошев П.Е., 2004.* Стоянка Шлях – памятник финала среднего палеолита на Русской равнине // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж. С. 115-117.
- Праслов Н.Д. 2001.* Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры): Автореф. докт. дис. СПб.
- Праслов Н.Д., Иванова М.А. 1982.* Костенки 21 (Гмелинская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Л. С. 198-211.
- Попов В.В., 1983.* Анализ кремневого инвентаря стоянки Костенки 11 (II культурный слой) // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж. С. 5-13.
- Попов В.В., 1989.* Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки 11: Автореф. канд. дис. Л.
- Попов В.В., 1994.* История исследования стоянки Костенки 11 (Аносовка II) // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж. С.6-21.
- Рогачев А.Н., 1953.* Раскопки Костенок I // КСИИМК. Вып. 51. С. 14,15.
- Рогачев А.Н., 1957.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. №59. С. 97.
- Рогачев А.Н., 1961.* Аносовка II – новая многослойная стоянка в Костенках // КСИА. Вып. 82. С. 86-96.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М. С.162-272.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свежenceв Ю.С., Сулержский Л.Д. 1997.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб. С. 21-67.
- Степанчук В.Н. 2004.* Новые данные о переходе к верхнему палеолиту на территории Украины // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж. С. 137-138.
- Тарасов Л.М., 1979.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.

О ТИПОЛОГИИ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА РУССКОЙ РАВНИНЫ

Прежде чем говорить о типах жилых сооружений, необходимо определиться с самим понятием «жилище». Изначально любое сооружение для жилья являлось материальным отражением инстинкта самосохранения человека и предназначалось для защиты его от враждебного окружения. В нем выражены стремления человека к переустройству окружающей среды, желание повысить комфортабельность своего существования; оно защищает человека от воздействия ветра и холода. Впоследствии само жилище и связанные с ним постройки становятся основным элементом материальной культуры человека.

Однако, остатки жилых построек, открытые археологами, занимают лишь небольшой отрезок на шкале истории человечества. Несомненно, что первобытный человек всегда использовал для своих нужд какие-либо укрытия (такие же, какие используют животные). Но то были именно укрытия, убежища, которые выполняли функции жилища – стоянки в пещерах Таунг, Кромдраай, Ла Феррасси и др. Таким образом, отождествляя убежище и жилище (жилую постройку), многие исследователи пришли к выводу, что «история жилища восходит к дочеловеческому периоду» (Семенов С.А., 1964, с.169). Наверняка и в эпоху мустье, и в более раннее время существовали какие-либо жилые «шалашеобразные конструкции наземного типа, которые сооружались на открытых площадках близ воды» (Андреев И.Л., 1988, с.120). Но проблема в том, что невозможно достоверно определить остатки такого объекта как жилище. Несомненно, что стоянки в пещерах существовали в Западной Европе даже в позднепалеолитическую пору, в то время как в Восточной Европе уже появляются поселения, расположенные на открытых местах. На этих стоянках обнаружены остатки построек, несомненно, являвшихся жилищами, что подтверждается наличием конструктивных элементов, четко выделяющихся среди остатков постройки. Именно они являются определяющим показателем для атрибуции жилого сооружения.

Не менее важным показателем является наличие очага. Конечно, очажные пятна могут располагаться по всей площади поселения (возле производственных площадок), но все-таки в условиях перигляциальной степи и многолетней мерзлоты очаг являлся необходимым и обязательным элементом жилищ. Кроме того, если обратиться к этнографии северных народов, проживающих в похожих климатических условиях, можно увидеть следующее. В религиозных верованиях чукчей очаг до сих пор остается самой ценной частью жилища. «Покрытие шатра и спального полога, жерди остова, подстилка, спальные мешки, нарты, на которых перевозят части жилища, – все это считается принадлежащим очагу» (Богораз В.Г., 1991, с.62). Здесь необходимо отметить, что жилище, возможно, зародилось из специализированного укрытия для огня.

Как уже отмечалось, на Русской равнине жилые сооружения появляются сравнительно поздно (относительно западноевропейского региона), что связано с более поздним заселением человеком Восточной Европы (рис. 1). К этому времени (38-32 тыс. лет назад) относятся поселения в бассейнах Днестра (Молодова V и Кормань IV), Дона (Костенки XII, Костенки XVII), а также стоянка бассейна Печоры – Мамонтова Курья. «Массовое» появление жилищ приходится на время «последнего этапа расселения», когда преобладают «крупные округлые жилые конструкции из костей мамонта, сочетающиеся с многочисленными ямами по периферии» (Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 2003). Исследователи датируют их 15 – 12 тыс. лет назад, т.е. приводят неоправданно омоложенные даты. Хотя, оставляя вопрос о датировках позднепалеолитических поселений за рамками данной статьи, можно утверждать следующее: круглые или овальные в плане жилые сооружения являлись преобладающей формой в традиции до-

мостроительства верхнего палеолита. Но, не смотря на сходство в планировке построек, имеются существенные различия, позволяющие выделить несколько типов позднепалеолитических жилищ.

Необходимо учитывать, что, помимо самого жилого сооружения, существуют такие объекты, как хозяйственные ямы, производственные площадки, очаги вне жилищ и т.д. Эта совокупность объектов в литературе получила различные названия: жилищно-хозяйственный, хозяйственно-бытовой комплекс и т.д. Следовательно, верхнепалеолитическому поселению присуще наличие нескольких взаимосвязанных элементов. На этом утверждении основывается классификация стоянок с жилищами, выработанная В.Я. Сергиным (Сергин В.Я., 1988).

Помимо разделения поселений по расположению их на местности, стоянки группируются по взаиморасположению объектов, в первую очередь жилищ. Жилища 2-го слоя Тельманской стоянки являются свободными в планировке, не связанными между собой (кучная планировка). Такое размещение жилищ по площади поселения, вероятно, является самым ранним. Но кажущаяся беспорядочность расположения объектов не должна вводить исследователя в заблуждение. Наверняка, обитатели данных стоянок учитывали особенности рельефа, направление ветра и другие факторы, способствовавшие наиболее комфортабельному проживанию.

Для жилых сооружений Добраничевского поселения характерна дугообразная планировка, входы жилищ ориентированы к югу. Межиричские жилища, как и Юдиновские, можно отнести к этому же типу.

Жилище 1-го слоя стоянки Костенки 1 (1-й комплекс) «представляет собой высшее проявление планировочного искусства эпохи палеолита» (Сергин В.Я., 1988, с.8), и относится к овально-замкнутому типу планировки. Вполне возможно, что эта форма расположения жилых сооружений создавалась для более полного контроля над поселением и прилегающими участками местности. В.Я. Сергин говорит об особом назначении овальной планировки как о «сплачивающем социальном начале» (Сергин В.Я., 1988, с.9).

Еще один тип линейной планировки жилищ характерен для Мальты и Бурети. Вполне возможно, что жилой комплекс Кирилловской стоянки относится к этой же группе.

Позднепалеолитические жилища классифицируются по степени углубленности их в землю. По типологии П.И. Борисковского (Борисковский П.И., 1958), жилые сооружения группируются следующим образом: землянки (Гагарино), полужемлянки (Тельманская), крупные жилища (Костенки 4, Пушкари I), небольшие наземные жилища (Аносовка II). Обращаясь к данным этнографии современных северных народов, мы увидим приблизительно такую же типологическую картину. Жилища подразделяются на подземные, полуподземные, наземные и свайные.

Землянки верхнепалеолитического времени (жилище на стоянке Гагарино и др.) можно соотнести с зимним подземным жилищем сахалинских айнов, которое представляло собой квадратную яму под своеобразным шалашом, покрытым корой и заваленным землей. Относительно наземных жилищ можно предположить, что наиболее близким к ним является распространенный тип конических шалашей – чум. Говоря о чумах и ярангах, не следует забывать, что они являлись переносными конструкциями, чего нельзя сказать о постоянных (вероятно, сезонных) наземных жилищах, остатки которых представлены на поселениях Межиричи, Добраничевка, Юдиново, Костенки 2, Костенки 11 и др. Впрочем, характер жилищ зависит от хозяйственной деятельности их обитателей. Так, распространенный в Сибири конический шалаш встречался как у оседлых, так и у кочевых народов, и, в зависимости от этого, мог быть как постоянным, так и переносным. При классификации жилищ по временному признаку следует учитывать следующее:

- укрытия, на наш взгляд не могут являться жилищами, т.к. не несут в себе устойчивых элементов конструкции;
- временные жилища встречаются на стоянках верхнего палеолита, но существуют большие сложности в их определении;

- постоянные жилища характерны для большинства поселений, кроме того, к ним же следует относить и сезонные жилища, связанные со спецификой ведения хозяйства в древних обществах.

Созданная А.Н. Рогачевым (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984) типология жилищ в настоящее время требует определенной доработки. За основу выделения типов ученый брал форму и конструкцию жилищ. Однако открытие новых стоянок привносит свои коррективы в строгую типологическую схему (аносовско-мезинский, костенковско-авдеевский, александровско-пушкаревский, александровско-тельманский, аносовско-гмелинский типы). Так, жилище со стоянки Быки 1 сопоставляется, по этой классификации с александровско-тельманским типом жилищ, и, в тоже время, по конструкции напоминает гагаринское жилище. Исследователь стоянки А.А. Чубур уверен, что аналогий жилищу из Быков нет. Однако общие черты с ним имеют, с одной стороны, жилище Гагарино, с другой – круглое жилище Тельманской стоянки.

Помимо приведенных выше типологических разработок, существует множество других, основывающихся на различиях в структуре элементов, присущих жилым объектам: по количеству очагов в каждом из них (многоочажные, одноочажные), по размерам (малые, большие), по очертаниям (круглые, вытянутые) и т.д. При всем разнообразии характеристик есть один определяющий признак, позволяющий разбить имеющиеся жилые постройки на два типа. К первому типу относятся все аносовско-мезинские жилища (по классификации А.Н. Рогачева), т.е. сооружения стоянок Костенки 2, Костенки 11 (культурный слой 1-а), Юдиново, Добраничевка, Межирич, Гонцы, Мезин, возможно – Кирилловская. Особенность этих жилищ состоит в применении крупных костей мамонта как основных конструктивных элементов. Доскональное описание технологии строительства подобных сооружений приведены И.Г. Пидопличко (Пидопличко И.Г., 1969). П.И. Борисковский к этому же типу относит жилища со стоянок Пушкари I, Елисеевичи, Мальта, Буреть. Ко второй группе жилищ относятся постройки, остатки которых не содержат костей мамонта – следовательно, имевшие отличную от жилищ первого типа конструкцию. По мнению П.И. Борисковского, к ним относятся остатки сооружений с поселений Костенки 1, Костенки 4, Тельманская и др. (Борисковский П.И., 1988; 1989). Большинство остатков первого типа жилищ относится к наземным конструкциям, а постройки второй группы определяются только по остаткам культурного слоя, залегающего в искусственных углублениях в древней дневной поверхности. Таким образом, принимая за основу особенности конструкций, всю совокупность верхнепалеолитических жилищ можно разбить на два больших типа. Причем памятники, входящие в первую группу с полной уверенностью можно называть жилищами, в то время как остатки жилищ второй группы могут и не являться таковыми в силу сложности их идентификации.

Андреев И.Л., 1988. Происхождение человека и общества. М.

Богораз В.Г., 1991. Материальная культура чукчей. М.

Борисковский П.И., 1988. Некоторые проблемы изучения позднепалеолитических жилищ // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.

Борисковский П.И., 1989. Некоторые вопросы изучения позднепалеолитических жилищ // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 2003. Позднепалеолитический человек заселяет Русскую равнину // Природа. №3.

Пидопличко И.Г., 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР М.

Семенов С.А., 1964. Очерк развития материальной культуры и хозяйства палеолита // У истоков человечества. М.

Сергин В.Я., 1988. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР // СА. №3.

ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ПЛАУТИНО 2 В СРЕДНЕМ ПОХОПЕРЬЕ

Стоянка Плаутино 2 расположена на западной оконечности первой надпойменной террасы левого берега р. Савала (высота над уровнем поймы 1,5-2 м), в ее приустьевой части (рис. 1; 2). Оконечность мыса отрезана от основной части высокой (до 15 м) террасы в результате эрозионных процессов так, что приобрела вытянутую подтреугольную форму (рис. 1; 2). Здесь же, на площади около 5 кв. км, расположен куст мезолитических памятников (Федюнин И.В., 2003). Стоянка выявлена в 2002 году (Сурков А.В., 2002), исследовалась в 2003 г. на площади 16 кв. м (Федюнин И.В., 2003) и в 2004 г. на площади 100 кв. м (Сурков А.В., 2004). Шурфовка памятника по периметру оконечности террасы выявила неолитические материалы, раскопом 2004 г., помимо неолитического культурного слоя, был выявлен горизонт залегания находок финального палеолита. Разница в стратиграфии различных вскрытых шурфами участков позволяет предположить пространственную локализацию материалов (рис. 3, 2).

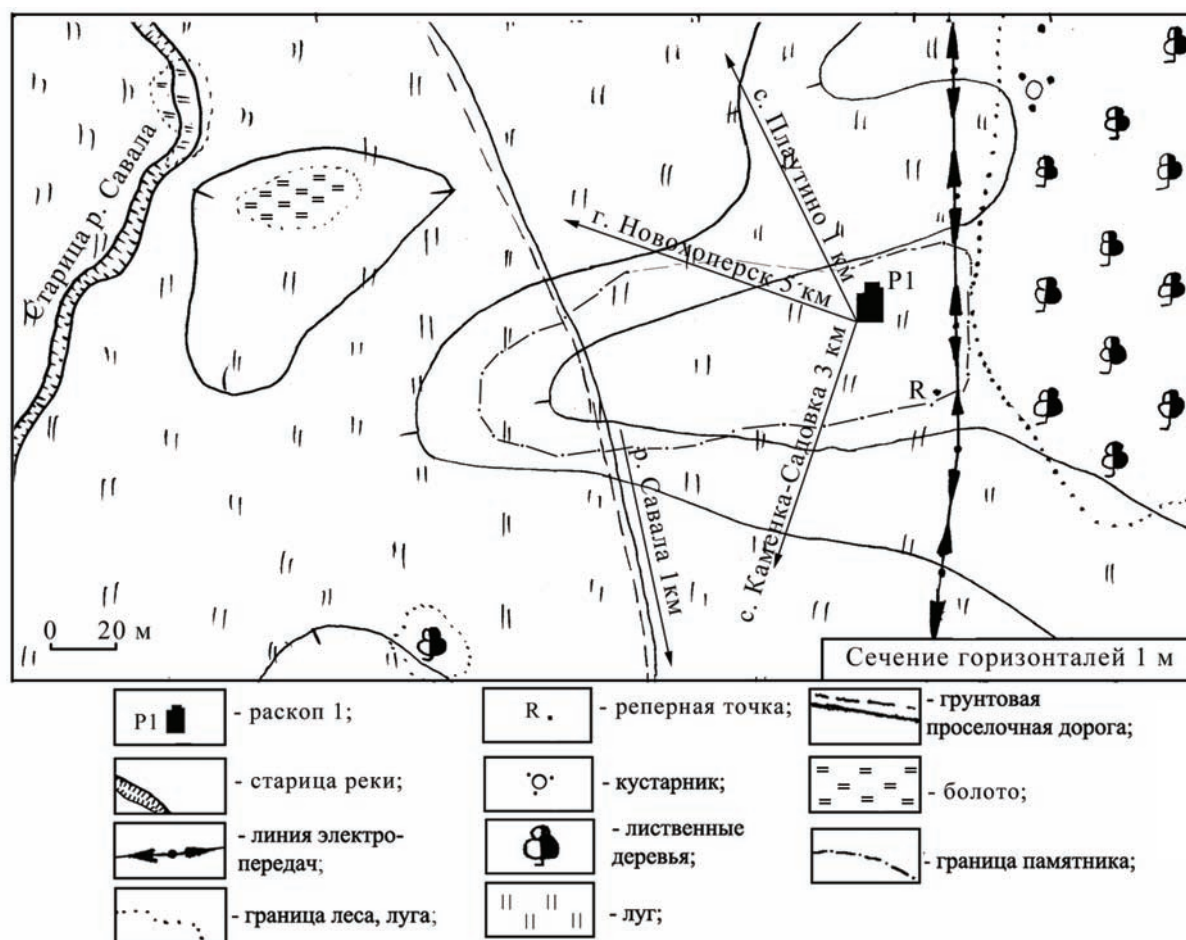

Рис. 1. Топографический план стоянки Плаутино 2

Стратиграфия наслоений (сверху вниз)(рис. 3, 1):

0,05 – 0,07 м дерн;

0,05-0,07 – 0,20 – пахотный слой - серая супесь. Пахотный слой залегал по всей площади раскопа равномерно. В слое были встречены находки керамики эпохи неолита и бронзы, а также каменные находки разновременного облика;

0,20 – 0,45-0,6 м – темная гумусированная супесь. Слой залегал неравномерно, дос-

Рис. 2. Стоянка Плаутино 2.
Расположение памятника

тигая максимальной мощности в юго-восточном углу раскопа до 0,4 м и наименьшую мощность - 0,15 м - имел на северном участке. В слое содержались находки эпохи неолита;

0,45-0,6 – 0,8-1,0 м – слой желто-коричневого запесоченного суглинка, изредка нарушенного морозобойными клиньями. Слой залегал неравномерно, его мощность увеличивалась с юга на север от 0,2 м до 0,5 м. В слое были обнаружены материалы финального палеолита;

С 0,8 – 1 м – материк – светлый песок – залегал несколько выше в центральной части раскопа и понижался на север и юг. Находки в материке отсутствовали.

Памятник нарушен современными перекопами хозяйственного назначения, местами углубленными в материк (рис. 3, 1). За исключением этих участков и криогенных структур, каменные изделия залегали «in situ».

Максимальная концентрация находок зафиксирована в юго-западном углу раскопа; их распространение приурочено к южной оконечности линзы суглинка (рис. 3, 2). Связи по ремонту немногочисленны: восемь пар апплицируемых сколов – все они локализованы в пределах одного или соседних квадратов (рис. 3). Мощность слоя, насыщенность его материалами и небольшое количество складней говорят о длительном функционировании стоянки.

Абсолютное большинство артефактов изготовлено из мелкозернистого сливного песчаника (кварцита), в единичных экземплярах встречены находки из валунного и «импортного» мелового кремня. Выходы кварцита вообще широко распространены в Похоперье и всем Доно-Хоперском междуречье и обнажаются по коренным берегам рек (Яковлев А.Г., 1951). Коллекция сильно патинизирована, что резко отличает ее от материалов неолитического времени. Характер патинизации находок говорит о том, что древняя дневная поверхность в период бытования стоянки была сухой (в настоящее время памятник скрывается под водой во время разливов).

Каменный инвентарь представлен на всех стадиях расщепления; получено 1336 единиц находок, из которых 96 орудий (7,1%).

Данные по составу полученной коллекции представлены в таблице 1.

Выявлен пренуклеус из крупной кварцитовой гальки с подготовленной ударной площадкой и выведенным ребром (рис. 4, 2). Целые нуклеусы (шесть экз.) крупных размеров (6-8 см x 4-5 см), пирамидальные и призматические, почти все – двухплощадочные (рис. 4, 1, 3). Площадки практически во всех случаях расположены под прямым углом друг к другу (рис. 4, 1, 3).

Продольные (рис. 4, 4, 6) и поперечные (рис. 4, 9) сколы с ядрищ, ребристые сколы (рис. 4, 5, 7) в основной своей массе принадлежат крупным формам заготовок, среди которых есть и кремневые. Найденные отбойники (три экз.) - небольшие овальной формы гальки со следами забитости с двух противоположных концов.

Целые пластины (102 экз.) в большинстве своем имеют неправильное оформление спинки (рис. 5, 10, 11, 12, 14, 15-17; 6, 5, 10). Встречены лишь несколько экземпляров с идеальной огранкой поверхности (рис. 5, 5, 9; 6, 1, 2). Проксимальных сечений пластин – 61 экз. (три кремневые, 58 кварцитовые), медиальных – 46 экз. (четыре кремневые, 43 кварцитовые), дистальных – 16 экз. (кремневых) (рис. 5, 1-4, 6-8; 6, 4, 12-14; 7, 1-19). Большинство сечений пластин представляют собой сломанные экземпляры, так как торец изделия не содержит ударного бугорка; из-за хрупкости кварцита не стоит исключать и фрагментирования изделия в момент его получения.

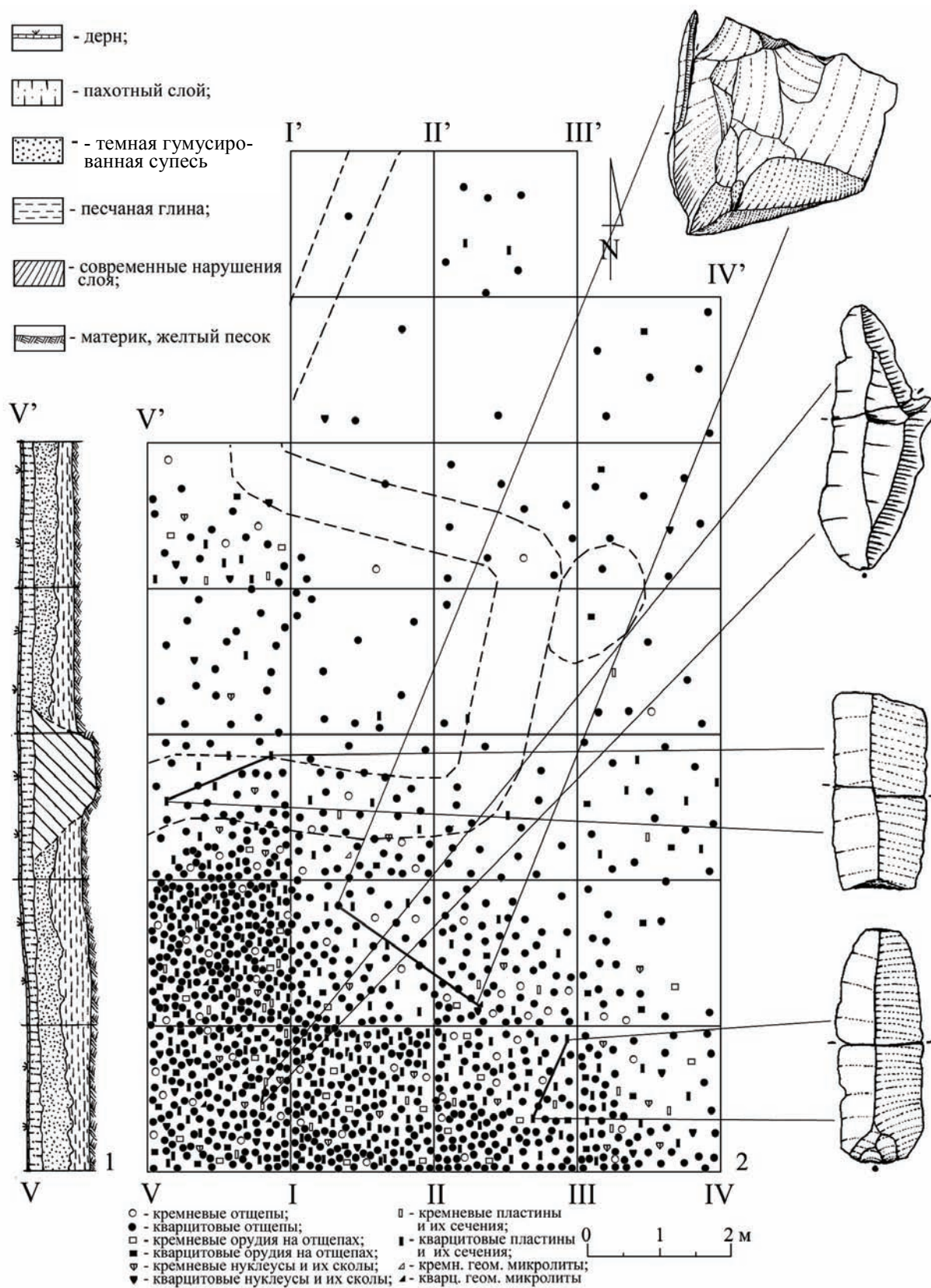

Рис. 3. Стоянка Плаутино 2.
 1 – стратиграфия наслоений; 2 – планиграфия находок в слое
 желто-коричневого запесоченного суглинка

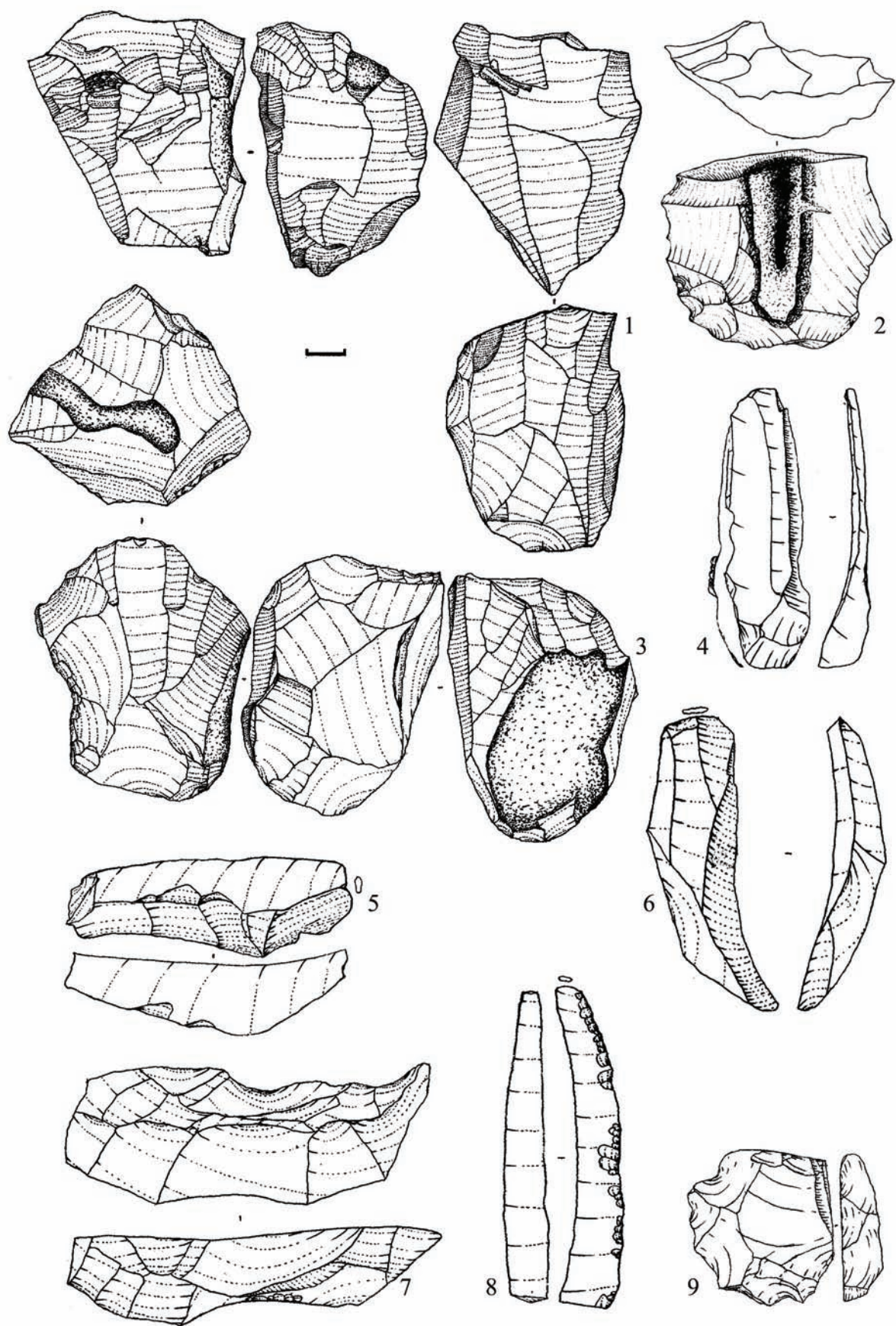

Рис. 4. Стоянка Плаутино 2. Нуклеусы и сколы
(1-3, 5-8 – кварцит; 4, 9 – кремнь)

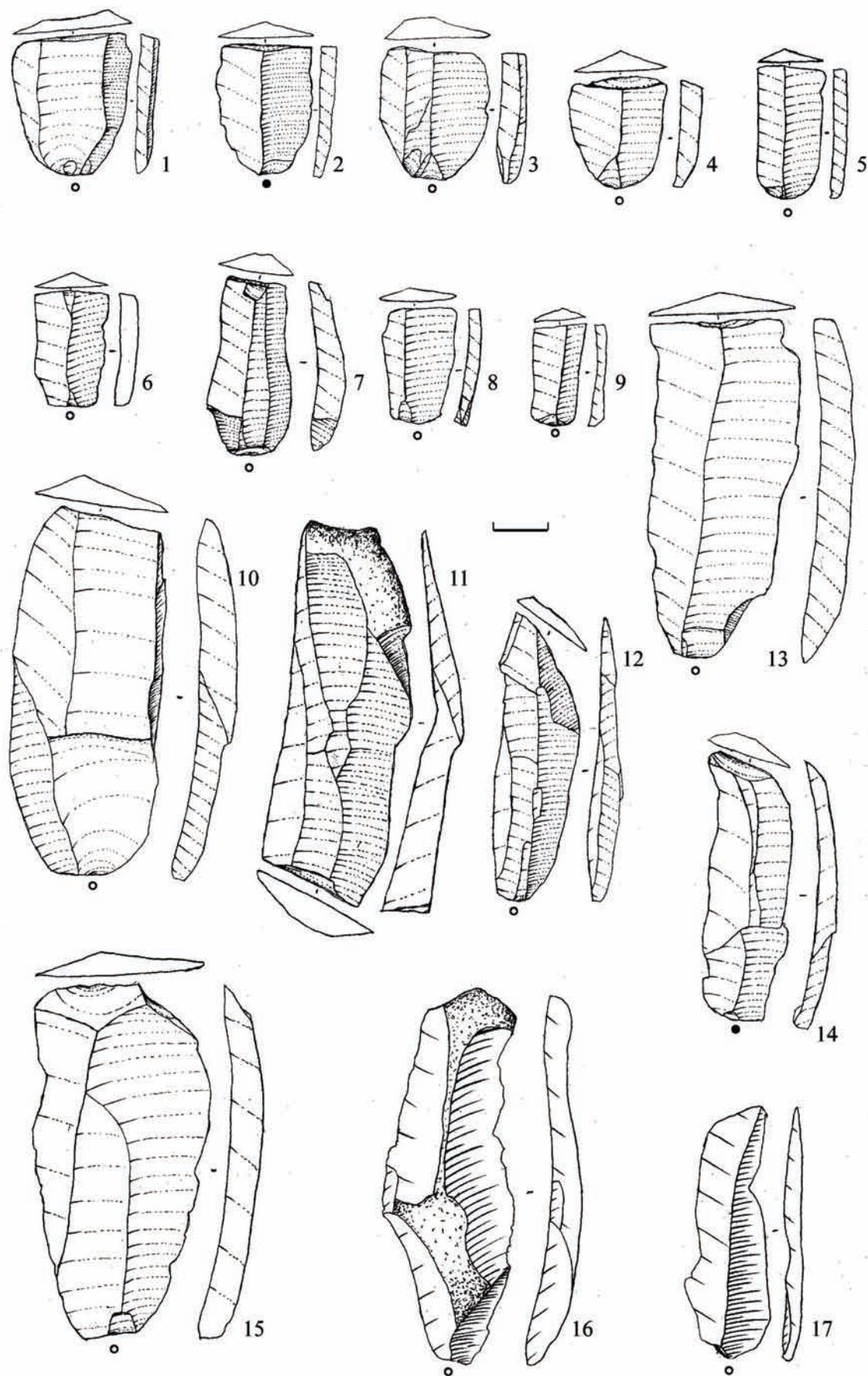

Рис. 5. Стоянка Плаутино 2. Пластины и их сечения
(1-15 – кварцит; 16, 17 – кремнь)

Таблица 1. Каменный инвентарь нижнего горизонта

категории каменного инвентаря	кремнь	кварцит	Кольч	процент	категории каменного инвентаря	кремнь	кварцит	Кольч	процент
пренуклеусы	-	1	1	0,07	скобели		1	1	0,07
нуклеусы	-	6	6	0,4	резцы срединные	3	-	3	0,2
продольные сколы с нуклеусов	8	6	14	1,0	резцы науглу заготовки	9	3	12	0,9
поперечные сколы с нуклеусов	9	13	22	1,6	резцы многофасеточные	2	-	2	0,1
сколы подправки площадки (рабристые сколы)	1	11	12	0,8					
отщепы без вторичной обработки	63	833	896	67	ножи	1	1	2	0,1
резцовые сколы	2	2	4	0,3					
чешуйки	3	61	64	4,7	рубяще-долбящие орудия	-	2	2	0,1
пластины без вторичной обработки	15	87	102	7,6	перфораторы	1	1	2	0,1
					пилки	-	1	1	0,7
сечения пластин	7	117	124	9,3	треугольники	-	2	2	0,1
					трапеции средневысокие симметричные	-	5	5	0,4
отбойники	-	-	3	0,2	трапеции средневысокие асимметричные	-	5	5	0,4
					трапеции высокие симметричные	-	2	2	0,1
ретушеры	-	1	1	0,07	симметричные острия	-	1	1	0,07
скребки концевые	11	18	29	2,1	острия срезным сколом	1	-	1	0,07
скребки боковые	-	1	1	0,07	острия «шательперрон»	-	1	1	0,07
скребки конце-боковые	2	3	5	0,4	пластины со скошенным ретушью концом	1	1	2	0,1
скребки ретушированные на ? поверхности	-	3	3	0,2	проколки	-	1	1	0,07
скребки округлые	-	1	1	0,07	пластины с краевой ретушью	1	2	3	0,2
раклеты	-	1	1	0,07	всего	141	1192	1336	100
скребла	1	5	6	0,4					

Таблица 2. Характеристика пластин

ширина пластин, см	<0,5	0,5-1	1-1,5	1,5-2	2-2,5	2,5-3
	8	28	21	18	8	10
количество граней	одна		две	три		более трех
	59		27	2		1
характер оформления спинки	правильный			неправильный		
	39			55		

Данные по метрическим показателям пластин и их сечений сведены в таблицу 2.

Как видно из таблицы, основное количество пластин имеет ширину от 0,5 до 2 см, что в общем соответствует размерам негативов найденных нуклеусов.

Для описания оформления спинок пластин нами предлагается таблица 3.

Таблица 3. Варианты оформления спинок пластин

одна грань	↑ ↑	↓ ↓	↑ ↓	↓ ↑	всего				
количество	1	54	3	2	60				
две грани	↑ ↓ ↑	↓ ↑ ↓	↑ ↑ ↑	↓ ↓ ↓	↑ ↓ ↓	↓ ↓ ↑	↓ ↑ ↑	↑ ↓ ↓	↑ ↑ ↓
количество	-	6	-	15	3	6	1	-	1
									всего
									32

Конечно, предлагаемая схема не может быть исчерпывающей, так как направление сколов на негативах некоторых экземпляров кварцитовых пластин просто не поддается визуальному определению. Количество пластин с большим, чем две, количеством граней не дает большей информации относительно направлений скалывания с ядрища. Однако даже на основе таких данных можно прийти к выводу о наличии техники встречного снятия пластин, не зафиксированной в коллекции нуклеусов.

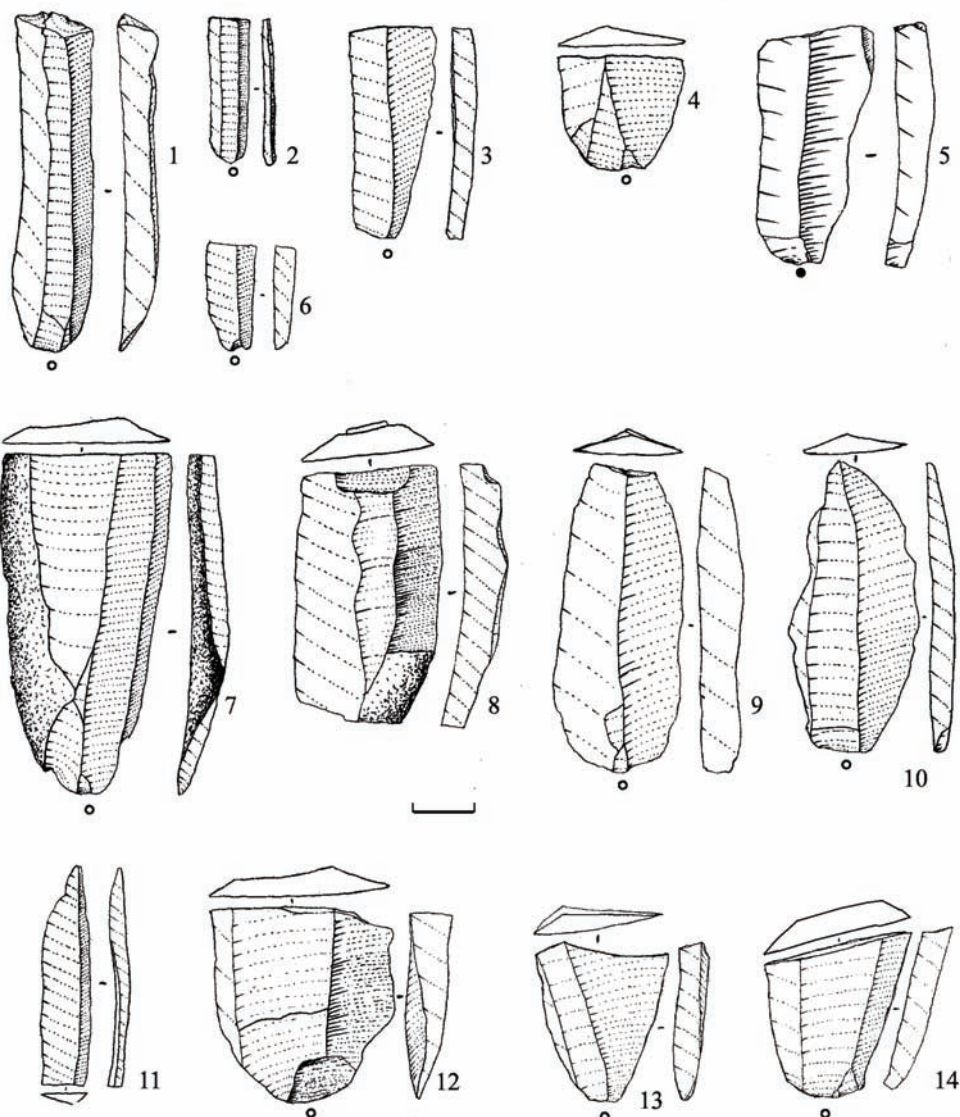

Рис. 6. Стоянка Плаутино 2. Пластины и их сечения
(1-4, 6-14 – кварцит; 5 – кремнь)

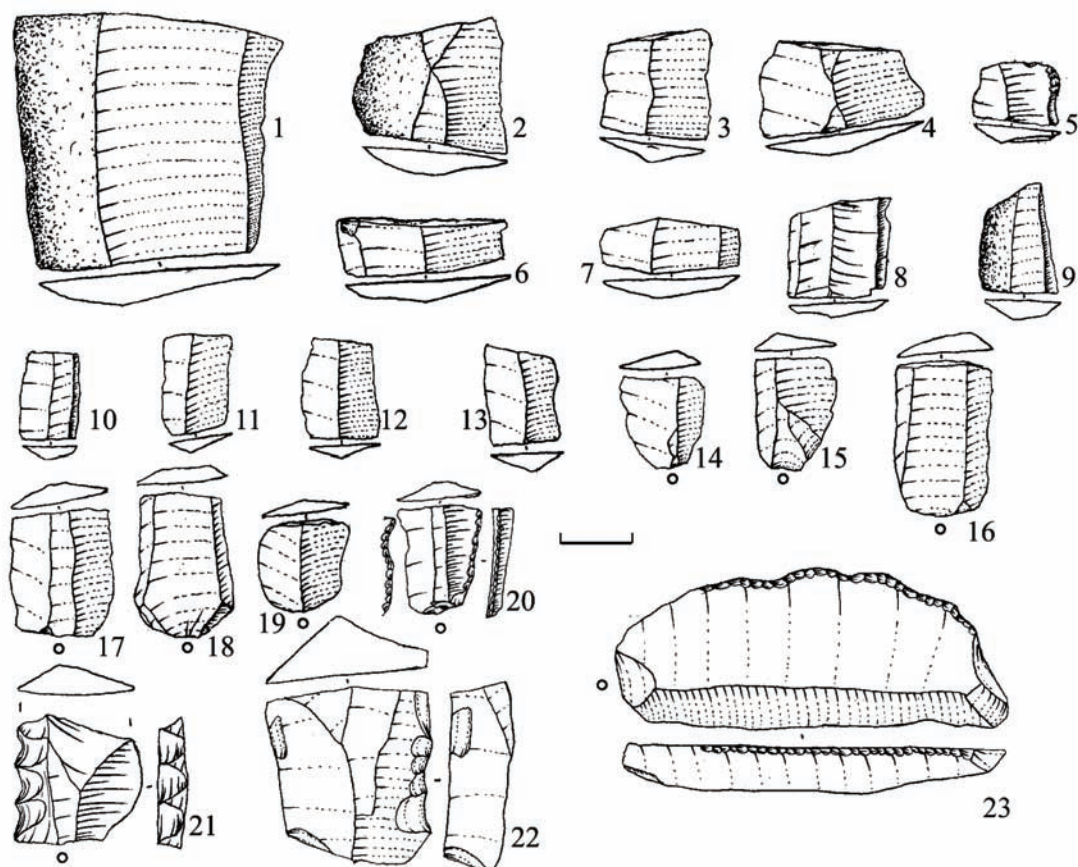

Рис. 7. Стоянка Плаутино 2. Сечения пластин, орудия (1-4, 6, 7, 9-19, 22, 23 – кварцит; 5, 8, 20, 21 – кремнь)

Орудия на пластинах представлены проксимальной частью с краевой ретушью с противоположных сторон брюшка и спинки (рис. 7, 20), обломком кремневой пилки (рис. 7, 21), медиальным фрагментом крупного изделия с полукрутой крупнофасеточной ретушью по краю (рис. 7, 22), небольшим кварцитовым ножом (рис. 7, 23), а также серией орудий геометрических форм и острий (рис. 8).

Острия (семь экз.) представлены обломком обушкового ножа, обработанного противоположащей ретушью (рис. 8, 1), пластинами со скошенным ретушью концом (рис. 8, 2, 3, 7), экземплярами с симметричным (рис. 8, 5) и ассиметричным (рис. 8, 4) концами. Одно из острий изготовлено путем подработки мелкой краевой ретушью одной из образованной в результате снятия сходящейся грани изделия (рис. 8, 5). Другое, сломанное, скорее всего, относилось к этому же типу (рис. 8, 6).

Изделия геометрических форм подразделяются на массивные (рис. 8, 8, 9), средних размеров (рис. 8, 15, 16, 18, 19, 20, 21) и микролитичные (рис. 8, 10-14, 22-24). Примечательно, что последние были локализованы в пределах двух квадратов с небольшой разницей в уровне залегания и могли принадлежать одному составному орудью (рис. 3, 2). Выявлены симметричные и ассиметричные высокие (рис. 8, 18, 19), средневые (рис. 8, 8, 9, 11, 14, 15-17, 22) и низкие (рис. 8, 13) трапеции и треугольники. Все предметы, за исключением одного (рис. 8, 9), обработаны крутой краевой ретушью.

Скребки и скребла изготовлены из отщепов и пластин: встречены концевые (рис. 9, 1, 2, 8; рис. 10, 1-4, 6-14, 16-18; рис. 11, 7, 9, 10), раклет (рис. 12, 6), односторонние (рис. 10, 15; 11, 6) и двусторонние боковые (рис. 12, 3), конце-боковые (рис. 12, 4, 5; рис. 10, 9, 10; 11, 2-4, 8) и обработанные по всей поверхности (рис. 12, 7) экземпляры. Встречены массивные грубые скребла на отщепах со скоблевидными выемками (рис. 10, 5; 11, 1, 5, 11). Некоторые скребки имеют резцовые сколы (рис. 10, 8, 15).

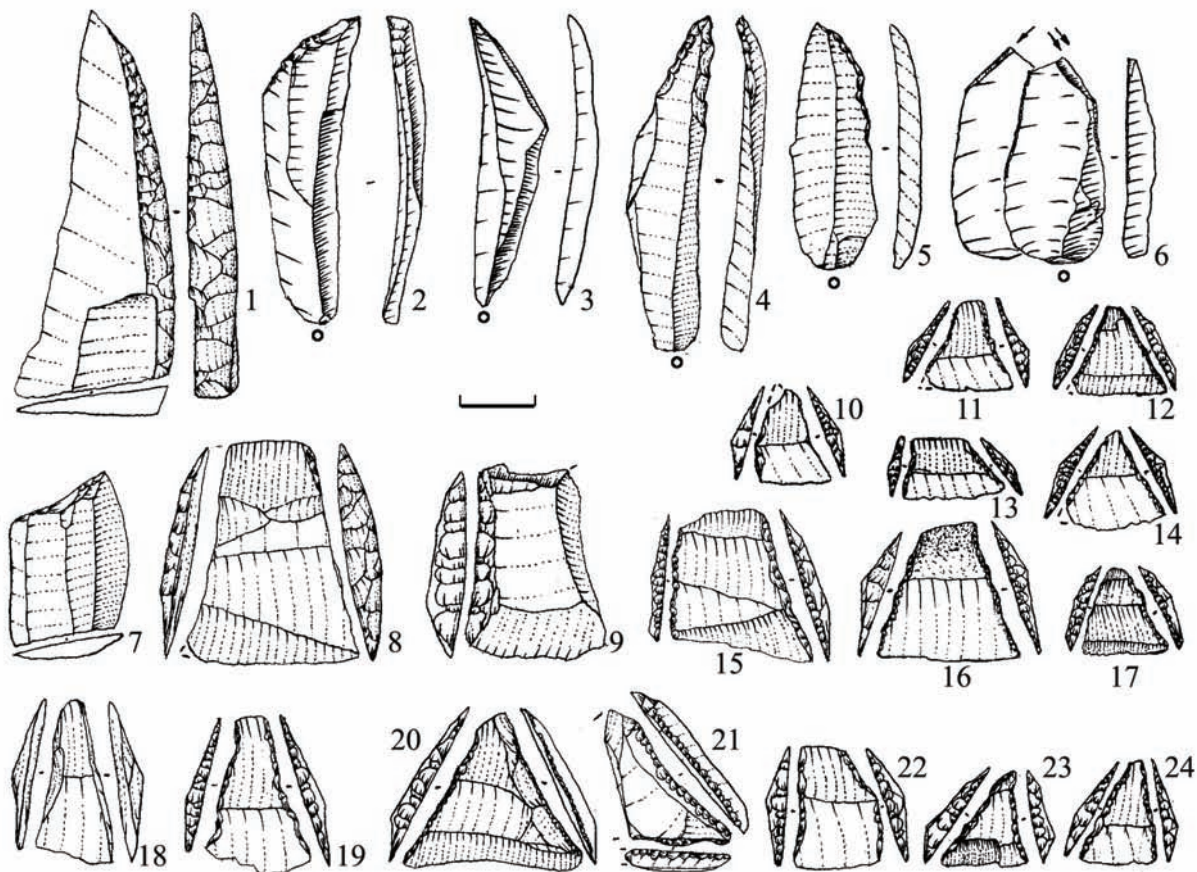

Рис. 8. Стоянка Плаутино 2. Острия и геометрические микролиты
(1, 4, 5, 7-24 – кварцит; 2, 3, 6 – кремнь)

Резцы на углу пластины (рис. 9, 4, 7, 12, 13, 15, 19) или отщепа (рис. 9, 1-35, 6, 8, 10, 11, 14, 16, 17, 18), срединные (рис. 9, 9) и срединно-угловые (рис. 9, 1, 6) на отщепах, у некоторых из которых подработана площадка скола (рис. 9, 1, 5, 14, 18). Интересны два угловых резца, усеченных с торца проксимальных частей отщепов (рис. 9, 16, 18), а также небольшая высокая в профиле пластина сегментовидной формы (микроскребок?) с двумя резцовыми сколами (рис. 9, 19).

Рубяще-долбящие орудия представлены двумя долотами подпрямоугольной (рис. 13, 1) и траншевидной формы (рис. 13, 3). Изготовлены из крупных кусков кварцита, обработанных крупными сколами с обеих сторон по всей поверхности (рис. 13, 3), или с одной стороны – полностью, с другой – частично (рис. 13, 1). Из перфораторов встречается массивная развертка на крупном отщепе (рис. 13, 2).

При расщеплении ядрищ стоянки снятие отщепов и пластин производилось с одной или двух площадок, в том числе использовался прием встречного скалывания. В процессе расщепления использовался прием продольного и поперечного членения тела нуклеуса, перебор «карниза». Большинство аморфных сколов имеет линейные ударные площадки, практически все пластинчатые сколы – точечные, что говорит об использовании мягкого отбойника.

Индустрия памятника характеризуется высоким индексом пластинчатости. В технике обработки орудий доминирует крутая и полукрутая краевая ретушь, резцовое скалывание, комбинированные орудия представлены сочетанием «скребок-резец» и, в меньшей степени, «скребок-скобель».

* * *

Практически все выявленные находки стоянки изготовлены из кварцита мелкой и средней зернистости, однако встречаются немногочисленные кремневые изделия («импортные» меловые, скорее всего, оскольского происхождения, и местные из валун-

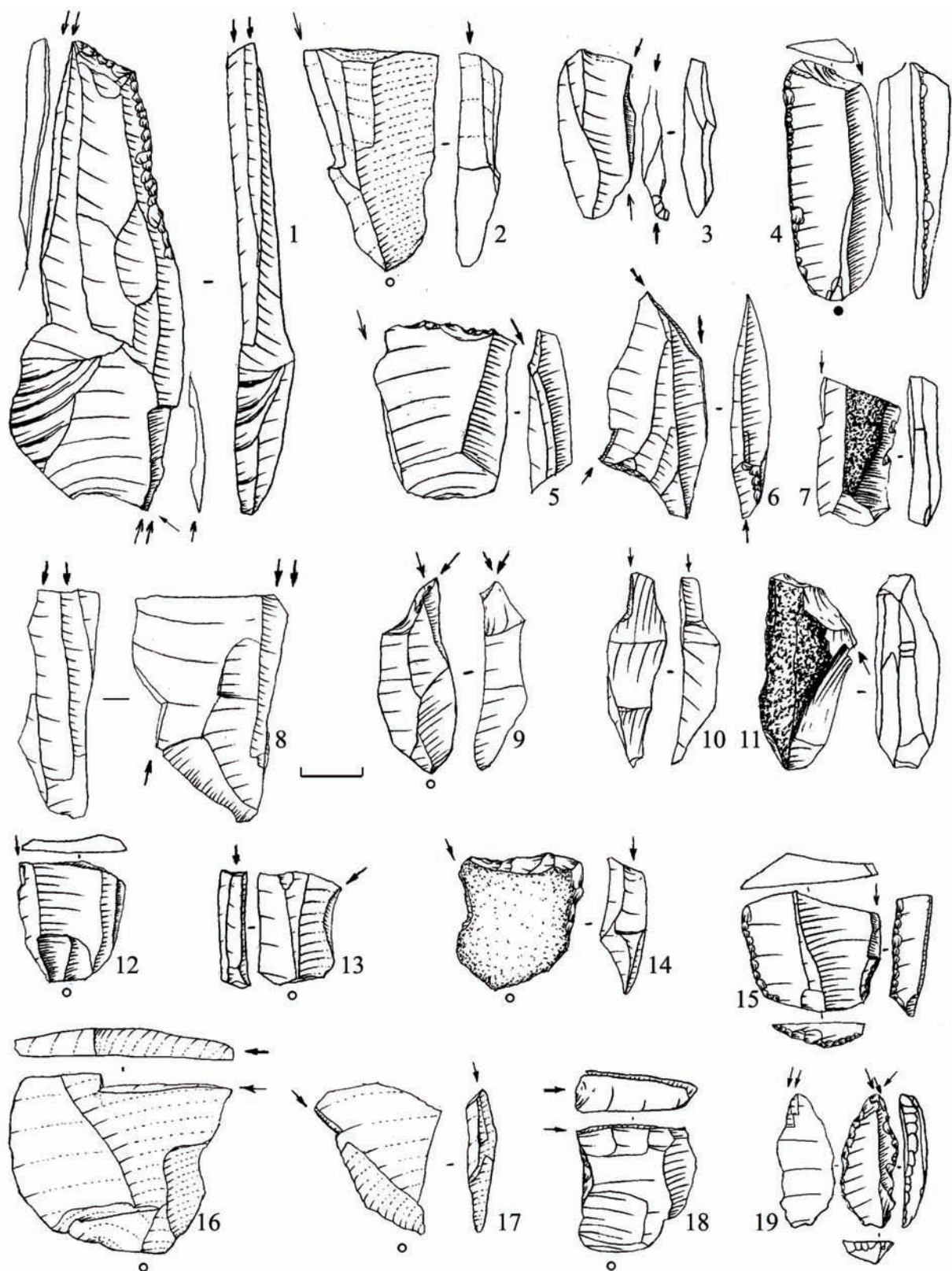

Рис. 9. Стоянка Плаутино 2. Орудия с резцовым сколом
(1, 3-15, 18, 19 – кремь; 2, 16, 17 – кварцит)

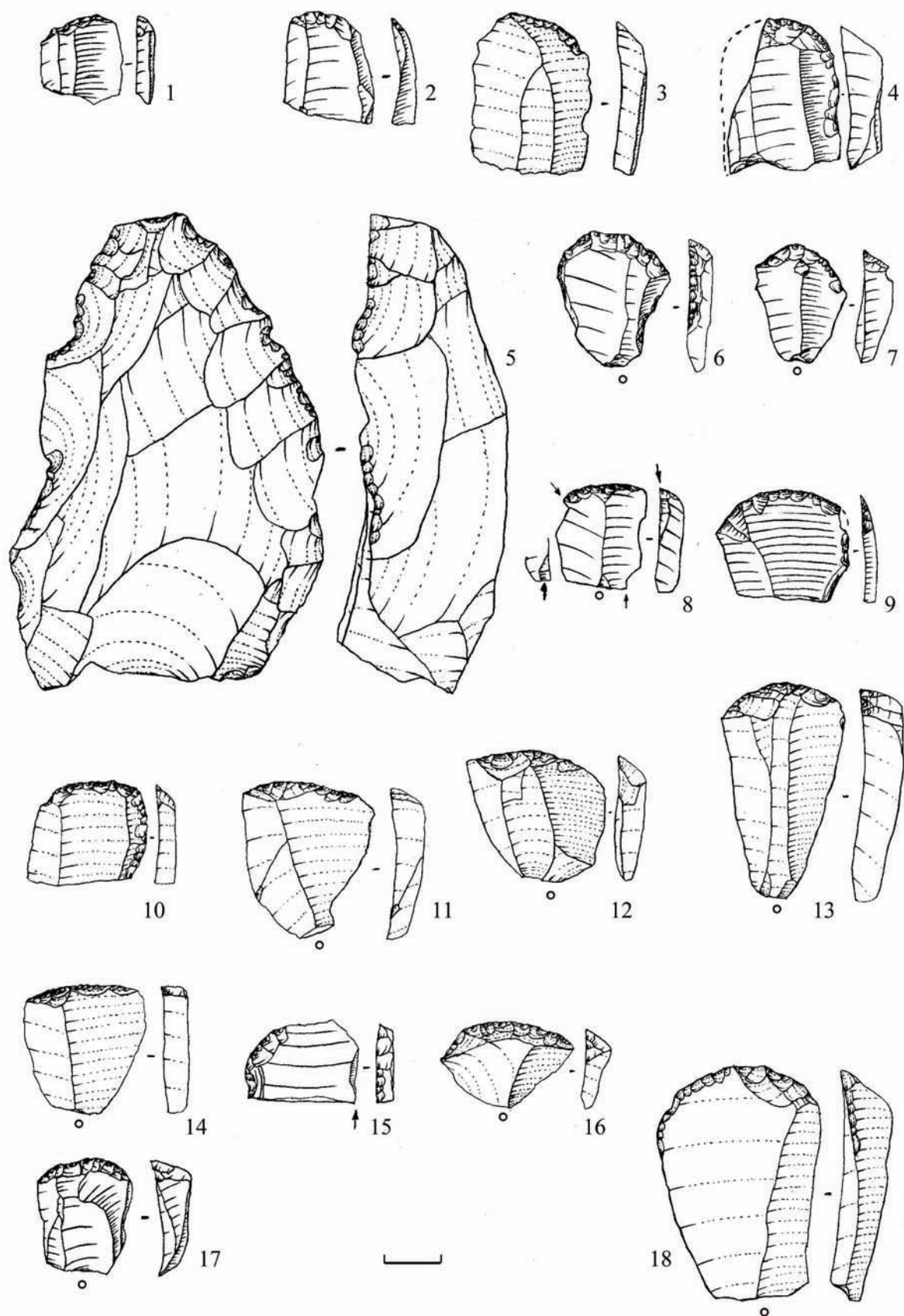

Рис. 10. Стоянка Плаутино 2. Скребки
(1, 2, 4, 6-9, 15, 17 – кремь; 3, 5, 10-14, 16, 18 – кварцит)

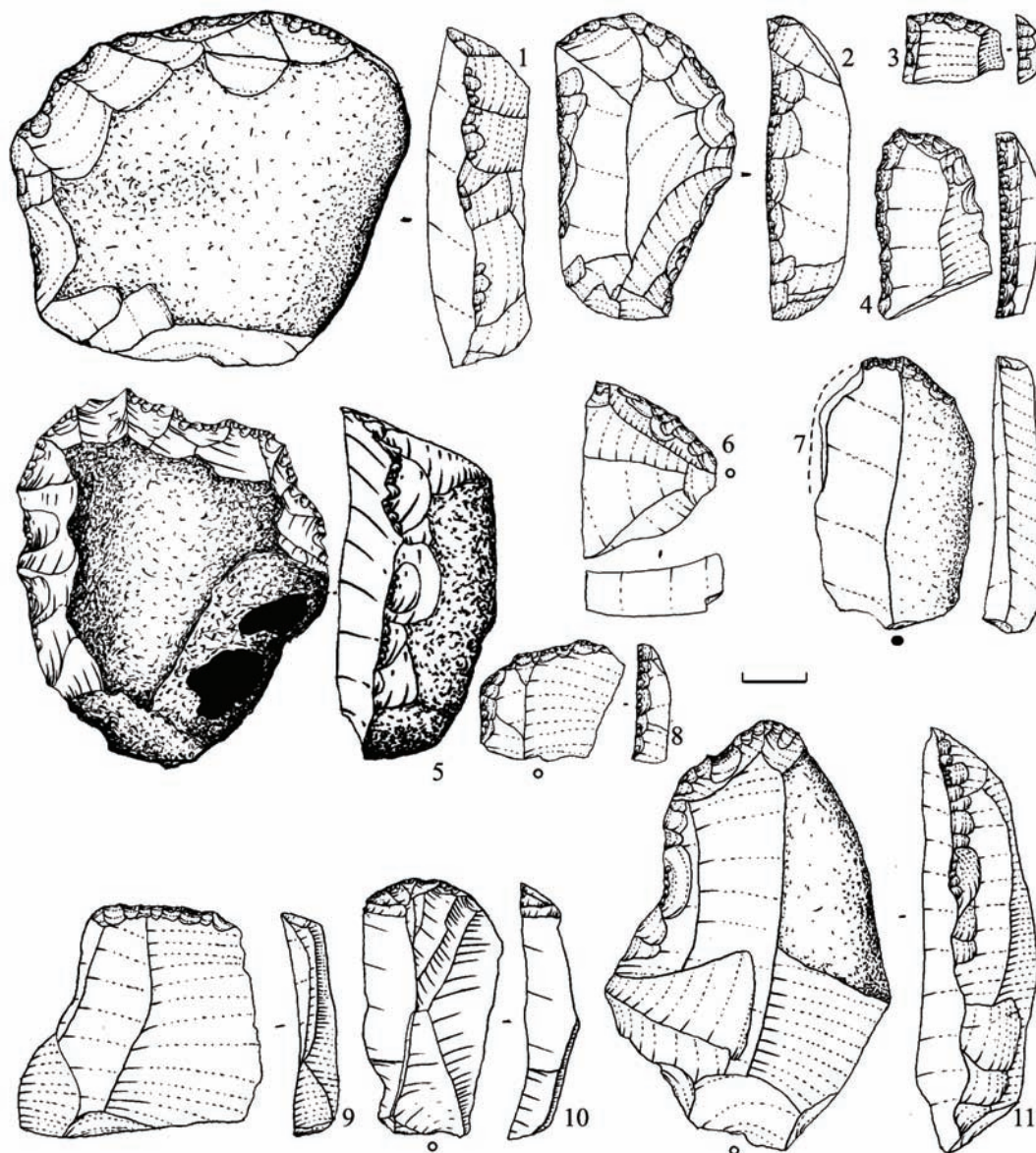

Рис. 11. Стоянка Плаутино 2. Скребки и скребла
(1-4, 6-9, 11 – кварцит; 5, 10 – кремнь)

ного кремня), среди которых сколы с нуклеусов достаточно крупных размеров. Нами уже отмечалась разница в использовании сырья населением памятников каменного века двух регионов лесостепного Подонья (Федюнин И.В., 2003). Добавим, что пока для памятников финального палеолита и мезолита рассматриваемой территории нельзя зафиксировать зависимость между характером поделочного материала и морфологией заготовок и орудий. Видимо, традиция расщепления на протяжении этих эпох была достаточно устойчивой. В целом же, необходимо отметить, что в культурологических построениях вопросы о соотношении сырья и технологии его обработки зачастую рассматриваются спекулятивно, а суждения о низком качестве материала для изготовления орудий противоречат облику находок.

Выявленный комплекс не имеет прямых аналогий на территории лесостепного Подонья. Хронологически и по составу находок ему более близки лишь материалы стоянки Самотоевка в Ольховатском районе Воронежской области, где в расщеплении преобладало использование одно- и двухплощадочных призматических и пирамидальных нуклеусов для получения крупных и средних пластин, в орудийном наборе доминируют скребки, в основном, концевые, и резцы на сломе заготовки, в том числе и с подработан-

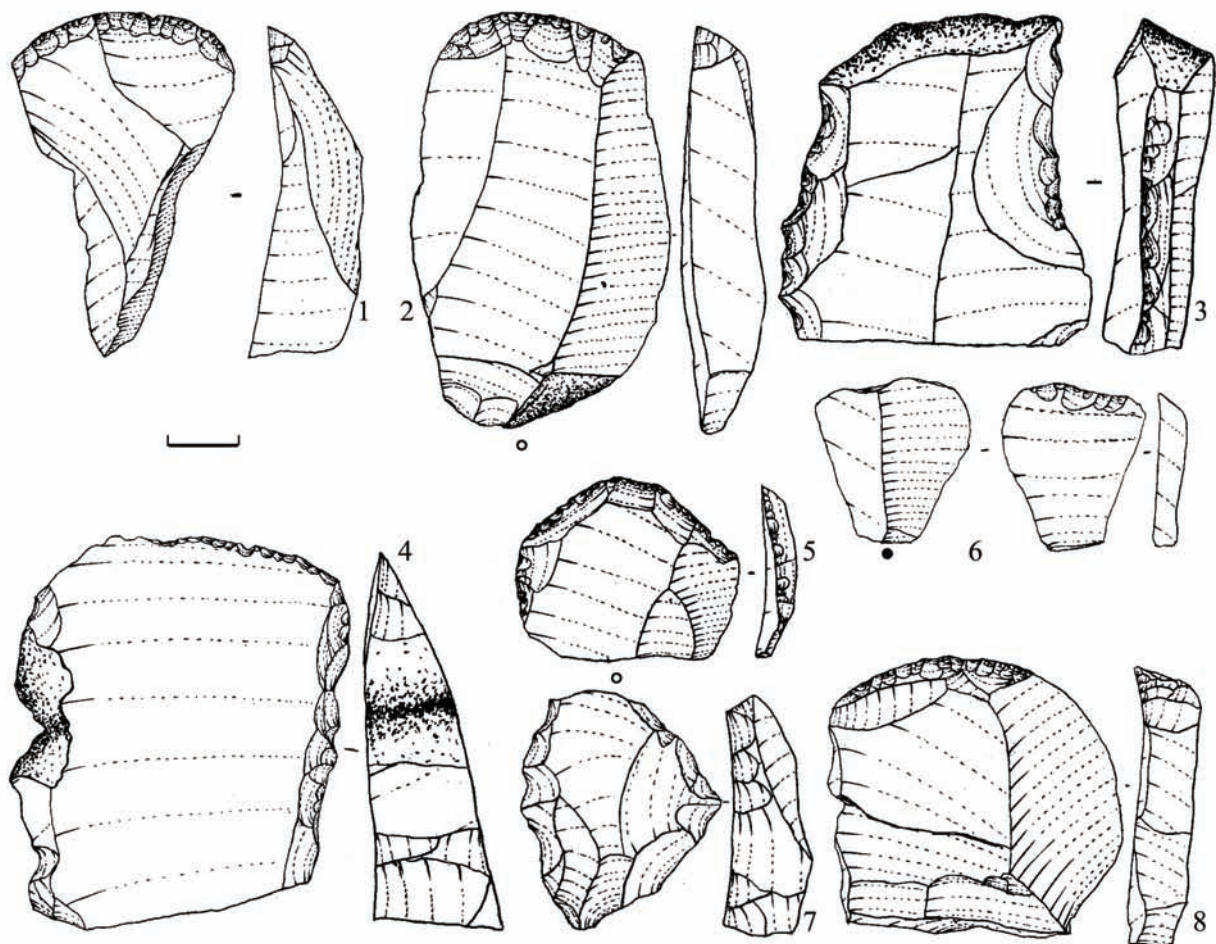

Рис. 12. Стоянка Плаутино 2. Скребки и скребла
(1-8 – кварцит)

ной площадкой скола (Березуцкая Т.Ю., 1995). Однако в составе коллекции отсутствуют геометрические микролиты, а острия на пластинах описанного выше типа были распространены в финальном палеолите и мезолите на огромных пространствах Восточной Европы и не имеют точной привязки. Материалы Самогатовской стоянки, несомненно, близки комплексу стоянки Плаутинская 2, но характер этого сходства требует уточнения путем новых исследований. Другие стоянки Среднего и Верхнего Подонья (местонахождения Писарево 1, Ручей Ериловка (пункт 19), Замятино 14 (Бессуднов А.Н., 2004)) имеют невыразительный материал или лишены культурного слоя.

Среди хоперских памятников, скорее всего, близкими по материалам будут стоянки Ильмень-Голова в Новохоперском районе Воронежской области, на площади которой собрана коллекция крупных патинизированных пластин с неправильным оформлением спинок (Федюнин И.В., 2003) и Чуриловка 2 в Борисоглебском районе, где в слое суглинка вместе с отщепами и пластинами выявлен обломок трапеции (Синюк А.Т., 1981). Ранние мезолитические материалы Верхнего и Среднего Подонья и Похоперья, отнесенные по результатам спорово-пыльцевого анализа ко второй половине бореального времени, также не имеют сходства с рассматриваемым памятником.

На территории различных регионов Восточной Европы исследовано множество памятников финального палеолита: в Южной и Восточной Прибалтике (Кольцов Л.В., 1977), в Восточной Беларуси (Калечиц Е.Г., 2003), группа стоянок в устье р. Камы (Галимова М.Ш., 2001), стоянка Троицкое 3 в Тверском Поволжье (Ланцев А.П., Мирецкий А.В., 1996), комплексы стоянок Роголикско-Передельского района в Подонцовье (Горелик А.Ф., 2001), в Украинском Полесье (Зализняк Л.Л., 1989), стоянка Сабовка-1 в Северо-Восточном Приазовье (Манько В.А., 1997) и другие.

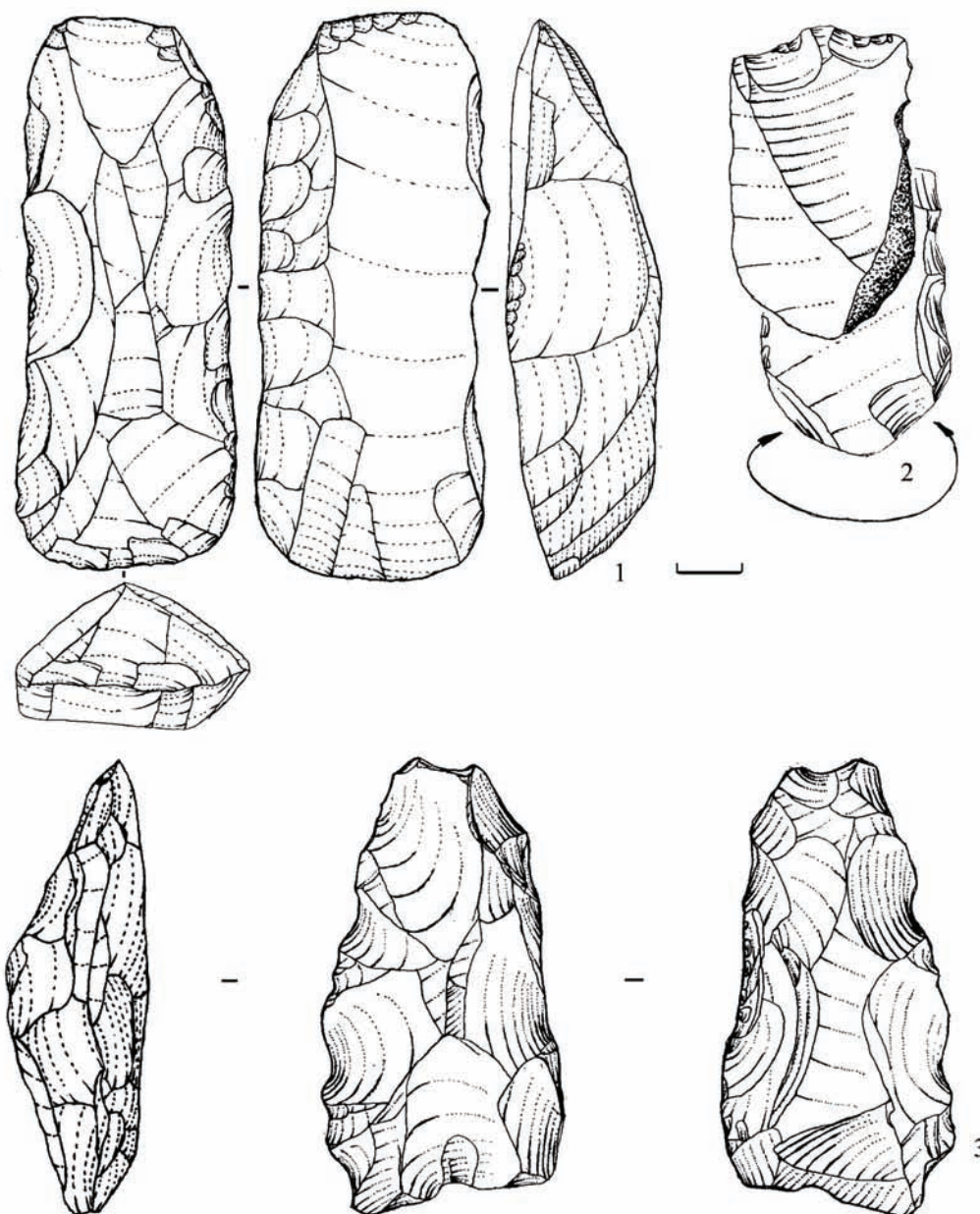

Рис. 13. Стоянка Плаутино 2. Рубящие орудия и развертка
(1-3 – кварцит)

Исключая набор признаков каменной индустрии, характерный для практически всех финальнопалеолитических памятников Восточной Европы, из всего круга известных ныне древностей рассматриваемого периода наибольшую близость обнаруживают памятники зимовниковской культуры Подонцовья, хотя, исходя из географического положения стоянки Плаутинская 2 (расположена на восточной границе современной Воронежской и Волгоградской областей) и находок острий, нельзя исключать и «северного» направления в поиске аналогий (Лисицын С.Н., 1998, с. 308). Пока стоянка не исследована до конца, конкретные параллели провести достаточно сложно.

Для стоянки Плаутино 2 палеогеографическая обстановка (по палинологическим данным), отраженная на спорово-пыльцевой диаграмме разреза Плаутино 2 (рис. 14) позволила выделить четыре палинозоны*.

* Авторы выражают признательность к.г.н., с.н.с. кафедры исторической географии и палеонтологии ВГУ Т.Ф. Трегуб за проведенные спорово-пыльцевые исследования памятников Похоперья и консультации по проблемам четвертичной геологии.

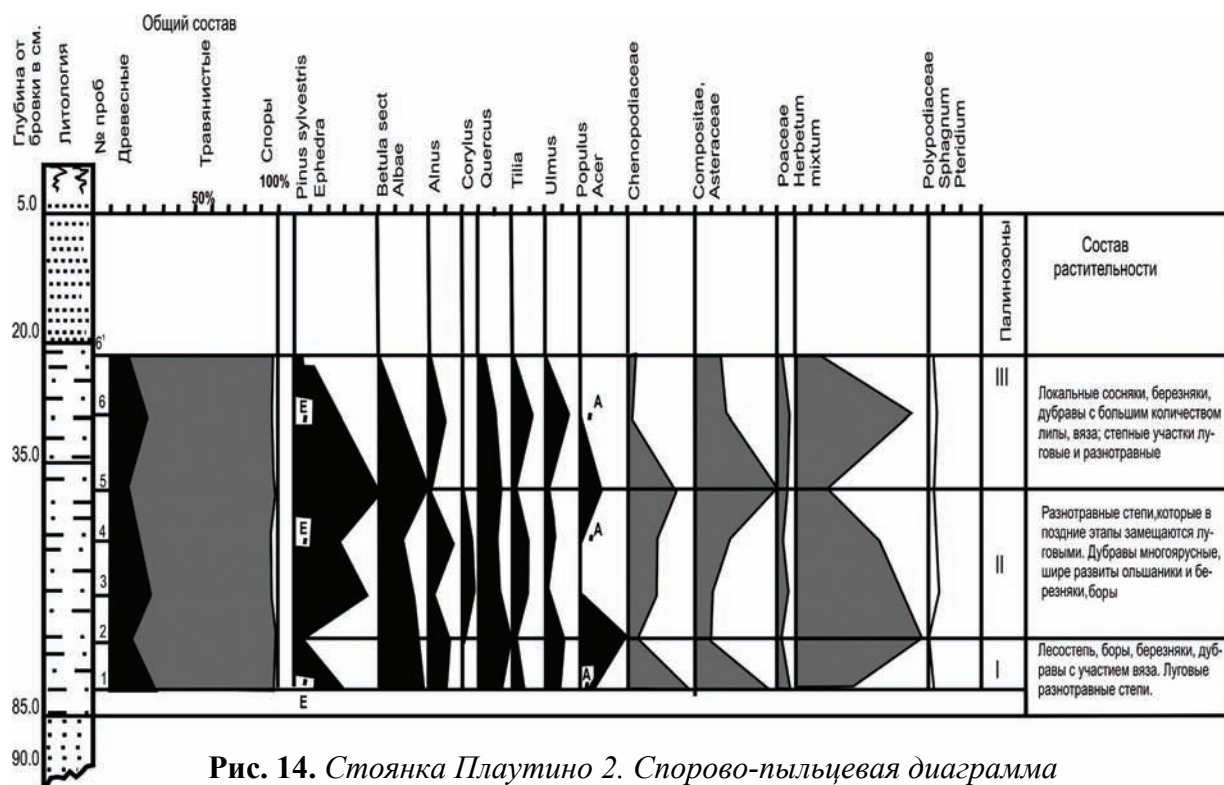

Рис. 14. Стоянка Плаутино 2. Спорово-пыльцевая диаграмма (сост. Т.Ф. Трегуб)

Первая палинозона (I) выделена условно за счет небольшого количества микрофоссилий в пробе № 1. Здесь можно говорить либо о поверхности размыва (несогласное залегание слоев), либо о разрушении палинологического материала за счет условий накопления данной части разреза. В то же время подобные спектры как правило характеризуют гиперзональные ландшафтные условия.

Вторая палинозона (II) характеризует нижнюю часть разреза. Здесь зафиксировано примерно одинаковое соотношение количества пыльцы древесной и травянистой растительности. Кроме этого, встречено от 10% до 18% спор. Подобное соотношение групп растительности отмечено для границы распространения смешанного леса и дубравной лесостепи.

В составе спектров преобладает пыльца сосны и березы, теплолюбивые (лещина, дуб, вяз, липа) играют подчиненную роль.

Травянистые растения в основном представлены пыльцой злаков (Poaceae) и разнотравья (Herbetum mixtum). В небольшом количестве отмечена пыльца маревых (Chenopodiaceae) и сложноцветных (Compositae, Asteraceae).

Споры относятся к семейству Polypodiaceae и родам: Pteridium; Sphagnum, а их количество (до 25%) характерно для смешанных лесов.

Таким образом, во время накопления глинистой супеси, на прилегающих территориях были развиты смешанные березово-сосновые леса с заметным участием ольхи, осины, вяза, с появлением в поздние этапы дуба и орешника (лещины). Кроме этого, в пониженных участках рельефа могли существовать зеленомошные ельники. Свободные от лесной растительности пространства занимались злаково-разнотравными группировками, в которые на границе с третьей палинозоной начинают внедряться элементы луговых фаций. Резко сокращаются площади верховых (сфагновых) болот.

В пробе № 3 (из трех мацератов) было выделено всего 32 пыльцевых зерна. За счет этого обозначился рубеж двух палинозон, которые отражают различные типы растительности.

Третья палинозона (III) выделяется по резкому сокращению в общем составе пыльцы древесной растительности. Количество спор уменьшается незначительно, но меняется их состав. Подобное соотношение соответствует лесостепному типу растительности, но одновременно указывает на близкое расположение границы леса по отношению к

изучаемому объекту. Травянистая растительность складывается практически пылью из семейства сложноцветных и подсемейств цикориевых и астровых. Это, в своем большинстве, следующие виды: *Sonchus arvensis* L.; *Cichorium intybus* L.; *Tragopogon dubius* Scop.; *Cirsium oleraceum* (L.) Scop.; *Arctium tomentosum* Mill., а также вид *Arenaria graminifolia* Schrad из семейства Alsiniaceae. Перечисленные виды близки в экологическом отношении и обитают на лугах, влажных лугах, поемных лугах, т.е. представляют собой луговую ассоциацию.

Кроме этого, в травянистом покрове принимали участие маревые, злаки и разнотравье.

На рубеже размыва изменяется состав древесной растительности. Увеличивается количество пыли берез, ольхи, осины, появляется пыльца липы и клена. Существовавшие на тот период дубравы приобретают многоярусный характер.

Количество пыли голосеменных остается примерно на том же уровне. В ее составе заметную роль начинает играть можжевельник обыкновенный (*Juniperus communis* L.).

Ландшафтная обстановка данного отрезка времени характеризовалась широким развитием луговых степей с участками, занятыми лесной растительностью. Дубравы с обширными осинниками занимали плакоры, а боры и можжевельниковые куртины расселялись на песчаных субстратах (это, в основном, высокие террасы речных долин).

Четвертая палинозона (IV) фиксируется по увеличению роли пыли липы, орешника и клена в составе древесных покрытосеменных пород, а также по резкому возрастанию в составе второй группы растительности пыли сложноцветных, астровых и цикориевых.

Тип растительности настоящего этапа остается прежним, т.е. палиноспектры отражали лесостепной зональный тип. Изменяется и одновременно усложняется состав дубрав. В это время шире были развиты липняки и орешники. Боровые группировки сохраняют свой прежний ареал.

Анализ полученного материала по разрезу Плаутино 2 позволяет сопоставлять палиноспектры первой и второй палинозон с отдельными фазами аллереда. Верхняя часть разреза (III и IV палинозоны), соответствующая неолитическому слою, судя по составу палиноспектров, формировалась, вероятнее всего, во второй половине атлантического периода (6000-5000 л.н.) и соответствует фазе широкого развития липовых группировок в составе дубрав.

Березуцкая Т.Ю., 1996. Отчет к открытому листу № 85 о проведении археологических исследований в Новоухарьковском микрорайоне (Ольховатский район Воронежской области) в 1995 году // Архив ИА РАН.

Бессуднов А.Н., 2004. Новые верхнепалеолитические местонахождения бассейна Верхнего и Среднего Дона // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж.

Галимова М.Ш., 2001. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы Москва-Казань.

Горелик А.Ф., 2001. Памятники Роголико-Передельского района. Киев-Луганск.

Зализняк Л.Л., 1989. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев.

Калечиц Е.Г., 2003. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск.

Кольцов Л.В., 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.

Ланцев А.П., Мирецкий А.В., 1994. Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь.

Лисицын С.Н., 1998. Микропластинчатый инвентарь верхнего слоя Костенок 1 и некоторые проблемы развития микроорудий в верхнем палеолите Русской равнины // Восточный гравит. М.

Манько В.А., 1997. Финальнопалеолитический комплекс стоянки Сабовка-1 в Северо-Восточном Приазовье // Древности Подонцовья. Луганск.

Синюк А.Т., 1982. Отчет о раскопках археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического института в Левобережье Среднего Дона (Воронежская область) в 1981 году // Архив ИА РАН.

Сурков А.В., 2002. Отчет об археологической разведке по р. Савала в 2002 г. // Архив ИА РАН.

Сурков А.В., 2004. Отчет о раскопках стоянки Плаутинская 2 в Новохоперском районе Воронежской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.

Федюнин И.В., 2003. Отчет к открытому листу об археологической разведке по р. Хопер в 2003 г. // Архив ИА РАН.

Федюнин И.В., 2003. Стоянка Ильмень-Голова в лесостепном Похоперье // Археология Восточноевропейской Лесостепи. Пенза.

Федюнин И.В., 2004. К вопросу о периодизации мезолита Лесостепного Похоперья // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж.

Яковлев А.Г., 1951. Полезные ископаемые Воронежской области и опыт их использования в сельском строительстве. Воронеж.

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КАМЕНКА 1 В СРЕДНЕМ ПОХОПЕРЬЕ

Стоянка Каменка 1 выявлена в 1981 г. В.В. Килейниковым (Килейников В.В., 1981). В 2003 году памятник исследовался автором (Федюнин И.В., 2003). В 2004 г. к восточной стенке раскопа была сделана прирезка, общая вскрытая площадь составила 54 кв. м (Федюнин И.В., 2004).

Стоянка расположена непосредственно в срезе левого берега р. Савала в месте ее впадения в р. Хопер (высота над урезом воды – 0,5 м), представляющим собой древний старичный берег, в 20 м к югу от грунтовой дороги с. Плаутино – устье р. Савалы и в 2,3 км к северу от центра села Каменка-Садовка в Новохоперском районе (рис. 1).

На стоянке выявлена следующая стратиграфия (сверху вниз):

0-0,15 м – дерн, малочисленные находки эпохи бронзы;

0,15-0,55 м – слой влажного пойменного чернозема, содержит незначительную примесь материалов эпохи бронзы, рассеянную по всей площади раскопа; судя по преобладанию глубин залегания находок, находки эпохи бронзы сосредоточены в пределах 0,15-0,35 м с тенденцией увеличения концентрации к западу; ниже, вплоть до материка, располагались мезолитические изделия;

с 0,55 м – материк (темно-коричневая влажная илистая глина).

Выявленный мезолитический горизонт залегания находок имеет небольшую мощность (0,15-0,20 м). Поглубинное размещение находок говорит о переотложении материала, связанным с деятельностью населения эпохи бронзы и естественными нарушениями культурного слоя. Планиграфически находки распределены достаточно равномерно с увеличением концентрации в юго-западном углу раскопа.

Полученная коллекция стоянки включает 115 предметов, из которых 11 орудий (9,5%). Данные о количественно-типологическом составе находок представлены в сводной таблице 1.

Основное количество находок изготовлено из кварцита, несколько предметов – из моренного коричневого и зеленоватого кремня, по структуре от приближающегося к кварциту (фактически, окремненный кварцит; в Похоперье часто встречаются кварцитовые гальки, содержащие прослойки кремня) до почти полностью прозрачного, напоминающего халцедон. Выявленный в ходе раскопок комплекс представлен на всех стадиях расщепления. Нуклеусы одноплощадочные (рис. 2, 1-3), пирамидальной (рис. 2, 1) и клиновидно-уплощенной (рис. 2, 2) формы; встречены аморфные сколы со следами бессистемного расщепления (рис. 2, 4-6). Найдена кремневая галька, с которой снято несколько отщепов с коркой (рис. 2, 3). Все нуклеусы и сколы с них небольших размеров (не более 5х4 см), негативы – от мелких и средних отщепов и пластин.

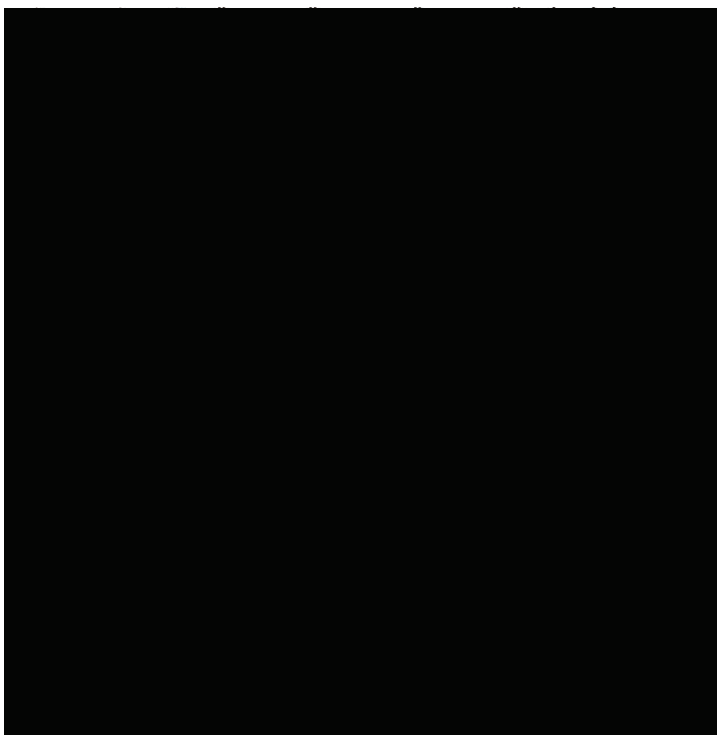

Рис. 1. Стоянка Каменка 1. Топографический план

Таблица 1. Каменный инвентарь

каменный инвентарь	сборы из обнажения берега			находки из раскопов 2003-2004 г.			итого
	кремь	кварцит	всего	кремь	кварцит	всего	
нуклеусы, сколы с нуклеусов	-	1	1	-	2	2	3
отщепы	3	23	26	2	32	34	60
чешуйки	1	4	5	2	9	11	16
пластины	-	1	1	2	1	3	4
сечения проксимальные	-	5	5	-	4	4	9
медиальные	-	5	5	-	6	6	11
дистальные	-	-	0	-	1	1	1
отщепы с ретушью	-	1	1	-	-	0	1
резцы угловые	-	1	1	-	2	2	2
резцы многофасеточные	-	-	0	1	-	1	1
скребки боковые	-	-	0	-	2	2	2
скребки ретушированные на 3/4	-	-	0	-	1	1	1
скребки двулезвийные	-	-	0	-	2	2	2
скобели	-	-	0	-	2	-	2

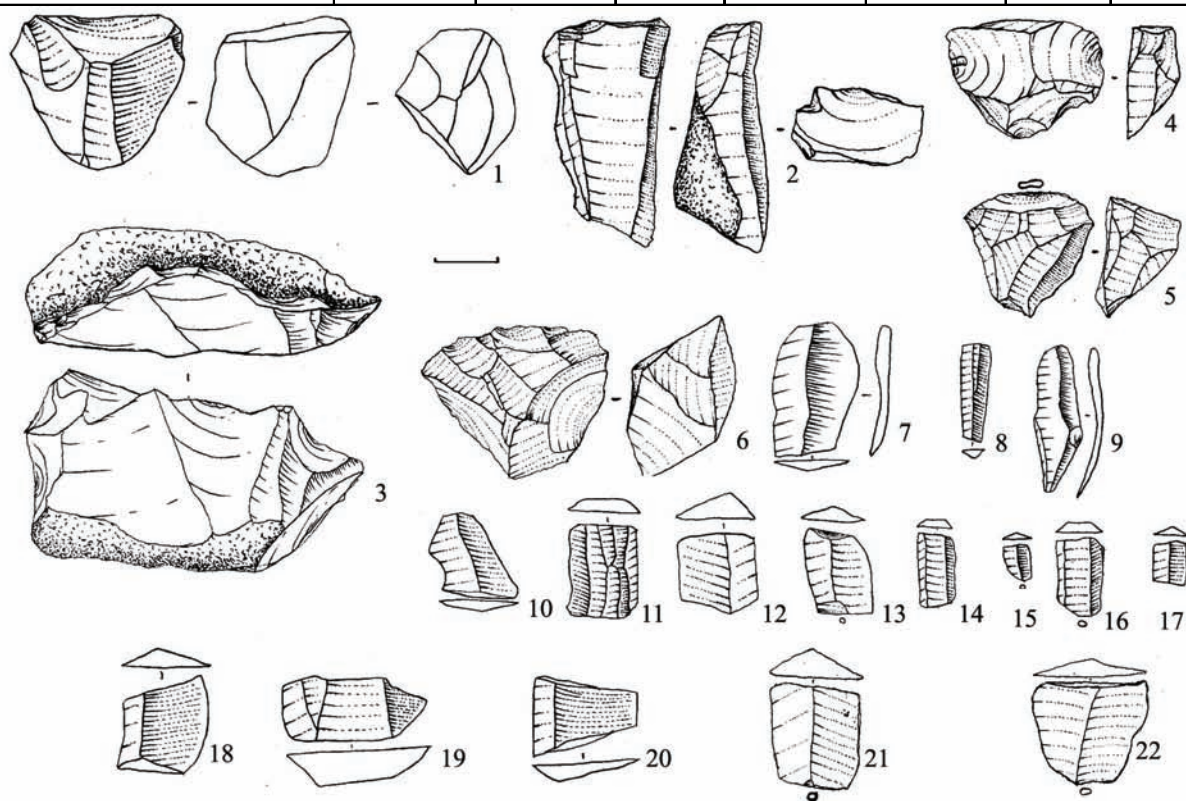

Рис. 2. Стоянка Каменка 1. Каменный инвентарь
(1, 3, 7, 9 – кремь; 2, 4-6, 8, 10-22 – кварцит)

Пластины и их сечения представлены экземплярами с неправильным оформлением спинки (рис. 2, 7, 9, 10), хотя встречаются и предметы с симметричной огранкой (рис. 2, 8, 11-22; 3, 1-11). Среди орудий из пластин отметим угловые резцы на сломе (рис. 3, 10, 11). Фрагментированные пластины также многочисленны (рис. 2, 11-22; 3, 5, 6, 7, 11), но их значительно меньше, чем в памятниках позднего мезолита. Вызывает интерес медиальное сечение пластины с заструганной вдоль ребра спинкой (рис. 2, 11). Фрагмент не является частью пластины с многополюсным оформлением спинки. Об этом говорят следы снятия сколов на торцах изделия. Такого же типа изделие было найдено на площади стоянки в 2002 г. (Сурков А.В., 2002).

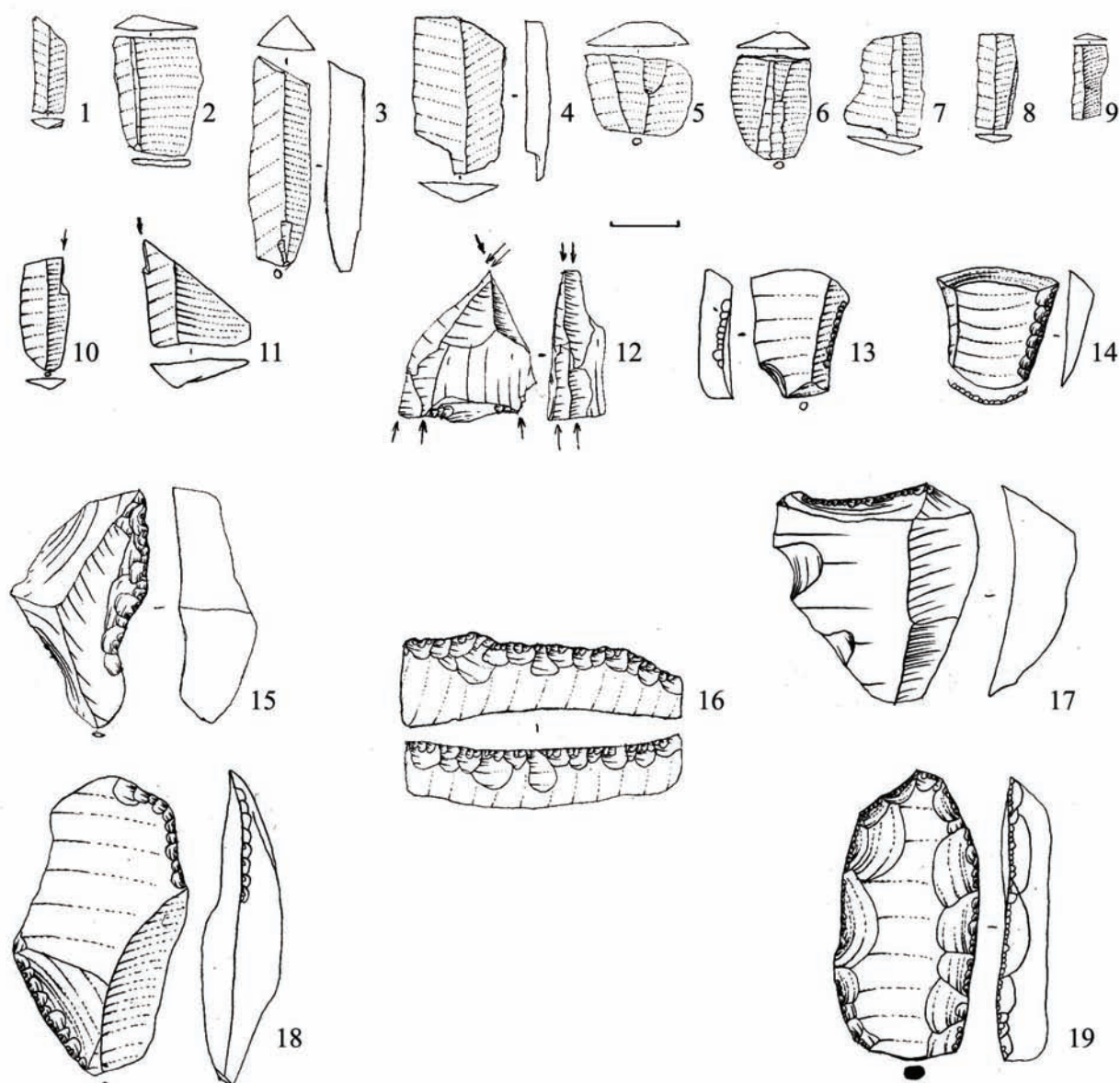

Рис. 3. Стоянка Каменка 1. Каменный инвентарь
(1-11, 13, 14, 16, 18, 19 – кварцит; 12, 15, 17 – кремнь)

На высоком в профиле отщепе изготовлен многофасеточный резец с ретушированной в двух случаях площадкой скола (рис. 3, 12).

Скребки стоянки: ретушированные по всей поверхности (рис. 3, 19), боковые с двумя лезвиями (рис. 3, 14) и двойные с параллельными лезвиями (рис. 3, 18). В единственном случае встречен предмет на трехгранном отщепе с ретушью по краю (рис. 5, 16). Скобели имеют выемку на дистальном конце отщепа (рис. 5, 17) или на одной из его сторон (рис. 3, 13, 15).

Со стоянки были взяты пробы грунта для палинологических исследований. По данным Т.Ф. Трегуб, общий состав спорово-пыльцевого спектра, выделенного из анализируемых отложений, характеризуется преобладанием пыльцы древесной растительности. Доминирующее положение занимает пыльца сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*) и можжевельника обыкновенного (*Juniperus communis*). Подчиненное значение имеет пыльца древесных покрытосеменных растений, где мелколиственные и широколиственные породы представлены примерно в равном соотношении. Пыльца травянистой растительности, в основном, складывается представителями семейств: Fabaceae, Poaceae, Chenopodiaceae (бобовыми, злаковыми, маревыми) и видами, определяющими состав разнотравья. Споры играют значительную роль в общем составе растительности (17,8%).

Значительное содержание спор семейства Polypodiaceae указывает на широкое развитие смешанных лесов, а родов - Sphagnum, Pteridium и порядка Bryales - на наличие сфагновых болот, сосновых боров, лесных лугов и моховой подушки в сосновых лесах.

На прилегающей территории были широко развиты смешанные леса со значительным участием широколиственных пород дуба, вяза, липы, клена (Quercus, Tilia, Acer, Ulmus). Свободные от лесной растительности площади были заняты степными сообществами разнотравно-злакового состава, а в составе растительности лесных лугов значительное место было отведено бобовым. Кроме этого, свободные субстраты занимались маревыми и полынью. Значительное развитие получили сфагновые болота и болотистые луга, на что указывают споры лycopодиеллы заливаемой (Lycopodium inundatum L.). Все это определяет климат достаточно теплый и влажный, что характерно для второй половины бореального периода голоцена.

Количество находок, их стратиграфическое и планиграфическое размещение говорят о характере памятника, который, скорее всего, был кратковременным охотничьим лагерем (Сорокин А.Н., 1990, с. 163). Орудийный набор стоянки Каменка 1 типичен для всех мезолитических памятников. Предметов, позволяющих в какой-либо степени соотнести имеющиеся материалы с уже известными, не выявлено. Находки медиальных сечений пластин со струганной спинкой в раскопе и на поверхности памятника могут поставить вопрос об удревнении данного типа изделия, известного в неолите Нижнего Подонья и Поволжья (Крижевская Л.Я., 1992; Юдин А.И., 2004, сс. 73, 110).

Килейников В.В., 1981. Отчет об археологических разведках по рекам Потудани и Савале на Среднем Дону в 1981 году // Архив ИА РАН.

Крижевская Л.Я., 1992. Древнейшая история Нижнего Подонья. СПб, 1992.

Сорокин А.Н., 1990. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.

Сурков А.В., 2002. Отчет об археологической разведке по р. Савала в 2002 г. // Архив ИА РАН.

Федюнин И.В., 2003. Отчет к открытому листу об археологической разведке по р. Хопер в 2003 г. // Архив ИА РАН.

Федюнин И.В., 2004. Отчет о раскопках стоянки Каменка 2 в Новохоперском районе Воронежской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.

Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит Степного Поволжья. Саратов.

Р.В. Смольянинов, И.В. Федюнин
(Липецк, ЛГПУ, Воронеж, ВГПУ)

ДРУЖБА 2 – НОВЫЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ

Стоянка Дружба 2 была выявлена в ходе археологической разведки по р. Воронеж в Липецкой области (Смольянинов Р.В., 2004). Памятник расположен на задернованном песчаном останце первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж, на территории нефтепровода «Дружба 2» (рис. 1). Раскоп площадью 8 кв.м дал следующую стратиграфию (сверху вниз):

- 0,05 м – дерн, находок не выявлено;
- 0,05-0,25 м – слой темно-серой супеси, находок не выявлено;
- 0,25-0,45 м – слой светлой супеси, находок не выявлено;
- 0,45-0,55 м – слой рыжевато-красной супеси, находок не выявлено;
- 0,55-0,60 м – слой светлой супеси, каменные изделия;
- 0,60-0,65 м – слой рыжевато-красной ожеженной супеси, находок нет;
- с 0,65 м – материк (светлый песок).

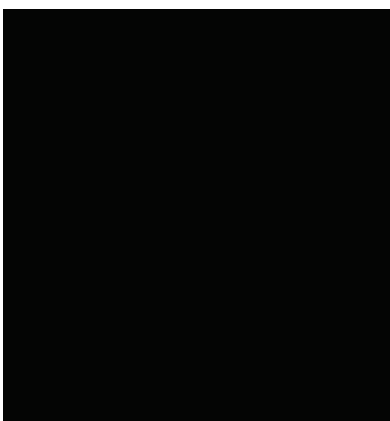

Рис. 1. Расположение
стоянки Дружба 2

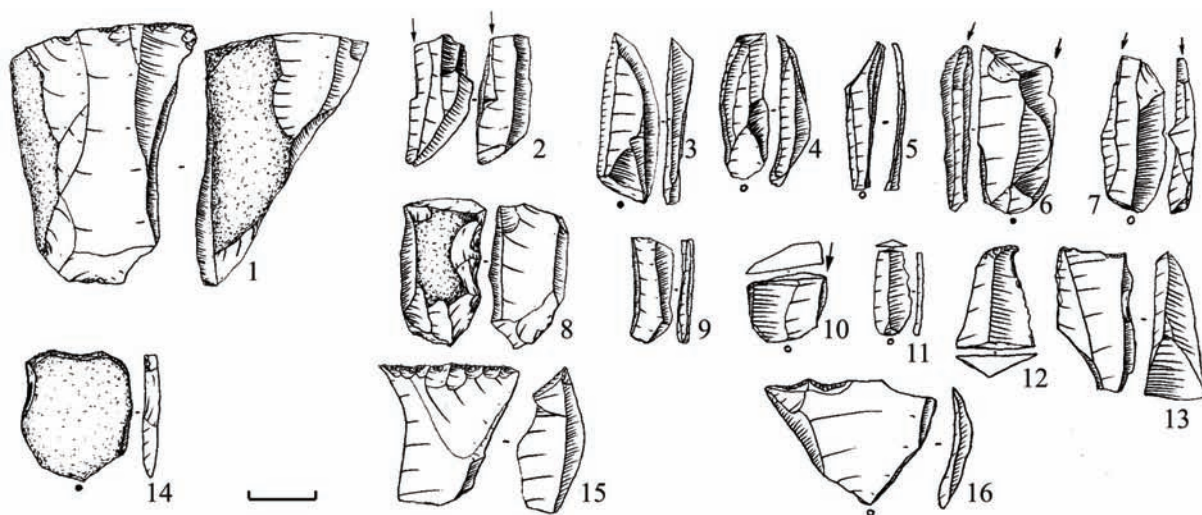

Рис. 2. Стоянка Дружба 2. Кремневые находки из слоя

Во всех случаях контакт слоев четкий, каменные изделия локализованы в пределах светлой супеси, следов нарушений слоя на вскрытом участке не выявлено. Концентрация находок увеличивалась с севера на юг вскрытой площади.

В раскопе найдено 150 предметов, из которых девять орудий (6%).

Все изделия изготовлены из местного галечного кремня желтоватого, черного и красноватого оттенков. Найден целый небольшой нуклеус на отщепе с негативами со стороны спинки и несколькими сколами по брюшку (рис. 2, 1), а также предельно истощенное ядрище клиновидной формы с негативами микросколов и резцовым сколом (рис. 2, 2), семь сколов с нуклеусов, из которых один со следами продольного и поперечного снятия (рис. 2, 8).

Отходы производства включают в себя резцовые сколы (четыре экз.), отщепы без вторичной обработки (63 экз.), чешуйки (23 экз.).

Пластины (шесть экз.) с неправильным (рис. 2, 3, 4, 6, 7, 9) и правильным оформлением спинки (рис. 2, 5, 11, 12). Проксимальное сечение принадлежит достаточно крупному экземпляру, расколото вдоль по одной из граней (рис. 2, 10). Две пластины имеют резцовые сколы на углу (рис. 2, 6), дистальный фрагмент одной обработан с кончика и по краю притупляющей ретушью так, что образовался небольшой выступ (микроскребок-скобель?) (рис. 2, 12).

Найден концевой скребок на небольшом обломке кремня (рис. 2, 15), а также два скобеля – с единственной широкой выемкой (рис. 2, 14) и двумя небольшими (рис. 2, 16). Один из отщепов имеет участок с краевой ретушью, которая может быть и следствием залегания находки в слое (рис. 2, 13).

Выявленный комплекс находок немногочислен и беден орудийным инвентарем, в котором доминируют слабо выраженные морфологические типы. Такая ситуация характерна для многих мезолитических памятников Верхнего и Среднего Подонья (Бессуднов А.Н., Обломский А.М., 1996), Среднего Поосколья (Бессуднов А.Н., 1989) и Похоперья (Федюнин И.В., 2003) и, видимо, отражает какой-то определенный своеобразный этап в развитии мезолита лесостепного Подонья. Бедностью имеющейся сырьевой базы это явление объяснить можно очень условно, так как, например, памятники Среднего Похоперья второй половины бореального периода были в избытке снабжены материалом для изготовления орудий.

Находка резца на нуклеусе пока лишь косвенно и в предположительном плане может связать памятник с кругом мезолитических древностей Волго-Окского междуречья.

Бессуднов А.Н., 1989. Новые археологические памятники в Среднем Поосколье (к археологической карте) // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Бессуднов А.Н. Обломский А.М., 1996. Изучение археологических памятников на реке Семенек // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж.

**А.Т. Синюк, С.Н. Гапочка
(Воронеж, ВГПУ)**

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Современные палеогеографы и палеопочвоведы, за редким исключением, принимают положение о существовании лесостепи как особой природно-ландшафтной зоны (Хотинский Н.А., 1978). Ее северная граница в пределах Днепровско-Волжского междуречья проводится по линии: район Киева - верховья Дона - районы Нижнего Новгорода и Казани (Берг Л.С., 1955), а южная граница (для Русской равнины, по Ф.Н. Милькову): по южной окраине Донецкого кряжа и к Волге, южнее Саратова и Самары (Мильков Ф.Н., 1977 с. 120). Если опустить разночтения, связанные с определением начальных этапов формирования лесостепного ландшафта и степени его стабильности, то можно констатировать факт существования лесостепи в среднем голоцене, в атлантическом и суббореальном климатических периодах (по Блитту-Сернандеру), датируемых временем от 7700 до 2500 лет от наших дней. В начале этого хронологического периода полностью размещается неолитическая эпоха на территории лесостепного Дона.

Ныне археологическая карта рассматриваемого региона включает уже около двухсот неолитических местонахождений, из числа которых раскопкам подвергнуты такие стоянки как Долговская, Подзоровские 1 и 2, Рыбное Озеро 1 и 2, Савицкая, Курино, Шапкино, Монастырщина 2 на Верхнем Дону (раскопки М.Е. Фосс, В.П. Левенка, Б.А. Фоломеева, А.Н. Бессуднова); стоянки Университетские 1 и 3, Шиловская, Копанищенские 1 и 2, Дрониha, Черкасская, Монастырская 1, Щучье II, Затон I и др. на Среднем Дону (раскопки авторов и А.Д. Пряхина); целой серии Шапкинских стоянок, Инясево, Плаутинских 1,2 и целого ряда стоянок в лесостепном Похоперье (раскопки и разведки А. А. Хрекова, В.В. Килейникова, А.В. Суркова, И.В. Федюнина). Но отметим при этом такое обстоятельство, как принадлежность практически всех известных памятников сезонным промысловым стойбищам.

Сегодня известно два небольших неолитических могильника: на площади многослойной стоянки Копанице 2 (донское правобережье) (Синюк А.Т., 1986 с. 122-123) и Плаутино 2 (Похоперье) (Сурков А.В., статья публикуется в данном сборнике), а также одиночное захоронение на Лобовской стоянке (Синюк А.Т., 1975 с. 150-152).

Как правило, местонахождения приурочены к береговым урезам или же к пойменным дюнным всхолмлениям, и значительно реже они занимают окраины первых надпойменных террас, что свидетельствует о сезонном, промысловом характере стоянок. Абсолютное их большинство - многослойные, причем обнаруживают признаки разных эпох и культур. Такого рода функциональная оценка полностью согласуется с содержанием происходящих из слоев стоянок материалов, главным показателем чего служит малое число следов каменного производства, как и самих каменных орудий в целом, на фоне абсолютного преобладания поликультурного керамического материала. Соответственно отсутствуют и следы капитально оборудованных жилых и хозяйственных построек. Но именно такой тип памятников раскрывает динамику взаимодействия культур и их хронологическую последовательность. В этом аспекте решающее значение приобретают данные стратиграфии ряда исследованных стоянок. Но прежде обратимся к истории изучения культурной принадлежности неолитических комплексов лесостепного Дона.

Начало изучению донского неолита было положено выдающимся отечественным археологом С. Н. Замятниным – обобщением первых случайных находок и раскопанным им в конце 20-х годов первым памятником (поселение у ст. Отрожка под Воронежем). Именно он первым уловил двойственную подоснову донского неолита.

В 30-е годы воронежским краоведам удалось выявить несколько стоянок в черте г. Воронежа и его окрестностях, однако все материалы были уничтожены в военные годы. Лишь в конце 40-х годов XX века В.А. Валукинским были опубликованы известные к тому времени памятники (Валукинский Н.В., 1948).

В 50-е - первой половине 60-х годов проявилась известная активность в исследовании неолита на Верхнем Дону (географически это территория Донской лесостепи, находящаяся выше впадения в р.Дон р. Воронеж, на территории Тамбовской и Липецкой областей), благодаря усилиям М.Е. Фосс и В. П. Левенка. Ими было изучено несколько неолитических стоянок, материалы которых легли в основу ряда публикаций (Фосс М. Е., 1959; Левенок В.П., 1971, 1973). Были подведены и итоги этих исследований. В частности, М.Е. Фосс констатировала, с одной стороны, закономерность отсутствия на Дону южнее Тарбеевской стоянки ямочной керамики, а, с другой стороны, отметила связь донского неолита с материалами стоянок северо-восточной Украины (Фосс М. Е., 1959, с. 20-26).

В.П. Левенок, в значительной степени основываясь именно на этих выводах, а также на материалах раскопанной им Долговской стоянки, выделил на Верхнем Дону рязанско-долговскую культуру с ямочной керамикой, которая, с его точки зрения, была здесь автохтонной и существовала с раннего неолита до его финала. При этом границы рязанско-долговской культуры им были перенесены на территорию Среднего Подонья.

Таким образом, вплоть до начала 60-х годов источниковая база, формировавшаяся за счет памятников, исследовавшихся преимущественно в Верхнем Подонье, привела ее исследователей к предположению о наличии и на Среднем Дону памятников развитого и позднего неолита, близкого лесному.

Однако изучение неолита в 50-е - начале 60-х годов на Среднем Дону ограничилось разведкой, проведенной В.П. Левенком по рекам Дон и Воронеж и рядом находок А.Ф. Шокова (Шоков А.Ф., 1958, с. 183-184, 186, рис.2-4). В то же время отметим, что А.А. Формозовым в окрестностях поселка Анна Воронежской области была собрана коллекция неолитической керамики, которую он, вполне обоснованно, связал с южным неолитом (Формозов А.А., 1959).

Позднее В.П. Левенок пришел к выводу о существовании на Верхнем Дону наряду с материалами рязанско-долговской культуры материалов днепро-донецкого облика с прочерченно-накольчато-гребенчатой керамикой (Левенок В.П., 1969, с. 17-18). Он объединил последние в среднерусский лесостепной вариант днепро-донецкой культуры, отнеся накольчатую керамику к развитому этапу неолита (за исключением выделенных им ранне-неолитических материалов воронежской группы с накольчатой керамикой) (Левенок В.П., 1973. с. 193-195).

Расширение границ днепро-донецкой культурной общности вплоть до бассейна Волги (включением в нее памятников Донской Лесостепи), объясняется, на наш взгляд, такими причинами как недостаточность источников с территории Среднего Дона, принятием Всеволодом Протасовичем за основу предположения, выдвинутого Д.Я. Телегиным, о возможности вхождения лесостепного Подонья в зону формирования днепро-донецкой культуры (Телегин Д.Я., 1961, с. 40), кроме того, в изначально заложенном в таксономию днепро-донецкой культуры противоречии, выражающемся, с одной стороны, в значительных различиях между комплексами отдельных вариантов днепро-донецкого неолита (которые не случайно и Д.Я. Телегиным рассматриваются сегодня как самостоятельные культуры), а с другой стороны, чуть ли не единственным, применительно к керамике, признаком, объединяющим этот конгломерат памятников на громадных территориях от Степного Причерноморья и Крыма на юге до Белорусского Полесья

на севере и от Волыни и Поднепровья на западе до Поволжья на востоке - прочерченно-гребенчато-накольчатой орнаментацией и стадийными проявлениями единства развития кремневого инвентаря. Все эти факторы и привели В.П. Левенка на уровне исследований 50-х - 60-х годов к выводу о вхождении лесостепного Подонья в круг памятников днепро-донецкой культуры. И это несмотря на то, что именно В.П. Левенок впервые справедливо отметил целый ряд существенных особенностей неолита Подонья (в том числе и в керамике) и неоднократно, в отличие от Д.Я. Телегина, связывал ее накольчатую орнаментацию с ранней стадией развития культуры (Левенок В.П., 1971).

Точку зрения о вхождении памятников с накольчатой керамикой Подонья в рамки днепро-донецкой культуры неоднократно высказывал и В.П. Третьяков (Третьяков В.П., 1983, с. 15-20; 1990, с.39-44).

Исследователями неолитических культур с накольчатой керамикой Поднепровья и Поволжья вплоть до начала 70-х годов не раз отмечалась нерешенность проблемы характера неолита, прежде всего, раннего накольчато-гребенчатого (на уровне изучения 60-х годов), на промежуточных территориях (между днепро-донецкой и волго-камской культурами). Интерес к ним был обусловлен необходимостью выяснения границ двух наиболее известных к тому времени ранне-неолитических культур с гребенчато-накольчатой керамикой европейской части СССР, на что неоднократно обращали внимание и Д.Я. Телегин (Телегин Д.Я., 1968, с. 225), и А.Х. Халиков (Халиков А.Х., 1958, с. 75).

Кроме того, в это время В.П. Левенком была выделена и еще одна неолитическая культура – рыбоозерская, расценивавшаяся им как результат переоформления местного варианта днепро-донецкой культуры (с накольчато-гребенчатой орнаментацией керамики) в условиях взаимодействия с традициями лесного (ямочного и ямочно-гребенчатого) неолитического ареала.

Планомерное изучение неолитических памятников на Среднем Дону было предпринято с конца 60-х годов. Начало данному процессу положено работами Новостроечной экспедиции ИА АН СССР в зоне строительства Воронежского водохранилища под руководством П.Д. Либерова. Тогда одним из авторов исследовался ряд памятников неолита-бронзы, среди которых особое место занимала стоянка Университетская III. Дальнейшие исследования неолита привели к накоплению новой суммы источников (около 120 памятников), что позволило скорректировать этнокультурную ситуацию, имевшую место в неолите Дона. Прежде всего, было предпринято обоснование выделения своеобразной среднедонской неолитической культуры, характеризующейся цилиндрическими и коническими остродонными сосудами с многовариантным исполнением накольчатой орнаментации, сопровождаемыми специфическим набором изделий кремнево-кварцевой микролитовидной пластинчатой индустрии, лишь с единичными включениями классических типов резцов и геометрических орудий (трапеций, сегментов) (Синюк А.Т., 1978). В круг памятников этой культуры на территории лесостепного Дона включались материалы с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой и микролитовидным пластинчатым кремневым инвентарем, которые ранее рассматривались В.П. Левенком в рамках среднерусского варианта днепро-донецкой культуры. Отличительные же признаки днепро-донецкой и среднедонской культур оказались достаточно весомыми, что нашло признание и со стороны ведущего исследователя днепро-донецких древностей Д. Я. Телегина (Телегин Д.Я., 1981).

Таким образом, исследование наиболее ярких и стратифицированных памятников позволило уже к концу 60-х - началу 70-х годов составить представление о ярко выраженном характере местного неолита, значительно отличающегося от материалов как днепро-донецкой (Синюк А.Т., 1971), так и волго-камской культур (Синюк А.Т., 1978, с. 83).

Выделение неолитических памятников Среднего и Верхнего Дона с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой в самостоятельную культуру имело принципиальное значение не только для лесостепного Подонья, но и в целом для осмысления места памятников с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой восточноевропейской лесостепи. Это положило начало процессу выделения целого ряда синхронных культур,

культурных вариантов и типов памятников, включавшихся ранее исследователями, в силу сложившейся в науке традиции, в круг либо днепро-донецкой, либо волго-камской культур. Наряду с выделением на юге лесной природно-климатической зоны раннеолитической верхневолжской культуры, оно открыло новый этап в изучении и осмыслении места и роли раннеолитических культур с накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой на территории Восточной Европы в целом.

Во второй половине 70-х - 80-е годы, в связи с осмыслением места, роли и дальнейших судеб среднедонской неолитической культуры, был поставлен вопрос о необходимости пересмотра позиции относительно происхождения рыбноозерской культуры, где традиции накольчатого неолита практически не прослеживаются, тогда как весь ее характер полностью соответствует облику лесных культур с зубчато-ямочной керамикой пережиточного неолита, т. е. появление в донской лесостепи памятников рыбноозерской культуры явилось следствием одной из миграций населения из примыкающей к Дону лесной зоны (Синюк А.Т., 1978, 1986).

Не менее важен был вопрос о происхождении среднедонской неолитической культуры. Во многом эта проблема по-прежнему еще ждет своего решения, но началом к нему, как и к пониманию вопроса о позднем мезолите среднедонской территории, можно считать результаты проведенных раскопок стоянки Монастырской-1 (Синюк А.Т., 1985, 1986). Здесь удалось установить, что, во-первых, основное скопление каменных изделий и отходов их производства не совпало в плане с наибольшим скоплением керамики; во-вторых, насыщенность слоя культурными остатками оказалась весьма слабой, что, наряду с другими наблюдениями, не предполагает здесь функционирования мастерской, хотя (а это необычно для неолитических стоянок Подонья) каменные находки преобладают повсеместно над керамикой. Первые привязаны к нижнему (четвертому) слою стоянки, тогда как абсолютное большинство керамики выявлено в вышележащем (третьем) слое. По всем признакам керамика абсолютно однородна, а следовательно, определяется узкими хронологическими рамками, т.е. принадлежит единовременному культурному комплексу. Керамика характеризуется исключительно накольчатым орнаментом с широкой вариацией типов наколов. Сосуды прямостенные цилиндрические и, реже, - конические, остродонные; изготовлялись их плотной глины без видимых примесей, внешние поверхности таких сосудов хорошо сглажены, иногда до лощения, а внутренние поверхности несут следы мелкой штриховки.

Кварцитовые и кремневые изделия стоянки типологически идентичны между собой. Отсюда, в принципе, вполне приемлемо определение представленной здесь каменной индустрии как кремнево-кварцитовой. Другой признак каменного инвентаря - подавляющее преобладание орудий на пластинах, а сама пластинчатая техника несет явно микролитовидный характер. Следует отметить отсутствие принципиальной разницы между орудиями, найденными совместно с керамикой и той их частью, которая планиграфически выходила за пределы распространения керамики. Тем самым фиксируется тождественность каменной индустрии докерамического и керамического периодов, в чем, скорее всего, и находится ключ к разрешению проблемы происхождения ранней неолитической культуры лесостепного Дона.

В этой связи необходимо отметить совершенно аналогичные памятники на реке Вороне, близ деревни Шапкино (раскопки А.А. Хрекова). Обособленное от керамики место занимали и отходы кремнево-кварцитового производства на одной из дюн по среднему течению реки Савалы; бескерамические комплексы выявлены по реке Толучевка, близ села Аксеновка на реке Оскол, а также у села Верхний Карабут на Дону. Материалы названных пунктов характеризуются безраздельным господством микропластинчатой вкладышевой техники и обнаруживают поразительное сходство с Монастырским комплексом. При этом названные местонахождения размещены в пределах той же территории, где выявлены и основные неолитические памятники с накольчатой керамикой. В конечном счете, даже не столь важно отнесение первых из них к позднему мезо-

литу или раннему неолиту. Существенно то, что они служат вполне реальным мостиком, соединяющим традиции донского накольчатого неолита с более древним периодом. И в этом плане важны поиски их сходства как с позднемезолитическими, так и с раннеолитическими комплексами культур сопредельных территорий.

Микролитические комплексы Подонья, несмотря на целый ряд стадияльных признаков, сближающих их с комплексами Нижнего Дона и лесостепного Поволжья и Поднепровья, столь своеобразны, что не находят безусловных прототипов ни в азово-черноморской позднемезолитической культурной области, ни в «прибалтийско-доново-волжской» области микро-макролитических культур. Близки донским некоторые признаки, отмеченные исследователями для позднего этапа мезолита Среднего Поволжья, но там продолжают сохраняться резцы как ведущие группы орудий (Косменко М.Г., 1972). В свое время облик микролитических стоянок Среднего Поволжья, ввиду почти полного отсутствия геометрических орудий, М.Г. Косменко связал с традициями, происходящими из области Приуралья, Средней Азии, Нижнего Поволжья и Подонья.

Данная линия сравнения нам представляется перспективной. Но при этом следует исключить области с традицией изготовления резцов и геометрических микролитов, а именно: Среднее Поволжье, Южный Урал (Матюшин Г.Н., 1976), Северо-Восточное Приазовье (Крижевская Л.Я., 1972, 1991), район южных Ергеней (Праслов Н.Д., 1971), Северный и Северо-Западный Прикаспий (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988) и ряд районов Средней Азии, включая восточное побережье Каспия (Виноградов А.В., 1968; Окладников А.П., 1956; Марков Г.Е., 1966; Формозов А.А., 1959).

Но именно в юго-восточных пределах находился очаг культурогенеза, где затем распространилась кельтеминарская культурно-историческая общность, где есть группы памятников, в микролитическом инвентаре которых отсутствуют и геометрические формы, и типичные резцы (Формозов А.А., 1972; Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975; Виноградов А.В., 1981). В частности, А.В. Виноградовым отмечалось, что в мезолитических памятниках восточных районов Средней Азии набор и, особенно, количество геометрических форм, резко сокращается; геометрические микролиты найдены не на всех памятниках, а там, где они имеются, представлены единичными экземплярами (Виноградов А.В., 1981, с. 57). Единичны геометрические формы и на Лявлякане, что сближает его материалы с мезолитом восточных, а не прикаспийских территорий Средней Азии (Виноградов А.В., 1981, с. 59). Кстати, для памятников этого района характерна исключительно пластинчатая индустрия, а в орудийном наборе господствуют скребки на пластинах, пластины с притупленным краем, пластины с боковыми выемками, сечения пластин, тогда как орудия с резцовыми сколами лишь единичны (стоянки Лявлякан 24, 41, 54 и др.) (Виноградов А.В., 1981, с. 216-217).

Эта линия сравнения подводит и к более близкому району - Северо-Восточному Прикаспию. Здесь, на примере стоянки Бекбеке-1 и ряда других памятников, можно фиксировать те же объединяющие признаки: решительное преобладание микроиндустрии, большое количество пластинок и сечений без обработки, но со следами использования; исключительно концевые скребки, единичные находки трапеций, сегментов и треугольников, отсутствие резцов и двусторонне обработанных изделий (Крижевская Л.Я., 1972, с. 271-279). Несмотря на то, что с такими комплексами орудий встречалась и керамика, Л.Я. Крижевская совершенно справедливо усматривала в них сохранение мезолитического облика (Крижевская Л.Я., 1972, с. 275; 1991).

Определяя этнокультурный характер кремневой индустрии позднего мезолита - раннего неолита Северо-Восточного Прикаспия как Н.Д. Праслов, так и Л.Я. Крижевская закономерно проследили его сходство с индустриями мезолита Средней Азии и, прежде всего, с материалами кельтеминарской культуры.

Об отсутствии принципиальных различий между мезолитом и неолитом Средней Азии и Северо-Восточного Прикаспия говорит и А.В. Виноградов (Виноградов А.В., 1981, с. 164). Им же делается вывод об отсутствии местных генетических истоков в ряде

культур конца мезолита - раннего неолита в северной равнинной части Средней Азии, что позволяет говорить еще об одной, более поздней (в пределах VII-VI тысячелетий до н.э.) волне расселения с юга (Виноградов А.В., 1981, с. 161-162). Это чрезвычайно важное положение делает еще более убедительной проводимую нами линию сравнения, поскольку основные возражения вызывались бы отсутствием на среднедонских стоянках наконечников стрел с боковой выемкой и различиями в керамике, если бы речь шла о воздействии неолитической кельтеминарской культуры. А.В. Виноградов определяет начало неолитической эпохи Средней Азии, наряду с появлением керамики, распространением небольших симметричных трапеций, которые предшествовали периоду бытования наконечников кельтеминарского типа (Виноградов А.В., 1975, с. 212). Видимо, волна расселения с юга, предшествовавшая сложению неолита, минуя Северный и Северо-Западный Прикаспий, достигла и лесостепного Поволжья (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995) и Дона. Чрезвычайно важным моментом следует считать и находки на стоянке Монастырской-1 «рогатой» трапеции и близкого ей морфологически трапецевидного сечения с выемкой по верхнему краю. Такие специфические изделия «дарьясайского» типа известны в пределах Северного Афганистана, в долине Дарьяса, в Приаралье, тогда как в целом они не характерны для прикаспийских районов Средней Азии (Виноградов А.В., 1981, с. 162-163). Неслучайность находки «рогатой» трапеции и правомерность проведенных сравнений со столь, казалось бы, удаленной от донского лесостепья территории, подтверждается аналогичными находками и в лесостепном Заволжье (Выборнов А.А., Пенин Г.Г., 1979; Васильев И.Б. Выборнов А.А., Габышев Р.С., Моргунова Н.Л., 1987).

Изложенное выше дает основание считать, что ранние микролитические комплексы лесостепного Дона оставлены населением, проникшим сюда вследствие миграционной волны из среднеазиатских областей в самом конце мезолита.

Мы уже отмечали культурное единство всего каменного инвентаря стоянки Монастырской 1, а соответственно, и культурную связь с ним керамического материала. Трудно сказать, каков был промежуток времени между появлением подобных каменных комплексов и первой керамики. Но именно такого облика материалы определяют ранний рубеж неолита лесостепного Дона. Он синхронизируется с периодом становления кельтеминарской культуры, определяемым Г.Ф. Коробковой и В.М. Массоном концом VI - V тысячелетием до н.э. (Коробкова Г.Ф., Массон В.М., 1978, с. 107); А.В. Виноградов датирует ранний, дарьясайский, этап неолита Кызылкумов от конца VII до середины (или третьей четверти) V тысячелетия до н.э. (Виноградов А.В., 1981, с. 132).

Ранняя среднедонская накольчатая керамика имеет целый ряд признаков, сближающих ее как с буго-днестровской, сурской, ракушечной культурой, так и с елшанской, что пока не позволяет говорить о заимствовании керамики с близлежащих территорий, а как раз наоборот, свидетельствует о близких процессах неолитизации на громадных пространствах Восточной Европы. Эта близость особенно ярко проявляется в наборе каменного инвентаря среднедонской и елшанской культур, о чем речь пойдет ниже. На территории Лесостепного Подонья пока стратиграфических доказательств предшествования елшанских материалов среднедонским нет. Более того, исследования в донской лесостепи позволяют констатировать лишь их совместное параллельное бытование (стоянки Черкасская, Университетская 3, Затон 1) и демонстрируют вероятность существования контактов. Стратиграфически более ранняя позиция елшанских материалов по отношению к среднедонским четко прослежена лишь в Похоперье (Сурков А.В. 2004), что не раз отмечалось и А.А. Хрековым и В.В. Ставицким (Ставицкий В.В., Хреков А.А. 2004).

В то же время даже для раннего этапа развития среднедонской культуры (кстати, достаточно длительного - не менее тысячелетия) накольчатая орнаментация сосудов не была единственной, хотя и оставалась безусловно доминирующей. Уже в материалах Монастырской стоянки, нижних слоях Черкасской, Чертовицкой, и других ранне-неолитических стоянок есть и иные элементы орнаментации, составляющие, правда, лишь около двух процентов от числа накольчатой. Здесь, прежде всего, имеется в виду гребен-

чатая орнаментация. Оттиски короткого зубчатого штампа всегда играют подчиненную роль, выступая разделителями орнаментальных зон. Но со временем этот элемент приобретает самостоятельный характер, а процент керамики, орнаментированной штампом, возрастает. Такая закономерность характерна не только для Среднего Дона но и для всей доно-волжской степи-лесостепи (Кольцов П.М. 1988; Васильев И.Б., Выборнов И.Б. 1988; Выборнов А.А., 2002 и др.), что применительно к материалам лесостепного Подонья позволяет ставить вопрос о выделении двух подэтапов в раннем неолите (до появления керамики с ямочной орнаментацией), где первый этап характеризуется керамикой с накольчатой орнаментацией, а второй - более широким применением в орнаментации оттисков штампа. Такое разделение подтверждается и нарастанием процента орудий на отщепах в рассматриваемых комплексах (Гапочка С.Н., 2001), что, на наш взгляд, демонстрирует втягивание в процесс неолитизации все новых групп местного мезолитического населения, для которого и была характерна отщеповая технология расщепления камня (Бессуднов А.Н. 1997).

Особо подчеркнем, что в статистико-поглубинном отношении ранняя накольчатая керамика всегда предшествует керамике с накольчато-гребенчатым и гребенчатым орнаментом. Памятников с исключительно гребенчатой керамикой на Среднем Дону нет. Ее почти нет в слое Монастырской 1 стоянки, почти нет в нижней части слоя стоянок Черкасской и Университетской-3, а на стоянках Дрониha и Щучье 2 количество ее лишь растёт снизу вверх (Синюк А.Т., 1986; Гапочка С.Н., 1996).

Сама среднедонская культура с накольчато-гребенчатой керамикой, четко выделяясь среди аналогичных культур Восточной Европы, демонстрирует некоторые вариации в рамках своей территории. Так, в Правобережье Дона, на стоянках Устье Тихой Сосны, Драмодехинская, Копанищенская –1 и 2 еще в 80-е годы В.В. Килейниковым отмечена специфика каменного инвентаря; преобладание кремня над кварцитом, что объясняется близостью оскольской сырьевой базы (Килейников В.В., Печенкин С.В., 1985). Лесостепное Похоперье демонстрирует более широкое использование кварцита, чем в среднем для территории Подонья, а кроме того, здесь более заметно влияние неолитических культур Поволжья (Сурков А.В., 2004). На Верхнем же Дону отмечается большее влияние культур Волго-Окского междуречья с самого раннего неолита и до его финала.

Выше уже были отмечены специфические черты местных ранне неолитических сосудов. В комплексах ранних этапов и днепро-донецкой, и волго-камской культур таких сосудов нет. И сам накольчатый орнамент в днепро-донецкой культуре получил распространение только на ее втором (в известной степени пережиточно неолитическом) этапе.

В свое время Д.Я.Телегин высказал весьма плодотворную мысль о заимствовании накола из среды более восточного степного населения. При этом как область его обитания указывались Средний Дон и Нижняя Волга (Телегин Д.Я., 1968, с. 17). К сожалению, ни Д.Я.Телегин, ни другие исследователи в дальнейшем не возвращались к разработкам в этом направлении. Более того, укоренившееся мнение об обратном влиянии, т.е. о зависимости среднедонской накольчатой керамики от поздней днепро-донецкой (в понимании Д.Я.Телегиным и В.П.Третьяковым характера памятников азово-днепровской культуры) уводило в сторону проблему происхождения и хронологии неолита Дона.

Примеры статистико-поглубинного анализа пойменных стоянок, на которых отражаются приведенные данные, позволяют сделать и ряд других важных выводов. Прежде всего, накольчатая, гребенчатая и накольчато-гребенчатая керамика в своей основе предшествует керамике ямочно-гребенчатой (стоянки Копанище 1, Подзорово 2); не подтверждается точка зрения о прямом вырастании ямочно-гребенчатого орнамента из накольчатого. На стоянках Долговской, Копанище 1, Подзорово 2, Монастырщины 2 ямчатая керамика со строчечным расположением вдавлений, с геометрическим стилем орнамента, с выпуклинами под верхом сосудов, с гофрировкой венчика, то есть, со всеми теми признаками, какие рассматриваются некоторыми исследователями в качестве переходных (Даниленко В.П., 1969; Неприна В.И., 1976), залегает выше керамики со сплошным зонным ямочным орнаментом,

где ямки наносились глубоко, имеют правильную форму и располагаются в шахматном порядке. Такой керамике чужд «отступающий» прием нанесения орнамента, тогда как в материалах отмеченных стоянок в вышележащих слоях встречается и «отступающий» прием, и сочетание ямочного орнаментального элемента с накольчатым. Здесь достаточно четко усматривается факт взаимодействия двух разнокультурных проявлений, а вместе с этим и длительное сохранение традиций культуры с накольчатой керамикой.

Весьма важные стратиграфические признаки отражены и в заполнении двух сооружений, выявленных на стоянке Университетской 3: в их основании, где сохранились остатки деревянных конструкций, залегала ямочно-гребенчатая керамика раннего облика, соответствующая материалам нижнего горизонта Долговской стоянки. Ямы же выходят на уровень границы нижнего и среднего слоев, где нижний слой в своей основе содержал накольчатую керамику раннего облика и микролитические кремнево-кварцевые орудия. Важно то, что в заполнении ям-конструкций, на покрывающем торфянистое основание слое стерильного песка располагались линзы сильно гумуссированной супеси, в одной из которых находился очаг. Края линз выклинивались в нижнем горизонте среднего слоя. Линзы представляли собой не что иное, как остатки небольших шалашевидных сооружений и, судя по находкам в них фрагментов воротничковых сосудов, принадлежали нижнедонской раннеэнеолитической культуре. Тем самым устанавливается факт предшествования на памятнике ямочно-гребенчатой керамики материалам последней.

Есть и другие примеры стратиграфического предшествования на Дону не только накольчатых, но и ранних ямочно-гребенчатых керамических комплексов материалам раннеэнеолитической нижнедонской культуры, в целом синхронной азово-днепровским древностям, причем объединяющейся с ними в рамках мариупольской культурно-исторической области (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985).

Вместе с тем, источники свидетельствуют о наличии многоплановых контактов как между носителями отмеченных неолитических культур, так и с проникавшими на Дон новыми группами населения, культура которых отмечена признаками уже энеолитической эпохи. Результат этих контактов - появление смешанных вещевых комплексов, своеобразие которых наиболее зримо проявляется в облике керамического материала.

Так, следствием взаимодействия традиций среднедонской и рязанско-долговской неолитических культур стало появление сосудов с накольчато-ямочным орнаментом в различном сочетании этих элементов украшения и морфологических признаков. В ходе контактов носителей среднедонской неолитической и раннеэнеолитической нижнедонской культур возник своеобразный тип керамики, названный нами «черкасским», включивший воротничковое оформление венчика сосудов. Элементы заимствования морфологических и орнаментальных признаков энеолитических нижнедонской, среднестоговской и репинской культур отмечаются также в материалах рязанско-долговской и рыбноозерской культур, породивших своеобразные типы керамики с воротничковым оформлением венчиков и орнаментацией, характерной для рязано-долговской и рыбноозерской культур (с появлением на Дону энеолитических комплексов они нами рассматриваются уже на пережиточно неолитической стадии бытования).

Наконец, о прямых контактах носителей культур неолитического облика и культур энеолита - бронзы свидетельствуют памятники выделенной иванобугорской культуры (Синюк А.Т., 1984; Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985). Желобчатое оформление верха сосудов, плоскодонность, жемчужный, зацепной и шнуровой элементы орнамента увязываются с гончарными традициями последних, тогда как орнаментация сосудов ямками в шахматном порядке, явное предпочтение ромбическим мотивам орнамента и целый ряд иных признаков позволяют говорить о сохранении традиций, выработанных еще в неолитической среде Окско-Деснинского региона, а затем привнесенных и в донскую лесостепь.

В основу изучения относительной хронологии культур неолита Дона, а также для разработки периодизации каждой из них, нами взяты стратиграфические показатели, вы-

явленные при раскопках стоянок Черкасской, Копанище 1, Подзоровской 2, Долговской, Университетской 3, Монастырской и ряда других. Так, в системе пойменных наслоений Черкасской стоянки выявлены подпрямоугольные площадки из утрамбованной ракушки - остатки полов древних построек с навесами. Две из них приурочены к основанию наслоений, а третья перекрывала одну из нижних площадок. На верхней площадке находились развалы воротничковых сосудов нижнедонской раннеэнеолитической культуры.

В целом, из анализа стратиграфии Черкасской стоянки вытекают два важных обстоятельства. Во-первых, культура с накольчатой керамикой предшествует появлению материалов нижнедонской культуры мариупольской культурно-исторической области. Во-вторых, культура с накольчатой керамикой проявляет себя и позднее, параллельно с материалами энеолитического облика.

В лесостепном левобережном Подонье достаточно четко вычленяется еще один весьма своеобразный культурный тип - дронихинский, который условно нами включен в среднедонскую культуру заключительного, пережиточно неолитического этапа бытования. Сосуды дронихинского типа, имея подобно среднедонским сосудам формы и ямки под верхом, отмечены своеобразием по наличию органической примеси в глиняном тесте, а в качестве господствующего несут прочерченный элемент орнамента. На них ярко выражены и другие поздние черты: профилировка венчика, плоскодонность, частая встречаемость выпуклин под верхом, появление «паркетного» орнамента (что увязывает их как с волосовскими древностями, так и с традициями степных культур эпохи бронзы). В последние годы материалы, близкие или весьма похожие на дронихинские, получены в Похоперье и Сурско-Мокшанском междуречье, исследователями они относятся к более раннему времени (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 42-48; Сурков А.В. 2004). В связи с этим, необходимо отметить несколько обстоятельств. Прежде всего, есть существенная разница между материалами собственно дронихинского типа и прочерченной керамикой Похоперья и Посурья (немало ее и на донских и Побитюжских стоянках, в том числе и на самой Дронихе). Кроме того, на отмеченных территориях пока нет стратифицированных памятников для проведения анализов. Наконец, пока не разработана проблема происхождения и распространения самой неолитической керамики с прочерченной орнаментацией не только в лесостепи, но и в степном Прикаспии (на связь с которым ссылаются названные исследователи). И уж если становиться на позицию раннего ее происхождения, то было бы не лишним учитывать возможность и западного (днепродонецкого) и, тем более, северного (от прочерченной керамики верхневолжской культуры до аналогично орнаментированной керамики культуры сперингс) влияния. Таким образом, проблема пока еще ждет своего разрешения.

В общих чертах схема относительной хронологии культур и культурных типов неолита лесостепного Подонья (прежде всего начала их появления) нам представляется в следующем виде:

Пережиточный неолит (с появлением материалов нижнедонской энеолитической культуры)		среднедонская культура; материалы черкасского типа; рыбноозерская культура с поздней ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамикой; материалы дронихинского типа
Развитый неолит		среднедонская культура; рязанско- долговская культура
Ранний неолит	второй подэтап	среднедонская культура
	первый подэтап	

В целом, имеющиеся данные позволяют выстроить колонку относительной хронологии разнотипных комплексов времени неолита -энеолита в лесостепном Подонье.

Такая колонка, наряду с четкими признаками хронологического приоритета в появлении тех или иных культурных комплексов, предполагает совмещение их бытования, но не резкую их смену.

Мы уже упоминали примеры, свидетельствующие о длительном существовании на Дону культуры с накольчатой керамикой (по материалам Черкасской стоянки и др.). Достаточно ярко это положение подтверждается и раскопками стоянки Дрониha, но здесь обширная подпрямоугольная площадка из битой ракушки, сходная с большой постройкой Черкасской стоянки, залегала уже над толщей слоя с накольчатой, ямчатой и гребенчатой керамикой. Вместе с тем, на самой поверхности площадки собрано большое количество накольчатой керамики.

При отсутствии надежной базы точных дат для определения хронологической позиции выделяемых этапов неолита Дона весьма существенна роль сопредельных синхронных культурных образований, располагающих такими показателями.

Выше нами проводились параллели с неолитом южного региона. В этом плане весьма важную информацию несет сопоставление с материалами лесной зоны.

Исследование неолитических памятников лесного Поволжья уже в начале XX века позволило выявить здесь керамику с накольчатой орнаментацией.

Однако, вплоть до 70-х годов большинство исследователей неолита лесной зоны считали, что для нее характерна керамика с исключительно ямочно-гребенчатой орнаментацией. Появление же здесь керамики, орнаментированной в накольчатой технике, рассматривалось как отражение контактов с населением более южных лесостепных и степных районов, для которых такой орнамент мог быть автохтонным (Третьяков П.Н., 1966, с. 38).

Ситуация изменилась с обоснованием выделения верхневолжской ранненеолитической культуры с характерной тычково-гребенчатой орнаментацией керамики и кремневым инвентарем мезолитического облика, преимущественно с пластинчатой техникой расщепления (Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977). Впервые предположение о существовании здесь ранненеолитической культуры, предшествующей льяловской, было сделано еще в конце 60-х годов (Крайнов Д.А., 1972), а комплекс с гребенчато-накольчатой керамикой, впервые выделен еще в начале XX века. И лишь длительный процесс накопления и осмысления материалов, предшествующих льяловским, привел исследователей к выводу о необходимости выделения здесь своеобразной ранненеолитической культуры.

Открытие новой культуры с тычково-гребенчатой орнаментацией в материалах Ивановских, Сахтышских и Языковских стоянок, традиционно считавшихся принадлежностью исключительно ямочно-гребенчатого мира, создало, с одной стороны, прецедент для выделения пласта ранненеолитических культур и комплексов с накольчато-гребенчатой керамикой в лесной зоне Восточной Европы (до этого времени их нахождение здесь, в лучшем случае, объяснялось как результат контактов с более южным населением), а, с другой стороны, заставило пересмотреть сложившееся в отечественной археологии представление о взаимосвязи и синхронизации ранненеолитических культур лесной, лесостепной и степной зон Восточной Европы.

Наряду с отличительными чертами среднедонской и верхневолжской культур, обращают на себя внимание признаки сходства в их керамике. Не случайно в поисках аналогий орнаментации исследователь верхневолжской культуры Д.А. Крайнов привлекал материалы памятников именно среднедонской неолитической культуры - стоянок Подзоровской, Ярлуковской Протоки, Савицкой стоянок (Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1983 с.64), а современные исследователи вновь (хоть и на более существенной источниковой базе) возвращаются к разработке данного направления (Белановская Т.Д., Тимофеев В.И., 2003 с. 212).

Такого рода общие признаки обособляют эти культуры от всех других сопредельных культурных образований и одновременно предполагают их более глубокую этноисторическую связь. Думается, пришлые южные группы населения явились серьезным компонентом в этническом составе носителей верхневолжской культуры. Отмечены сле-

ды и обратной связи: нахождение верхневолжской керамики на стоянках Подонья (Щучье 2, Затон 1 и др.).

В любом случае, уже сейчас с полным основанием можно синхронизировать ранние периоды бытования этих двух культур. Нижнюю границу верхневолжской культуры исследователи определили не позднее середины V (Крайнов Д.А., 1978, 1980 с. 38), а возможно, конца VI тысячелетия (Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., 1983, с. 269; Энговатова А.В., 1998).

Обратим внимание и на неоднократно отмечавшуюся близость среднедонской и средневолжской культур. С точки зрения исследователей средневолжской культуры (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988) в лесостепном Поволжье она развивалась вслед за елшанской культурой, датируемой VII - VI тыс. до н.э. (Мамонов А.Е., 2000). Поволжские накольчатые сосуды имеют с донскими ряд сходных черт, но они все же более сопоставимы не с ранними из них, а с более поздними, а, кроме того, демонстрируют совершенно разные технологические традиции: донские сосуды в целом остродонны, в то время как поволжские - плоскодонны.

Вместе с тем, сравнение елшанских и самых ранних среднедонских групп материалов заслуживает внимания ввиду присутствия у них целого ряда общих признаков. В керамике это остродонность, плотное тесто без видимых примесей, тонкостенность и залощенность внешней поверхности, разреженность орнамента, наличие больших неорнаментированных зон, единые мотивы, ямочно-жемчужный пояс под срезом венчика и др. В каменном инвентаре таких признаков еще больше. Пластинчато-вкладышевая индустрия практически совпадает, начиная от использования микропластин до изготовления сечений из средних пластин и их использования без дополнительной подработки. Объединяющими признаками являются: преобладание скребков на отщепах, развитое производство рубящих орудий, в том числе и «трапезиевидных шлифованных рубящих орудий» (Вискалин А.В., 2003). Все это дает возможность предполагать не столько прямое проникновение елшанского населения в Подонье (которое пока четко фиксируется лишь в Похоперье), сколько единые стадийные тенденции в развитии двух раннеэнеолитических культур Восточной Европы, как и в развитии ракушечной, сурской, буго-днестровской культур (пока не оговаривая синхронизацию их этапов). В частности, весьма важным сопоставительным источником следует считать и находки на донских стоянках фрагментов керамики буго-днестровского типа (Черкасская, Копанище 1, Затон 1), по орнаментальным признакам более тяготеющих к развитым фазам культуры (соколецкой и печерской) (Даниленко В.Н., 1969, с. 188, рис. 138, 139). Эти фазы датируются В.Н. Даниленко от конца VII до конца V тысячелетий до н.э. (Даниленко В.Н., 1969, с. 217).

Таким образом, учитывая соответствие в датировках всех сравниваемых материалов, время формирования среднедонской энеолитической культуры, со всей осторожностью подхода к проблеме, может быть определено, как минимум, от рубежа VI - V до первой половины V тысячелетия до н.э., что предполагает ее синхронизацию не со вторым, как считал Д.Я. Телегин (Телегин Д.Я., 1981, с. 7), а с первым этапом днепродонецкой культуры. Синхронизация же среднедонской культуры на ее раннем этапе с раннеэнеолитическими культурами степи - лесостепи Восточной Европы, в том числе и елшанской культурой, как будто бы, не вызывает сомнений.

Начало второго этапа неолита лесостепного Дона определяется появлением носителей культуры с ранней ямочно-гребенчатой керамикой. Если принять во внимание проявляемую в современных исследованиях тенденцию к удревнению блоков культур и отдельных культур, включая и те, которые рассматриваются нами в рамках мариупольской культурно-исторической области (азово-днепровская, нижнедонская и др.), уводящую последние в V тысячелетие до н.э., то второй этап тоже, казалось бы, не должен выходить за пределы этого тысячелетия, причем до времени появления в лесостепи материалов нижнедонской раннеэнеолитической культуры. Однако это входит в известное противоречие, с одной стороны, с имеющимися датировками культур энеолита и ранней бронзы рассматриваемых территорий, поскольку нижнедонская культура здесь довольно

быстро переоформляется в репинскую (Синюк А.Т., 1999), а с другой стороны, со стратиграфическими данными, указывающими на предшествование ямочной керамики раннеэнеолитической. Ямочная же керамика даже на Верхней Волге датируется временем не ранее рубежа V-IV - начала IV тыс. до н.э. (Энговатова А.В., 1998).

На наш взгляд, «растягивание» бытования репинской культуры более чем на два тысячелетия наталкивается на ряд проблем, включая аспекты палеодемографии (относительно малое число материалов в целом), динамики исторического развития, пределов протяженности сохранения этнокультурной целостности и т.п. Все это еще ждет своего объяснения. Пока же мы придерживаемся традиционных хронологических разработок для культур с ранней ямочно-гребенчатой керамикой, позволяющих датировать появление в Подонье рязанско-долговских комплексов в пределах первой половины IV тысячелетия до н.э. Завершение второго и начало третьего, пережиточно-неолитического, этапа может быть отнесено к середине - третьей четверти этого тысячелетия. Конечный же рубеж неолитической эпохи в лесостепном Подонье, на основании фиксируемых примеров хронологической стыковки традиций неолита, энеолита и бронзового века, может быть обозначен концом III - началом II тыс. до н.э.

В заключение еще раз подчеркнем, что объяснение улавливаемому в лесостепном Подонье совмещению поликультурных и разнотадальных традиций кроется в природно-географической специфике данного региона, а в связи с этим есть основание полагать, что сходные исторические процессы должны проявлять себя археологически по всей зоне восточноевропейской лесостепи.

Белановская Т.Д., Тимофеев В.И. 2003. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.

Берг Л.С., 1995. Природа СССР. М.

Бессуднов А.Н., 1997. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Воронеж.

Валукинский Н.В. 1948. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // СА. №10.

Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Морзунова Н. Л., Пенин Г.Г., 1987. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1985. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.

Виноградов А. В., 1968. Неолитические памятники Хорезма. М.

Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., 1975. Первобытный Лявлякан. М.

Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.

Вискалин А.В., 2003. Раннеэнеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташелка) (итоги предварительного изучения) // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.

Выборнов А. А., Пенин Г.Г., 1979. Неолитические стоянки на реке Самаре // Древняя история Поволжья. Куйбышев.

Выборнов А.А., 2003. Неолит Лесостепного Поволжья. Самара.

Гапочка С.Н., 1995. Неолитическая стоянка Щучье 2 в среднем Побитюжье // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж.

Гапочка С.Н., 2001. Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой Лесостепного Дона: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Воронеж.

Даниленко В.Н., 1969. Неолит Украины. К.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., 1986. Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-боринской культуры // Проблемы эпохи неолита Степной и Лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург.

Замятнин С.Н. Донской неолит // Архив ИИМК РАН, папка №XXXV.

Килейников В.В., Печенкин С.В., 1985. Функциональная оценка каменного инвентаря поселения Копанице II // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж.

Коробкова Г.Ф., Массон В.М., 1978. Понятие «неолит» и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. Вып. 153.

Косменко М.Г., 1972. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. № 3.

Крайнов Д.А., 1980. Фатьяновская культура в этногенезе балтов // Из древнейшей истории балтийских народов по данным археологии и антропологии. Рига.

Крайнов Д.А., 1978. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 153.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., 1983. 25 лет (1959-1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии Наук СССР // СА. № 4.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1983. Верхневолжская раннеэнеолитическая культура // СА. № 4.

- Крижевская Л.Я., 1972. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия // МИА. № 185.
- Крижевская Л.Я., 1972. Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II // КСИА. Вып. 161.
- Крижевская Л.Я., 1991. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб.
- Левенок В.П., 1971. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР // КСИА. Вып. 126.
- Левенок В.П., 1973. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. Вып. 172.
- Мамонов А.Е., 2000. Хронологический аспект изучения елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы. СПб.
- Марков Г.Е., 1966. Грот Дам-Дам-чешме II в Восточном Прикаспии // СА. № 2.
- Матюшин Г.Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М.
- Мильков Ф.Н., 1977. Природные зоны СССР. М.
- Неприна В.И., 1976. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. К.
- Окладников А.П., 1956. Пещера Джебел - памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. VII.
- Праслов Н.Д., 1971. Памятники каменного века южных Ергеней // КСИА. Вып. 126.
- Синюк А.Т., 1975. Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV-II тыс. до н.э. // Из истории Воронежского края. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1978. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.
- Синюк А.Т., 1981. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. № 4.
- Синюк А.Т., 1984. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. №3.
- Синюк А.Т., 1985. Стоянка Монастырская 1 как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // Археологические памятники на европейской части СССР. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1999. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж.
- Сурков А.В. 2004. Елшанская культура Среднего Похоперья // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Пенза.
- Ставицкий В.В., Хреков А.А. 2003. Неолит - ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов.
- Телегин Д.Я., 1968. Днепро-донецкая культура. Київ.
- Телегин Д.Я., 1981. Про неолитичні пам'ятки Подоння та Степового Поволжжя // Археологія. Вып. 36.
- Третьяков В.П., 1982. О неолите Верхнего Дона // СА. № 4.
- Третьяков В.П., 1983. Неолит Верхнего Подонья // Проблемы хронологии археологических памятников Степной зоны Северного Кавказа. Ростов.
- Третьяков В.П., 1990. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.
- Формозов А.А., 1959. Микролитические памятники азиатской части СССР // СА. №2.
- Формозов А.А., 1972. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. № 1.
- Фосс М.Е., 1959. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 г. // КСИИМК. Вып. 75.
- Халиков А.Х., 1958. Неолитические памятники в Казанском Поволжье // МИА. №61.
- Хотинский Н.А., 1978. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной европейской части СССР // КСИА. Вып. 153.
- Шоков А.Ф., 1958. Неолитические находки на Дону // Известия ВГПИ. Т.26.
- Энговатова А.В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 3

А.В. Сурков
(Воронеж, ВГПУ)

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СТОЯНКИ ПЛАУТИНО 2

Топография и стратиграфия стоянки Плаутино 2, как и описание нижнего горизонта с финальнопалеолитическими находками, приведены в настоящем сборнике выше (см. статью «Финальнопалеолитический комплекс стоянки Плаутино 2»). Здесь мы коснемся неолитического слоя, залегавшего в темной гумуссированной супеси над супесчаной глиной.

В пахотном слое были обнаружены, в основном, находки неолитического времени, за исключением небольшого числа фрагментов керамики эпохи бронзы без орнамента, а во втором горизонте находки эпохи бронзы отсутствовали. Каменный инвентарь

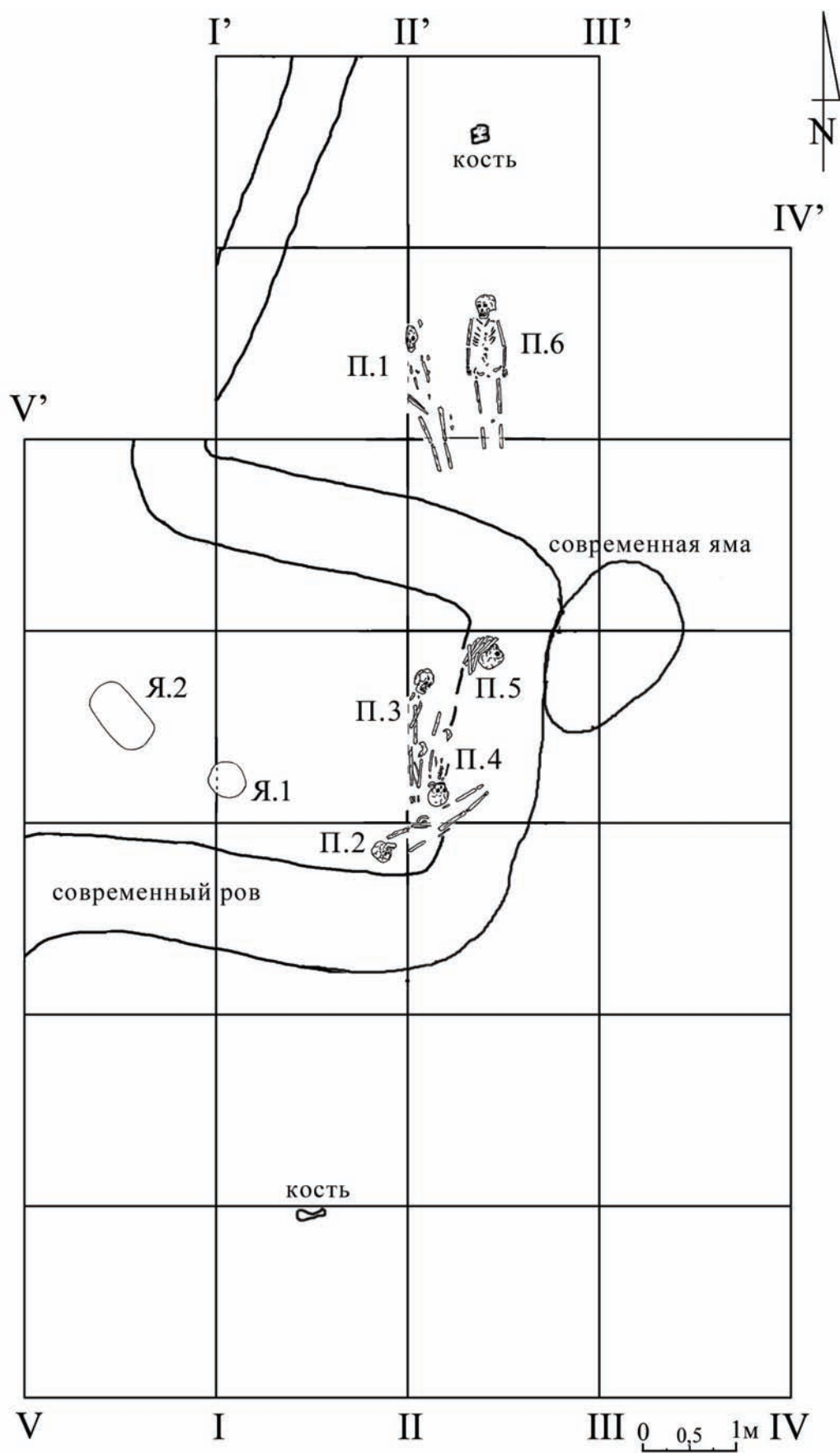

Рис. 1. Стоянка Плаутино 1. Общий план раскопа 2004 г.

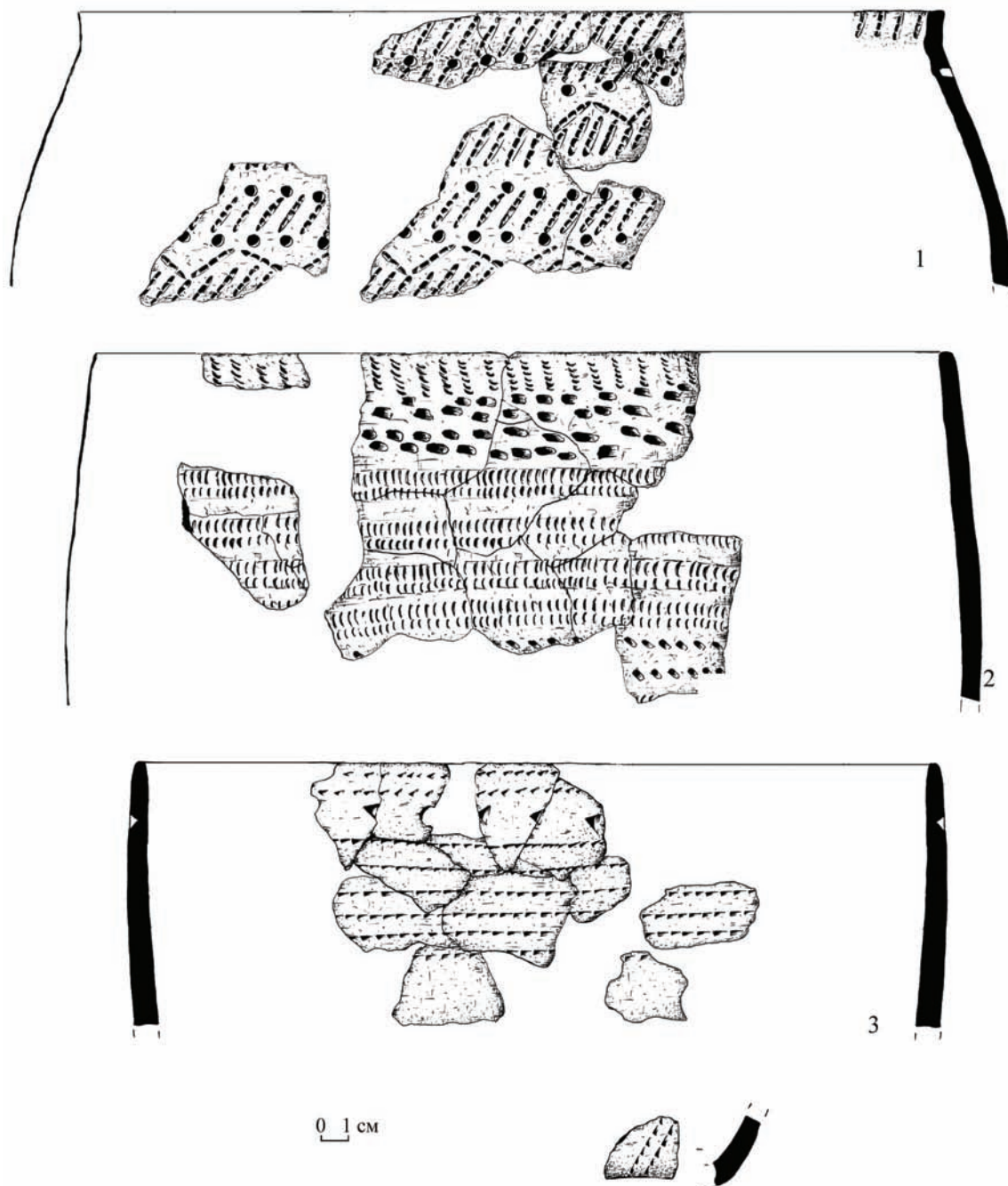

Рис. 2. Стоянка Плаутино 2. Развалы неолитических сосудов

Таблица 1. Общие данные о неолитических находках

Место залегания Тип находки		Пахотный слой	Слой темной гумуссированной супеси	Всего	
Кварцит		782	1247	3204 81,03%	3954
Кремень		150	454	740 18,72%	
Сланец		-	10	10 0,25%	
Керамика	Ям.греб.	57	139	196	
	Накол.	39	63	102	
	Без орн.	36	14	50	
	Итого	132	216	348	

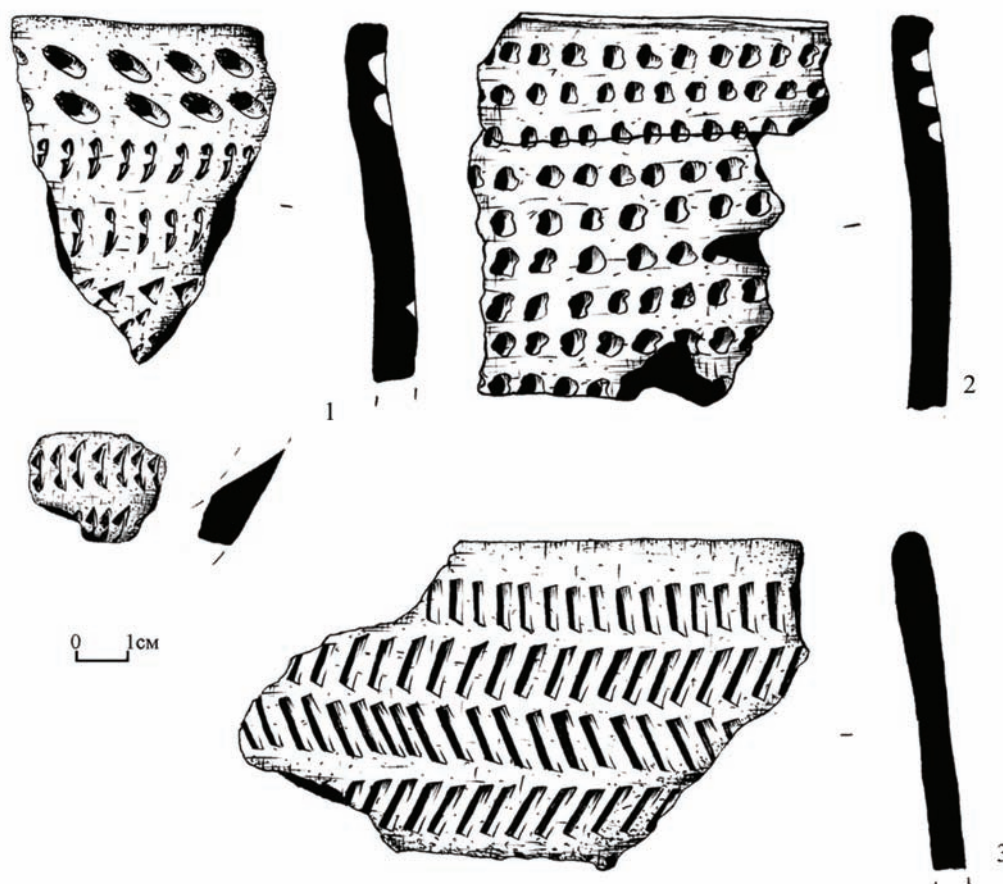

Рис. 3. Стоянка Плаутино 2. Керамические находки

концентрировался в центральной части раскопа, а керамика залегала двумя скоплениями – в южной и центральной частях. Помимо этого, выявлено две ямы, шесть погребений, две кости животных (рис. 1). Ямы, кости и два погребения связаны с неолитическим слоем. Хронологическая принадлежность остальных погребений пока не ясна.

Общие данные о неолитических находках в пахотном слое и горизонте темной гумусированной супеси сведены в таблицу 1.

Среди керамического инвентаря выделяются 24 развала неолитических сосудов. Один из наиболее полно представленных сосудов имел ямочно-гребенчатую орнаментацию (рис. 2, 1). Он закрытой формы со слегка отогнутым наружу венчиком (диаметр около 30 см), фрагментов донца не обнаружено. Тесто плотное, с примесью дресвы. Внешняя поверхность украшена наклонными рядами оттисков пятизубчатой гребенки в сочетании с рядами ямочных вдавлений. Композиционно, помимо этих двух элементов, выделяются пояски оттисков гребенки зигзагом. На внутренней поверхности имеются следы расчесов, а в верхней части, нанесен ряд гребенчатых оттисков.

Один сосуд был украшен накольчато-ямчатой орнаментацией (рис. 2, 2). Венчик прямой (диаметр около 30 см), фрагментов донца не обнаружено. Тесто без видимых примесей. Орнаментация сосуда состоит из двух элементов – подовальных наколов и ямчатых вдавлений, композиционно выстроенных в горизонтальные ряды. В верхней части венчика наколы идут небольшими вертикальными рядами, затем нанесены ямчатые ряды, сменяющиеся горизонтальными рядами спаренных подовальных наколов. Изнутри имеются расчесы.

Еще один из сосудов орнаментирован в накольчатой технике (рис. 2, 3). Сосуд имел баночную форму, прямой венчик (диаметр около 25 см) и плоское или уплощенное дно. В тесте фиксируется песок, но говорить о его преднамеренном добавлении к глине нельзя. Орнамент сосуда в верхней части состоит из горизонтальных рядов мелких нако-

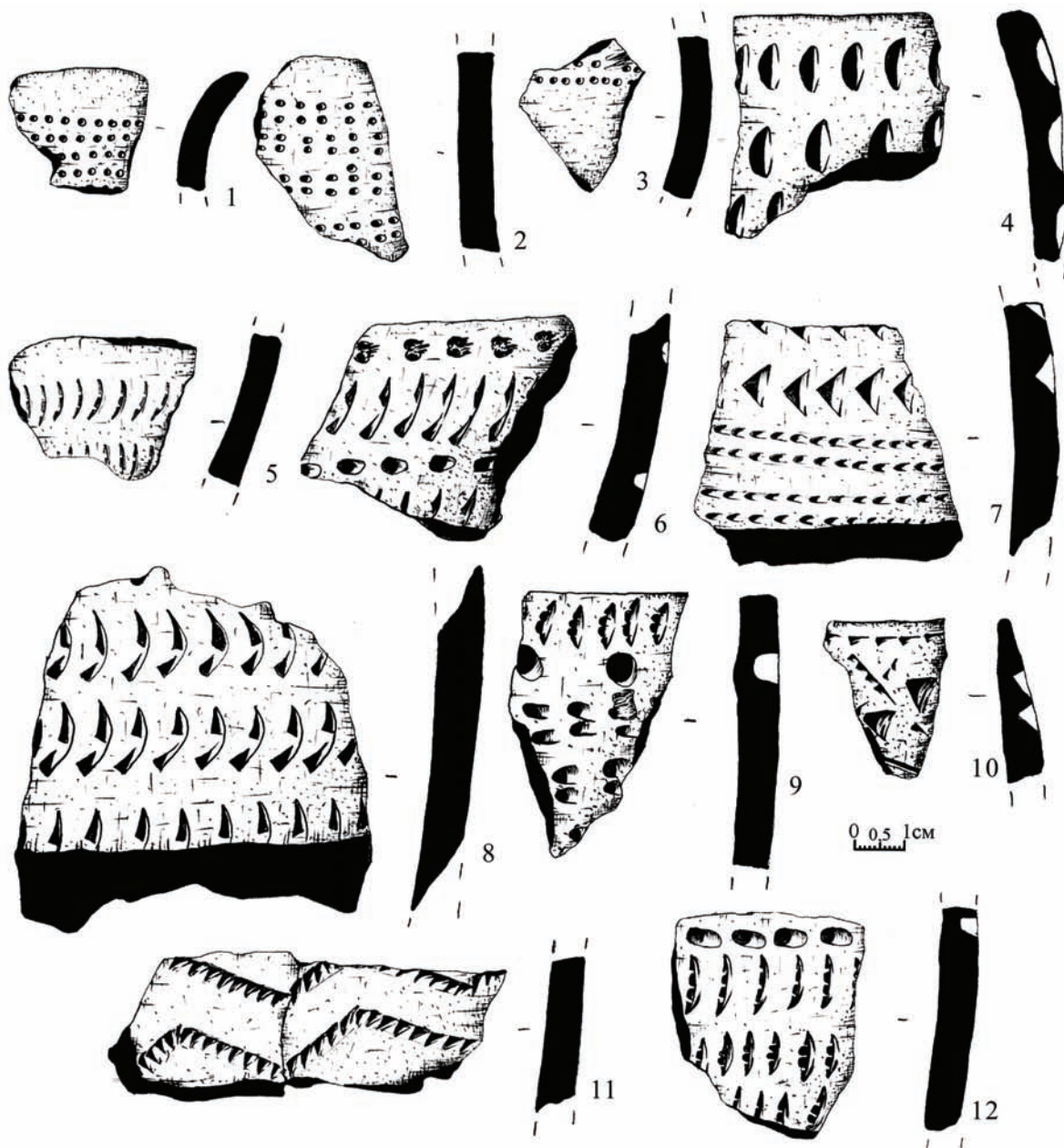

Рис. 4. Стоянка Плаутино 2. Керамические находки

лов, нанесенных в строчку, а также ряда подтреугольных наколов, нанесенных отдельно и глубоко. Орнаментация центральной и придонной частей сосуда более сложная, но восстановить ее невозможно в силу фрагментарности. Изнутри присутствуют расчески.

Среди остальной керамики можно выделить развалы с накольчатой (рис. 3, 1, 2; 4, 7, 8, 10, 11), ямочно-гребенчатой (рис. 4, 12), ямчатой (рис. 3, 3; 4, 4) и гребенчатой орнаментацией (рис. 4, 5). Особо выделяется развал сосуда, украшенный горизонтальными рядами точечных наколов (рис. 4, 1-3). Его венчик сильно отогнут наружу, тесто плотное, без видимых примесей, внешняя поверхность слегка подлющена.

Каменный инвентарь неолитического времени численно гораздо превосходит керамические находки. В пахотном слое обнаружено 932 единицы камня (табл. 2).

Основная масса каменных находок – кварцитовые отщепы, выполненные из местного сырья, выходы которого имеются неподалеку от стоянки. Кремневые отщепы из неоднородного сырья, в основном, из валунного или галечного кремня низкого качества, но есть и из мелового. Нуклеусы и их сколы, в основном, аморфные, многоплощадочные, максимально утилизированные. Один из кварцитовых нуклеусов имеет правильную

Таблица 2. Каменный инвентарь пахотного слоя

Тип находки	Материал		Всего
	кремь	кварцит	
Нуклеусы и их сколы	20	19	39
Отщепы	101	640	741
Орудия на отщепах	10	33	43
Пластины и их сечения	19	87	106

форму, одноплощадочный для снятия пластин (рис. 5, 1). Среди орудий на отщепах имеются стамески (рис. 5, 3, 4), скребки-скобели (рис. 5, 5-8), развертка (рис. 5, 2). Пластин и их сечений более 100, они имеют разную величину и огранку (рис. 5, 10-16). На ряде пластин по граням имеется дополнительная подработка (рис. 5, 9).

В слое темной гумусированной супеси выявлено 1711 единиц камня (табл. 3).

Таблица 3. Каменный инвентарь слоя темногумусированной супеси

Тип находки	Материал		Всего
	кремь	кварцит	
Нуклеусы и их сколы	53	46	99
Отщепы	223	1105	1328
Орудия на отщепах	41	54	95
Пластины и их сечения	44	132	176
Сланец и орудия из него	10		10

Как и в выше описанном слое основную массу находок составили кварцитовые отщепы, далее идут отщепы из кремня. Нуклеусы и их сколы, как и в первом горизонте, аморфные и многоплощадочные. Один из нуклеусов из валунного кремня предназначен для снятия пластин, он одноплощадочный, клиновидный, имеет миниатюрные размеры (рис. 6, 1). Большинство орудий представляют собой скребки и скобели (рис. 6, 2-15; 8, 6-8), имеются тесла (рис. 7, 1-3, 10), развертки (рис. 7, 8, 9; 8, 9), наконечники стрел (рис. 7, 6, 7) и обломки наконечников дротиков (рис. 7, 4, 5). Интересна группа орудий удлиненных пропорций, подтреугольных в сечении, функциональная принадлежность которых не ясна (рис. 8, 1-5). Пластины представлены как целыми формами (рис. 8, 25, 27), так и сечениями (рис. 8, 13-24, 26), на некоторых пластинах изготовлены орудия (рис. 8, 10-12).

В слое темной гумусированной супеси было обнаружено 10 предметов из сланца зеленоватого или коричневого цвета. Среди них один обломок «утюжка» с пропилом и насечками с боковой стороны (рис. 9, 1), овальный диск (рис. 9, 2), подвеска круглой формы с отверстием (рис. 9, 3), тесла целые (рис. 9, 4, 6) и обломанное (рис. 9, 7). Функциональная принадлежность еще двух орудий не ясна (рис. 9, 5, 8).

Ямы, относившиеся к неолитическому времени, были углублены сквозь слой суглинка в материк на 15 см. Одна из них, по-видимому, является остатками столба диаметром около 40 см, а другая содержала истлевшие кости и каменный инвентарь, среди которого две кремневые пластины, лежавшие одна поверх другой.

Погребения представляют собой две компактные группы, принадлежность одной из которых к неолитическому времени не вызывает сомнения, тогда как в другой не фиксируется системности, она частично нарушена современным перекопом. Неолитические погребения располагались в северной части раскопа, костяки залегали практически в основании слоя темной гумусированной супеси в слегка углубленных в суглинок ямах, форму которых определить не удалось. По положению и ориентировке умерших погребения практически идентичны: костяки располагались на спине, головой на север с небольшим отклонением, руки одного из захороненных были вытянуты вдоль тела

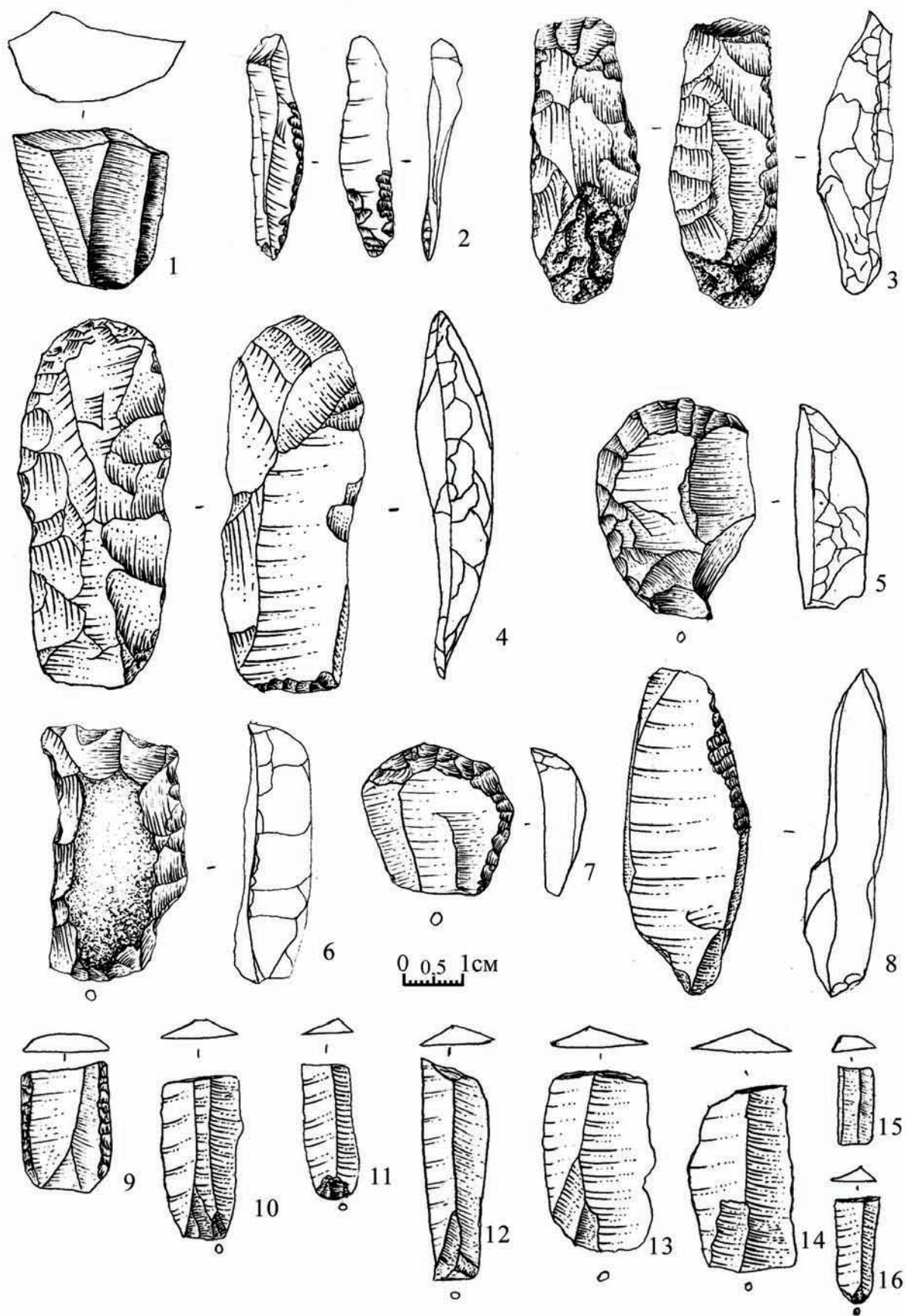

Рис. 5. Стоянка Плаутино 2. Каменный инвентарь из пахотного слоя
(1, 3 – 16 кварцит; 2 – кремьнь)

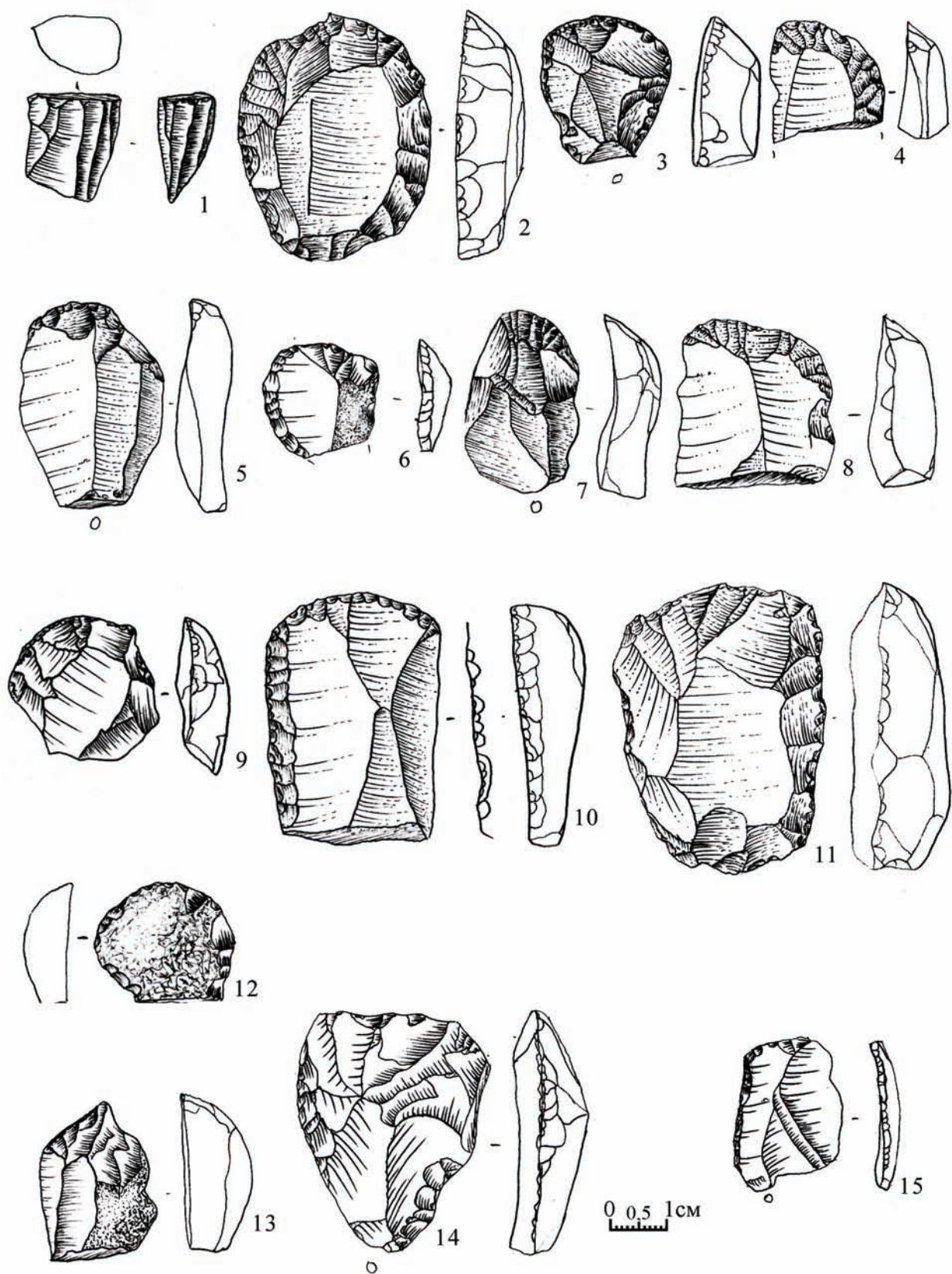

Рис. 6. Стоянка Плаутино 2. Каменный инвентарь из слоя темногумусированной супеси (1, 6, 9, 12-15 – кремь; 2-5, 7, 8, 10, 11, 16 – кварцит)

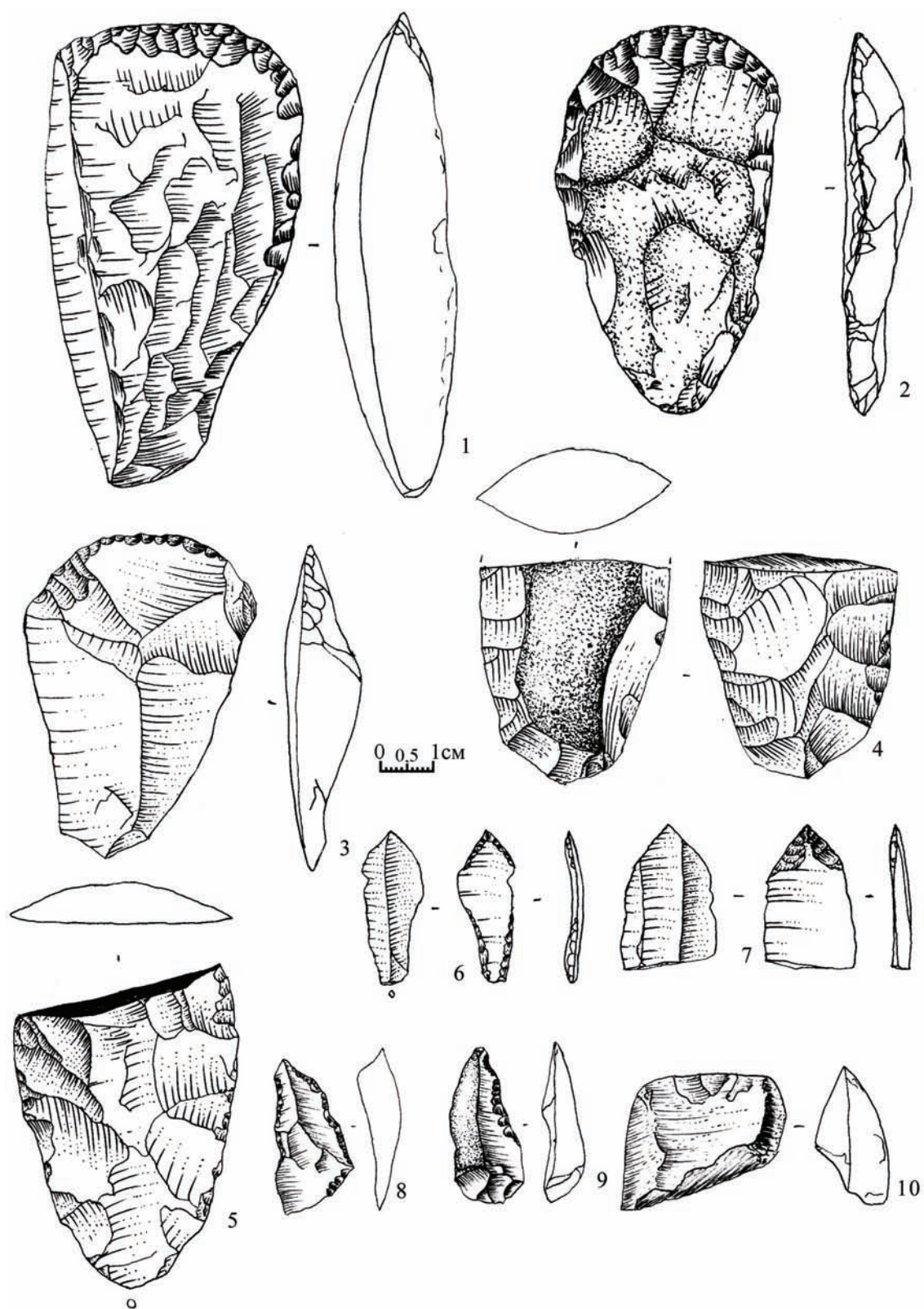

Рис. 7. Стоянка Плаутино 2. Каменный инвентарь из слоя темногумусированной супеси (1, 2, 8, 9 – кремь; 3-7, 10 – кварцит)

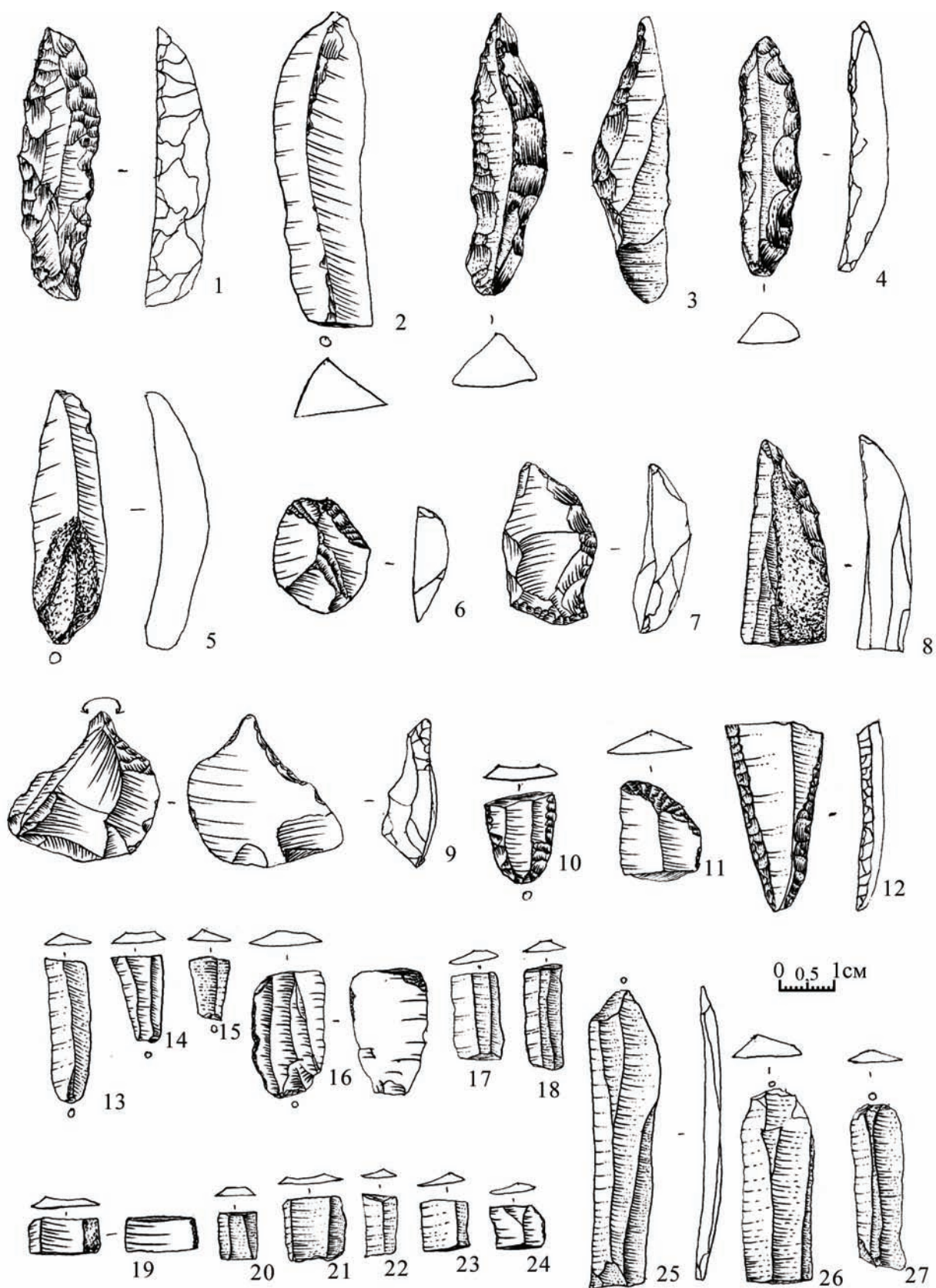

Рис. 8. Стоянка Плаутино 2. Каменный инвентарь из слоя темногумусированной супеси (1, 2, 5-7, 9-11, 16, 19, 24 – кремнь; 3, 4, 8, 12-15, 17, 18, 20-23, 25-27 – кварцит)

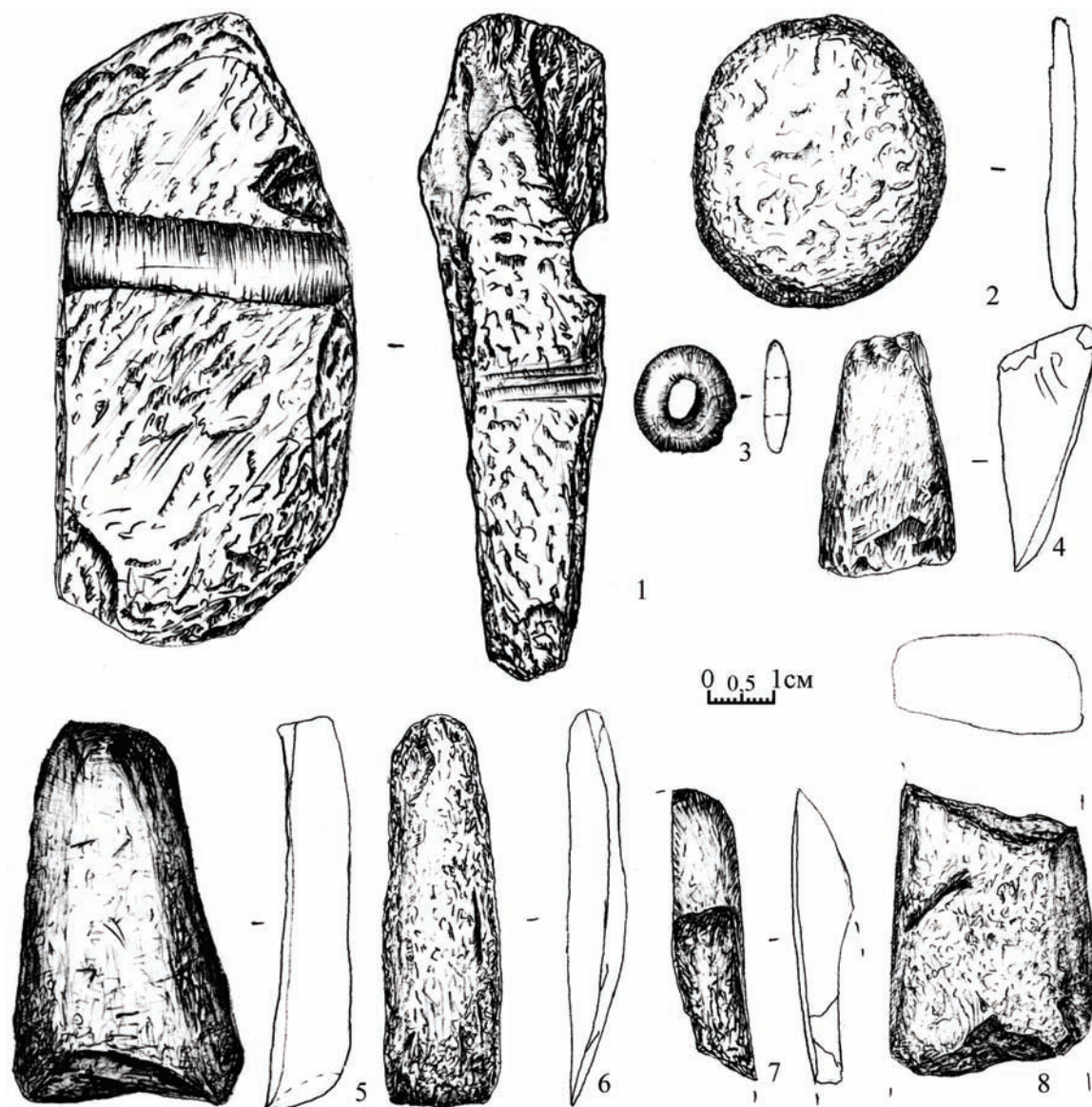

Рис. 9. Стоянка Плаутино 2. Сланцевые изделия из слоя темногумусированной супеси

(погребение 6), у другого правая рука находилась в области паха, а левая была вытянута вдоль тела (погребение 1, частично разрушенное при зачистке стенки) (рис. 10). Рядом с

Рис. 10. Стоянка Плаутино 2. Неолитические погребения 1 и 6

костяками были обнаружены кварцевые отщепы, но связать их с погребениями проблематично.

Во второй группе (рис. 11) погребение 2 расположено южнее всего на уровне материка. Ориентация головы юго-западная, положение костяка вытянуто на правом боку. Левая берцовая кость уничтожена погребением 4, костяк которого расположен на спине, руки вытянуты вдоль тела, голова ориентирована на юг. Западнее погребения 4 параллельно ему располагалось погребение 3, но голова умершего была ориентирована на север, положение

вытянуто на левом боку. Погребение 5 находилось чуть севернее, представляет собой компактно уложенные кости рук и ног, сверху которых помещена голова. Ямы погребений не фиксировались из-за нарушения их верха современным рвом. Инвентарь отсутствовал.

Остеологический материал представлен крупным позвонком и фрагментом челюсти, видовой принадлежность костей не определена.

В целом, неолитические материалы памятника представляют большой интерес, поскольку существование стоянки, судя по распространению развалов сосудов, было недолгим, и в последующие времена это место практически не заселялось, что сказалось на сохранности культурного слоя, верхняя часть которого затронута распашкой, а современные перекопы легко вычлениваются визуально.

Культурологическая принадлежность материалов неоднородна и, по-видимому, отражает период совместного бытования на территории лесостепного Похоперья населения среднедонской культуры и носителей ямочно-гребенчатых традиций при определенном влиянии средневолжской культуры, что проявилось как в единых традициях (накол и ямочно-гребенчатая орнаментация на разных сосудах, остродонность и плоскодонность), так и в их смешении (накольчато-ямчатая и мелкозубчатая гребенчатая керамика). Каменный инвентарь отличается преобладанием отщеповой индустрии, наличием наконечников стрел на пластинах, большим процентом скребков и скребков в орудийном наборе. Выделяются стамески и тесла.

Обрядность погребений 1 и 6 находит широкие аналогии среди неолитических древностей: северная ориентировка, расположение костяков вытянуто на спине, безынвентарный характер. На Среднем Дону известен могильник неолитического времени на стоянке Копанице 2 (Синюк А.Т., 1986, с. 123). Все четыре погребения этого могильника имеют западную ориентировку, костяки расположены на спине, у трех ноги вытянуты, инвентарь и ямы не фиксируются. В качестве примера подобных могильников на сопредельных территориях можно привести безынвентарное погребение на стоянке Елшанка XI, где костяк имел северную ориентировку, располагался вытянуто на спине (Вискалин А.В., 2004).

Относительная датировка этих материалов, по аналогиям с древностями сопредельных территорий, находится в пределах второй половины IV тыс. до н.э. По данным спорово-пыльцевого анализа, полная характеристика которого приводится нами в статье данного сборника (см.: Сурков А.В., Федюнин И.В. Финальнопалеолитический комплекс стоянки Плаутино 2 в Среднем Похоперье), существование неолитического слоя укладывается в рамки IV тыс. до н.э., а климатические условия этого времени соответствуют фазе широкого развития липовых группировок в составе дубрав, что соотносится со второй половиной атлантического периода.

Датировка комплекса подтверждает хронологическое единство описанных материалов, искусственное расчленение которых по типологическим группам не может соответствовать исторической действительности. Одностороннее рассмотрение материалов одного памятника, расположенных комплексно в единых стратиграфических условиях, уже привело к выделению «ранне-неолитических» стоянок на территории лесостепной и юга лесной зон (напр.: Выборнов А.А. и др., 2004; Хреков А.А., Ставицкий В.В., 2003; Хреков А.А., Юдин А.И., 2003 и др.), что, на наш взгляд, недостаточно обоснованно. Именно поэтому неолитический слой данного памятника публикуется полностью, без искусственного культурно-типологического членения.

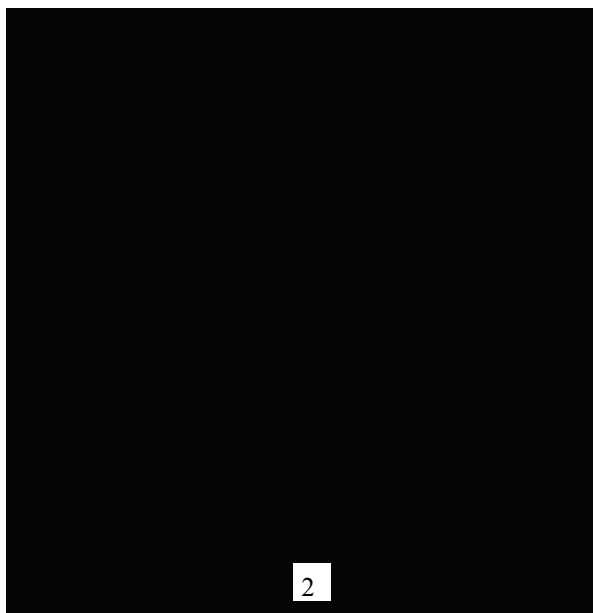

Рис. 11. *Стоянка Плаутино 2.
Погребения 2, 3-5*

- Вискалин А.В., 2004. Елшанка XI – новая стоянка средневолжской неолитической культуры на Верхней Свияге // Исторические исследования. Самара. Вып. 5. С.144-154.
- Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Челяпов В.П., 2004. Ранний комплекс поселения Городок I на р. Ранова в Рязанской области // Исторические исследования. Самара. Вып. 5. С. 162-193.
- Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.
- Хреков А.А., Ставицкий В.В., 2003. Ранний неолит Лесостепного Прихоперья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В. А. Городцова: Тез. докл. конф. М. С. 31-33.
- Хреков А.А., Юдин А.И., 2003. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 3. С. 16-46.

В.В. Килейников, А.В. Сурков
(Воронеж, ВГПУ)

СТОЯНКА ПЛАУТИНО 4 В СРЕДНЕМ ПОХОПЕРЬЕ

Стоянка Плаутино 4 обнаружена одним из авторов настоящей публикации в 2002 г., затем дополнительно обследована И.В. Федюниным (Сурков А.В., Федюнин И.В., 2004), а в 2004 году проведены ее охранные раскопки.

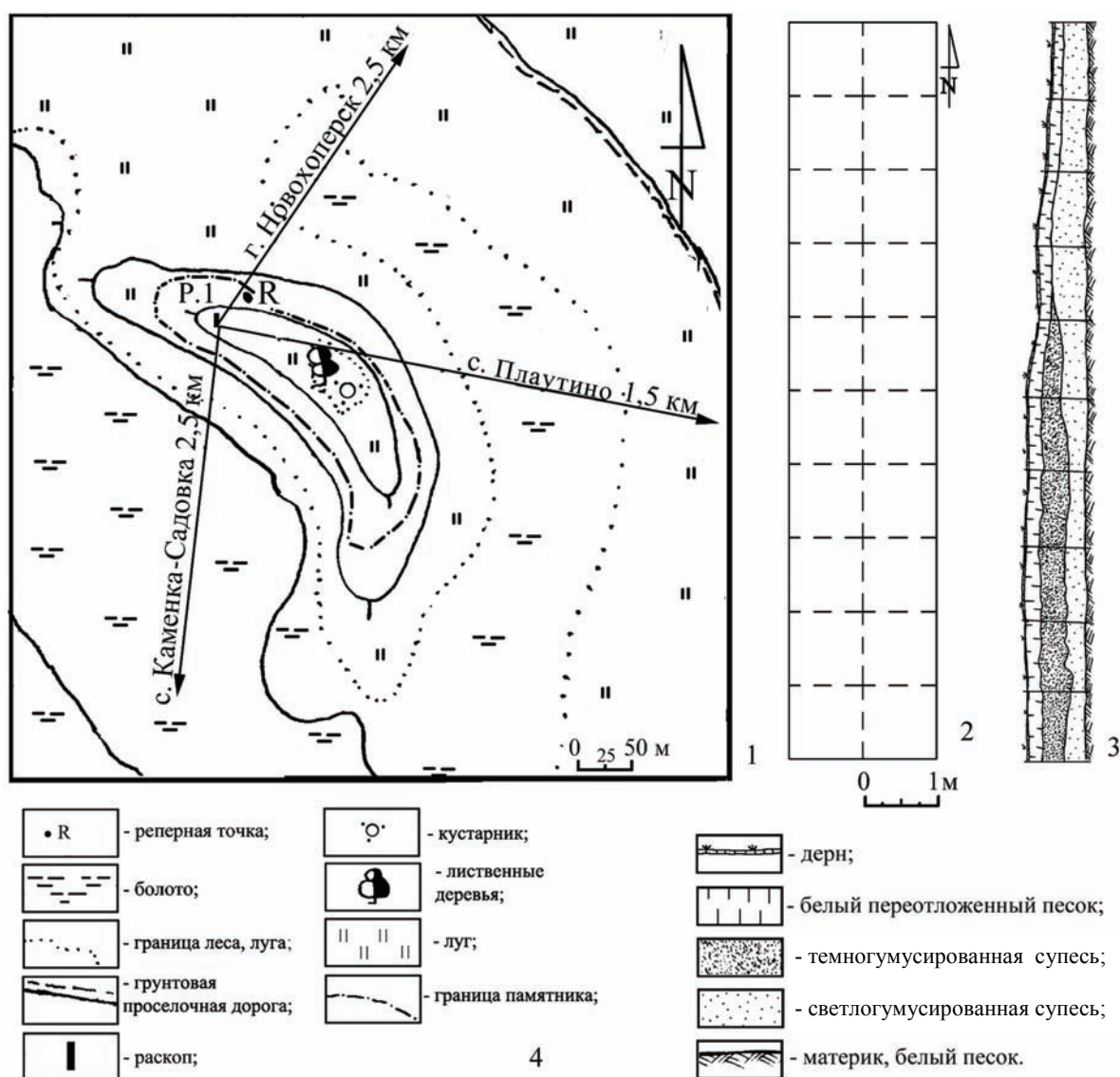

Рис. 1. Стоянка Плаутино 4. 1 – топографический план; 2 – общий план раскопа; 3 – стратиграфия наслоений; 4 – условные обозначения

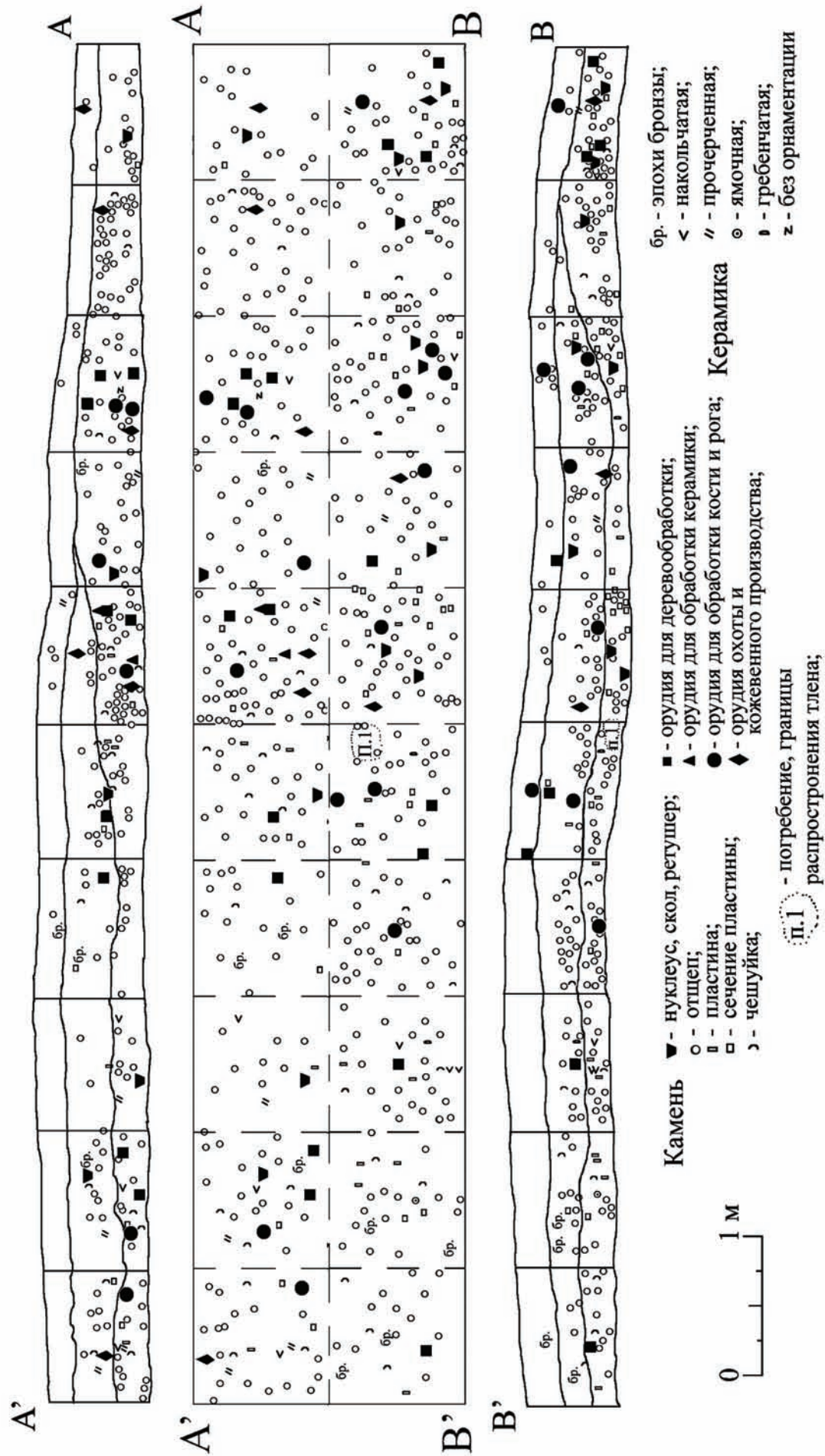

Рис. 2. Стоянка Плаутино 4. Планиграфическое и стратиграфическое размещение находок

Стоянка расположена на береговом валу, возвышающимся над открытой заболоченной поймой на 2,5 м. Вал вытянут по линии юго-восток – северо-запад на 400 м, максимальная ширина вала составляет 120 м (рис. 1, 1). Во время обнаружения памятника пойма была сухой, вал разрушался грунтовыми дорогами. В последующие годы уровень заболоченности поймы значительно повысился, что привело к практически полному ее затоплению в окрестностях стоянки.

Раскоп 2004 г. был разбит на северо-западном склоне берегового вала. Общая площадь раскопа составила 20 кв. м (рис. 1, 2). Раскопки велись единой зачисткой по всей площади раскопа. Каждая находка фиксировалась на плане квадрата условным знаком и одновременно на стратиграфическом профиле отмечалась глубина ее залегания от реперной точки (рис. 2).

В результате раскопок была выявлена стратиграфия наслоений, характерная в целом для всех стоянок данного региона, расположенных на береговых валах (рис. 1, 3). Ее основными чертами является переотложенный верхний слой, состоящий из светлого песка, и хорошей сохранности нижние слои темной и светлой супеси, в соответствии с которыми и выделяются горизонты залегания находок.

В слое белого переотложенного песка количество керамики было незначительно: два фрагмента стенок сосудов эпохи бронзы и один фрагмент с прочерченной орнаментацией неолитического времени.

В слое темнотемной супеси было обнаружено девять фрагментов керамики разного облика. Пять фрагментов относятся к эпохе бронзы – это стенки сосудов без орнаментации, в тесте – примесь органики и шамота, цвет поверхностей коричневый, внутренняя поверхность темнее внешней. Остальная керамика, принадлежавшая не менее трем сосудам, орнаментирована прочерченным и гребенчатым элементами. Среди прочерченной керамики имеется один венчик, украшенный короткими линиями, выстроенными в елочку, ниже идут параллельные линии под наклоном, общая композиция не читается; форма сосуда, судя по венчику, была закрытой, слегка профилированной (рис. 3, 2). Толщина черепка 0,7 см, срез венчика прямой, в нем имеется отверстие утилизационного характера. Тесто без видимых примесей. Два других фрагмента с прочерченной орнаментацией – стенки сосудов, один из которых был украшен паркетной композицией. На внутренней стороне имеются расчесы, цвет темно-коричневый, в тесте незначительная примесь органики (рис. 3, 4). Другой фрагмент незначительных размеров, с орнаментацией параллельными линиями, не позволяющими определить их композиционное построение. Его технологические признаки аналогичны предыдущему. Фрагмент стенки сосуда с гребенчатой орнаментацией украшен оттисками гребенки в пять зубцов, нанесенной на поверхность горизонтальными рядами елочки в отступающей манере; примеси в тесте не фиксируются (рис. 3, 10).

Третий стратиграфический горизонт – слой светлотемной супеси – показал увеличение насыщенности находками по сравнению с верхними слоями. В квадрате 6 обнаружено погребение плохой сохранности (фрагменты черепа и несколько зубов), определить позу умершего и контуры погребальной ямы не удалось. Керамика из данного слоя, за исключением одного фрагмента стенки неорнаментированного сосуда эпохи бронзы, относится к неолитическому времени (18 фрагментов не менее чем от 12-ти сосудов).

Среди неолитической керамики 9 фрагментов несут накольчатый орнамент. Керамика представлена фрагментами стенок сосудов и двумя венчиками. Один из венчиков украшен горизонтальными рядами подовальных наколов, нанесенных в строчечной манере; в качестве разделителя зон использован ряд глубоких раздельных вдавлений аморфной формы (рис. 3, 3). Венчик, гофрированный по краю, принадлежал сосуду открытой формы. В тесте имеется примесь растительности, толщина стенки 0,6 см, цвет обеих поверхностей коричневый. Интересен венчик, найденный в квадрате 18 и имеющий отогнутый наружу край. Он принадлежал сосуду закрытой формы, украшенному

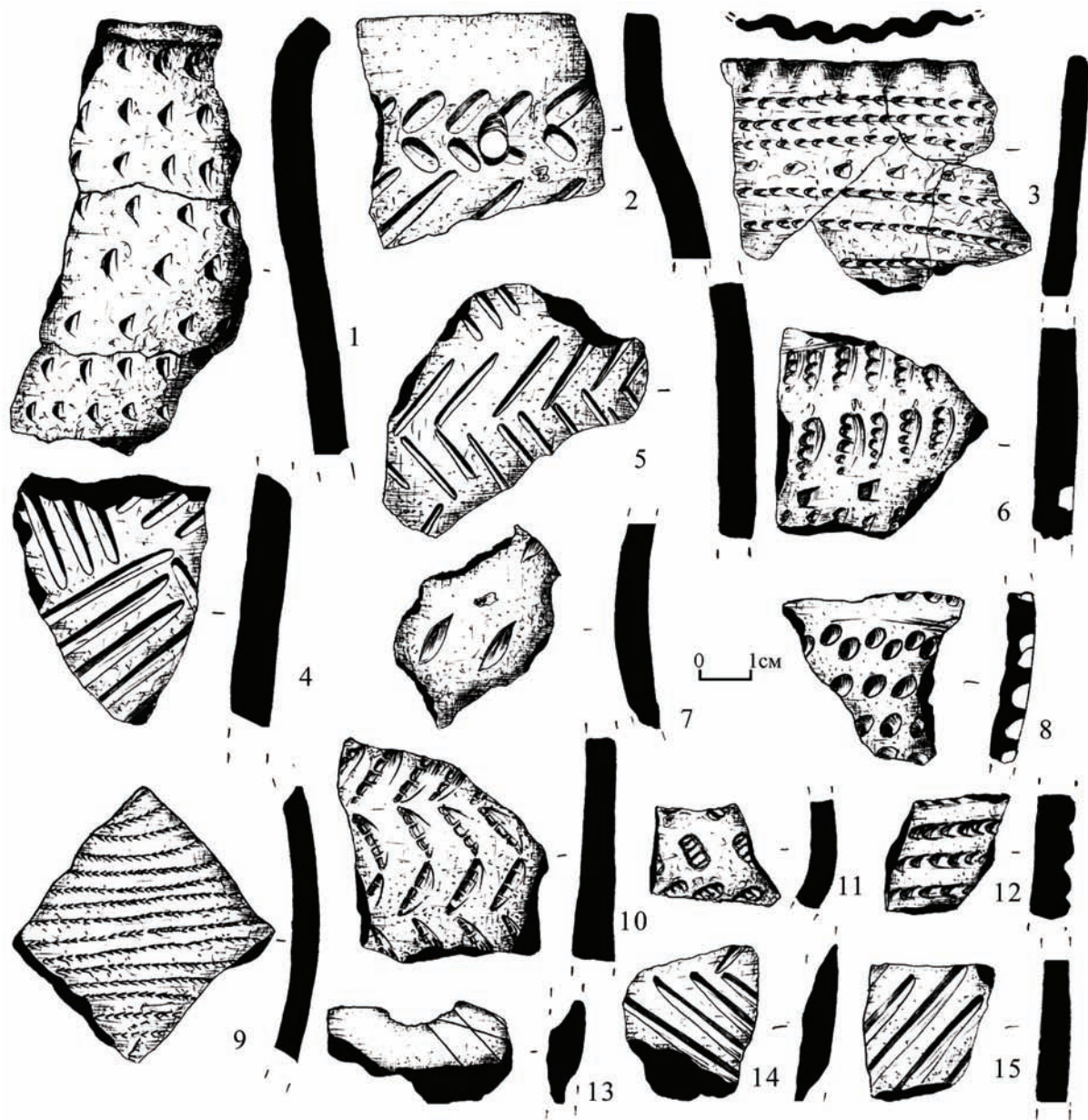

Рис. 3. *Керамика стоянки Плаутино 4*

параллельными горизонтальными рядами крупных раздельно поставленных треугольных наколов. Толщина его около 0,8 см (рис. 3, 1). Отличительной особенностью данного фрагмента является обильная органическая примесь в тесте, темно-серый цвет обеих поверхностей, что, в целом, не типично для неолитической керамики данного региона. Один из фрагментов украшен накольчатыми оттисками овальной лопаточки, нанесенными в отступающей манере. В его тесте имеется незначительная примесь органики; цвет поверхностей коричневый, толщина около 0,6 см (рис. 3, 7). Следующий фрагмент принадлежит сосуду, орнаментированному параллельными горизонтальными рядами неглубоких мелких подтреугольных наколов, нанесенных в строчечной манере (рис. 3, 9). Тесто сосуда плотное, без видимых примесей, толщина около 0,5 см, цвет поверхностей коричневый. Еще один фрагмент стенки украшен глубокими рядами подовальных наколов, нанесенных в строчечной манере. Его толщина 0,8 см, тесто без видимых примесей, цвет внешней поверхности коричневый, а внутренней – темно-коричневый (рис. 3, 12). Остальная керамика с накольчатой орнаментацией фрагментарна.

В слое светлогумусированной супеси встречены четыре фрагмента с прочерченной орнаментацией (рис. 3, 14, 15) и расчесами на внутренней стороне. Судя по характеру линий, цвету и толщине, фрагменты принадлежали разным сосудам.

Единственный фрагмент с ямочной орнаментацией имел плотное, без видимых примесей тесто и темно-коричневый цвет поверхностей (рис. 3, 8). Обнаружено два фрагмента с гребенчатой орнаментацией. Один из них украшен горизонтальными отпечатками пятизубчатой гребенки, в качестве разделителя использован ряд глубоких подквадратных ямочных вдавлений, в тесте примесь органики (рис. 3, 6). Другой фрагмент принадлежит придонной части сосуда, украшенного отпечатками в виде личинки, выстроенными в горизонтальную елочку (рис. 3, 11).

Два фрагмента относятся к елшанской ранненеолитической культуре (рис. 3, 13), тесто их плотное, на поверхности нанесены тонкие прочерченные линии.

Каменный инвентарь из раскопа составил 559 единиц. Из них 422 экземпляра изготовлено из кварцита, 133 – из кремня и четыре экземпляра – из сланца и песчаника.

Вероятно, большая часть каменного инвентаря соотносится с неолитическим периодом существования стоянки, и лишь отдельные предметы на основании типологической характеристики датируются бронзовым веком. Прежде всего, последнее касается кварцитового наконечника стрелы листовидной формы с выделенным подтреугольным черешком (рис. 7, 1), аналогии которому известны на поселении Менделеевское I (Пряхин А.Д., 1973, с. 125-126, рис. 38, 15) и в поликультурных погребениях среднего периода бронзового века лесостепного Подонья: в погребении 1 Филатовского кургана (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с. 47, рис. 9, 16), в погребении кургана 2 Скорняковского могильника (Сизов В.И., 1888, с. 126, табл. А, 7), в погребении 2 кургана 1 могильника у пос. Красный (раскопки Ю.П. Матвеева 2003 г.*). Подобные наконечники относятся к кругу сейминских древностей, и в лесостепном Подонье встречаются, как правило, в комплексах абашевско-срубного облика.

Все находки из камня были подвергнуты экспериментально-трасологическому анализу с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10. Учитывая количественное преобладание на стоянке находок из кварцита, нами осуществлена серия экспериментов (28 опытов) по применению кварцитовых орудий в различных операциях по обработке камня, дерева, кости и рога, шкур и кожи, керамики. Каждое экспериментальное орудие использовалось в течение 20 минут с предварительной и итоговой фиксацией макро- и микропризнаков его рабочей поверхности. В результате сформировался ассортимент эталонных орудий для верификации следов изготовления и использования на оригинальных находках.

Наиболее четкие микропризнаки износа фиксируются при обработке кварцитовыми орудиями твердых материалов (пиление и сверление камня, керамики, кости-рога, сухого дерева; скобление, строгание и резание кости-рога, сухого дерева). В этих операциях происходит рельефное заглаживание или выкрашивание кромки рабочего края орудий, а при обработке камня или керамики возникают линейные микропризнаки. При использовании кварцитовых орудий в операциях с мягкими материалами (разделка мяса, мездрение шкуры, резание кожи) не удалось в рамках поставленных экспериментов зафиксировать четкие следы износа. Это может объясняться как кратковременным применением орудий, так и спецификой поверхности кварцита, зерна которого имеют естественную заполировку.

Результаты функционального анализа каменных находок сведены в таблицу 1. В ней представлены два таксономических уровня: функциональная группа и функциональный тип. Функциональная группа объединяет орудия для обработки определенного материала (камень, дерево, кость-рог, шкура и кожа, керамика). Функциональный тип обозначает орудие, обладающее соответствующими кинематическими характеристиками, а также специфическим набором макро- и микропризнаков износа.

* Авторы выражают благодарность Ю.П. Матвееву за возможность привлечения в качестве аналогий неопубликованного материала.

Таблица 1. Функциональная классификация каменного инвентаря стоянки Плаутино 4

Материал и количество орудий		Кварцит	Кремень	Сланец, песчаник	Всего	
Функциональная классификация	Группа				Кол-во	Кол-во и %
Орудия для обработки камня и продукты расщепления	Нуклеусы и их сколы	4	3	-	7	512 91,6%
	Пластины и их сечения	52	25	-	77	
	Отщепы, осколки, чешуйки	351	73	4	428	
	Ретушеры	-	4	-	4	4 0,7%
Орудия для обработки дерева	Топоры	1	-	-	1	17 3%
	Скобели	2	7	-	9	
	Пилки	1	4	-	5	
	Развертки	-	1	-	1	
	Скобели - строгальные ножи	-	1	-	1	
Орудия для обработки кости и рога	Скобели	2	1	-	3	14 2,5%
	Резцы	-	1	-	1	
	Резчики	1	4	-	5	
	Пилки	1	1	-	2	
	Резчики-скобели	-	1	-	1	
	Пилки-скобели	2	-	-	2	
Орудия охоты и кожевенного производства	Наконечники стрел	2	-	-	2	9 1,6%
	Трапеции	1	1	-	2	
	Скребки	-	1	-	1	
	Ножи для разделки мяса	-	3	-	3	
	Проколки	-	1	-	1	
Орудия для обработки керамики	Развертка	1	-	-	1	1 0,2%
Полифункциональные орудия	Скобель по кости + кожевенный нож	-	1	-	1	1 0,2%
	Скобель по дереву + развертка по керамике	1	-	-	1	1 0,2 %
Итого:		422 75,5%	133 23,8%	4 0,7%	559	100%

Абсолютно доминирующее количество находок относится к продуктам расщепления кварцита и кремня (512 единиц – 91,6 %) и представлено тремя функциональными типами. Среди них выделяются нуклеусы и их сколы (рис. 4, 1-4). Обращает на себя внимание аморфность большинства нуклеусов при наличии одного клиновидного одноплощадочного изделия (рис. 4, 4). На нуклеусах, отдельных отщепах или пластинах удалось зафиксировать следы абразивной подправки кромки края ударной площадки. Пластины и их сечения без следов использования встречены в количестве 77 экземпляров. Но наиболее представителен тип отщепов, осколков и чешуек (428 экземпляров).

В функциональную группу находок, связанных с обработкой камня входит функциональный тип ретушеров в количестве четырех экземпляров (рис. 4, 5-8). Один из них изготовлен на нуклевидном обломке кремня (рис. 4, 5). Большинство орудий имеют ограниченные рабочие участки по краевой кромке, на которых наблюдается глубокая вы-

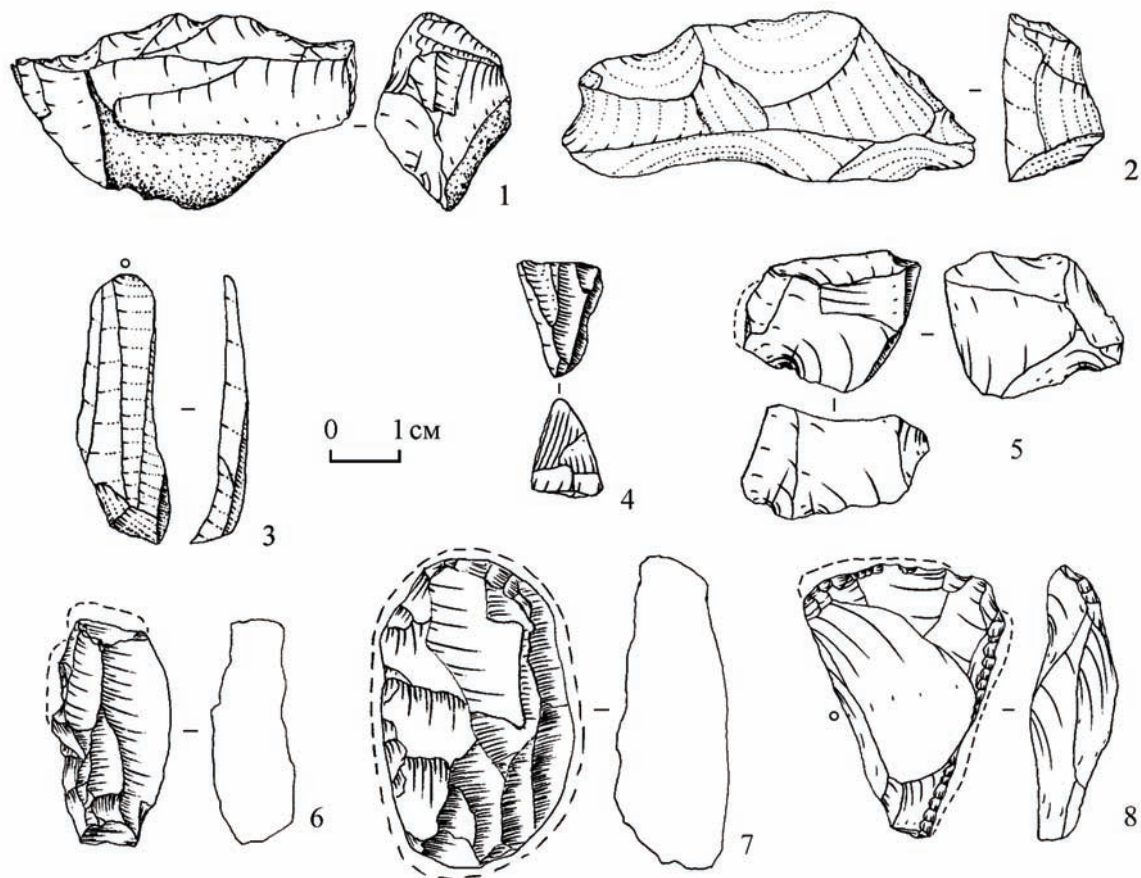

Рис. 4. Нуклеусы и ретушеры со стоянки Плаутино 4.

1-4 – нуклеусы; 5 – нуклеус-ретушер; 6-8 – ретушеры (2, 3 – кварцит; 1, 4-8 – кремь) крошенность, заходящая на спинку и брюшко ретушера. Одно изделие (рис. 4, 7) несет признаки сработанности по всему краевому периметру. Ретушеры применялись для нанесения отжимной ретуши на кромку каменных орудий.

Достаточно велика функциональная группа орудий для обработки дерева (17 экземпляров). В нее входят пять функциональных типов – топоры, скобели, пилки, развертки, скобели-строгальные ножи.

Топор изготовлен на крупном трапециевидном кварцитовом отщепе (рис. 5, 1). Его рабочий край со стороны спинки и брюшка покрыт разновеликими фасетками ретуши утилизации. Средняя часть спинки отщепа имеет на гранях крупных сколов заглаженные участки, возникшие от соприкосновения с деревянной рукоятью.

Скобели для обработки дерева (девять экземпляров) преимущественно изготовлены на отщепах, реже – на фрагментах пластин (рис. 5, 2-10). Встречается концевое, конце-боковое и боковое оформление рабочего края. Этими орудиями осуществлялось, в основном, скобление сухой древесины, что привело к выкрашиванию в сторону спинки рабочего участка орудий и завальцованности кромки края.

Пятью экземплярами представлены пилки по дереву (рис. 5, 11-15). Два орудия на отщепах средних пропорций имеют противолежащие рабочие края (рис. 5, 11-12). Остальные пилки выполнены на сечениях пластин и обладают одним рабочим краем (рис. 5, 13-15). В единственном случае рабочий край был предварительно ретуширован (рис. 5, 15). Микропризнаки износа пилок по дереву проявляются в мелких фасетках ретуши утилизации, которые заходят на спинку и брюшко орудий, и образуют зубчатую кромку края. По этой кромке на отдельных участках наблюдается заглаженность.

В единственном экземпляре выделена развертка по дереву на пластинчатом отщепе (рис. 5, 16). Ее заостренная рабочая часть покрыта противолежащей ретушью утилизации. Кромка рабочего края развертки заглажена.

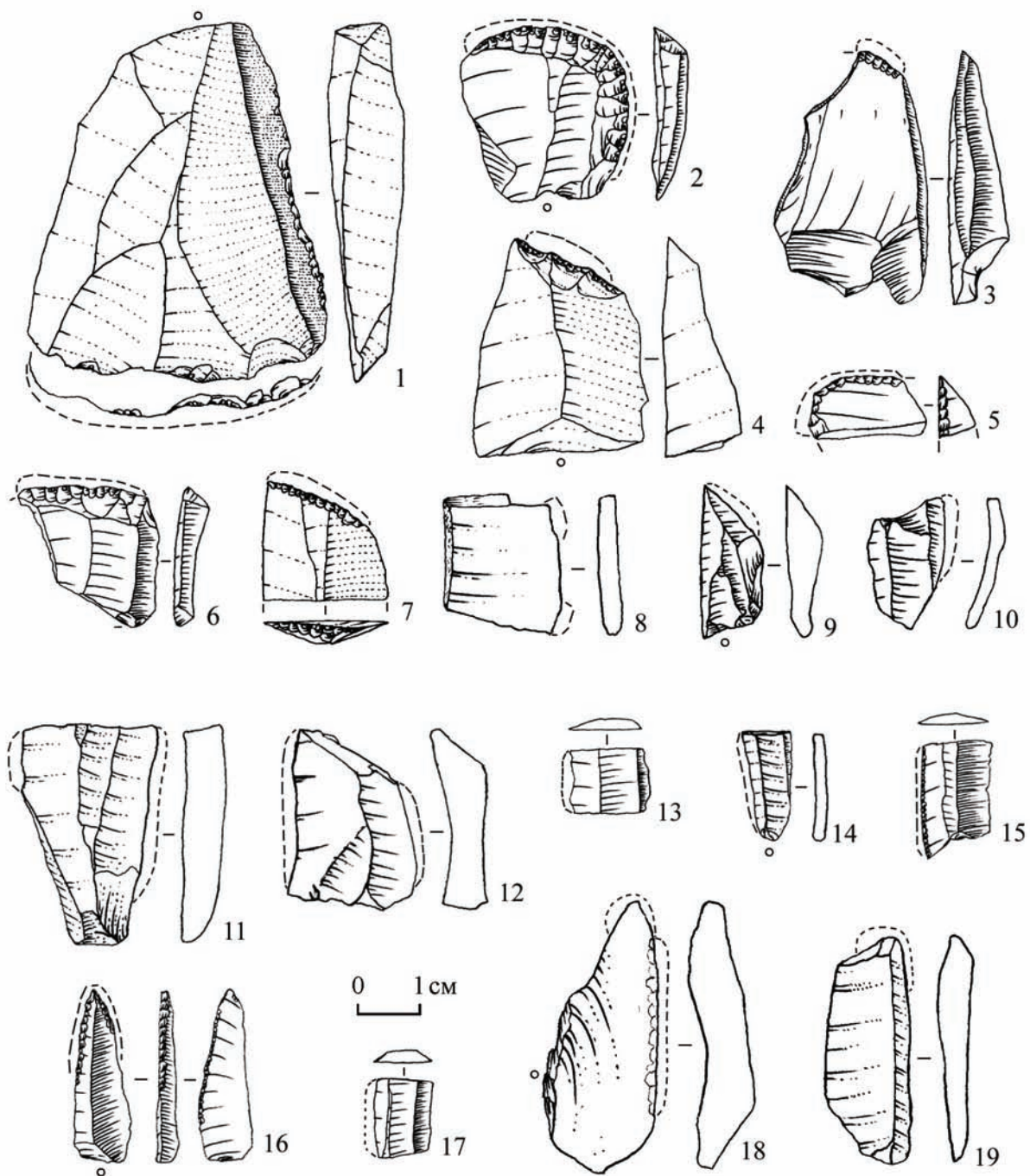

Рис. 5. Орудия для обработки дерева и керамики со стоянки Плаутино 4.
1 – топор; 2-10 – скобели; 11-15 – пилки; 16 – развертка по дереву; 17 – скобель-строгальный нож; 18 – скобель по дереву-развертка по керамике; 19 – развертка по керамике (1, 4, 7, 11, 18, 19 – кварцит; остальное – кремь)

Медиальная часть пластины несет на одной стороне следы скобления и строгания дерева (рис. 5, 17). Данное полифункциональное орудие выделяется в пределах одной деревообрабатывающей функциональной группы, в отличие от полифункциональных орудий, совмещающих различные функции по обработке разнородных материалов. Среди последних присутствует одно орудие, также связанное с деревообработкой – скобель по дереву + развертка по керамике (рис. 5, 18).

Функциональная группа орудий для обработки кости и рога включает 14 экземпляров и состоит из скобелей, резцов, резчиков, пилок, резчиков-скобелей, пилко-скобелей.

Скобели изготовлены на различных по размерам отщепах (рис. 6, 1-3). Их рабочие края покрыты глубокой выкрошенностью, нередко образующей зубчатый вид плана

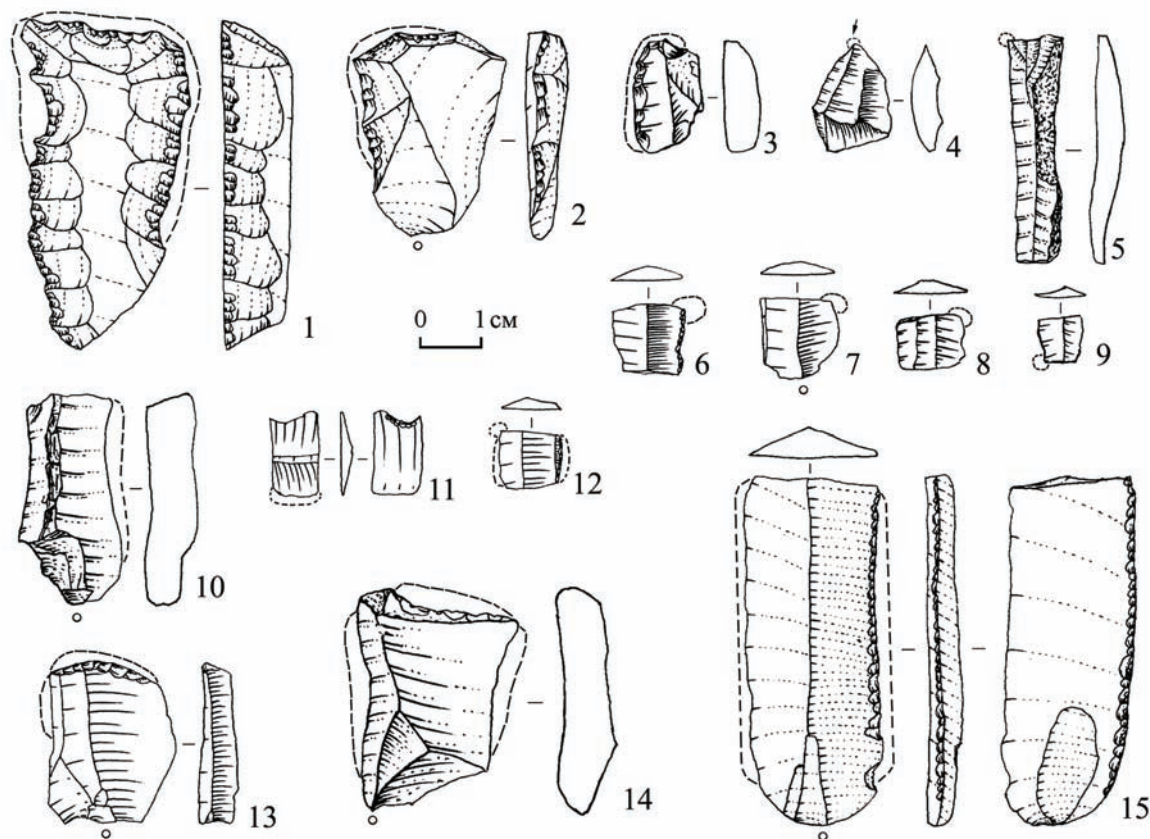

Рис. 6. Орудия для обработки кости и рога со стоянки Плаутино 4.
 1-3 – скребки; 4 – резец; 5-9 – резчики; 10-11 – пилки, 12 – резчик-скребок;
 13 – скребок-кожевальный нож; 14-15 – пилка-скребок
 (1-2, 5, 10, 14-15 – кварцит; 3-4, 6-9, 11-13 – кремнь)

орудия. Микрокартина рабочей поверхности также отлична от скребков по дереву – грубые ступенчатые фасетки с резко очерченными краями как бы наслаиваются одна на другую. Причем, рельефность фасеток утилизации при обработке рога значительно выше, чем в операциях по скреблению кости.

Единственной является находка срединного резца на мелком отщепе (рис. 6, 4). На рабочем крае орудия наблюдается микрорезцовый скол, кромка которого несет ступенчатую ретушь утилизации.

Более широко представлены резчики (рис. 6, 5-9), для которых использовались пластины или их сечения. Рабочим являлся небольшой по протяженности участок острого угла пластины, без предварительного резцового скалывания. На нем фиксируются, как правило, несколько грубых фасеток ступенчатой ретуши.

На отщепе и медиальной части пластины изготовлены односторонние пилки по кости (рис. 6, 10-11). Причем, второе орудие, вероятно, использовалось в качестве вкладыша составного инструмента. Микроследы от пиления кости выражаются в грубых, с резко очерченными краями фасетках ретуши утилизации, наблюдаемых вдоль кромки края со стороны спинки и брюшка орудия. Заглаженность кромки края отсутствует.

Несколько орудий косторезного производства совмещают различные функции – резчика-двустороннего скребка на сечении пластины (рис. 6, 12) и пилки-скребков (рис. 6, 14-15). Особенно примечательно с морфологических позиций орудие на проксимально-медиальной части крупной пластины, правый маргинал которой покрыт ретушью со спинки, а левый маргинал – с брюшка. Правый край пластины использовался в качестве пилки, а левый – пилки-скребка по кости.

Функциональная группа орудий кожевенного производства объединена в нашей классификации с охотничьим инструментарием. Среди орудий охоты (или оружия) вы-

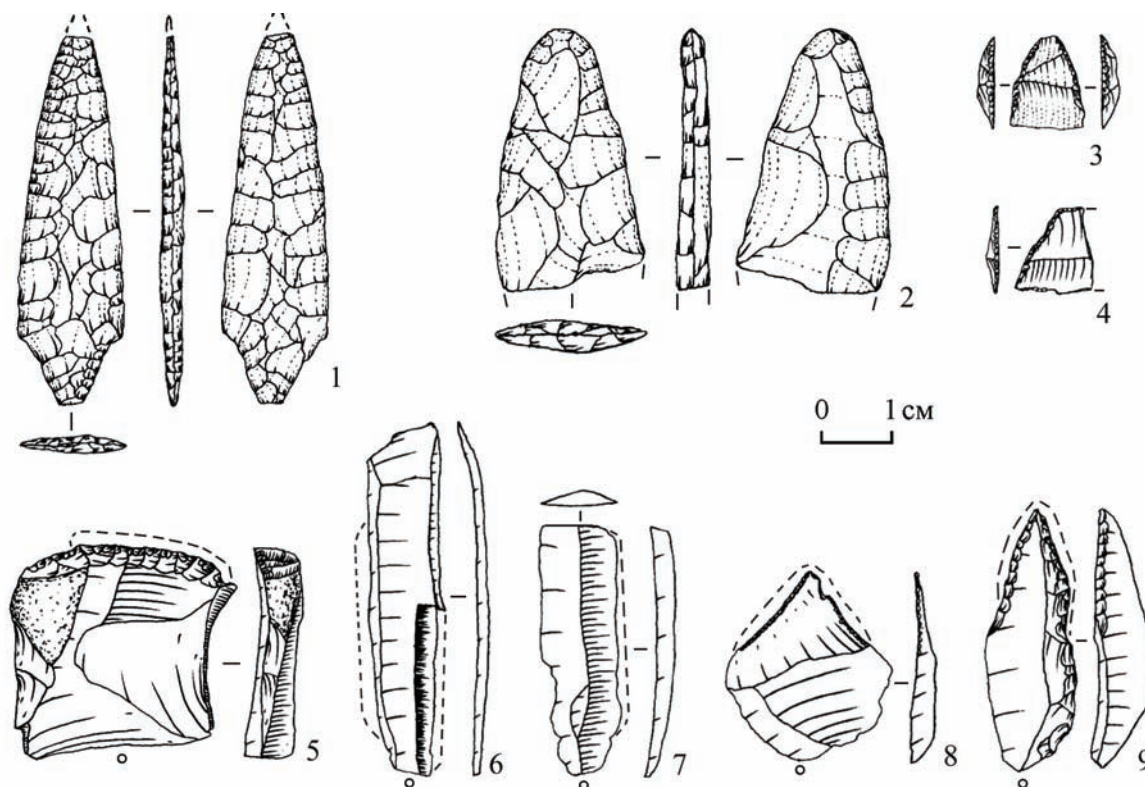

Рис. 7. Орудия охоты и кожевенного производства со стоянки Плаутино 4.
1, 2 – наконечники стрел; 3, 4 – трапеции; 5 – скребок; 6-8 – ножи для разделки мяса;
9 – проколка (1-3 – кварцит; 4-9 – кремень)

деляется два наконечника стрел. Один уже ранее упоминавшийся кварцитовый наконечник (рис. 7, 1) типологически исключается из основного комплекса каменного инвентаря стоянки Плаутино 4. Второй кварцитовый наконечник фрагментирован и, вероятно, представляет собой незаконченное вследствие поломки изделие (рис. 7, 2). Интересны также две трапеции (целое и фрагментированное орудия), функциональная принадлежность которых, с известной долей вероятности, может сопоставляться с орудиями охоты (рис. 7, 3-4). При весьма тщательном оформлении ретушью, заходящей со спинки на брюшко, краев сечения пластин, на их поверхности отсутствуют какие-либо признаки износа. Четкая симметричность плана трапеций может служить доказательством в пользу придания им соответствующих баллистических свойств.

С охотнической деятельностью возможно сопоставить и такой функциональный тип орудий как ножи для разделки мяса (рис. 7, 6-8). Два ножа изготовлены на кремневых пластинах, одно орудие – на кремневом отщепе. Узкая полоска заполировки со спинки и брюшка следует вдоль линии рабочего края этих орудий.

В единственном числе выделен скребок для мездрения шкуры на кремневом отщепе (рис. 7, 5). Круторетушированный край отщепа имеет заглаженную кромку и выступающие грани фасеток. На отдельных участках заглаженной поверхности наблюдаются перпендикулярные кромке края линейные следы.

Единична находка проколки по коже на высоком пластинчатом отщепе (рис. 7, 9). Рабочее жало проколки заполировано на протяжении 1,5-2 см.

Немногочисленна функциональная группа орудий для обработки керамики. В ней выделен лишь один функциональный тип разверток. Одно орудие монофункционального применения (рис. 5, 19) на кварцитовом пластинчатом отщепе обладает хорошо наблюдаемыми признаками износа, возникшего при изготовлении отверстий в стенках сосудов. Отметим, что при раскопках найдена фрагменты керамики с отверстиями, выполненными обитателями стоянки в целях реставрации поврежденного сосуда. Керамика

оказывает абразивное воздействие на кварцитовое орудие, заглаживает (затачивает) рабочий участок преимущественно на выступающих гранях сколов или фасеток. Вторая (уже упомянутая) развертка по керамике совмещена со скобелем по дереву в рамках полифункциональной группы орудий (рис. 5, 18). В числе последних присутствует также скобелем по кости + кожевальный нож (рис. 6, 13).

Таким образом, анализ каменного инвентаря стоянки Плаутино 4 показывает функциональное разнообразие типов орудий, представляющих хозяйственные отрасли и производства, типичные для палеоэкономической модели неолитической эпохи лесостепи Восточной Европы.

Несмотря на абсолютное доминирование находок из кварцита (сливного песчаника), что в целом характерно для стоянок Похоперья, орудий из него изготовлено 17 экземпляров, что составляет 37% от общего числа орудий, тогда как из кремня 29 экз. - 63 %. Подобное соотношение нельзя воспринимать как четко зафиксированную закономерность, поскольку на кварците пока невозможно выделить серию орудий, связанных с работой по мягким материалам, а точное определение таковых можно будет провести только при накоплении достаточного количества экспериментальных эталонов.

Для уточнения времени формирования культурных напластований памятника были взяты пробы для спорово-пыльцевого анализа, проведенного к.г.н. Т.Ф. Трегуб.

Общий состав спектров характеризуется преобладанием пыльцы травянистой растительности. Пыльца древесных растений имеет подчиненное значение. Содержание спор составляет первые проценты. Спорово-пыльцевая диаграмма (рис. 8) отражает зональный тип растительности, близкий к лесостепному. В тоже время, соотношение пыльцы первой и второй групп растительности может указывать на пограничное положение района по отношению развития степных и лесостепных ландшафтов. На основании особенностей флористического состава здесь выделяется три палинозоны.

Первая палинозона (I) обозначена по преобладанию в составе покрытосеменных древесных пород пыльцы березы (*Betula*), дуба, ольхи (*Quercus*, *Alnus*) со значительным

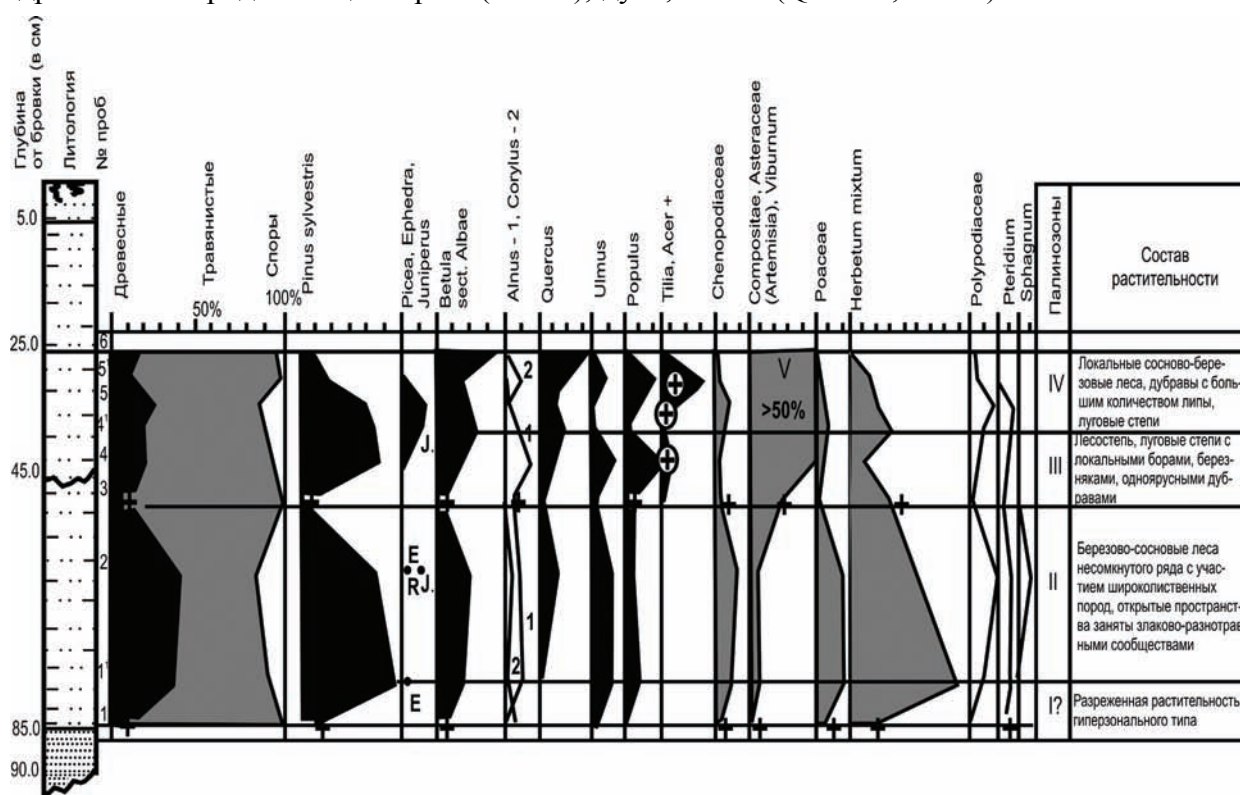

Рис. 8. Спорово-пыльцевая диаграмма стоянки Плаутино 4 (сост. Т.Ф. Трегуб)

участием вяза и осины (*Ulmus*, *Populus*). Пыльца сосны (*Pinus sylvestris*) играет подчиненную роль.

Травянистая растительность слагается пылью сложноцветных растений и разнотравьем (*Compositae*, *Asteraceae*, *Herbetum mixtum*). Заметное участие в травяном покрове принимали представители маревых (*Chenopodiaceae*). Следует отметить, что данное семейство слагалось в основном видами: *Atriplex oblongifolia* W. et K.; *A. patula* L.; *Chenopodium botrys* L.; *C. album* L.; *Kochia prostrata* (L.) Schrad, в экологическом отношении приуроченными к эродированным склонам и обрывам, пологим песчаным берегам рек, к рудеральным (мусорным) участкам, к солонцеватым степям, к выходам карбонатных пород.

На данном этапе формирования разреза на прилегающих территориях были широко развиты разнотравные степи и обширные по площади заливные луга. На это указывает наличие в спектрах видового разнообразия пыльцы травянистых растений из семейств – *Lamiaceae*, *Cyperaceae*, *Papaveraceae*, *Apiaceae*, *Urticaceae*, *Fabaceae*, *Rosaceae*, *Plantaginaceae*, *Nelumbonaceae*. Луговая растительность, в основном, слагалась представителями семейств – *Compositae*, *Asteraceae*, *Cichoriaceae*, куда входили следующие виды: *Cirsium oleraceum* (L.) Scop.; *Arctium tomentosum* Mill.; *Sonchus arvensis* L. Наряду с этим, ограниченное развитие имели дубравы (вероятнее всего одноярусные) и боры, которые расселялись по террасовым площадкам. Пониженные участки рельефа занимались березняками и осинниками.

Вторая палинозона (II) фиксируется по появлению в составе палиноспектров пыльцы лещины (*Corylus*) и увеличению значений липы (*Tilia*), а также по уменьшению количества пыльцы березы (*Betula*), вяза (*Ulmus*), и практически исчезновению осины (*Populus*).

Состав травянистого покрова также претерпевает изменения. Преобладающее значение приобретает пыльца луговых ассоциаций. Это виды из семейств: *Compositae*, *Asteraceae*. Несколько увеличивается количество спор.

На данном этапе происходит некоторое увлажнение климата. Состав дубрав усложняется за счет появления достаточно обширных липняков (липы до 10 %), ольшаники несколько теснят боры. Виды луговой растительности интенсивно расширяют свой ареал и, вероятно, заходят на водораздельные пространства.

Третья палинозона (III) характеризует верхнюю часть разреза. Здесь происходит некоторое увеличение количества пыльцы древесной растительности за счет теплолюбивых пород - липы и вяза. Снижается значение пыльцы сосны и берез, а на рубеже двух последних палинозон резко возрастает значение пыльцы осины.

Состав травянистой растительности изменяется следующим образом. На рубеже палинозон возрастает значение пыльцы маревых, где появляется вид – *Salsola soda* L. и фации луговых сообществ вытесняются разнотравными ассоциациями. Стабилизируется участие злаков (*Poaceae*) в травянистом покрове.

Описанные палиноспектры отразили возрастание теплообеспеченности. Дубравы преобразуются в дубово-липово-вязовые леса, которые имеют ограниченные площади. Сокращают свои ареалы боры, березняки и ольшаники. Открытые пространства занимали злаково-разнотравные степи, где появляются первые признаки солончаковых лугов, а, возможно, и мокрых солончаков. На это указывает появление в образцах № 5, 6 вида из рода солянки (*Salsola soda* L.). Кроме этого в каждой палинозоне отмечено небольшое присутствие пыльцы клена татарского и хвойника двухколоскового (*Acer tataricum* L., *Ephedra distachya* L.), которое указывает на климатические условия, близкие современным для Причерноморья и районов Нижнего Дона.

Общий состав растительности и соотношение отдельных компонентов, на протяжении формирования разреза Плаутино 4, позволяет коррелировать палеогеографические события первой и второй палинозон с атлантическим периодом голоцена, а третью палинозону – как один из переходных этапов от атлантики к суббореалу (Хотинский, 1989).

В целом, можно сделать вывод, что стоянка была заселена в позднем мезолите – раннем неолите и продолжала функционировать на протяжении всей неолитической

эпохи (VI-III тыс. до н.э.). Облик керамики и каменного инвентаря отражает их поликультурность, характерную, в целом, практически для всех неолитических памятников лесостепи. Наряду с автохтонными признаками, в керамических материалах стоянки Плаутино 4 фиксируется заметное влияние степных признаков – специфичная накольчатая керамика, аналогии которой имеются в комплексах Нижнего Поволжья и Подонья. Каменная индустрия памятника, для которой отмечено использование пластин и их сечений как с дополнительной подработкой рабочего края, так и без нее, является характерной как для памятников раннего и развитого этапов среднедонской культуры (Синюк А.Т., 1986), так и стоянок степной зоны Восточной Европы. В качестве инокультурного влияния можно рассматривать и обнаруженные на данном памятнике в 2003 г. фрагмент прямого венчика, украшенный псевдоваликами, и сегмент, обработанный с бруска по дуге крутой ретушью (Сурков А.В., Федюнин И.В., 2004), аналогии которым имеются в мезолитических и неолитических комплексах Северного Прикаспия. Все это в совокупности позволяет говорить о ведущей роли юго-восточного компонента в сложении и развитии позднемезолитических – неолитических культур лесостепного Подонья.

Пряхин А.Д., 1973. Древнее население Песчанки. Воронеж.

Сизов В.И., 1888. Скорняковские курганы в Воронежской губернии, Задонском уезде // Древности. ТМАО. Том 12. Вып II. М.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Сурков А.В., Федюнин И.В., 2004. Археологические исследования в Среднем Похоперье // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж.

Хотинский Н.А., 1989. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. М. С. 12-16.

Н.Б. Моисеев, Р.В. Смольянинов
(Тамбов, Липецк, ЛГПИ)

МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА ПОСЕЛЕНИЯ УВАРОВО

Поселение находится на р. Вороне (правый приток р. Хопер) у поселка Уварово (Уваровский район Тамбовской области). Открыто Т.Б. Поповой в 1960 г. (Попова Т.Б., 1973, с. 199). В 1989 г. одним из авторов статьи проведено повторное обследование памятника (Моисеев Н.Б., 1989). Стоянка располагалась на невысокой дюне, в настоящее время большая ее часть находится под водой.

В ходе обследования получены материалы, главным образом, фрагменты сосудов эпох неолита и энеолита. Керамика принадлежит разным орнаментальным и технологическим группам. Накольчатая керамика – 11 сосудов – серого цвета, с примесью мелкозернистого песка в тесте (рис. 1, 1, 2, 4; 2, 1-3, 6, 21, 23-26). Посуда плотная, хорошо заглажена, изнутри видны гребенчатые расчесы. Толщина стенок сосудов 5-7 мм. Края 10 сосудов уплощены, у одного – приострен. Девять из одиннадцати венчиков имели прямой или чуть приоткрытый край, один горшок – закрытой формы (рис. 2, 25), один – с профилированным верхом (рис. 2, 2). В орнаментации преобладают круглые наколы двузубого штампа, составленные в горизонтальные ряды. Делителем орнаментальных зон двузубого или треугольного штампов иногда выступают горизонтальные ряды овальных наколов или крупные скобковидные отпечатки. Также посуда украшалась горизонтальными отпечатками двузубого штампа с треугольным основанием, горизонтальными и косовертикальными рядами отпечатков раздельного крупного треугольного накола, крупного строчечного, наколами полулунной формы. На семи сосудах по краю венчика нанесены более крупные и глубокие отпечатки круглых, овальных и скобковидных ямок.

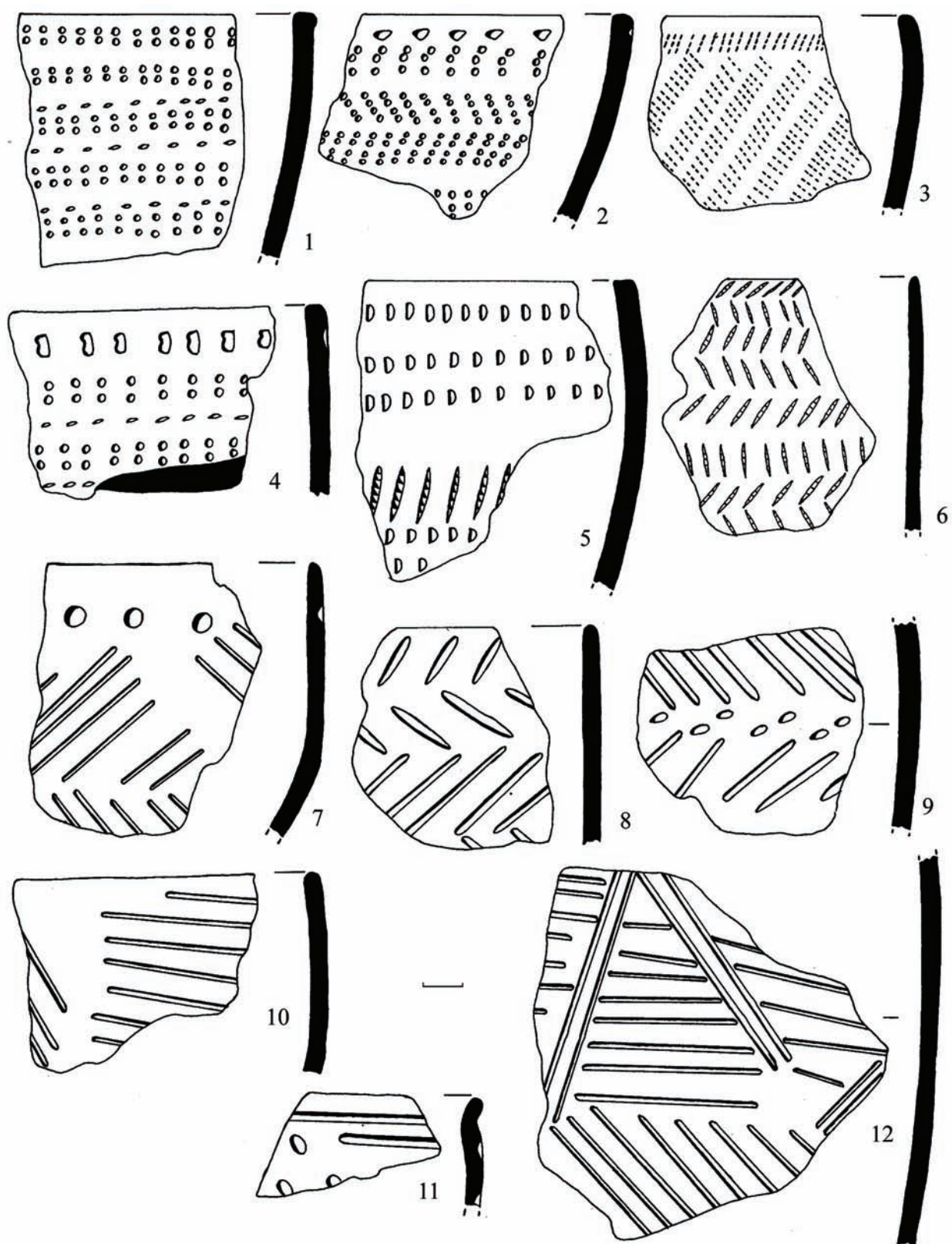

Рис. 1. Керамика поселения Уварово

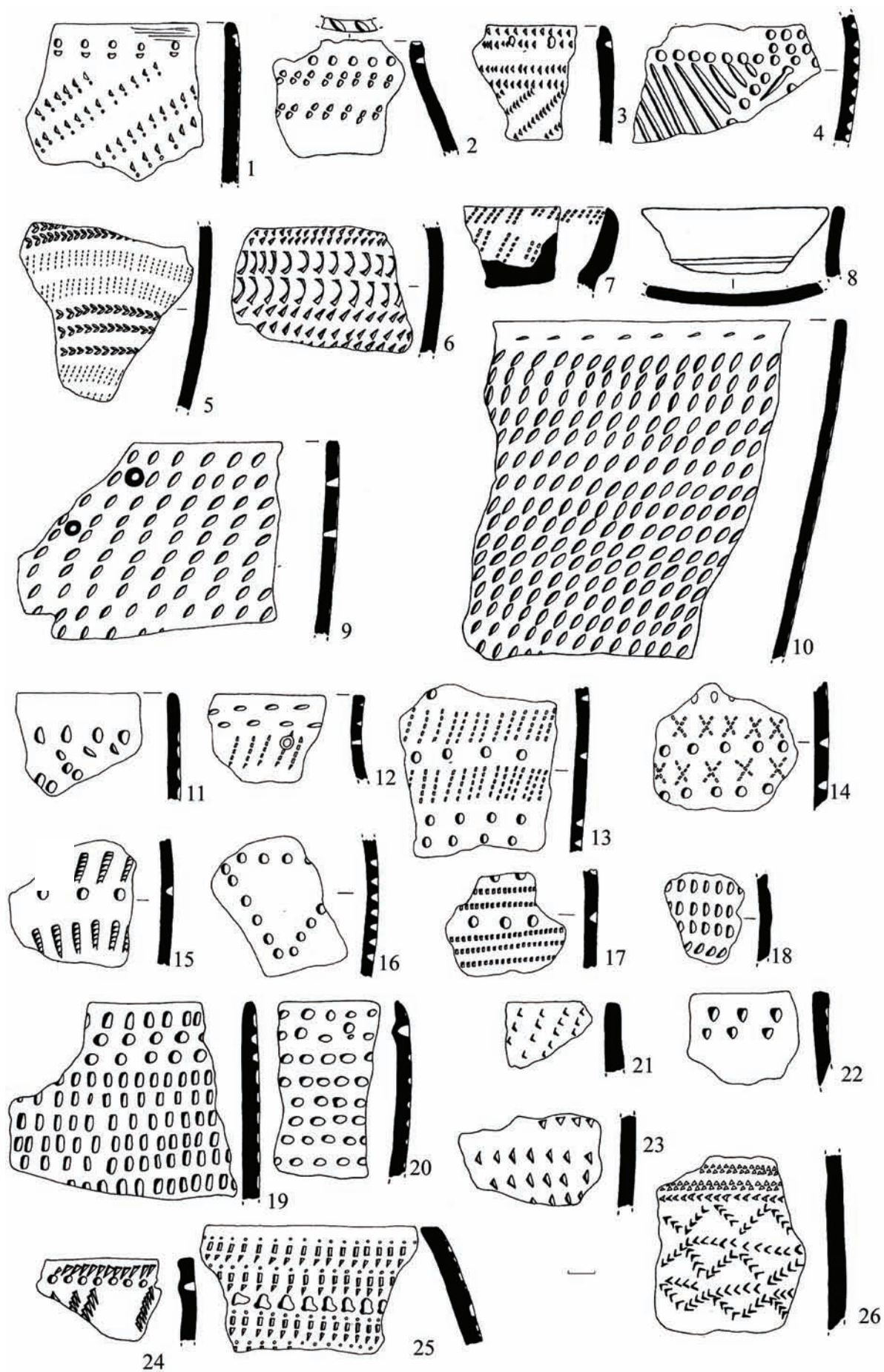

Рис. 2. Керамика поселения Уварово

Керамика дронихинского типа представлена остатками от пяти сосудов серого и коричневого цветов с обильной примесью мелкозернистого песка в тесте (запесоченная керамика) (рис. 1, 7-12; 2, 4). Посуда хорошо заглажена. Четыре из пяти горшков имели прямой венчик, у одного он профилирован. Два сосуда имели биконическую форму. Преобладающий тип орнамента – прочерченные линии, скомпонованные в горизонтальную елочку, паркетную, треугольную композиции. Делителем орнаментальных зон выступают ряды неглубоких ямочных вдавлений и реже – треугольные наколы. В одном случае горизонтальный ряд ямок шел по краю сосуда. На сегодняшний день есть две основные точки зрения по вопросу происхождения керамики дронихинского типа. Согласно первой из них, неолитическая посуда с прочерченным орнаментом сформировалась на основе местного неолита, но с определенными заимствованиями (Синюк А.Т., 1986, с. 147), и просуществовала всю вторую половину III тыс. до н.э. (Синюк А.Т., 1986, с.151). В последнее время высказывается мнение, что появление на Дону дронихинских древностей нужно связывать с определенными импульсами из Северного Прикаспия и, возможно, Нижнего Дона в конце V – начале IV тыс. до н.э. (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 42-43).

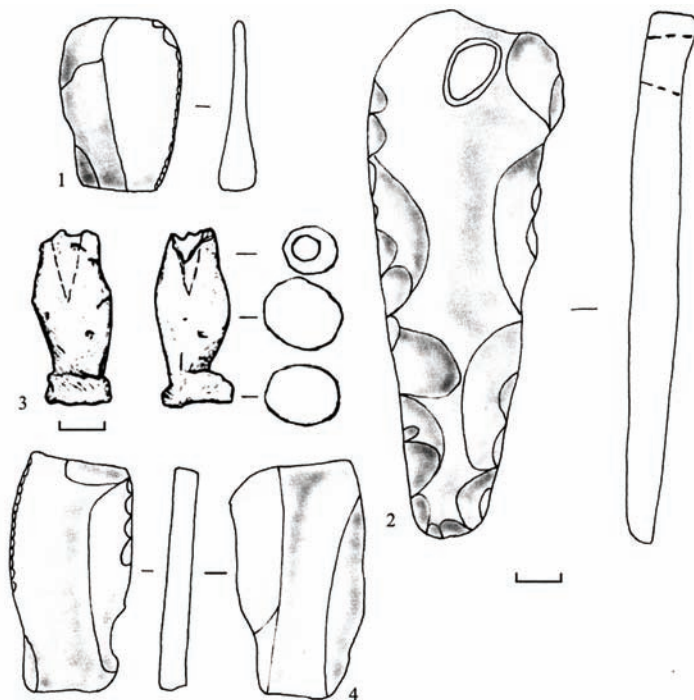

Рис. 3. Поселение Уварово. Находки из кварцита (1, 2, 4) и белемнита (3)

Из рассматриваемой коллекции на трех сосудах отмечены отпечатки трех-, четырех- и шестизубой гребенки. Сосуды эти с прямым и слегка закрытым венчиком, с овальным и уплощенным краем (рис.1, 3-6; 2, 5). Гребенчатые отпечатки составлены в горизонтальные, косовертикальные ряды и в виде горизонтальной елочки. На одном из сосудов гребенчатые отпечатки совмещаются с накольчатыми (рис.1, 5). Стенки серого цвета, в тесте примесь мелкого песка. По фактуре сосуды аналогичны прочерченным, что позволяет соотнести их с дронихинскими древностями.

Следующая группа посуды представлена остатками от четырех сосудов серого цвета с примесью мелкозернистого песка в плотном тесте (рис. 2, 9-10, 19, 20). Изнутри поверхности горшков покрыты гребенчатыми расчесами. Два из них с прямым венчиком. У трех сосудов край уплощен, у одного приострен. Практически по всей поверхности горшки покрыты горизонтальными рядами крупных неглубоких ямчатых вдавлений овальной, удлиненоовальной и подквадратной форм. На двух сосудах по краю венчика прослежены более глубокие, чем ямчатые, горизонтальные ряды ямочных вдавлений, а в одном случае нанесен ряд овальных наколов. Еще у одного из горшков просверлены сквозные отверстия. Впервые в лесостепном Подонье при изучении Черкасской стоянки на подобную посуду обратил внимание А.Т. Синюк, который отнес ее к керамике неместного происхождения (Синюк А.Т., 1986, рис. 14, 1-5).

На Верхнем Дону горшки с ямчатым орнаментом выявлены на поселениях Курино 1 (Бессуднов А.Н., 1996, рис. 4), Липецкое Озеро. В Прихопье, помимо Уваровской стоянки, ямчатая керамика получена еще на шести поселениях (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 37), которые оцениваются авторами раскопок как поздненеолитические, появление которых в лесостепном Подонье нужно связывать с территорией Северной

Рис. 4. *Поселение Уварово. Находки из кости*

Украины и Верхнего Поднепровья, где в это время уже существовали памятники с керамикой, орнаментированной ямчатыми вдавлениями различной формы (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 37).

Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом представлена остатками от трех-четырех горшков. Они коричневого цвета, хорошо заглажены, тесто плотное. По примесям в глиняном тесте черепки можно разделить на две группы: с мелкозернистым песком и с дрсвой. Керамика первой группы (рис. 2, 11, 16, 18, 22) украшена аморфной формы ямочными вдавлениями, а также круглыми ямками, составленными в треугольные композиции (рис. 2, 11, 16). Для второй группы доминирующим орнаментом выступают гребенчатые и клинчатые отпечатки, составленные в горизонтальные полосы (рис. 2, 13-15, 17). Делителем орнаментальных зон гребенчатого штампа выступали ямки круглой и овальной форм. Один венчик этой группы принадлежит профилированному сосуду с уплощенным краем (рис. 2, 12). На нем же имеется единственное просверленное сквозное отверстие.

Керамика первой группы единична и, на наш взгляд, находит аналогии в материалах стоянки Шапкино 2 (четвертой группе ямочно-гребенчатой керамики Прихоперья) (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 52). Наиболее ярко подобная посуда в лесостепном Подонье представлена в верхнем ярусе среднего горизонта Долговской стоянки (Левенок В.П., 1965, рис. 17). Нам представляется наиболее вероятным мнение, что данную керамику нужно соотносить с редкоямочным этапом льяловской культуры (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 64). Посуда второй группы ямочно-гребенчатой керамики также немногочисленна, хотя на стоянках Прихоперья она встречается несколько чаще первой, но при этом ни на одном из этих поселений она не образует представительных серий.

Наиболее точные аналогии ей находятся в ранних материалах льяловской культуры. Следует ли расценивать их появление в качестве результата ограниченной инфильтрации льяловского населения в Прихоперье уже на архаичном этапе данной культуры, или же их наличие свидетельствует о сохранении пережиточных явлений - неясно. Для получения ответа на данный вопрос необходимо расширение существующей источниковой базы.

К эпохе энеолита относится два венчика серого цвета с обильной органической примесью в глиняном тесте. Один из них с воротничковым утолщением, украшен гори-

зонтальными рядами гребенчатого штампа снаружи и изнутри (рис. 2, 7). Второй сосуд профилирован и украшен по верху прочерченной линией (рис. 2, 8).

Орудия из камня представлены тремя ножами на пластинах, изготовленными из кварцита (рис. 3, 1, 2, 4), и обломком фигурки из белемнита (рис. 3, 3).

Со стоянки получено три предмета из кости и рога: округлый в сечении многозубый гарпун с нарезками (рис. 4, 1); предмет, украшенный нарезным меандровым орнаментом (рис. 4, 2); костяной молоток (топор) (рис. 4, 3).

Рассмотренные материалы позволяют считать, что памятник представляет собой несколько разновременных стоянок в пределах V-III тыс. до н.э.

Бессуднов А.Н., 1996. Материалы эпохи неолита многослойного памятника Курино 1 // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.

Левенок В.П., 1965. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. № 131.

Моисеев Н.Б., 1990. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции 1989 года. Тамбов.

Попова Т.Б., 1973. Неолитические стоянки верхнего и среднего течения р. Цны // МИА. № 172.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.

Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003. Неолит-ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов.

П.М. Золотарев
(Москва)

НАХОДКИ ДОЛБЛЕННЫХ ЛОДОК НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА

Находки древних судов и их снаряжения на территории России и, в частности, на территории Верхнего и Среднего Дона – не такая уж большая редкость (Афонюшкин В.А., 1958; 1960; Мельник А.Н., 1990 и др.). К сожалению, целенаправленных археологических поисков в этом направлении почти не проводилось, и подавляющее большинство находок сделано случайно местными жителями или сотрудниками речного пароходства. В руки ученых попадают лишь единицы древних судов, благодаря людям, искренне любящим историю и свой край. Примером тому – изыскания ныне покойного краеведа с. Урыв П.М. Терещенко и сотрудников Острогожского краеведческого музея. Их стараниями был сохранен древний челн, найденный у с. Урыв Острогожского района Воронежской области.

Сегодня, по неполным данным, на территории России обнаружено более двадцати древних лодок, выдолбленных из одного дерева. На данный момент на территории Верхнего и Среднего Дона обнаружено шесть древних судов. При этом особый интерес вызывают находки трех хорошо сохранившихся челнов, обнаруженных в р. Дон на небольшом участке от с. Урыв Острогожского района до с. Щучье Лискинского района. А если учитывать находку челна в 1911 г., о котором поведали старожилы с. Щучье, то всего в данной местности было найдено четыре древних судна.

Сведения о находках поступали к специалистам с некоторым запозданием, поэтому в большинстве случаев челны были повреждены и частично разломаны при попытке извлечь их из береговой толщи. Исключение составляют челны, обнаруженные у сел Урыв и Щучье в 1911 г., которые были подняты со дна реки.

Один из них обнаружен в том же месте, где были найдены челны в 1954 и 1956 гг. Лодка, поднятая со дна реки, по рассказам старожилів села, была выдолблена из цельного ствола дуба. В связи с ненадобностью судно было оставлено на берегу, и со временем разрушилось. Форма челна напоминала экземпляры, обнаруженные затем в 50-е гг.

Другой челн обнаружен весной 1954 г. работниками местного пароходства. Он находился в обрыве размываемого берега р. Дон около с. Щучье Воронежской области. Предварительная разведка, проведенная сотрудниками Воронежского краеведческого

музея, показала, что челн был значительно поврежден раскопками местных жителей (обрублена носовая часть, на 3,89 м выломаны оба борта, на расстоянии 1,93 м от носа переломано днище). Дальнейшее детальное изучение останков позволило определить размеры челна и технологические особенности его строительства.

Длина судна составляла 755 см. При постройке часть дубовой колоды была стесана на плоскость. Кормовая часть, длиной 71 см, выполнена очень тщательно, имела округло-заостренную форму и своеобразные выступы – «уши». Обрез кормы дугообразный (рис. 1, 1). На верхней плоскости кормы, на расстоянии 30 см от ее обреза была выдолблена площадка глубиной 3,5 см и шириной 58 см, повторявшая форму внешних обводов кормы. Ширина соответствовала ширине внутреннего долбления челна в кормовой части. На 3-5 см ниже плоскости кормы часть колоды была оставлена в виде площадок, выступающих за кормовые обводы. В местах перехода в борт и корму выступы более массивны, чем по центру, что обеспечивало их большую прочность. В наиболее широкой части выступов (правого – 14 см, левого – 17 см) проделаны сквозные отверстия, придававшие им вид «ушей». По правому борту длина «уха» – 75 см, по левому – 60 см. Более симметричны отверстия в «ушах»: правое – 21 см, левое – 20 см. Их ширина составляет 6-10 см. По свидетельству местных жителей, подобные «уши», но более прямоугольной формы, были и в носовой, разрушенной части челна.

Судя по сохранившимся остаткам, нос был выполнен из тонкой части колоды и имел более острую форму, со значительным срезом к днищу. Сохранились следы вырубки на плоскости носа, аналогичные кормовым, с той лишь разницей, что они не копировали обвод носовой части.

Внутреннее долбление челна длиной 619 см при глубине 51 см сплошное, без перемычек. Выдолбленная часть овальной формы имеет ширину 52 см (в 500 см от носа); в наиболее широкой части – 67 см; по дну – 42 см. Толщина бортов составляла 3,5-5,0 см, днища – 25-30 см. По мнению В.А. Афонюшкина, автора исследований, отсутствие цельнодолбленных перемычек, разделявших челн на несколько отсеков, как в некоторых ранее обнаруженных лодках, связано с трудностью обработки дуба поперек волокна.

Вместо перемычек в челне были сделаны парные перекладыны, которые вставлялись в специальные пазы, выдолбленные во внутренней стороне бортов. Одна из таких перекладин обнаружена в том положении, как была поставлена в древности. Пазы для перекладин имели квадратную форму – 4х4 см и располагались на расстоянии 135 см по правому и 130 см по левому бортам от внутреннего долбления кормовой части и на 1,5-2 см ниже уровня бортов. В один из пазов была вставлена круглая перекладка диаметром 6 см, имеющая прогиб 7 см по центру и заостренные, по форме пазов, концы. Вторая перекладка не сохранилась, но ее положение хорошо устанавливается по пазам, расположенным на 21-28 см ближе к корме. Парность перекладин позволяет предположить, что они могли использоваться и как сиденья. Для удобства на них могли укладываться ветки или шкуры животных. Подобные перекладыны, вероятно, были устроены и в носовой части, которая не сохранилась. Возможно, данная конструкция являлась промежуточной по времени между цельнодолбленными перемычками и перекладами-шпангоутами в долбленных лодках с разведенными бортами, что отчасти подтверждается этнографическими материалами. Однако это предположение требует дополнительных доказательств.

Сохранившиеся на внутренних поверхностях следы обработки дерева дают значительную информацию о технике строительства челна. Первоначальная, «грубая» обработка дуба, особенно поперек волокна и по дну долбления, велась топором или теслом. Эти орудия оставили свои следы по дну и на поперечных долблениях внутренней части – короткий и глубокий надруб дерева. Окончательная доводка производилась орудием с рабочим окончанием шириной 5-6 см, имевшим желобчатую форму. Причем, без изменения положения орудия сразу снималась стружка 20-25 см длиной и 5-6 см шириной. Наиболее удобным орудием в данных условиях, что подтверждает характер следов обработки, было каменное долото.

Можно смоделировать последовательность работ при выдалбливании дубовой колоды. Прежде всего, та часть колоды, которую необходимо было выдолбить, была разде-

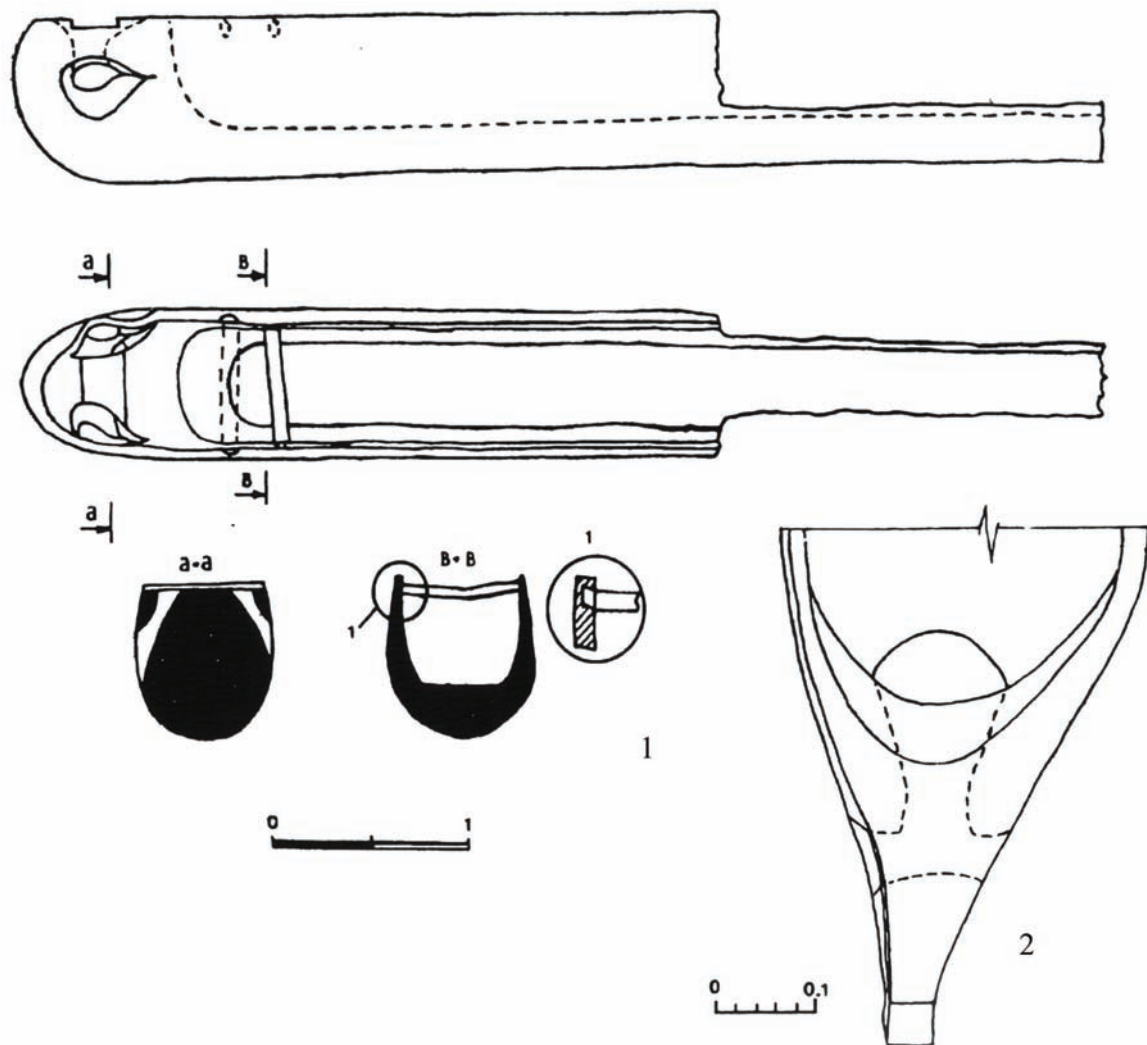

Рис. 1. Челны из с. Щучье. 1 – план и разрез лодки, найденной в 1954 г. (по В.А. Афонюшкину); 2 – разрез лодки, найденной в 1956 г. (по В.А. Афонюшкину)

лена на ряд участков путем поперечного перерубания волокон дуба. Ширина этих участков не превышала 10-20 см, а глубина надрубов — 4-5 см. После этого по всей площади внутреннего долбления, участок за участком, снимался слой дубовой щепы, и долбление углублялось на глубину надрубов. Далее все приемы повторялись. После придания внутреннему долблению необходимых размеров приступали к окончательной отделке.

Обработка кормы и «ушей» производилась аналогичным способом. Грубые очертания придавались топором или теслом, а дальнейшая доводка производилась долотами разной ширины от 2 до 5 см. Однако, забор щепы в этих местах был короче и мельче, поскольку необходима была особая точность и осторожность в работе.

Отсутствие на бортах челна каких-либо следов от приспособлений для крепления весел позволяет предполагать, что на таком челне гребли короткими веслами-гребками, или же им управляли при помощи шестов. Челн датируется III - началом II тыс. до н.э. и хранится в Государственном историческом музее г. Москвы.

Еще один челн обнаружен в 1956 г. экспедицией Воронежского областного краеведческого музея (руководитель В.А. Афонюшкин) в размытой части правого берега р. Дон в 350-400 м от челна, найденного в 1954 г. (рис. 1, 2) Сохранность той части лодки, которая выступала из береговой толщи, была очень плохой. Местные жители, пытаясь раскопать челн, повредили его. Отломленное ими окончание длиной 1,87 м участники экспедиции подняли со дна реки ниже по течению. Линия свежего излома обеих частей совпала, что позволило впоследствии точно определить общую длину челна. Длина обнаруженной при раскопках части 436 см, считая по левому, лучше сохранившемуся борту. Ширина челна у носа в месте схож-

дения бортов к носу 50 см, у кормы – 67 см. Увеличение ширины челна в кормовой части вызвано трещиной, проходящей в месте перехода правого борта в днище по всей длине. Трещина, постепенно расширяясь, в кормовой части достигает до 10 см ширины.

Носовая часть в плане имеет форму «утиного носа». Длина носа от начала схождения бортов и до наиболее выдающейся вперед точки носа – 60 см. Носовой срез смещен от продольной оси в сторону правого борта на 3,5 см (рис. 1, 2).

Носовая часть имеет заостренную, хорошо обтекаемую форму с постепенным и плавным переходом к полукруглому днищу. При движении такой нос не разрезал, а расщепал воду, приподнимая переднюю часть челна. При строительстве носовой части угол снятия древесины со стороны днища был меньшим, чем со стороны бортов, в результате чего образовался выступ 30 см длиной и высотой 12 см.

В выступе сделано сквозное отверстие в форме неправильного четырехугольника. С правой стороны борта, в 17 см от оконечности носа, на 4-4,5 см ниже его плоскости и на 2,0 см выше днища находилось отверстие. Высота отверстия 7-7,5 см, ширина 7,5-10 см. Размеры его уменьшаются по мере углубления.

С левой стороны борта отверстие выполнено в 13 см от оконечности носа, на 3-4 см ниже его плоскости. Со стороны днища часть древесины в районе отверстия выпала и поэтому установить расстояние отверстия от носовой части днища не представляется возможным. Высота отверстия 8,5 см, ширина 8-9 см. Края отверстий с обеих сторон носа неровные.

Носовая часть челна имеет древние повреждения. Часть днища, в его центре, выгнила и выпала еще в древности. При этом же образовалось продолговатой формы отверстие размером 12х14 см со стороны днища и 6х7 см со стороны внутреннего долбления челна. Толщина днища в месте выпадения сердцевины – 12 см.

Правый борт челна сохранился на протяжении 387 см (включая длину носа). Однако, только 260 см имеют неповрежденную верхнюю кромку борта. Толщина борта по верхней кромке составляла 3 см с постепенным увеличением к днищу. На расстоянии 142 см от носа колода, из которой строили челн, имела большой сук. В месте сука толщина борта – 10 см. Сердцевина сука выпала, образовав круглое отверстие диаметром 4 см на 14 см ниже кромки борта.

Рядом с отверстием от выпавшего сука, на расстоянии 148 см от носа, в борту имеется искусственное отверстие в форме неправильного прямоугольника. Его размеры составляют 2,4х5 см. Оно располагается на 5-6 см ниже кромки борта.

Левый борт челна, длиной 436 см, сохранился лучше. Верхняя кромка не повреждена на протяжении 354 см. Борт имеет толщину 3-4 см. В левом борту, у верхней кромки, также имеются искусственные отверстия. Первое находится на расстоянии 145 см от носа и в 4-4,5 см от верхней кромки борта. Оно имеет форму правильного прямоугольника размером 1,5х3,5 см. Второе – на 194 см от первого, ближе к кормовой части (на расстоянии 399 см от носа), ниже кромки борта на 3 см, размером 1,5х5 см.

Нет сомнения в том, что и правый борт имел два отверстия, одно из которых должно было находиться в разрушенной части, т.к. ближайшие к носу обнаруженные отверстия расположены по бортам почти симметрично. Назначение отверстий, по-видимому, заключалось в том, чтобы пропускать в них веревки или ремни. Величина отверстий заставляет сомневаться в том, что они использовались для сидений или распорок. Не могли они использоваться и в качестве места крепления петель для весел, т.к. при работе веслами, закрепленными в такие петли, должны были остаться следы на верхней кромке борта.

Внутреннее долбление челна имеет ширину 41-45 см на уровне бортов, 38-43 см на 18 см – ниже кромки бортов. Наибольшая глубина долбления 32 см. Дно внутреннего долбления не плоское, а слегка приподнятое к бортам. Носовая часть долбления начинается в 33 см от оконечности носа и имеет в плане полукруглую форму, повторяя внешние обводы днища и бортов с постепенным углублением от носа к середине челна.

Общая длина челна (составленная из двух обнаруженных частей) достигала около 623 см. Лодка была изготовлена из дубовой колоды диаметром 60 -70 см. Следов обра-

ботки челна практически не сохранилось. Это связано, вероятно, с их постепенным сглаживанием в процессе использования лодки. Только внутренняя сторона бортов, сквозное долбление в носовой части, конец носа, отверстия в бортах позволяют предполагать, что судно создавалось орудиями с широким клиновидным, иногда с несколько выгнутым рабочим концом. Следов выжигания сердцевины колоды не зафиксировано.

Можно определить и общие приемы строительства челна. По всей видимости, сначала колоде была придана грубая внешняя форма лодки. Затем примерно 1/4 часть всей длины была стесана на плоскость. Трудность обработки дуба поперек волокна вынуждала строителя избегать поперечного долбления. Внутреннее долбление начиналось не прямым обрубом, а шло по скосу вдоль волокна. Стремясь увеличить прочность правого борта в месте сука и препятствовать его выпадению, мастер увеличил там толщину до 10 см.

Согласно исследованиям геологического условия погребения челна, находка датируется концом III – началом II тыс. до н.э. Челн хранится в Воронежском краеведческом музее.

Долбленный челн из р. Дон у с. Урыв Острогожского района обнаружен в 1992 г. специалистами Лискинского технического участка парохозяйства во время очистки фарватера р. Дон (рис. 2). О находке древней лодки местный краевед П.М. Терещенко сообщил в Острогожский краеведческий музей. Сотрудники музея, возглавляемые Л.И. Москвой, не имея финансовой возможности, сделали все, чтобы сохранить уникальный памятник истории. Благодаря их старанию, челн был по воде перевезен в р. Тихая Сосна для сохранности и в ожидании, когда появится возможность провести консервацию. Лодка была помещена в металлическую трубу и затоплена у г. Острогожска. Сохранность поднятого челна хорошая, частично при подъеме повреждена задняя часть правого борта. К сожалению, челн не осмотрели специалисты, которые могли бы произвести точные замеры и описать находку. Частичные измерения были сделаны П.М. Терещенко: длина обнаруженного челна составляет 950 см, по левому, лучше сохранившемуся борту, ширина у носа в месте схождения бортов к носу 65 см, у кормы – 110 см. Лодка была изготовлена из дубовой колоды диаметром 90 -110 см. Носовая часть в плане имеет вид вытянутого треугольника. Носовой срез размещен по центральной оси челна. Задняя часть имеет прямой срез, в профиле – круг.

Нижняя носовая часть челна имеет закругленную, хорошо обтекаемую форму с постепенным и плавным переходом к полукруглому днищу. При движении такой нос рассекал воду, приподнимая переднюю часть челна. При строительстве судна были сделаны сквозные отверстия, как по правому, так и по левому борту. О форме отверстий говорить уверенно не предоставляется возможным до поднятия челна.

Как уже отмечалось, правый борт челна частично в задней части поврежден. Но основная часть данного борта имеет неповрежденную верхнюю кромку. Толщина борта по верхней кромке от 3 до 4 см с постепенным увеличением к днищу. На середине колоды, из которой строили челн, имелся большой сук.

По фотографиям можно определить, что от отверстия, которое расположено у носа, через 140 см расположено второе отверстие. По всей видимости, их было по всему правому борту не менее трех. Они располагаются на 7-8 см ниже кромки борта. Левый борт челна длиной 950 см сохранился полностью. Верхняя кромка не повреждена на всем протяжении. Борт имеет толщину 3-4 см. В левом борту, у верхней кромки, также имеются искусственные отверстия: первое находится на расстоянии 120 см от носа и в 7 см от верхней кромки борта, второе – на 140 см от первого ближе к кормовой части, и третье на расстоянии 380 см от носовой части. Дно внутреннего долбления слегка приподнято к бортам.

Носовая часть долбления начинается в 43 см от оконечности носа и имеет в плане полукруглую форму, повторяя внешние обводы днища и бортов с постепенным углублением от носа к середине челна.

Отметим некоторые конструктивные сходства челна с челнами, обнаруженными у с. Щучье, но определенно сказать об их синхронности во времени нельзя, так как отсут-

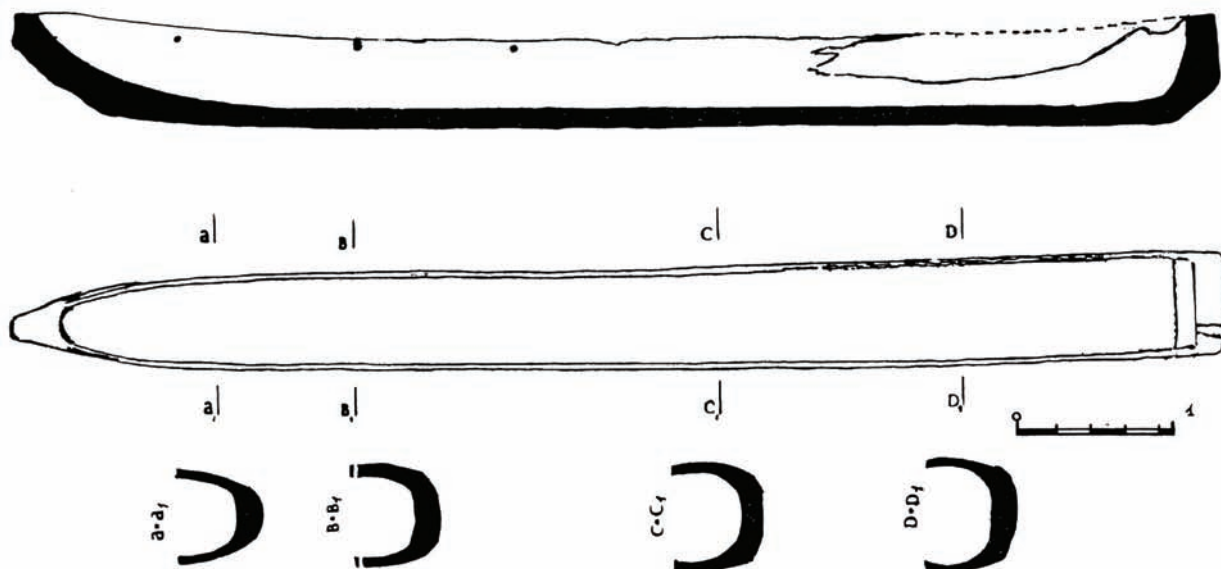

Рис. 2. План и разрез челна из с. Урыв

ствуют данные о геологическом залегании урывского челна, а радиоуглеродный анализ не проводился.

Долбленный челн из р. Усманка найден в 1969 г. на территории Воронежского государственного заповедника в районе ст. Графская егерем Ермиловым. О находке он сообщил в Воронежский краеведческий музей. Место находки и челн на месте осмотрел А.Т. Синюк. Лодка была изготовлена из дуба. Ее длина составляла около 6 м, диаметр – 0,8 м. По центру челна имела перегородка. Глубина залегания челна составляла до 2 м. Судно не сохранилось.

Долбленный челн из р. Матыра найден в урочище «Перемоище» Липецкой области совместной археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1963 г. Судя по фотографии, размещенной в книге «Судостроение и металлургия в Липецком крае» (Липецк, 1989), челн прекрасно сохранился. Судно изготовлено из целого ствола дерева и имеет две внутренние перегородки. Хранится в Липецком областном краеведческом музее.

* * *

Огромное значение при изучении древних челнов имеет решение вопроса технологии их изготовления. Но в связи с тем, что они пролежали в воде тысячелетия, следы от орудий труда на дереве в большей части утрачены. И все же, технологию изготовления долбленных лодок можно реконструировать по этнографическим наблюдениям, сделанным в разных частях планеты, так как в целом она очень схожа, независимо от того, где лодки изготавливались.

Одним из основных и наиболее доступных способов обработки челна является выжигание и выскабливание внутренней части дерева. Выжигали при помощи горящих углей, смолы, наносимой на место, которое требовалось удалить. Регулирование пламени осуществлялось при помощи прикладывания мокрых предметов (глины, травы, и т. д.).

Выскабливание обугленной древесины и зачистка (шлифование) поверхности производились камнем, острыми раковинами или отщепами кремня, каменными теслами и топорами. По свидетельству этнографов, на выделку таких лодок затрачивалось 5-6 месяцев. Причем, грузоподъемность больших однодревок достигала 5 т.

Но способ выжигания был не единственным методом изготовления лодок. Лодки выдалбливали также и теслами. Так, индейцы острова Ванкувер наиболее крупные лодки делали из кедра. Для этого выбирали ствол диаметром 1,0-0,8 м, у которого отщепляли при помощи клиньев горбыль, составляющий одну треть бревна. После этого начиналась обработка бревна с отсека носа и кормы лодки. Вчерне выдолбленная лодка перево-

рачивалась вверх дном и также отесывалась согласно установленным требованиям. Отделка долбленки производилась раковинными теслами и долотами.

На археологических памятниках разного периода деятельности человека начиная, с неолита и заканчивая средними веками, на территории Среднего Дона выявлено большое количество орудий как из камня, так и из металла, которые могли быть использованы для изготовления плавсредств. Так, набор необходимых для изготовления лодок инструментов известен по археологическим находкам на неолитических стоянках Верхнего и Среднего Дона. В первую очередь, это каменные и кремневые тесловидные орудия, топоры. Они имеют в поперечнике вид правильного овала и узкий, слегка закругленный, иногда в виде тупого острия, обушок. Сбоку эти орудия имеют форму массивного симметричного клина с округленной вершиной. К лезвию тело изделия плавно расширяется и заканчивается дугообразно выпуклой формой. Образцы этих рубящих орудий были обнаружены, например, на р. Воронеж (стоянка «Липецкое озеро»), на Дону (стоянка «Копанище»), на Битюге («Черкасская стоянка») и др. Все находки почти одинаковы по форме и размерам: длина колеблется от 10 до 17 см, ширина у лезвия от 4 до 6 см. Они изготовлены из черного кремня, твердых пород камня. Благодаря этнографическим данным, известны два основных способа закрепления шлифованных рубящих орудий в рукояти. В первом случае орудие закреплялось так, чтобы его лезвие находилось поперек рукояти. Это были односторонне выпуклые тесла, которыми рубили, долбили и вытесывали дерево, нанося удары сверху вниз. Во втором случае лезвие орудия располагалось тоже сбоку, но параллельно рукояти. Таким орудием можно было колоть и расщеплять дерево, а также тесать и рубить, нанося удары сбоку.

На протяжении многих веков технология изготовления лодок оставалась неизменной, менялись только инструменты, что только увеличивало производительность труда при строительстве лодки. В эпоху бронзы применялись бронзовые топоры и тесла, стамески (Пряхин А.Д., 1996; Синюк А.Т., 1996). С появлением железных инструментов обработка дерева стала еще более эффективной.

Во многих научных работах определены два способа строительства долбленых челнов. Первый способ традиционен. Срубленное дерево (использовалась осина, ольха, липа или дуб) обрабатывали и путем обтесывания, долбления и выжигания, придавая заостренную форму. Затем колоду распаривали, и с помощью кольев разводили борта. Данный способ в настоящее время используется при изготовлении долбленых лодок, например, в с. Шестаково Бобровского района, что неоднократно наблюдал автор настоящей статьи. Другой способ требовал от 2-х до 5 лет. Он характерен для районов русского Беломорья. Осина, еще на корню, надкалывается вдоль деревянными клиньями по одному направлению. Клинья через каждые трое суток вколачиваются глубже и глубже для того, чтобы дерево, продолжая расти, раздавалось более в ширину. Переменой клиньев и увеличением толщины их, а также и закладыванием в расщелину распорок расширяют ствол, и дают ему первоначальный вид. Далее, по прошествии двух-пяти лет, осина срубается, оставшаяся в стволе древесина вырубается топором или выжигается. По окончании долбления труба наполняется водой, которая потом выливается. В трубе, по всей ее длине, раскладывают легкий огонь, который, действуя на влажную древесину, распаривает ее и делает гибкой. Наконец, когда распаренное дерево делается гибким, тогда посредством толстых деревянных распорок придают ему нужную форму. Такой челн служил основой и для изготовления набойных лодок.

В заключение хотелось бы остановиться на датировке древних челнов, обнаруженных на территории Среднего Дона. В первых исследовательских работах, посвященных челнам, обнаруженным около с. Щучье, В.А. Афонюшкин сделал предположение, что они принадлежат местной неолитической культуре. Рассмотрев результаты исследования геологических условий погребения челна 1956 г., произведенного М.Н. Грищенко, В.А. Афонюшкин датировал челн концом III – началом II тыс. до н.э. Эта дата автоматически перекочевала и на челн 1954 г. В 1994 г. фрагмент древесины челна 1956 г. был

исследован в лаборатории геохимических изотопов и геохронологии геологического института РАН, согласно радиоуглеродному анализу, абсолютный возраст древесины составляет 2240 ± 40 лет (ГИН – 8160). Это позволяет уточнить датировку находки – 206-286 гг. до н.э., и, в то же время, не снимает вероятности изготовления других челнов в предшествующие археологические эпохи.

Афонюшкин В.А., 1958. Древний челн у села Щучье Воронежской области // Труды Воронежского госуниверситета. Т.51. Вып.1.

Афонюшкин В.А., 1960. Новая находка древнего челна у с. Щучье Воронежской области // Труды Воронежского областного краеведческого музея. №1.

Винников А.З., Синюк А.Т., 2003. Дорогами тысячелетий. Воронеж.

Грищенко М.Н., 1958. О геологических условиях залегания древнего челна в районе с. Щучье Воронежской области // Труды Воронежского госуниверситета. Т. 48.

Линевский А., 1989. Морской и озерно-речной промыслы в древней Карелии // Экономика и статистика Карелии. Петрозаводск. №3.

Мельник А.Н., 1990. Находки древних челнов-однодревков на Оке // Памятниковедение. Изучение памятников судостроения, мореплавания и гидротехники. М., 1990.

Пряхин А.Д., 1996. Мосоловское поселение. Воронеж.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

**Т.В. Корниенко
(Воронеж, ВГПУ)**

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ «ТРЕХЧАСТНОГО» ПЛАНА НЕОРДИНАРНЫХ СТРОЕНИЙ МЕСОПОТАМИИ В ЭПОХУ УБЕЙД

Имеющиеся на сегодняшний день материалы убейдского времени (конец VI – IV тыс. до н. э.) свидетельствуют о том, что в конце данного периода архитектура, как и другие категории материальной культуры, достигла определенной степени стандартизации на всей территории Месопотамии. Показательны в этом отношении результаты сравнительного анализа «Храма 2» Урука и «Храмов XI-VI» Эреду, проведенного С. Кабба по особой методике с привлечением материалов из других убейдских поселений. В частности, С. Кабба установил широкое использование в строительстве Убейда устойчивых пропорциональных отношений (хорошо известных и современным архитекторам); применение стандартных геометрических сеток при планировании; распространение общей единицы измерения – «убейдского локтя», равного 72 см. Последнее изобретение в Месопотамии несколько опередило появление подобных единиц измерения в Египте*. Вместе вышеназванные показатели отражают высокий уровень математических и геометрических знаний, хранителями которых в период Убейд, очевидно, являлись, как и в более позднюю письменную эпоху, представители жречества. Именно с этапа Убейд, по мнению С. Каббы, можно с уверенностью говорить о развитии архитектуры в Месопотамии, а не просто о проведении строительства (Kubba S., 1990).

Различные варианты «трехчастного» типа планирования, использовались убейдцами и при возведении жилищ на некоторых поселениях, и при сооружении построек неординарных, выдающихся. О том, что такие здания были общественными, а не являлись, как высказывалось ранее предположение (Aurenche O., 1982, p. 253-257), резиденцией лидеров, говорит общий характер имеющихся свидетельств, указывающий на поддержание «видимой эгалитарности» и установление «примитивной демократии» в убейдском и урукском обществе на переходном этапе в истории Месопотамии от поздней первобытности к раннеклассовым государственным образованиям.

*Использование стандартной меры - «королевского локтя» (52.3-52.5 см) - в Древнем Египте фиксируется начиная с эпохи первых династий (Badawy A., 1965, p. 21).

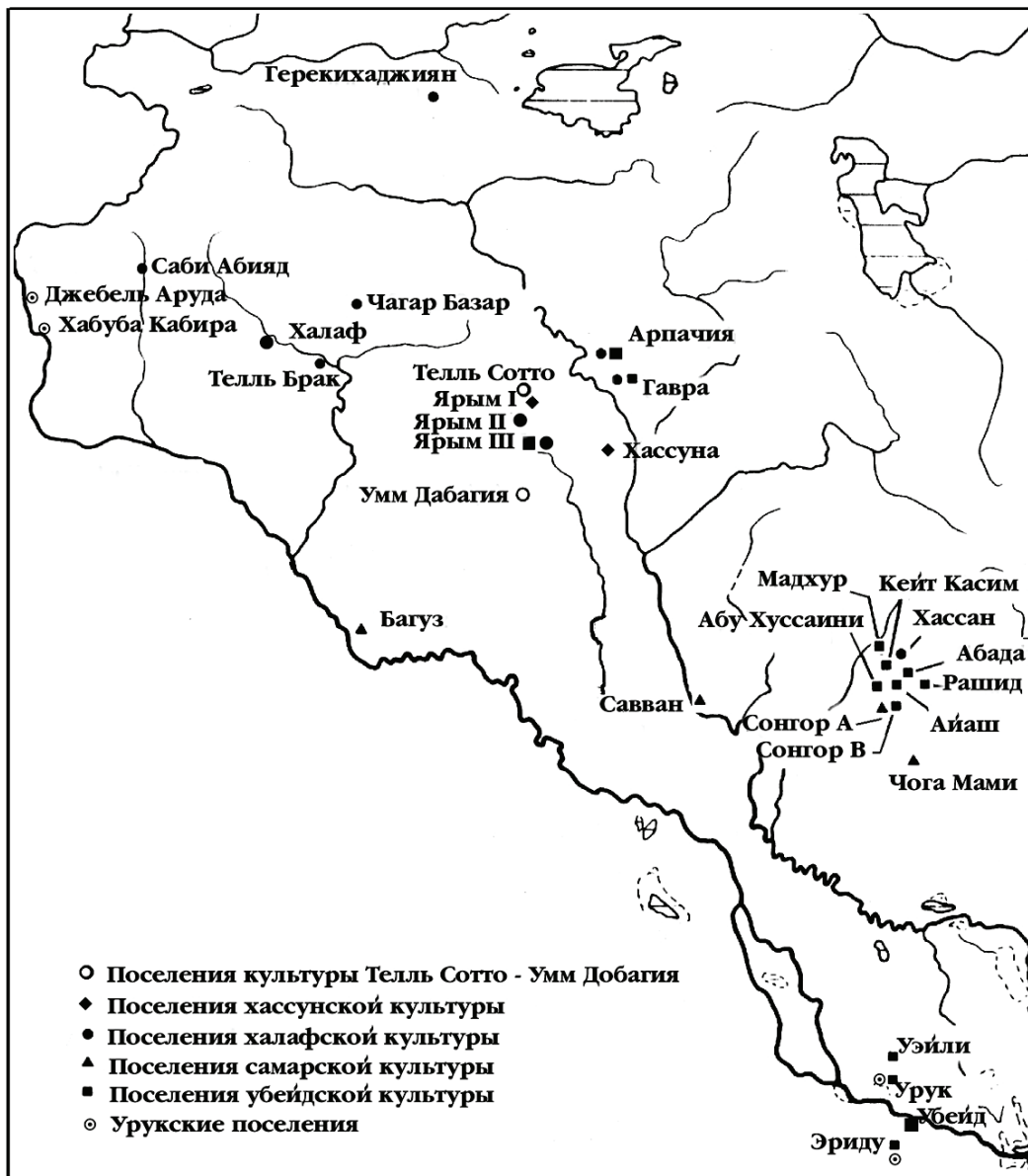

Рис. 1. Карта раннеземледельческих поселений и древнейших городов Месопотамии VI-IV тыс. до н.э.

Наилучшим образом сохранились неординарные постройки позднеубейдского времени Эреду (рис.2) (Safar F. et al, 1981), которые своими морфологическими и топографическими характеристиками сопоставимы с синхронными им выдающимися зданиями Урука (рис.3) (Schmidt J., 1972, 1974) и Тепе Гавры (рис.4) (Tobler A.J., 1950). Четкая разработанность планировки, аналогичной планировке более поздних шумерских храмов, наличие элементов не только конструктивного, но и символического характера, существование подиумов, напоминающих позднейшие алтари, следы совершения обрядовых действий и, наконец, расположение последовательности таких, сильно отличавшихся от обычных зданий в Эреду и Уруке на одном том же месте с периода Убейд 3-4 вплоть до шумерских времен - все это послужило основанием для интерпретации их первыми исследователями в качестве сакральных сооружений. Тем не менее, в настоящее время вопрос о предназначении данных строений в качестве культовых продолжает оставаться дискуссионным (Aurenche O., 1981; 1982; Roaf M., 1984; Forest J.D., 1987; Антонова Е.В., 1998, с. 46-54; 1998а, с. 6-7 и др.). Например, Ж-Д. Форест полагает, что убейдское общество было слишком слабо структурировано для того, чтобы храмы могли существовать (Forest J.D., 1987). Тогда как Дж. Отс, Дж. Мелларт и многие другие исследователи

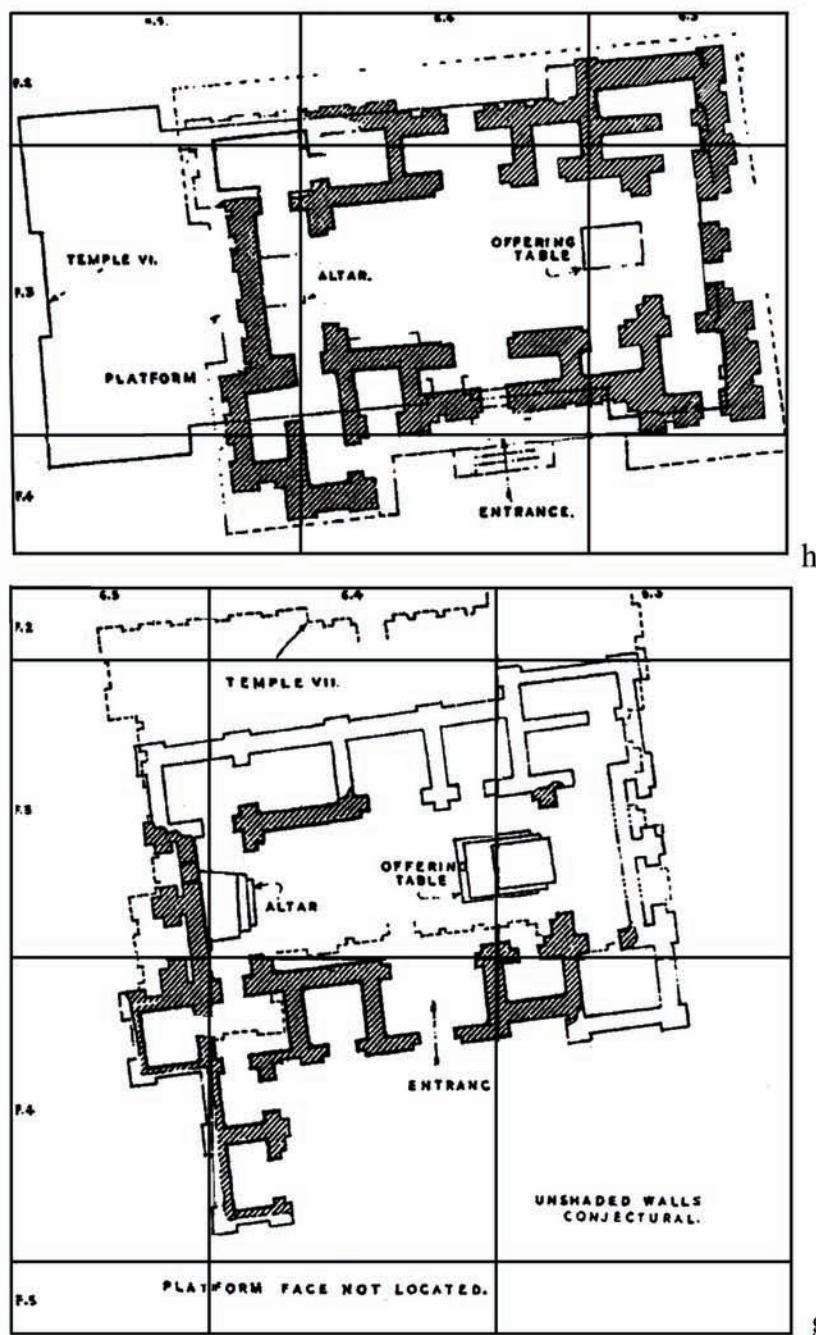

Рис. 2. Эрду. Планы Храмов VIII-VII (no: Safar F. et al, 1981, fig. 39)

дователи неоднократно отмечали, что обширные поселения убейдской эпохи (до 11 га площади), торговля на далекие расстояния с регионом Персидского залива, Сирией и Ираном, использование ирригационной системы сигнализируют о растущей потребности и даже наличии централизованной власти (Мелларт Дж., 1982, с. 121-124; Oates J., 1983; Mellaart J., 1994, 436-437). Е.В.Антонова, рассматривая разные категории материальных свидетельств, доказывает существование уже в это время элитарных семей и считает неправомерным отрицать относительную структурную сложность убейдского общества, памятники искусства которого отвечают признакам искусства предклассового времени (Антонова Е.В., 1991, с. 6; 1998а, с. 9).

Весьма выразительной группой источников для освящения поставленной проблемы служат печати позднеубейдского периода с изображением «вождя-жреца» и обрядовых сцен, которые происходят из северных районов Месопотамии, где традиция изготовления печатей-штампов известна с эпохи докерамического неолита. Появление печатей с

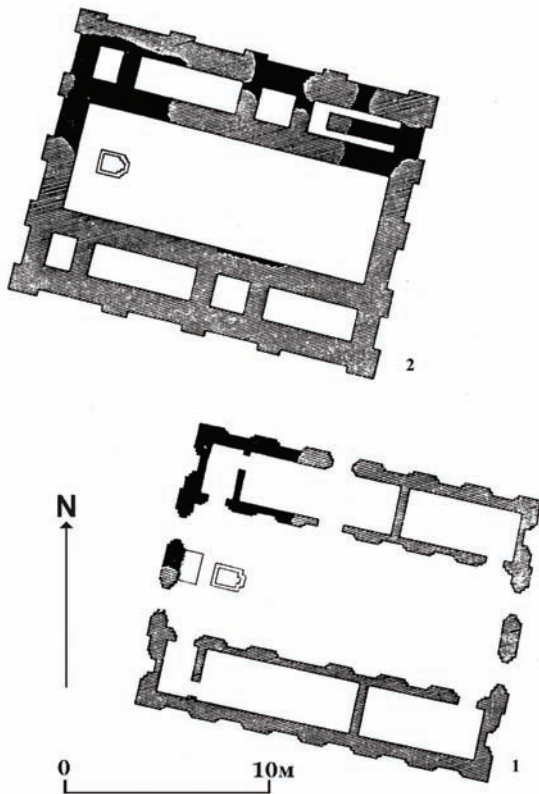

Рис. 3. Урук. Планы Храмов 1 и 2
(no: Roaf M., 1984, fig. 3-4)

жа, «бегущего» человека и двух человек, стоящих по сторонам большого сосуда, опустив в него нечто вроде палок (Антонова Е.В., 1991, с.4-5; 1998, с. 56-57). Интересно, что последний сюжет также как и персонаж с козлиными рогами, известен на халафской керамике (Северная Месопотамия, V тыс. до н. э.) - рисунку на обрядовой чаше из могилы G2 Телль Арпачии (рис. 8; 9, 3).

Весьма содержательны образцы слоя XI, на которых антропоморфные персонажи изображаются исключительно как действующие лица различных сцен. На трех печатях они в брачном соединении (рис. 9.1.2.6), в окружении различных зооморфных фигур и/или других объектов, как будто являясь центром мироздания. В одном варианте показано, что брачное соединение происходит на небольшом возвышении прямоугольной формы (рис. 9.1).

Еще на одной печати уровня XI изображены идущие, согнутые, как бы с грузом за спиной люди (рис. 9.4), на двух других – стоящий и два идущих персонажа. Среди изображений на печатях этого слоя преобладают не геометри-

антропоморфными рисунками фиксируется уже по материалам памятников самаррской культуры (Центральная Месопотамия, конец VI-V тыс. до н. э.), но в значительном количестве такие объекты были впервые получены из позднеубейдских и урукских слоев Тепе Гавры (рис. 6-7). Здесь антропоморфные изображения включают как одну, так и несколько фигур.

В слое XIII Тепе Гавры найдены печати с изображением человека с козлиной головой или козлиными рогами, в позе танца или обращения к высшим силам (с поднятыми вверх согнутыми в локтях руками), в сопровождении козлов (рис. 6.2,6,8). На одной из печатей изображены три персонажа, лишенные выраженных зооморфных черт и движущиеся влево, держась за руки (рис. 6, 7). Данный мотив, известный по керамике халафской и самарской культур, возможно, передает момент обрядовой пляски. Для большинства же печатей этого слоя характерны геометрические узоры, а также изображения животных – козлов, реже оленей.

В следующем, более позднем уровне XII найдены печати и их оттиски с изображением окруженного змеями коленопреклоненного персона-

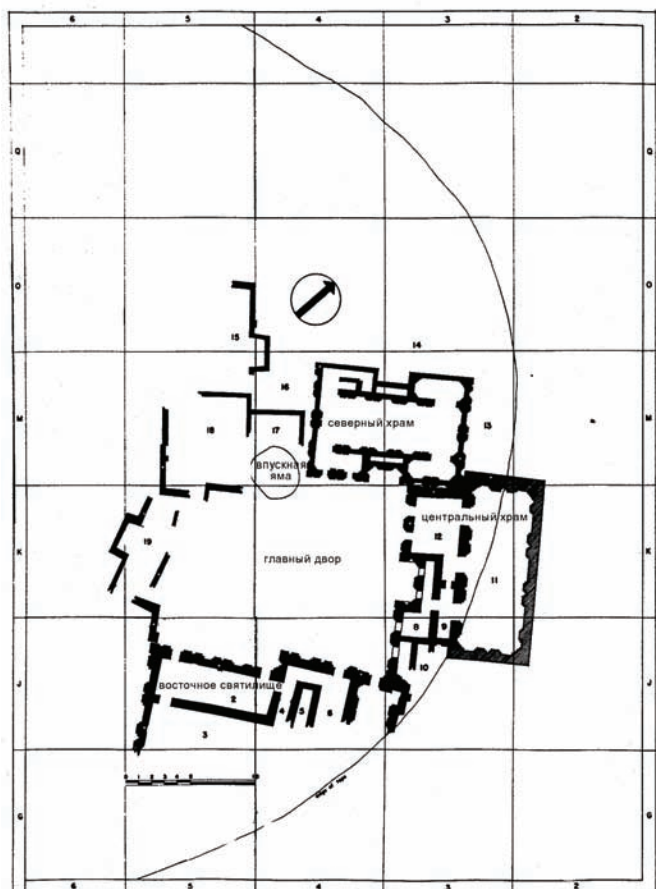

Рис. 4. Тепе Гавра. Уровень XIII
(no: Tobler A., 1950, pl. XI)

Рис. 5. Тель Абада. Уровень II. Общий план раскопанных построек с отметками мест обнаружения объектов различных категорий (по: Jasim S.A., Oates J., 1986, fig. 1)

ческие, а фигуративные мотивы. По замечанию Е.В.Антоновой, посвятившей несколько подробных работ анализу рассматриваемой категории объектов, ряд изображений позволяет сделать заключение, что персонажи показаны в обрядовых ситуациях. Помимо тех, в которых представлены уже упоминавшиеся брачные сцены, исследовательница отмечает еще две печати из слоев XII-XI-A как, несомненно, воспроизводящие моменты обрядовых действий.

Рис. 6. Телле Гавра. Печати и отпечатки печатей из уровня XIII (по: Wickede A., 1990, fig. 245-252)

Рис. 7. *Тепе Гавра. Печати и отпечатки печатей из уровня XII (?)*
(по: Wickede A., 1990, fig. 262-270)

На одной из них показан человек, склонившийся над чем-то вроде «рогатого» алтаря. Здесь также помещены условные фигуры, вероятно, обозначающие приношения. На другой печати – танцующий у алтаря (?) человек с ногой животного в руке (Антонова Е.В., 1991, с. 5; 1998, с. 57).

Повторяющиеся изображения алтаря и приношений, сцена совершения «священного брака» на прямоугольном подиуме, а также некоторые другие представленные печатями Тепе Гавры свидетельства проведения обрядовых действий, предполагают существование в убейдскую эпоху общественных сооружений, специально предназначенных для отправления культа. Имеются серьезные основания считать, что такими зданиями являлись выдающиеся строения определенного вида Эреду, Урука, Тепе Гавры, возможно, Телль Абада (рис.5). Симптоматично, что сами печати, как и сложных форм фишки, которые служили для учета объектов различных категорий (к слову сказать, ряд исследователей непосредственно связывает их с происхождением шумерской письменности), в значительном количестве происходят именно из предполагаемых храмов Тепе Гавры. Обнаруженные на территории Телль Абада наборы подобных фишек зафиксированы также исключительно в границах выдающегося по многим показателям Строения А (Jasim S.A., 1983, p. 173, 181; 1989, fig. 1). Все эти факты соответствуют нашему представлению о том, что сакральные сооружения Месопотамии с дописьменных времен функционировали в качестве важных хозяйственных центров на поселениях.

Судя по комплексу убейдских археологических материалов, шумерский миф о назначении людей служить богам был актуален для жителей Двуречья задолго до его письменной фиксации в конце III - начале II тысячелетия до н. э. Очевидно, он вырос из религиозных представлений поры разложения первобытного общества и сложения государства, когда обязанности людей по отношению к их богам, благодаря благосклонности которых они получают урожаи, имеют детей, избавляются от болезней, были осознаны в полной мере, что, в конечном счете, способствовало утверждению храмовой административной системы. Как отмечает Е.В.Антонова, появление в убейдскую эпоху печатей-штампов, с изображением рогатого персонажа, совершающего обрядовые действия, свидетельствует о наличии в убейдских поселениях лиц с особыми сакрально-управленческими функциями. Звероподобный облик персонажа как печатей на севере, так и мелкой пластики на юге ареала убейдской культуры – следствие того, что в обществах, еще не порвавших с первобытной эгалитарностью, носитель власти выступал только как обладающий явными внешними признаками своих отношений с нечеловеческим, иным миром, как сакральный предводитель (Антонова Е.В., 1983, с.94; 1998, с. 63; 1998а, с.9). Выше отмечалось, что впервые для территории Месопотамии появление данного персонажа фиксируется рисунком на обрядовой керамике халафского времени.

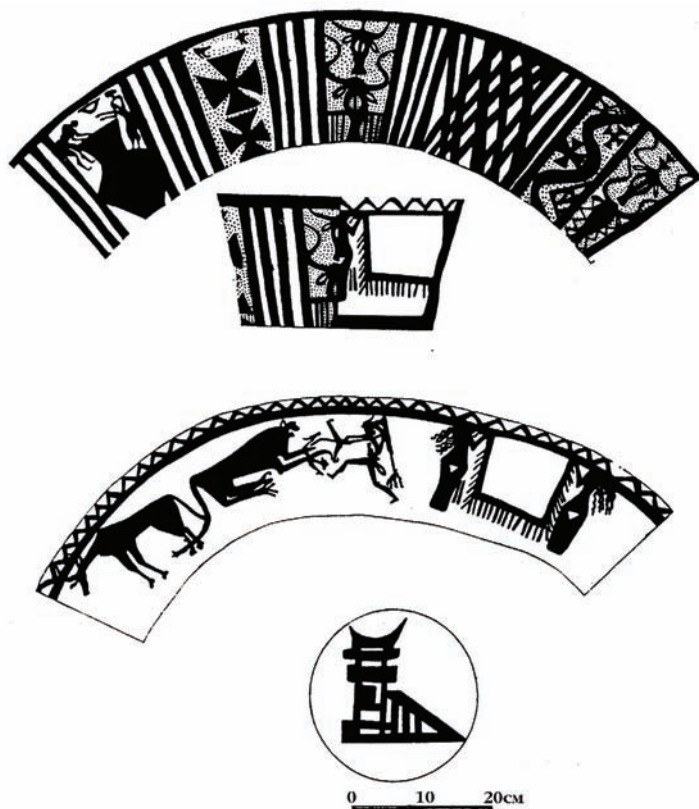

Рис. 8. Тель Арпачия. Обрядовая чаша из могилы G2 (no: Ippoliti-Strika F.A., 1990, fig. A)

турно оформленных святилищ эпохи докерамического неолита, дающие убедительную информацию о нахождении в них крупномасштабных скульптур и украшенных рельефами стел, в ряде случаев имевших антропоморфный облик и, весьма вероятно, служивших изображениями божеств (подробнее см.: Корниенко Т.В., 2002, 2002а, 2004). Как представляется, в период керамического неолита - энеолита под воздействием проходивших тогда заметных трансформаций материальной и духовной жизни ранних земледельцев, данная религиозная традиция художественного оформления стел и пилястр в виде антропоморфных существ или нанесения на них зооморфных символов на долгое время была утрачена и возродилась лишь в «историческую» эпоху развития Месопотамии. В то же время, как выясняется, именно с эпохи Убейд в Месопотамии прочно закрепляется известный еще с ранненеолитического времени обычай символического украшения храмовых, а позже и городских стен пилястрами для ритуальной защиты святилищ и населения города от злых сил. Эта традиция обязательного установления стел, маркирующих священное пространство в сооружениях культового назначения, продолжается и в шумерский период, что подтверждают самые ранние из известных строительных записей-гимнов в честь возведения храма, так называемые тексты Гудеа. В них сообщается, что завершалось грандиозное строительство установлением стел в различных частях храма. Стелы имели охранительное значение, а символика их была связана с древнейшими (не активными уже к тому времени) богами и героями (Емельянов В.В., 2003, с. 82-83)*. И еще одна весьма важная деталь: схематическое изображение храма на священных рельефах и рисунках шумерскими мастерами передавалось через изображение двух украшенных

Изображения же самих богов появляются на печатях Месопотамии относительно поздно, систематически лишь на позднем этапе раннединастического периода, а в основном уже в аккадское время, что соответствует и ситуации с находками скульптур, в человеческом облике представлявших божественных покровителей общины в храмовых постройках «исторического» Двуречья. Одна из причин отсутствия подобных изображений богов в архаических культурах, полагают исследователи, в том, что первоначально они не имели визуально антропоморфного облика, будучи сращены с явлениями, которые впоследствии стали олицетворять. Их присутствие в храме передавалось посредством различных знаков и действий (Дьяконов И.М., 1990, с. 70; Антонова Е.В., 1991, с. 15; Якобсен Т., 1995, с. 15-19 и др.). Однако в настоящее время нам доступны материалы архитек-

Пользуясь случаем, мы выражаем крайнюю признательность Владимиру Владимировичу Емельянову за любезно предоставленную им возможность полностью ознакомиться с содержанием этого текста, а также за подробные разъяснения относительно тонкостей перевода. Речь идет о следующем отрывке из Цилиндра А Гудеа (XXIII 8 – XXIV 7):

⁶²⁵ A23.8na kisal mah-a <im>-mi-gu₂-a-na
Стелу, в большом дворе установленную,

⁶²⁶ A23.9na-gu₂-a lugal kisal si
“Стела “Царь, двор наполняющий,

Рис. 9. Тене Гавра. Отпечатки печатей из уровня XII-XI/X A (?)
(no: Wickede A., 1990, fig. 297-304)

стел/столбов, перед которыми часто можно увидеть бога или богиню (см., например, рисунок на знаменитой алебастровой вазе из Урука, начало III тыс. до н. э.). Такое упрощенное изображение храмовой постройки в виде двух священных/изначальных столбов соответствует известному закону семантики обозначения целого его главной частью. Конечно, символически украшенные стелы эпохи докерамического неолита, возводимые в общественных постройках культового характера на поселения Северной Месопотамии, по своему значению сильно отличались от стел и пилястр, присутствовавших гораздо позднее в убейдских и шумерских храмах. Последние сохранялись традицией уже как обязательные охранительные элементы храмового убранства, на основании определенных сакральных знаний, накопленных опытом многих предшествовавших поколений.

Стоит отметить, что, несмотря на использование «трехчастного» типа планирования одновременно при сооружении жилых домов и храмов на поселениях убейдского времени, отличия между этими видами строений весьма существенны. Конструктивные детали культовых зданий хорошо продуманны и включают в себя символическое укра-

⁶²⁷ A23.10Gu₃-de₂-a en ^dNin-gir₂-su-ke₄

владыка Нингирсу, Гудеа

⁶²⁸ A23.11Gir₂-nun-ta mu-zu

в Гирнуне узнал”

⁶²⁹ A23.12na-ba mu-še₃ im-ma-sa₄

стелу эту именем назвал.

⁶³⁰ A23.13na Ka₂-sur-ra bi₂-ru₂-a

Стелу, в (воротах) Касура установленную,

⁶³¹ A23.14lugal a-ma-ru ^dEn-lil₂-la₂

“Царь, потоп Энлиля,

⁶³² A23.15gaba šu gar nu-tuku

соперника не имеющий,

⁶³³ A23.16Gu₃-de₂-a en ^dNin-gir₂-su-ke₄

владыка Нингирсу, на Гудеа

⁶³⁴ A23.17igi zid mu-ši-bar

благосклонный взгляд бросил”

⁶³⁵ A23.18na-ba mu-še₃ im-ma-sa₄

стелу эту именем назвал.

⁶³⁶ A23.19na igi ud ed₂-a-<ka> bi₂-ru₂-a

Стелу, лицом к восходу (Солнца) установленную,

⁶³⁷ A23.20lugal ud gu₃ di ^dEn-lil₂-la₂

“Царь, ревущий шторм Энлиля,

⁶³⁸ A23.21en gaba-ri nu-tuku

соперника не имеющий,

⁶³⁹ A23.22Gu₃-de₂-a en ^dNin-gir₂-su-ke₄

владыка Нингирсу Гудеа

⁶⁴⁰ A23.23šag₄ kug-ge bi₂-pad₃

Святым сердцем избрал”

⁶⁴¹ A23.24na-ba mu-še₃ im-ma-sa₄

Стелу эту именем назвал.

⁶⁴² A23.25na igi šu-ga-lam-ma-ka bi₂-ru₂-a

Стелу, установленную перед Шугаламом,

⁶⁴³ A23.26lugal mu-ni-še₃ kur tuk₂-tuk₂-e

“Царь, при имени которого горы дрожат,

⁶⁴⁴ A23.27Gu₃-de₂-a en ^dNin-gir₂-su-ke₄

владыка Нингирсу

⁶⁴⁵ A23.28gu-za-ni mu-gi

сделал трон Гудеа прочным”

⁶⁴⁶ A23.29na-ba mu-še₃ im-ma-sa₄

стелу эту именем назвал.

шение стен регулярно чередующимися пилястрами и выступами; как правило, специальные возвышения, устройства и/или места для жертвоприношений, находящиеся на центральной оси зала; иногда ниши и/или примыкающие к стенам глиняные скамьи. Общий план таких сооружений симметричен. Центральное помещение занимает заметно большее пространство от общей площади постройки, чем в жилых домах. Присутствуют следы регулярных жертвоприношений, коллективных трапез. Безусловно, важным моментом представляется особая трудоемкая подготовка участков перед строительством культовых зданий. В Эреду и Уруке фиксируются первые свидетельства сложения традиции возведения храмов более позднего времени на месте своих предшественников, руины которых заключались в специально построенную платформу. Материалы XIII слоя Тепе Гавры выразительно показывают, что перед сооружением «акрополя» вся территория, впоследствии им занятая, была тщательно нивелирована (Tobler A., 1950, p. 30). О.Оранж подчеркивает, что такие здания являлись «изолированными» по отношению к остальным постройкам на поселениях. Это достигалось разными способами: или вокруг неординарных сооружений сохранялось свободное пространство, как это зафиксировано в Тепе Гавре и Телль Абада, или дифференциация отражалась более высоким уровнем их расположения, что было достигнуто путем сооружения платформ в Эреду и Уруке (Aurenche O., 1982, p. 253). Вместе с тем, использование общего типа «трехчастного» планирования и для жилых домов и для храмовых зданий в убейдский и следующий за ним период развития Месопотамии соответствует известному значению храмов как «домов божеств», сохранявшемуся на протяжении всей истории Древнего Двуречья. Вполне вероятно, что первый устойчивый тип храмового строения в предшумерской цивилизации сложился при взаимодействии с домашней архитектурой.

Прямая преемственность между убейдской и урукской культурами выразительно фиксируется строительными остатками соответствующих памятников Двуречья. Урукская архитектурная традиция непосредственно проистекает из сложившихся в Убейде принципов и приемов возведения зданий жилого и особого назначения, общего расположения построек на поселении. «Трехчастный» тип планирования сохраняется господствующим в урукскую эпоху. Архитектура храмов, несомненно, продолжает и развивает традиции Убейды. Об этом свидетельствуют как раскопки прежних лет в Уруке, Эреду, Укайре, Телль Браке, так и относительно недавние широкомасштабные исследования сирийских памятников Джабель Аруды и Хабубы Кабиры. Судя по материальным источникам, внешнее противопоставление между обычными домами и храмово-административными зданиями в урукских поселениях заметно усиливается. Храмы и находящиеся с ними рядом вспомогательные постройки начинают образовывать целые, очевидно, заранее спланированные ансамбли. И прецедент подобной организации уже известен для позднеубейдской эпохи. Таким комплексом являлся «акрополь» уровня XIII Тепе Гавры. Данные, полученные при раскопках крупных южномесопотамских колоний позднеурукского времени в районе среднего течения Евфрата - Джабель Аруды и Хабубы Кабиры, свидетельствуют о применении схожих планировочных решений, осуществлявшихся в тех случаях, когда была возможность строить на широких площадях.

⁶⁴⁷A23.30na igi E₂-uru₁₈-ga-ka bi₂-ru₂-a
Стелу, перед Эуругой установленную,

⁶⁴⁸A24.1Gu₃-de₂-a en ^dNin-gir₂-su-ke₄

“Владыка Нингирсу Гудеа

⁶⁴⁹A24.2nam dug₃ mu-ni-tar

благую судьбу определил”

⁶⁵⁰A24.3na-ba mu-še₃ im-ma-sa₄

Стелу эту именем назвал.

⁶⁵¹A24.4na a-ga ^dBa-u₂-ka bi₂-ru₂-a

Стелу, в покоях (?) Бау установленную,

⁶⁵²A24.5E₂-ninnu igi an-na-ke₄ zu

“Взор Ана Эннину знает,

⁶⁵³A24.6^dBa-u₂ zi šag₄ gal₂ Gu₃-de₂-a

Бау – источник жизни Гудеа”

⁶⁵⁴A24.7na-ba mu-še₃ im-ma-sa₄

Стелу эту именем назвал.

Все памятники, поставленные Гудеа в различных частях храма, названы по-шумерски на “камень” (– gu₂-a “посвященный”), один раз па-gu₂-a “стела”. Безусловно, речь идет о вертикальном столбе - посвященном памятнике, имеющем для царя охранительное значение.

Так, Хабуба Кабира простирается на расстоянии более 1 км вдоль берегов Евфрата, а общая занимаемая им площадь – 18 га. На всем протяжении поселок был укреплен с запада (со стороны суши) крепостной стеной с двумя монументальными воротами. Его храмово-административный центр доминирует над хорошо спланированным городом, который был построен в соответствии с предварительным планом. Жилые кварталы, состоящие из «трехчастных» домов различных размеров, располагались вдоль улиц и улочек, направленных параллельно или перпендикулярно линии крепостной стены. Отмеченный храмово-административный центр, представлявший собой целый комплекс величественных монументальных строений, размещался в южном районе изолированно, почему археологи и приняли его сначала за самостоятельное поселение. По своим архитектурным характеристикам некоторые из сооружений «акрополя» Хабубы Кабири явно соответствуют «трехчастным» позднеубейдским и урукским культовым строениям. На основании, обнаруженных там свидетельств заполнения, внутреннего устройства и оформления помещений, в настоящее время исследователи интерпретируют эти здания в качестве храмов (Finet A., 1975; Strommenger E., 1980; Aurenche O., 1982; Vallet R., 1997).

В 10-ти км вверх по течению Евфрата раскапывалось во многих отношениях похожее на Хабубу Кабиру поселение Джабель Аруда. План исследованной части этого памятника показывает тот же принцип отделения особого района свободным пространством от жилых кварталов города, и даже ограждение его стенами. «Акрополь» Джабель Аруды включал довольно массивные и небольшие по занимаемой площади «трехчастные» храмы южно-месопотамского типа, стены которых сохранили следы украшения пилястрами (Van Driel G., Van Driel-Murray C., 1983; Mel-laart J., 1994, p. 439).

В целом, на основании имеющихся на сегодняшний день материалов, можно констатировать, что определенный тип храмового строительства формировался в течение длительного периода на поселениях убейдского времени. Впоследствии он был воспринят и усовершенствован жителями урукских городов. Фиксация археологическим путем остатков функционирования определенного вида храмовых построек в удаленных на сотни километров друг от друга убейдских, а позже и урукских поселениях свидетельствует о распространении единой традиции храмового строительства в эту эпоху на всей территории Месопотамии.

Антонова Е.В., 1983. Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца VI – первой половины III тыс. до н.э. // ВДИ. № 4. С. 88-96.

Антонова Е.В., 1991. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. №2. С.3-17.

Антонова Е.В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.

Антонова Е.В., 1998а. Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V-IV тыс. до н.э. // ВДИ. №3. С. 3-15.

Дьяконов И.М., 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.

Емельянов В.В., 2003. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.

Зубов А.Б., 1997. История религий. Книга первая. М.

Корниенко Т.В., 2002. У истоков культового строительства Древней Месопотамии // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж. С. 209-220.

Корниенко Т.В., 2002а. «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. №2. С. 92-114.

Корниенко Т.В., 2004. Символическое оформление построек раннего докерамического неолита на территории Северной Месопотамии // ВДИ. №2. С. 125-147.

Мелларт Дж., 1982. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.

Якобсен Т., 1995. Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М.

Aurenche O., 1981. L'architecture Mésopotamienne du 7e au 4e millénaires // Paléorient. Vol.7/2. P.43-55.

Aurenche O., 1982. A l'origine du temple et du palais dans les civilisations de la Mésopotamie ancienne // Ktema: Civilisations de l'Orient, de Grèce et de Rome Antiques. Strasbourg. №7. P. 236-259.

Badawy A., 1965. Ancient Egyptian Architectural Design – A Study of the Harmonic System. Berkeley and Los Angeles.

Finet A., 1975. Finet A. Les temples sumériens de tell Kannas // Syria. №52. P. 157-174.

Forest J.D., 1987. La grande architecture obeidienne: sa forme et sa fonction // Préhistoire de la Mésopotamie. P. P. 385-423.

Forest J.D., 1999. Les premiers temples de Mésopotamie (4e et 3e millénaires). BAR Int. Series 765.

Ippoliti-Strika F., 1990. A Bowl from Arpachiyah and the Tradition of Portable Shrines // Mesopotamia. Torino. Vol. 25. P. 147- 174.

- Jasim S.A., 1983.* Excavations at Tell Abada: a Preliminary Report // Iraq. Vol. XLV. P. 165-186.
- Jasim S.A., 1989.* Structure and Function in an 'Ubaid Village // Upon this Foundation. The 'Ubaid reconsidered. Preceedings from the 'Ubaid symposium Elsinore. May 30-th – June 1-st 1988. Copenhagen. P. 78-90.
- Jasim S.A., Oates J., 1986.* Early tokens and tablets in Mesopotamia: new information from Tell Abada and Tell Brak // World Archaeology. Vol. 17. №3. P. 348-362.
- Kubba S., 1990.* The Ubaid Period: Evidence of Architectural Planning and the Use of a Standard Unit of Measurement – the «Ubaid Cubit» in Mesopotamia // Paléorient. Vol. 16/1. P. 45-55.
- Mellaart J., 1994.* Western Asia During the Neolithic and Chalcolithic (about 12,000-5,000 years ago) // History of Humanity. Volume I: Prehistory and the Beginnings of Civilization. L.-N.Y. P.425-440.
- Oates J., 1983.* Ubaid Mesopotamia Reconsidered // The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the Prehistory of South Western Asia. Pres. to R.J. Braidwood. Ed. by Young T.C. et al. Chicago. P.251-272.
- Roaf M., 1984.* 'Ubaid houses and temples // Sumer. Vol. 43. P.80-90.
- Safar F. et al., 1981.* Ali Mustafa M., Lloyd S. Eridu. Baghdad.
- Schmidt J., 1972.* Steingebäude // Vorläufige Bericht über die von dem Deutschen Archäologischen Institut und der Deutschen Orient-Gesellschaft aus Mitteln der Deutschen Forschungsgemeinschaft unternommenen Ausgrabungen in Uruk-Warka 1968-1969. Berlin. Vol. 26/27. P. 18-29.
- Schmidt J., 1974.* Zwei Tempel der Obēd-Zeit in Uruk // Baghdader Mitteilungen. 1974. Vol. 7. S.173-187.
- Strommenger E., 1980.* Habuba Kabira, ein Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein.
- Tobler A.J., 1950.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia.
- Vallet R., 1997.* Habuba Kebira ou la naissance de l'urbanisme // Paléorient. Vol. 22/2. P. 45-76.
- Van Driel G., Van Driel-Murray C., 1983.* Jebel Aruda 1982. A preliminary Report // Akkadica. № 33. P. 1-26.
- Wickede A., 1990.* Prähistorische Stempelglyptik in Vorderasien. München.

Л.И. Маслихова
(Воронеж, ВГПУ)

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ОРНАМЕНТА КЕРАМИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Вопросы, касающиеся интерпретации смыслового содержания орнамента древних сосудов, привлекали внимание исследователей сравнительно давно, при этом акцент зачастую делался на изучение семантики орнамента керамического материала.

Первые работы, посвященные этому вопросу, появились еще в конце XIX в. (Городцов В.А., 1987), неоднократно поднималась эта проблема и в трудах советских археологов (Кричевский Ю.А., 1949; Рыбаков Б.А., 1965). Но наиболее активно вопросы, связанные с изучением смыслового содержания древних орнаментов, стали разрабатываться исследователями в последней четверти XX в. (Отрощенко В.В., 1974; Чмыхов Н.А., 1977; Березанская С.С., 1982; Шилов Ю.А., 1995; Пустовалов С.Ж., 1998; Захарова Е.Ю., 1998 и др.).

Можно выделить несколько направлений в изучении и интерпретации семантической нагрузки орнаментальных композиций:

- 1 – рассмотрение знаков на сосудах как проявление зачатков письма;
- 2 – трактовка некоторых элементов орнамента, а иногда целых орнаментальных композиций, как отражение религиозных представлений древнего населения или знаков магического характера, священной символики и т.д.;
- 3 – рассмотрение знаков на сосудах как древних календарей.

Остановимся более подробно на каждом из этих направлений.

Одной из наиболее ранних является идея об интерпретации элементов орнамента как знаков протописьменности. В.А. Городцов в статье «Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками» (был найден у с. Александровка Рязанской губернии) отмечал следующее: «Глиняный сосуд с загадочными знаками принадлежит к памятникам X-XI века славянской или славяно-русской народности. Сосуд оказался слабообожженным. Такой признак может указывать на то, что сосуд изготовлялся наспех, специально по случаю похорон. Всех знаков на александровском сосуде четырнадцать. Расположение

их в одну строчку напоминает письмо». Однако в этой же работе автор привел и мнение В.И. Сизова, отмечавшего, что знаки на данном сосуде, скорее всего, «принадлежат к родовым клеймам, употребляемым у разных народов как знаки собственности, но разбор этих знаков требует времени» (Городцов В.А., 1897, с. 4-5).

В дальнейшем попытки соотнесения элементов орнамента со знаками протописьменности предпринимались неоднократно. Наиболее активно эта тема разрабатывалась применительно к материалам срубной культурно-исторической общности. Одним из первых к анализу знаков на сосудах срубной культуры обратился А.А. Формозов. Проанализировав знаки на семнадцати сосудах, он охарактеризовал их как зачатки письменности, которая «сложилась на местной основе и происходит от орнамента» (Формозов А.А., 1953, с. 196-198). В.В. Отрощенко, располагая данными о знаках на 61 предмете срубной общности, предложил их разделить на пять групп: знаки-рамки, крестообразные знаки, геометрические фигуры и знаки типа пиктограмм (Отрощенко В.В., 1988, с. 151-178). К выводу о наличии письма у носителей срубной культуры склонялись и другие исследователи. К примеру, И.Ф. Ковалева, проанализировав орнаменты на срубных сосудах, на которых фиксировались «ряды крестов, свастик и другие знаки», считала возможным «появление пиктографического письма у срубных племен» (Ковалева И.Ф., 1989, с. 64). Существенное увеличение источниковой базы позволило Е.Ю. Захаровой расширить представления о срубной знаковой системе. Ею были проанализированы знаки на 308 сосудах срубной общности, что позволило выделить три типа знаков: наглядно-изобразительные (пиктограммы), по своей природе соответствующие иконическим, идеографические (символические) и напominательные, соответствующие с группой знаков-сигналов. Помимо выделенных трех типов знаков, имеющих самостоятельное значение, Е.Ю. Захарова отмечала присутствие в знаковых композициях срубной общности различного рода вспомогательных элементов, которые, по ее мнению, служили для обособления какого-либо знака, обозначения начала и конца композиции, фиксации определенного числа и т.д. (Захарова Е.Ю., 1998, с. 101-110). Всего в срубной «письменности» исследователями было выделено около 50 групп знаков. В том числе, помимо пиктограмм, специалисты выделяют группу таких знаков, которые являлись, по их мнению, буквами (Отрощенко В.В., 1988).

А.Д. Пряхин и Е.Ю. Захарова, анализируя знаки на сосудах племен средней бронзы доно-донецкого региона, отмечали, что лишь в немногих случаях можно с уверенностью выделить отдельные знаки, большинство из которых являются «своего рода производными от элементов геометрического орнамента; наибольшая «рисуночность» при наличии знаков – «письмен» фиксируется на сосудах культуры многоячеистой керамики, а фиксация на сосудах значимых для населения числовых последовательностей в большей степени характерна для абашевской традиции. Также была отмечена преемственность между анализируемыми знаками и получившей распространение у населения срубной культурно-исторической общности знаковой системой. Последняя, по мнению авторов, имеет уже структурно оформившейся и сложившийся характер (Пряхин А.Д., Захарова Е.Ю., 1996, с. 61-63).

Еще одно из направлений в изучении орнамента связано с поиском взаимосвязей элементов орнамента с ранними религиозными представлениями. В рамках этого направления одним из объектов изучения является модель мира в представлениях древнего населения, нашедшая отражение в композициях на керамике. Б.А. Рыбаков характеризовал орнаментальные композиции на трипольских сосудах как «картину модели мира», развернутую по вертикали – с нижним миром, водной и земной стихией и небесной сферой (Рыбаков Б.А., 1981, с. 194 и сл.). Аналогичное суждение было высказано В.В. Отрощенко относительно орнамента на сосуде срубной культурно-исторической общности из кургана у с. Новопавловка (Отрощенко В.В., 1990, с. 13-15). Существует также предположение о том, что орнаментация некоторых сосудов является отражением горизонтальной модели мира. В частности, преобладание четырех элементов или четырех раппортов орнамента неоднократно связывалось с отражением деления человеком окружающего его пространства по

векторам, характеризующихся исходя из позиций воспринимаемого субъекта (спереди, сзади, справа, слева и т.п.). Соответственно, минимальное число таких структурирований - четыре, но с развитием обществ как равноправные могли выступать и промежуточные направления - 8, 16 и т. д. (Антонова Е.В., Раевский Д.С., 1992, с. 210).

Ряд композиций на сосудах культур эпохи бронзы соотносится исследователями с наличием в мифологии оставившего их населения представлений о круговороте жизни и смерти (Шилов Ю.А., 1995, с. 442-443; Матвеев Ю.П., Сафонов И.Е., 1997, с. 115-116; Отрощенко В.В., 1998, с. 93-98).

Существует также версия о рассмотрении некоторых элементов орнамента как знаков магического характера. Эта теория непосредственно связана с идеей о том, что для архаического сознания характерно мифологическое осмысление окружающей действительности, а также и нерасчлененное восприятие вещи – одновременно и как орудия, и как носителя знаковой информации. Таким образом, орнамент изначально заключал в себе не только декоративную, но и какую-то смысловую нагрузку, причем, ведущим являлось именно смысловое содержание орнамента для обеспечения прагматической эффективности предмета (Топоров В.Н., 1982). А.А. Миллер отмечал, что орнамент на посуде изначально выступал в качестве знаков магического характера, и лишь с течением времени происходила стилизация орнамента, и он утрачивал смысловое назначение. В связи с этим становится понятным встречаемость в орнаменте «священных чисел» - четыре, семь (Миллер А.А., 1933, с. 127, 137, 138).

Ю.А. Кричевский связывал некоторые элементы орнамента с космическим мировоззрением неолитических племен (по мнению исследователя, оно было связано с бинарным чередованием верха и низа, зимы и лета, рождения и смерти и т.п.) и с магическим предназначением сосудов, в орнаменте которых содержатся подобные элементы (Кричевский Ю.А., 1949, с. 86 и сл.). С.С. Березанская, рассматривая орнамент на керамике и других изделиях, отмечала, что «можно выделить группу знаков, которые несут определенную символическую нагрузку. Среди них солярные символы, символы земли и растительного мира». Сосуды с подобными изображениями были отнесены ею к разряду культовых предметов (Березанская С.С., 1982, с. 176, рис. 68).

Эта тема получила разработку в работе И.Е. Сафонова. Он предполагает, что «священная» символика составляла неотъемлемую часть ритуалов, мифов и других религиозных представлений, свойственных данному народу, и орнамент керамики достаточно часто использовался для ее фиксации. Набор таких «священных» чисел существовал у каждого народа. Эти числа не всегда совпадали, но выделялась группа универсальных, свойственных многим культурам: 3, 5, 7 и др. (Сафонов И.Е., 1996, с. 63).

Можно выделить еще одно направление в интерпретации семантики древних орнаментов, связанное непосредственно с астрально-календарной символикой. Началом для исследований в этом направлении послужили работы Б.А. Рыбакова, касающиеся интерпретации знаков на сосудах черняховской культуры в плане соотнесения их с календарными системами. По его мнению, подобные сосуды, вероятнее всего, использовались в период святок и гаданий (Рыбаков Б.А., 1962, с. 71 и сл.). В дальнейшем Б.А. Рыбаков неоднократно возвращался к данной проблематике. В частности, как календарь им был интерпретирован орнамент на северокавказском сосуде VIII–VII вв. до н.э. Основным было предположение о связи 12 элементов орнамента с 12 месяцами года (Рыбаков Б.А., 1973, с. 159). Эта тема нашла разработку в исследованиях других авторов. К примеру, В.В. Отрощенко, анализируя материалы погребений срубной культурно-исторической общности, приходит к выводу о наличии у его населения календарных представлений: «...13 разнообразных заполнений ромбов (на сосуде) соответствуют 13 месяцам лунного года» (Отрощенко В.В., 1986, с. 230). К аналогичному выводу приходят В.И. Беседин и И.Е. Сафонов, произведя статистический анализ знаков на срубной керамике. Согласно их предположению, в основе календарных представлений племен срубной культуры лежало деление года на два сезона: зимний и весенне-осенний с исчислением времени по 12 лунным месяцам при интеркаляции тринадцатого для уравнивания

тропического (солнечного) и лунного годов (Беседин В.И., Сафонов И.Е., 1996).

И.Е. Сафонов провел также сравнительный анализ орнамента на сосудах абашевской и срубной культур. В результате был сделан вывод, что значительная часть сосудов вышеуказанных культур относится к типу календарных, и представляется возможным реконструировать календарную систему этих племен (Сафонов И.Е., 1996, с. 66).

Все перечисленные выше подходы и направления нашли отражение и в исследованиях, посвященных интерпретации орнаментальных композиций керамики катакомбной культурно-исторической общности.

С.Ж. Пустовалов выделил группы знаков, характерные для ингильской катакомбной культуры и сопоставил их со знаками, характерными для других культур (Пустовалов С.Ж., 1998, с. 34-35, табл. 1). Проведенный анализ позволил ему констатировать наличие определенного стандарта в нанесении знаков у носителей ингильской культуры. Поскольку ингильская система знаков обнаружила наибольшее совпадение со срубной знаковой системой, то это позволило исследователю сделать вывод о происхождении последней от катакомбной. Кроме того, С.Ж. Пустоваловым было высказано предположение о влиянии катакомбного населения и на позднейшее: под влиянием его традиции появились ямные сосуды с идеографическим орнаментом. Сходство же между знаковой системой ингильской культуры и ближневосточно-среднеземноморскими письменностями является, по мнению С. Ж. Пустовалова, аргументом в пользу южных корней катакомбного общества (Пустовалов С.Ж., 1998, с. 47-48).

К противоположному выводу о схожести катакомбных и срубных знаков пришла Е.Ю. Захарова, анализируя знаки на керамическом материале. Она отмечает, что «сопоставление катакомбных и срубных знаков свидетельствует о значительных различиях этих двух традиций» (Захарова Е.Ю., 1998, с. 181).

Появление таких диаметрально противоположных положений можно отчасти объяснить тем, что основная группа катакомбных знаковых изображений происходит из росписей погребений. С.Ж. Пустоваловым анализировалась вся совокупность знаков, а Е.Ю. Захаровой – лишь знаки на керамическом материале.

Наряду с технологической характеристикой и морфологической классификацией катакомбной керамики А.В. Кияшко предпринял анализ ее орнаментации (Кияшко А.В., 1999, с. 74-77). Как и многие другие исследователи, он исходит из положения, что орнамент на погребальной керамике эпохи бронзы, вероятнее всего, заключал в себе универсальную смысловую, семантическую нагрузку, поэтому его нельзя изучать в отрыве от декора культовых предметов из иных материалов (кости, камня, бронзы и т.д.).

В соответствии с этим был проведен сравнительный анализ орнамента молоточковидных булавок, костяных и бронзовых амулетов и орнамента керамического материала, на основании чего был сделан вывод об отражении в орнаменте древних изделий основного мифологического сюжета – Мирового Древа и подчиненного ему персонажа – Змея – Дракона. А именно: семантика молоточковидной булавки была интерпретирована как воплощение миниатюрной модели Мирового Древа и змея возле него или в его корнях. Спиралевидный узор на костяных и бронзовых булавках был тоже соотнесен со схематичным изображением змея, обвивавшего ствол Мирового Древа. Отображением подобных представлений в керамическом материале, по мнению А.В. Кияшко, является форма культовых сосудов (сосуды на поддонах, ножках, кубковидные сосуды), вертикально-зональная композиция декора и змеевидный мотив орнамента, выполненный в различной технике (Кияшко А.В., 1989; 1999, с. 29-30, рис. 11, 3, 6, 7).

А.В. Кияшко подчеркивает надкультурный характер орнаментальной композиции и комплекса связанных с ней идей. В этой связи отмечалось единство системы декора на сосудах весьма отдаленных друг от друга территорий. Локальными же традициями обуславливались элементы орнамента и способы их нанесения (Кияшко А.В., 1999, с. 74-75, табл. 9). Было прослежено и существование определенной взаимосвязи между формой сосуда и стилем орнаментации.

Н.А. Чмыхов при изучении семантики орнамента катакомбной керамики стремился выявить и по возможности аргументировать отражение чисел в орнаментальных схемах как определенной календарной системы. Его зодиакальный метод датирования базировался на изучении структуры орнамента сосудов и напрямую был связан с количеством крупных элементов орнамента в орнаментальных композициях. Этот анализ проводился с учетом отношений зон орнамента к различным частям сосудов и других показателей общей схемы орнамента (Чмыхов Н.А., 1982, с. 16-27). В.Н. Корпусова и С.Н. Ляшко рассматривали орнамент на катакомбном сосуде из погребения 8/11 у с. Филатовка в Крыму как земледельческий календарь. По мнению исследователей, этот сосуд был связан, скорее всего, с аграрным культом (подтверждает это предположение и находка большого количества зерна в самом погребении) (Корпусова В.Н., Ляшко С.Н., 1990, с. 171-174).

Однако, несмотря на многоплановость в исследованиях семантики орнамента катакомбной керамики, исследователи отмечают, что для катакомбной культурно-исторической общности не является характерным нанесение знаков на сосуды, знаковые изображения гораздо чаще встречаются на каменных плитах, в «росписях» катакомб и т.п. (Пустовалов С.Ж., 1998, вып. 11, с. 47-48).

Такова, в общих чертах, степень изученности интересующей нас проблемы на сегодняшний день. Можно отметить, что в настоящее время интерес к изучению семантики древнего орнамента не ослабевает, а проблемы, связанные с интерпретацией смыслового содержания орнамента еще далеки от окончательного решения.

-
- Антонова Е.В. Раевский Д.С., 1991. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры востока. М.
- Березанская С.С., 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев.
- Беседин В.И., Сафонов И.Е., 1996. Числа в орнаментации керамики срубной культуры // РА. №2.
- Городцов В.А., 1987. Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками // Археологические известия и заметки. №12.
- Захарова Е.Ю., 1998. Классификация знаков на керамике срубной КИО // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып.11.
- Захарова Е.Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж.
- Кричевский Ю.А., 1949. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. // Уч. записки ЛГУ. Серия ист. наук. Вып.13.
- Кияшко А.В., 1989. Параллели в орнаментации керамики и других предметов средней бронзы Предкавказья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. конференции. Донецк.
- Кияшко А.В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Ковалева И.Ф., 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск.
- Корпусова В.Н., Ляшко С.Н., 1990. Катакомбные погребения с пшеницей в Крыму // СА. №3.
- Кричевский Ю.А., 1949. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. // Уч. записки ЛГУ. Серия ист. наук. Вып.13.
- Матвеев Ю.П., Сафонов И.Е., 1997. Курган 2 у с. Советское // Пятьдесят полевых археологических сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж.
- Миллер А.А., 1933. Элементы «неба» в вещественных памятниках // Известия ГАИМК. Вып. 100.
- Отрощенко В.В., 1974. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры // СА. №4.
- Отрощенко В.В., 1986. Костяные детали плеток из погребений срубной культуры // СА. №4.
- Отрощенко В.В., 1988. Письмена срубной культуры // Studia Praehistorika. Sofia. Т. 9.
- Отрощенко В.В., 1990. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев.
- Отрощенко В.В., 1998. Сюжет перевтілення у знаків системі племен зрубної спільноти // Археологічний альманах. Донецк. №7.
- Пряхин А.Д., Захарова Е.Ю., 1996. Знаки на сосудах средней бронзы Донно-Донецкого региона // Донно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Пустовалов С.Ж., 1998. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 11.
- Рыбаков Б.А., 1962. Календарь IV в. из земли полян // СА. №4.
- Рыбаков Б.А., 1965. Космогония и мифология земледельцев эпохи энеолита // СА. №1-2.
- Рыбаков Б.А., 1973. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII-VII вв. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

- Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
- Сафонов И.Е., 1996. Священные числа и их восприятие в абашевском и срубном мире // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Топоров В.Н., 1982. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки по истории естественно-научных знаний в древности. М.
- Формозов А.А., 1953. Сосуды срубных племен с загадочными знаками // ВДИ. №1.
- Чмыхов Н.А., 1977. К семантике орнаментальных схем катакомбной культуры // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев.
- Чмыхов Н.А., 1982. Принцип зодиакального датирования в археологии // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Шилов Ю.А., 1995. Прародина ариев. Киев.

А.Т. Синюк, В.Д. Березуцкий
(Воронеж, ВГПУ)

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРВОГО ВЛАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

При освещении материалов Первого Власовского могильника (Синюк А.Т., 1989; 1993) нами отмечалась незавершенность его исследования в связи с сохранением кургана №18 с триангуляционным знаком, а также предполагалось, что какая-то часть памятника могла быть разрушена функционировавшим на его площади глиняным карьером. Последнее обстоятельство дало знать о себе позднее, когда в 1996 г. при дополнительном обследовании места могильника одним из авторов в обнажении карьера были выявлены остатки кургана, не зафиксированного в ходе изучения памятника. Тогда же были проведены охранные раскопки (Березуцкий В.Д., 1996). В соответствии с принятым порядком нумерации курганов могильника обнаруженный курган зафиксирован под номером 19 (рис. 1, 1). Напомним, что могильник располагался на западной оконечности высокого водораздела между поймами рек Баклуши и Вороны – притока Хопра, примерно в 2-х километрах к северу от села Власовка Грибановского района Воронежской области (Донское Левобережье).

От кургана сохранилась его юго-восточная часть (рис. 1, 3). Диаметр его составлял 22-24 м; высота насыпи – до 0,6 м. Останец кургана исследован послойно на снос с помощью бульдозера, с оставлением стратификационных бровок.

Примерно в центре реконструируемой насыпи выявлен поздний перекоп (грабительский лаз), врезавшийся в материк почти на метровую глубину. Не исключено, что им было разрушено одно из впускных захоронений, от которого сохранилась лишь часть материкового выкида. В ходе исследования обнаружено три погребения.

Погребение 1 – впускное (рис. 2, 1), представляло собой овальную яму (1,35х1,0 м), слегка углубленную в материк, на полу которой находился скелет человека скорченно на левом боку головой на юго-восток.

Погребение 2 – впускное (рис. 2, 2), располагалось близ предыдущего, представляло собой катакомбную конструкцию в виде прямоугольной шахты (1,2х0,8 м), углубленной в материк на метр, и примыкающей к ее западной длинной стенке камеры, купольный свод которой хорошо сохранился благодаря забутовке погребального сооружения материковым выкидом*. Камера удлиненно-овальной формы (1,8х0,85 м) с высотой свода 0,7 м; пол ее ниже пола шахты на 0,1 м. Вдоль длинной оси камеры на органических

* Прием забутовки весьма характерен для погребений данного могильника и оценен нами в качестве одного из специфических признаков, сопутствующих погребальным установкам для лиц жреческого сословия (Синюк А.Т., 1989; 1996). Затем этот прием проявил себя и на ряде других могильников среднедонской катакомбной культуры, что в принципе не снимает высказанного нами предположения о его особом по социальному статусу предназначении.

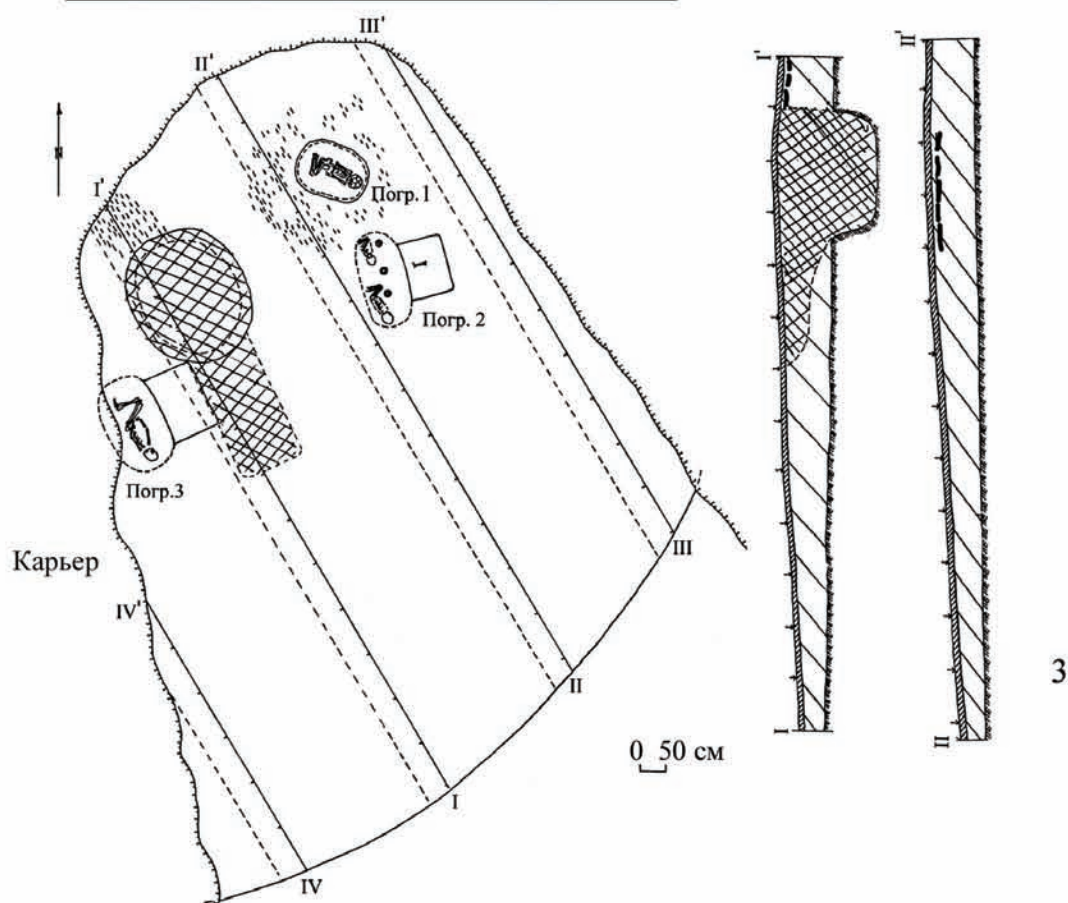
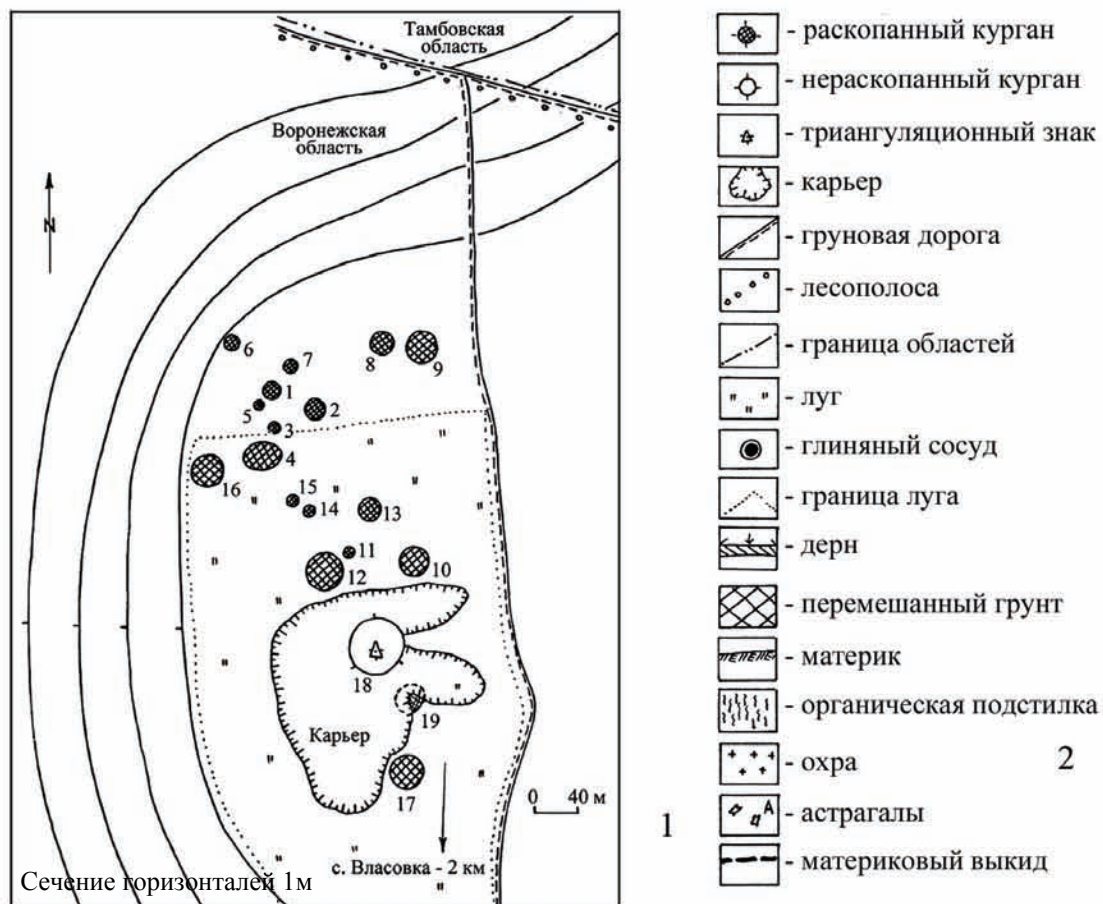

Рис. 1. Первый Власовский могильник, курган №19.
1 – план могильника; 2 – условные обозначения; 3 – план и профили кургана №19

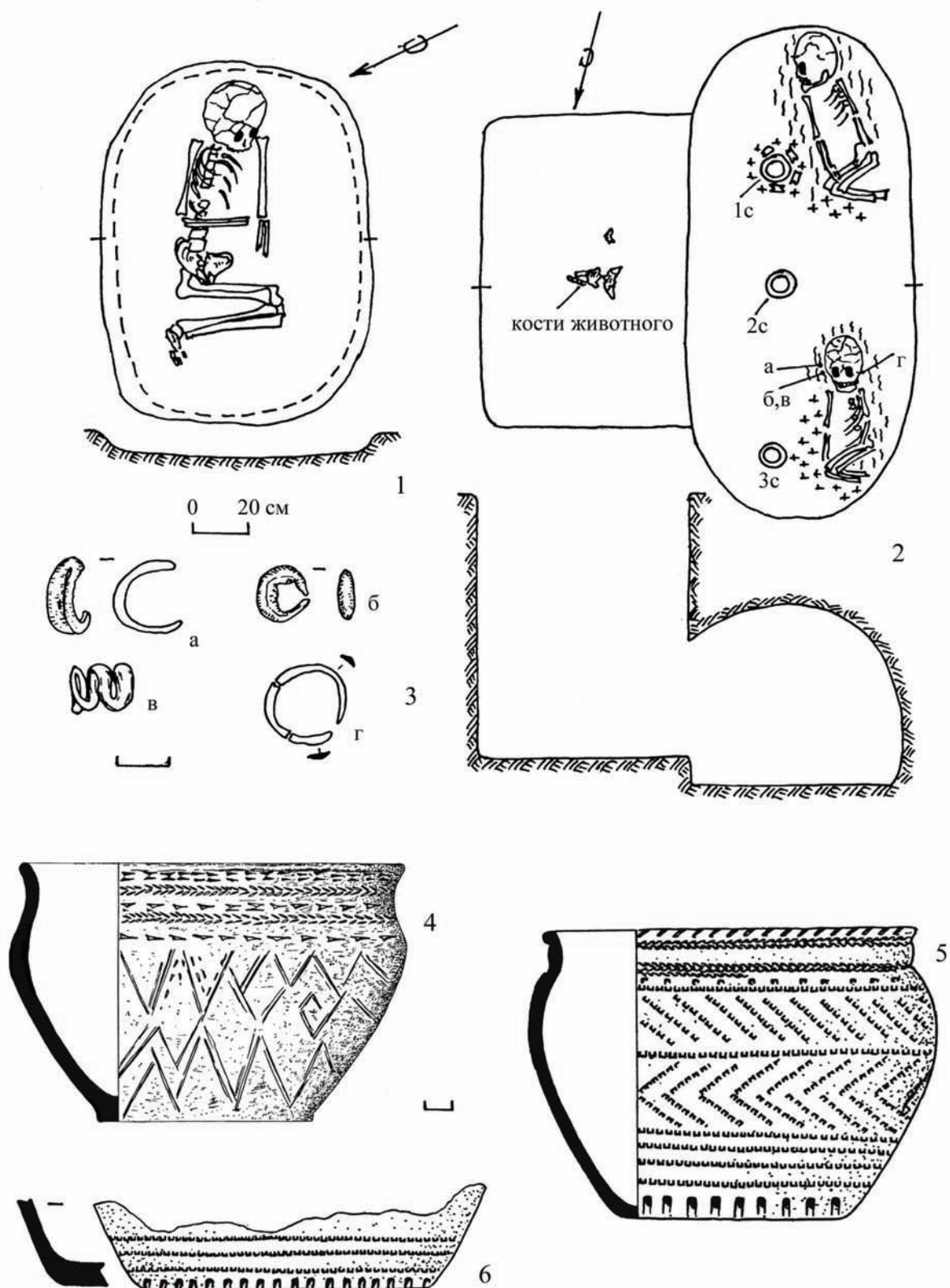

Рис. 2. Первый Власовский могильник, курган №19.
 1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3-6 – инвентарь погребения 2
 (3 – бронза; 4-6 – керамика)

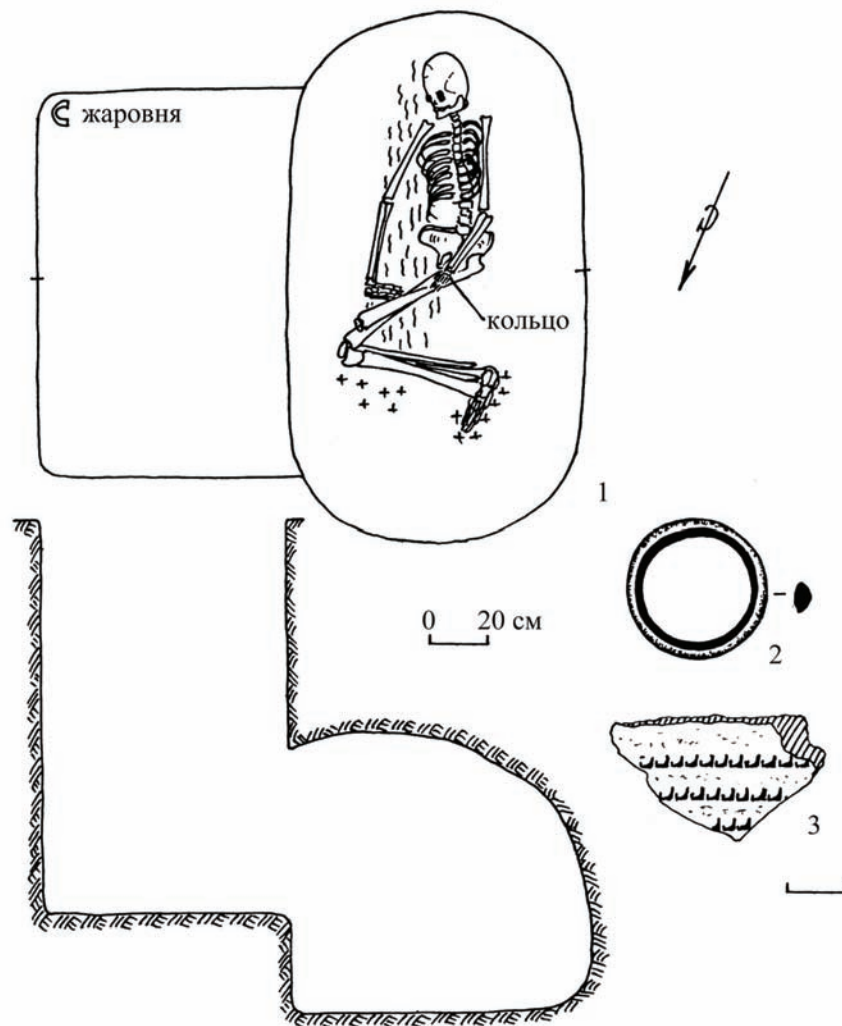

Рис. 3. Первый Власовский могильник, курган №19.
1 – погребение 3; 2 – костяное кольцо; 3 – керамика

подстилках лежали скелеты двух детей скорченно на правом боку, с руками у колен, с ориентировкой голов на юг (с небольшим отклонением к востоку), лицами к выходу из камеры. Посыпка охрой красно-бурого цвета фиксировалась в ногах погребенных. Перед ребенком, находившимся в южной половине камеры, стоял глиняный сосуд, вокруг которого были разложены четыре бараньих астрагала на охровой посыпке. Сосуд небольших размеров (высота 9 см, диаметр венчика – 13 см; дна – 7,5 см), горшковидной формы, с уступом под плавно отогнутым наружу горлом и с намечающимся поддоном. Глиняное тесто плотное, без видимых примесей; цвет поверхностей коричневатый; внутри имеются расчесы от заглаживания. Украшен по горлу горизонтальными рядами накольчатых вдавлений и оттисков тесьмы, а ниже уступа нанесены прочерченные зигзагообразные линии, на отдельных участках поверхности сосуда создающие геометрические фигуры (рис. 2, 4).

Еще один сосуд, тоже небольших размеров (высота – 11 см; диаметр венчика 14 см; дна – 8,5 см) был поставлен между скелетами несколько ближе к выходу из камеры. По форме он представляет собой плоскодонный горшок со слегка отогнутым наружу коротким венчиком и округлым туловом с наибольшим диаметром в верхней трети своей высоты. Технологические признаки его сходны с показателями вышерассмотренного сосуда. Украшен по горлу поясками из оттисков сдвоенного и строенного шнура и мелкими прямоугольными вдавлениями, а ниже – оттисками гребенчатого штампа в виде наклонных, горизонтальных и составленных в елочку линий. Орнаментальное поле по венчику и у днища подчеркнуто поясками вдавлений (рис. 2, 5).

Жаровня из придонной части сосуда выявлена напротив колен ребенка, лежавшего в северной половине камеры. Технологические и о орнаментальные признаки аналогичны вышерассмотренному сосуду (рис. 2, б).

По обе стороны от головы того же ребенка находились три бронзовые подвески в виде колец с несомкнутыми приостренными концами (рис. 2, 2а, б, г) и одна (лежавшая справа) спиралевидная бронзовая подвеска с петельчатым концом (рис. 2, 2в). Наконец, на полу шахты были выявлены фрагменты черепа бычка.

Погребение 3 находилось близ предполагаемого центра кургана. Сейчас трудно сказать: было ли это погребение впускным или основным, поскольку выкид из него, если он и был, мог размещаться в разрушенной карьером части насыпи. Погребение представляло собой забутованное материком* катакомбное сооружение из прямоугольной шахты (1,4 x 0,9 м) и сводчатой камеры (1,9 x 1,0 м), по их сопряжению и ориентировке почти идентичное вышерассмотренному погребению. Шахта углублена в материк на 1,4 м, камера, на 1,75 м при высоте свода в один метр. На полу камеры, на органической подстилке лежал скелет взрослого человека высокого роста (около двух метров) скорченно на правом боку с завалом на спину, с руками на бедрах, ориентированного в юго-юго-восточном направлении (рис. 3, 1). В ногах умершего отмечена посыпка охры красно-бурого цвета, а на фаланге безымянного пальца левой руки находилось костяное кольцо с полированной поверхностью (рис. 3, 2). В юго-восточном углу шахты были обнаружены фрагменты жаровни из боковины глиняного сосуда с орнаментом в виде отисков зубчатого штампа (рис. 3, 3).

Данное погребение, равно как и предыдущее, принадлежит среднедонской катакомбной культуре, при этом оба погребения со всей определенностью можно отнести к первому этапу бытования культуры и датировать в пределах XX – XVIII столетий до н.э. Отметим также, что практически все фиксируемые признаки обрядности и погребального инвентаря этих погребений составляют органическое единство с другими катакомбными погребениями могильника, лишняя раз подчеркивая особый статус захороненных здесь в социальной стратификации общества.

Не столь однозначно можно оценить культурно-хронологическую принадлежность погребения 1. Левобочное положение умершего, будучи типичным для обрядности донской лесостепной срубной культуры, не является исключением и в погребальных установках носителей местной катакомбной культуры. К тому же, ориентировка умершего не столь традиционна для срубных памятников. С другой стороны, в насыпи одного из курганов (№12) данного могильника был обнаружен типично срубный острореберный сосуд, что маркирует в определенной степени поликультурный характер памятника. Данное заключение подтверждено и принадлежностью кургана № 16 кругу покровско-абашевских древностей (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993; Синюк А.Т., 1996).

Березуцкий В.Д., 1996. Отчет о проведении археологических работ на территории Воронежской области в 1996 году // Архив ИА РАН.

Синюк А.Т., 1989. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж. С. 27-69.

Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган №16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993. С. 6-31.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

*Отсюда проистекают известные сложности поиска погребений в донских курганах, что требует дополнительных усилий и практического опыта при их исследовании.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ НА ЮГЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Курганы южных районов Воронежской области (главным образом Богучарского, Россошанского, Павловского) постоянно находятся в поле зрения археологической экспедиции ВГПУ. После широкомасштабных работ А.Т. Синюка на Павловском курганном могильнике в 1970-1978 гг. у г. Павловска (Синюк А.Т., 1983), здесь проводились исследования как отдельных курганов в могильниках, так и значительной их серии.

Материалы раскопок многих памятников нашли освещение в обобщающих исследованиях по проблемам эпохи бронзы (Синюк А.Т., 1983; 1996; Березуцкая Т.Ю., 2003), и в отдельных статьях (Бойков А.А., 1990; Погорелов В.И., 1985; 1988; Березуцкая Т.Ю., Березуцкий В.Д., 2002; Кравец В.В., 2001; Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000; Березуцкий В.Д., 2002 и др.). В данной работе рассматриваются ранее не публиковавшиеся материалы.

Архиповский курганный могильник расположен на правом пологом берегу р. Черная Калитва (высота берега над уровнем поймы от 6 до 16 м), у западной окраины с. Архиповка Россошанского района Воронежской области. Включал восемь насыпей (рис. 1). Поверхности курганов были задернованы, насыпи состояли из чернозема, материк – желтая глина. Материалы курганов №№1 и 2, исследованных в 2000 и 2001 гг., опубликованы (Березуцкая Т.Ю., Березуцкий В.Д., 2002).

Курган №3* (высота до 0,4 м, диаметр 24 м) содержал шесть погребений (рис. 2, 1).

Погребение 1 (катакомбная культура) (рис. 2, 1) впущено в край полы первичной насыпи над основным погребением 6. Представляло собой остатки катакомбной конструкции: к прямоугольной с закругленными углами шахте (0,7х1,6х0,5 м), примыкала квадратная с закругленными углами камера (1,65х1,65х0,6 м) (рис. 2, 2). Переход от шахты к камере осуществлен через ступеньку высотой 0,1 м.

Каких-либо признаков захоронения не обнаружено. По всей вероятности, погребение представляло собой кенотаф.

Погребение 2 (впускное, катакомбная культура) (рис. 2, 1). Представляло собой остатки катакомбной конструкции. К полуовальной шахте (0,35х1,2х0,45 м) с запада через ступеньку высотой до 0,15 м примыкала прямоугольной формы с сильно закругленными углами камера (1,7х1,35х0,6 м) (рис. 2, 3). Ближе к стенке шахты отмечены следы деревянного заслона в камеру в виде фрагментов трех деревянных столбиков округлой формы диаметром до 5-7 см, не углубленных в пол камеры. Скелет взрослого человека лежал у западной стенки на сохранившейся местами органической подстилке черного цвета, скорченно на правом боку головой на юг. Левая рука чуть согнута в локте и кистью положена на таз. Кисть правой руки, вытянутая вдоль скелета и в сторону от него, находилась у правого колена. Ноги сильно согнуты в коленях, пятки притянуты к тазу.

У правой руки зафиксированы вкрапления охры бурого цвета. У головы умершего находились два лепных глиняных сосуда. Первый относится к кругу так называемых «реповидных». По верху сосуда и по ребру расположены валики, расчлененные вдавлениями овальной формы (рис. 2, 4). Второй сосуд – горшок с относительно высоким раструбным горлом и биконическим туловом. Орнаментирован валиками, оттисками переплетенного шнура и насечками (рис. 2, 5).

Погребение 3 (впускное, катакомбная культура) (рис. 2, 1). Представляло собой остатки катакомбной конструкции. К прямоугольной шахте (1,6х1,2х1,9 м), примыкает овальной формы камера (1,25х2,25х2,0 м). Заполнение шахты и камеры осуществлено материковым выкидом. Кроме того, в слое глины и песка встречались древесные уголь-

*Здесь рассматриваются материалы курганов №№3-6, по раскопкам 2002-2004 гг. (Березуцкий В.Д., 2003; 2004).

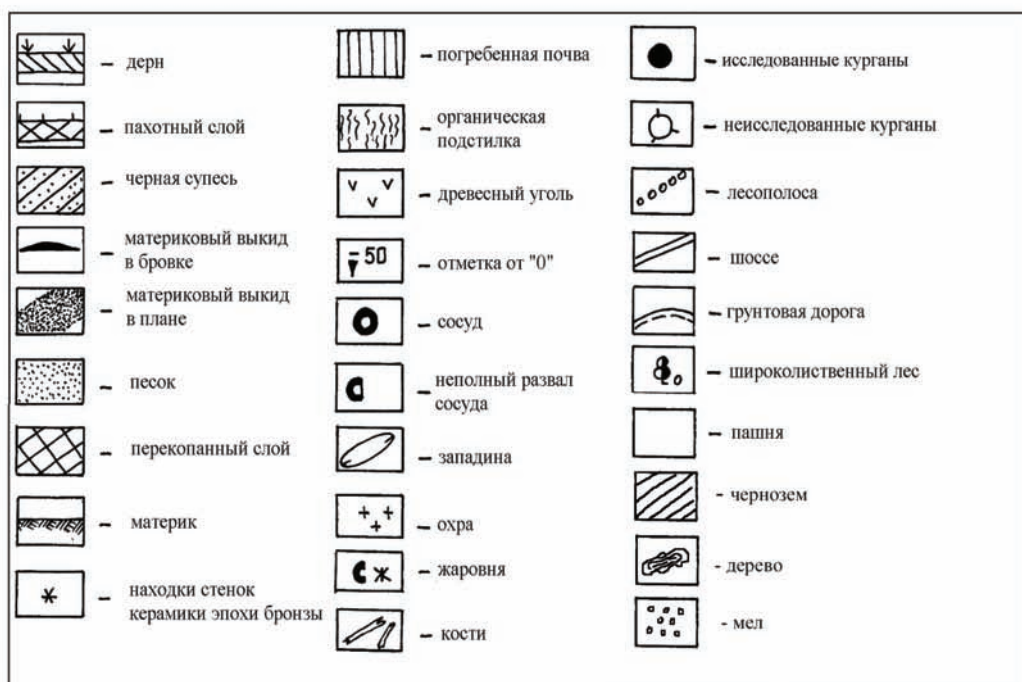
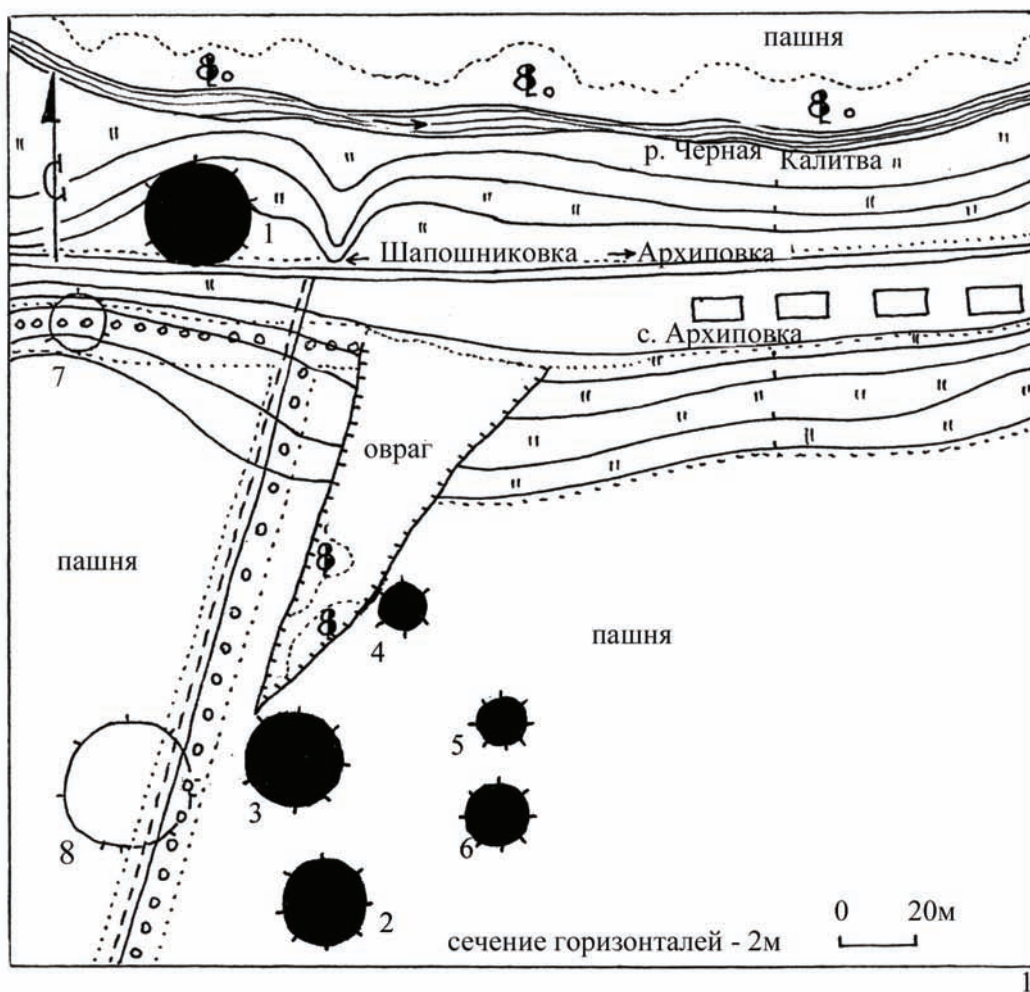

Рис. 1. Курганный могильник у с. Архиповка.
1 – план могильника; 2 – условные обозначения

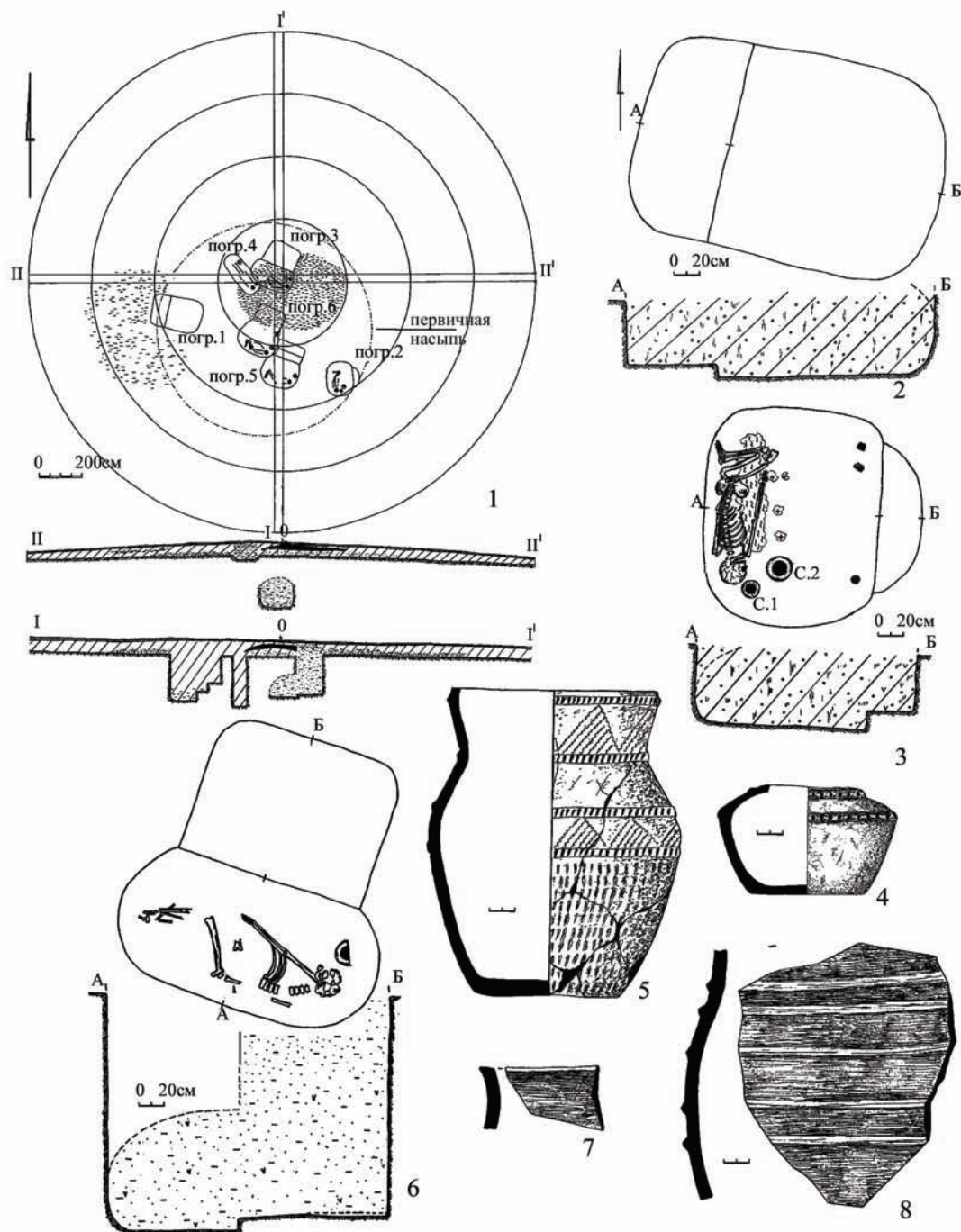

Рис. 2. Курганный могильник у с. Архиповка. Курган №3.

1 – план и профили бровок; 2 – погребение 1; 3-5 – погребение 2; 6-8 – погребение 3

ки. При переходе шахты в камеру обнаружены во фрагментах остатки деревянного за- слона в виде нескольких небольших сгнивших кусков бревнышек толщиной 3-4 см. Ске- лет взрослого человека плохой сохранности лежал на полу камеры скорченно на правом боку, ориентирован головой на ЮВ.

Перед лицом умершего находились фрагменты сосуда (рис. 2, 7, 8), форма которо- го полностью не восстанавливается. Скорее всего, он имел профилированный венчик и округлое тулово, по которому были нанесены горизонтальные валики.

Погребение 4 (впускное, сарматская культура) (рис. 2, 1) частично разрушило ма- териковый выкид из основного погребения 6.

Представляло собой яму прямоугольной формы с закругленными углами (1,0x2,15x0,35 м) (рис. 3, 1). В заполнении отмечены фрагментами дерева от перекрытия.

На полу ямы в положении вытянуто на спине, головой на ЮВ лежал скелет взрос-

лой женщины. Руки вытянуты вдоль тела. Кости скелета сравнительно хорошо сохранились, однако в погребении отсутствовали кости голени и пальцев ног, а череп находился в неестественном положении (тыльной частью ориентирован на ЮЗ). Возможно, что над погребенным производили какие-то действия ритуального характера. Это предположение подкрепляется положением *in situ* предметов погребального инвентаря – сосудов и бус. Один из сосудов находился у правого плеча (рис. 3, 2). Он имеет короткий, плавно отогнутый наружу венчик, округлое тулово и дно. Сосуд изготовлен из песчаника светло-серого цвета, сцементированного известняком естественного природного происхождения. Подобный камень встречается часто по Правобережью Дона (определение камня и консультация геолога из ВГПУ Н.П. Кузнецова). По внутренней поверхности проходят следы от орудия, которым выбирался камень. Второй сосуд (рис. 3, 3) положен рядом вверх дном. Представляет собой лепную глиняную курильницу в виде небольшого стакана. Цвет глины снаружи светло-коричневый, изнутри черный, пережженный из-за горения углей (угли частично сохранились на дне курильницы). В средней части сосуда сделано сквозное округлое отверстие. Третий сосуд (рис. 3, 15) лежал на боку у правого колена. Представляет собой кружальный тонкостенный красноглиняный кувшин с ленточной ручкой и выделенным поддоном. Ручка рифленая снаружи и изнутри. Почти по центру кувшина нанесены три красно-коричневые параллельные полосы. Четвертый сосуд (рис. 3, 14) представлен фрагментарно: венчик найден у таза, другая часть – в засыпке могилы. Представляет собой верх лепного неорнаментированного сероглиняного сосуда. Пятый сосуд (рис. 3, 13) находился у левой руки погребенной. Две неорнаментированные стенки этого же сосуда были найдены в заполнении могилы на различной глубине. По всей вероятности, сосуд был разбит во время похорон. Венчик принадлежит, видимо, миске.

Бусы (рис. 3, 4-12) найдены в районе грудной клетки погребенной и лежали в ряд в непотревоженном виде. Только две из них выбивались из общей схемы расположения: одна бусина лежала у позвоночника, ближе к тазу, а другая – в ребрах правой части скелета. Выявлено девять бусин. Три из них сделаны из гагата (две усеченно-конические и одна бочонковидная) (рис. 3, 5-6а), со сквозными цилиндрическими отверстиями. Шесть бусин – из пасты (рис. 3, 7-12) грязно-черного цвета с темно-зелеными вкраплениями. Форма их округлая или овальная. Сквозные отверстия цилиндрической или конусовидной формы.

У кисти правой руки погребенной находились бисерные бусинки цилиндрической формы белого, серо-желтого и голубого цветов (32 экземпляра) (рис. 3, 4). Судя по расположению бисера в одну линию вокруг запястья, это была нашивка на рукав или кольцевая нить с бисером на руке погребенной.

Погребение 5 (впускное, катакомбная культура) (рис. 2, 1) представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 3, 16). Шахта (0,85x1,4x1,4 м) имела ступеньку в средней части. Камера имела прямоугольные очертания (1,7x1,55x1,4 м).

Перед входом в камеру выявлена жаровня от горшка с плоским дном, плавно расширяющимся к верху туловом, орнаментированным оттисками зубчатого штампа. На внутренних стенках сохранился нагар (рис. 3, 18).

Здесь же, перед входом в камеру, на глубине нижней ступеньки находился костный тлен от черепа и двух передних ног овцы (или козы).

Скелет взрослого человека лежал близ стенки камеры скорченно на правом боку. Ноги согнуты в коленях под острым углом. Головой умерший ориентирован на ВЮВ.

У головы находился неполный развал лепного глиняного сосуда (рис. 3, 17).

Погребение 6 (основное, катакомбная культура) (рис. 2, 1) представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 3, 19). К длинной стенке шахты (1,1x1,6x2,05 м) примыкала овальной формы камера (1,4x2,2x2,05 м), в заполнении которой на разной глубине зафиксированы находки четырех зубов крупного травоядного животного (лошади или коровы).

Заполнение камеры иное, чем шахты, и состояло из материка – глины с песком (рис. 3, 19).

У ЮЗ стенки камеры на органической подстилке черно-коричневого цвета располагался скелет взрослого человека скорченно на правом боку (с небольшим поворотом

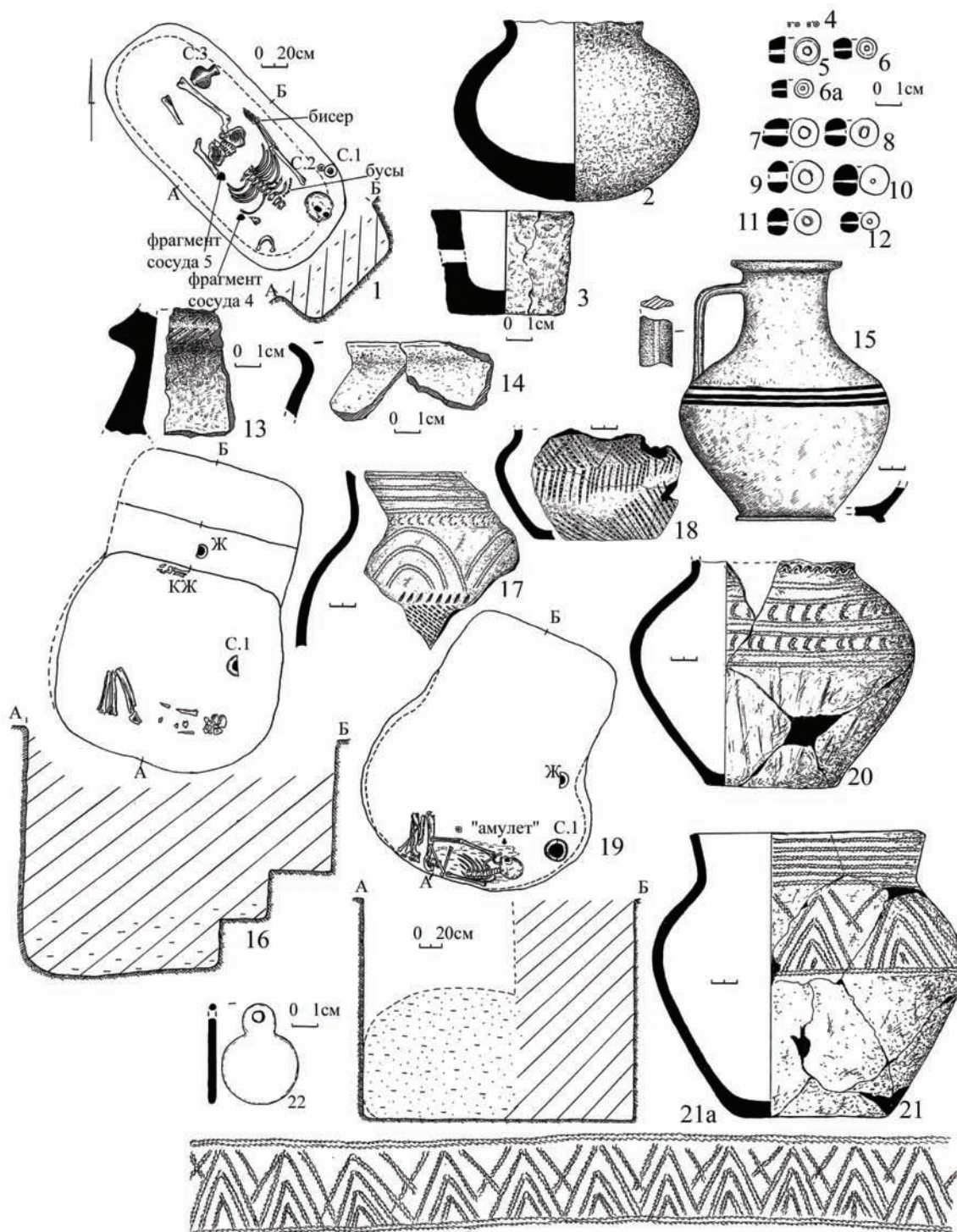

Рис. 3. Курганный могильник у с. Архиповка. Курган №3.
1-15 – погребение 4; 16-18 – погребение 5; 19-22 – погребение 6

влево) головой на ЮВ. Левая рука вытянута вдоль скелета и согнута в локте кистью к левому бедру. Правая рука вытянута вдоль скелета, чуть согнута в локте и кистью направлена к бедрам. Ноги согнуты в коленях под острым углом, пятки притянуты к тазу.

У перехода шахты к камере находилась жаровня в виде половины лепного глиняного сосуда, украшенного валиком и оттисками тесьмы в виде «серпиков» (рис. 3, 20). На внутренней поверхности отмечены следы сажи.

У головы погребенного находился развал горшка (рис. 3, 21). Здесь же, у лицевой части головы погребенного, находилась плоская костяная бляшка-«амулет» – находка оригинальная и необычная (рис. 3, 22). Она с ушком, в котором имеется сквозное отверстие. Бляшка хорошо отполирована, хотя кость с одной стороны выщерблена.

В 5,5 м к северо-северо-востоку от центра в насыпи на глубине 42 см был обнаружен рог быка.

Данные стратиграфии позволяют частично определить последовательность устройства погребений в кургане. Основным в кургане является погребение 6, выкид из которого залегает на погребенной почве. Наиболее поздним в кургане является сарматское погребение 4. По всей вероятности, следом за основным погребением 6 в курган было введено погребение 1, о чем свидетельствует плавно поднимающийся из него на первоначальную насыпь выкид. Погребения 2 и 3 введены в уже досыпанный курган, возможно, после устройства погребений 1 и 5.

Курган №4 (диаметр до 12 м, высота до 0,1 м) (рис. 4, 1). Содержал одно погребение, которое представляло собой прямоугольную с сильно закругленными углами яму (2,25х2,7х0,9 м), ориентированную по линии ЮЗ-СВ (рис. 4, 2). Погребение ограблено. В заполнении встречались фрагменты деревянного перекрытия могилы в виде плашек. Судя по расположению, плашки перекрывали яму поперек.

На полу обнаружены разбросанные кости от двух скелетов взрослых людей, а также погребальный инвентарь. Восстановить по костям первоначальное положение скелетов невозможно.

Погребальный инвентарь представлен двумя глиняными сосудами, железными мечом, кинжалом (?), ножом, стрелами, пастовой бусиной. Один сосуд (рис. 4, 9) находился у западного угла ямы. Это разбитый грабителями гончарный сероглиняный одноручный кувшин с плоским дном, биконическим туловом и раструбным горлом. В основании горла и по верхней части тулова кувшин орнаментирован параллельными горизонтальными подлощенными линиями, зигзагом, сделанным вдавливанием острого предмета, вертикальными линиями полосок, заштрихованной горизонтальной линией перекрещивающихся тонких полосок. Другой сосуд (рис. 4, 8) находился здесь же и также был разбит. Представляет собой короткогорлый лепной горшок с чуть раздутым к широкому плоскому дну туловом.

Железный меч (рис. 4, 3) располагался в центральной части могилы, но также как и для других предметов погребального инвентаря, это было не первоначальное его положение. Меч принадлежит типу позднесарматских обоюдоострых мечей со штырем-рукоятью и сделан из целого куска металла. В сечении лезвие линзовидное, рукоять прямоугольной формы с закругленными углами.

Меч имеет конструктивные особенности: в месте перехода рукояти в лезвие сохранились две железные заклепки для закрепления несохранившейся костяной или деревянной рукояти. На самом конце рукояти также имеется одно сквозное отверстие с заклепкой. Рукоять и лезвие покрыты остатками дерева от ножен.

Железный нож (или кинжал) (рис. 4, 6) найден рядом с мечом. Он однолезвийный, рукоять не сохранилась. Общая длина изделия составляет 13,7 см, ширина лезвия, сужающегося к острию, 2,1 см. Лезвие в профиле треугольной формы, на нем сохранились остатки древесного тлена, возможно, от ножен.

Железный нож (рис. 4, 7) однолезвийный, в профиле треугольной формы, имеет длину до 11,8 см (окончание рукояти обломано). Длина обломанного черешка до 2,0 см. В профиле оно овальное. Лезвие длиной 9,8 см имеет чуть горбатую спинку. Ширина сужающегося к окончанию лезвия от 1,2 см у рукояти до 1,5 см в средней части.

Железные наконечники стрел (рис. 4, 4, 5) обнаружены на полу в различных частях могилы в количестве более 20-ти экземпляров (целые и в обломках). Все они однотипны – трехлопастные черешковые. Длина стрел от 4,5 до 5,5 см. При этом черешки имеют длину от 2-х до 3-х см.

Железная фибула (сохранилась верхняя часть) (рис. 4, 10) находилась в центральной части могилы на полу. Толщина округлой в сечении проволоки до 4 мм. Возможно, что фибуле принадлежит один из железных фрагментов в виде крючка округлого в сечении, найденных рядом с кувшином также на полу (рис. 4, 11).

Железная пряжка (рис. 4, 12) (обломок) обнаружена среди костей у юго-западной стенки ямы. Подрамник из округлой в сечении проволоки диаметром 5 мм имел ширину 2,5 см.

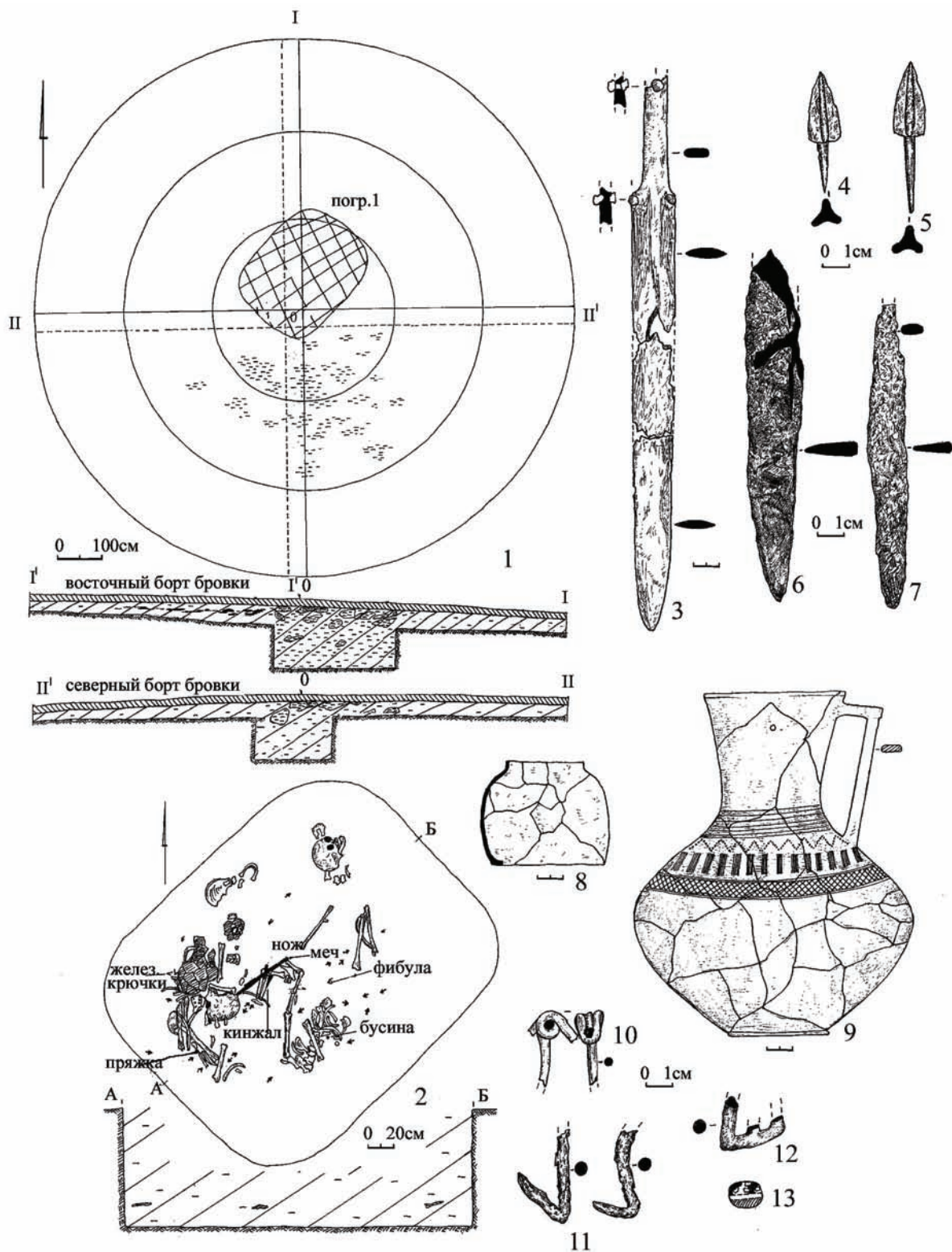

Рис. 4. Курганный могильник у с. Архиповка. Курган №4.
1 – план и профили бровок; 2-13 – погребение 1

Пастовая бусина (рис. 4, 13) округло-овальной формы найдена среди костей в юго-восточной части могилы. На фоне цвета светлой морской волны нанесены светло-оранжевые и подтреугольные пятна, разделяющиеся в некоторых местах черно-синими разводами.

Курган №5 (диаметр до 14 м, высота до 0,25-0,28 м) (рис. 2, 1; 5, 1) содержал одно захоронение. Оно представляло собой прямоугольную с сильно закругленными углами яму с подбоем (0,8х1,95х1,1 м) (рис. 5, 2), ориентированную по линии ЮЮЗ-ССВ. Подбой (0,95х1,95х1,2 м) примыкал к длинной стенке через ступеньку высотой 0,1 м.

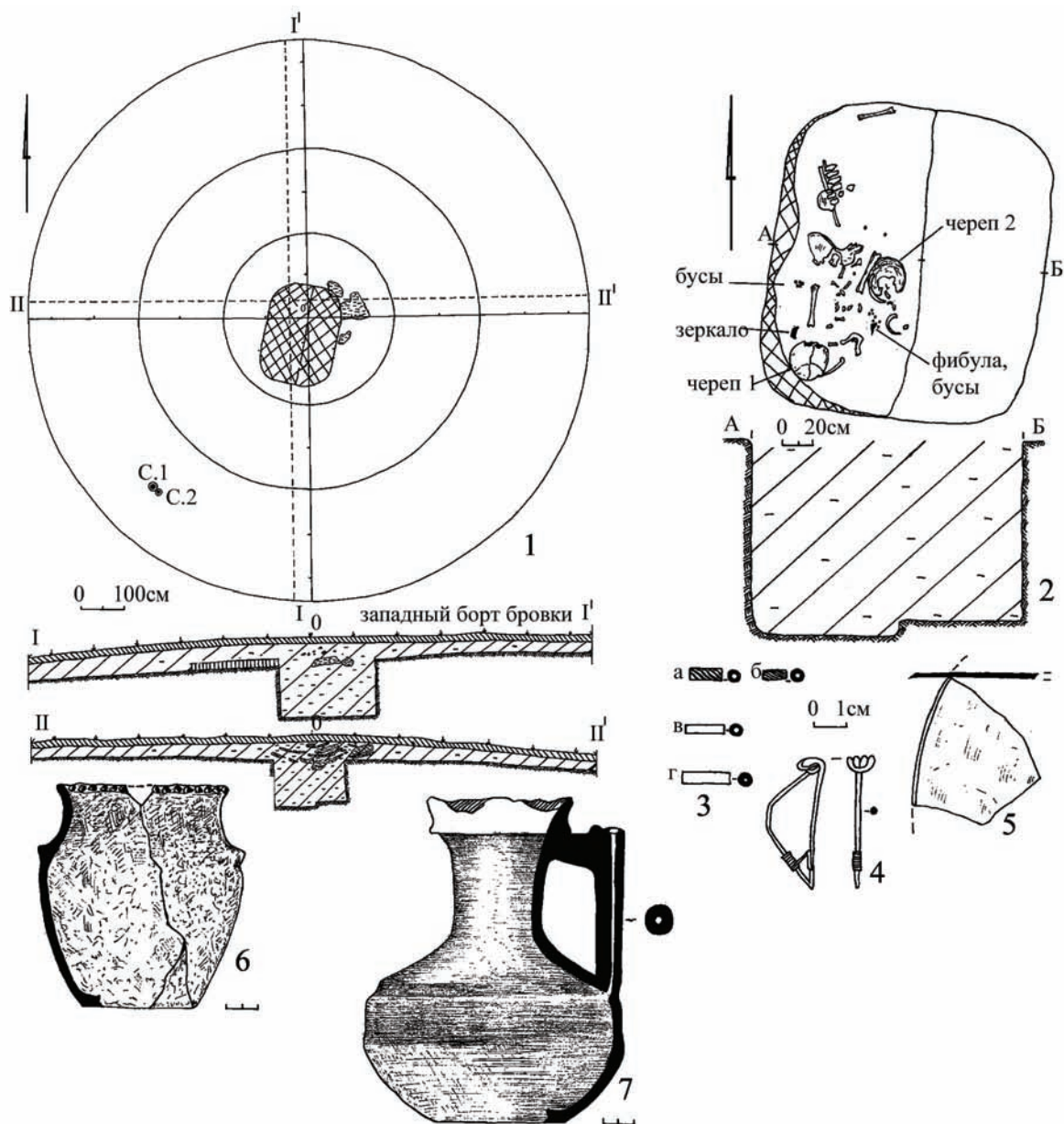

Рис. 5. Курганный могильник у с. Архиповка. Курган №5.
1 – план и профили бровок; 2-7 – погребение 1

На полу подбоя лежали в беспорядке кости двух погребенных - женщины и ребенка. Между черепами найдены пастовые бусы и бронзовая фибула; несколько бус располагались около левой руки женщины, а у ее черепа найден фрагмент бронзового зеркала. Бронзовая фибула (рис. 5, 4) лучкового типа с пружинной иглой и подвязным приемником. Сделана из бронзовой проволоки. Бронзовое зеркало (рис. 5, 5) сохранилось лишь в виде фрагмента. Край его срезан наискось, бортика нет.

Пастовые бусы-пронизы (рис. 5, 3 а-г) найдены в количестве 16-ти экземпляров. Две из них – песочного цвета с орнаментом в виде черной тонкой линии, идущей по спирали вокруг пронизи (рис. 5, 3а, б). Три пронизы – синего цвета (рис. 5, 3в), 11 экземпляров – желто-коричневого цвета (рис. 5, 3,г).

Погребение принадлежит кругу сарматских древностей.

Кроме того, в насыпи кургана были обнаружены два сосуда, один из которых – лепной горшок с плоским дном без закраины, плавно расширяющимся кверху туловом и профилированным наружу венчиком (рис. 5, 6). Венчик орнаментирован по верху рядом пальцевых защипов. На переходе венчика в тулово имеются два налепа сосцевидной

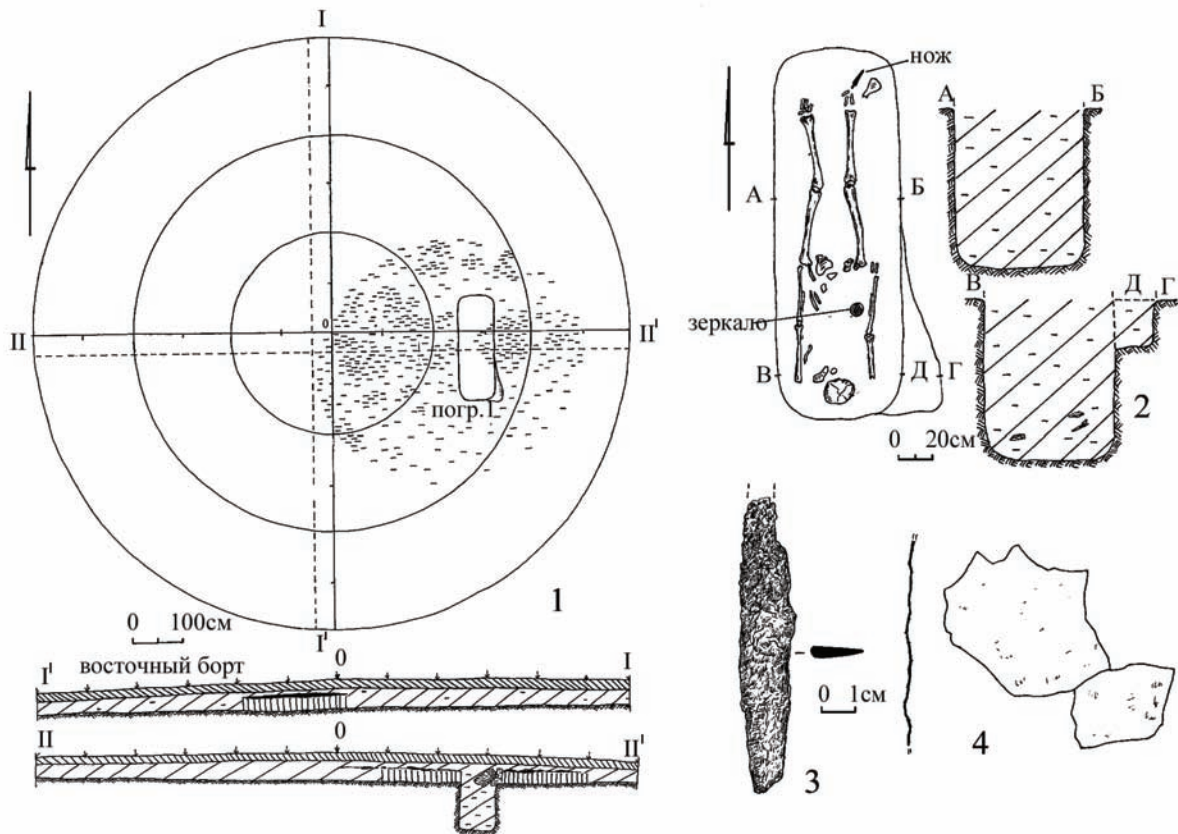

Рис. 6. Курганный могильник у с. Архиповка. Курган №6.
1 – план и профили бровок; 2-4 – погребение 1

формы, расположенные напротив друг друга. Глина серо-коричневого цвета с черными подпалинами на внешней поверхности. Другой сосуд - одноручный гончарный сероглиняный кувшин с плоским дном без закраины, биконическим туловом и относительно высоким раструбным горлом с выделенным верхом (рис. 5, 7). В округлой ручке сосуда имеется сквозное отверстие, выходящее внутрь кувшина. Диаметр отверстия 3-4 мм.

Судя по всему, курган был разграблен в древности.

Курган №6 (диаметр до 12 м, высота до 0,15 м) (рис. 2, 1; 6, 1). Содержал одно погребение (сарматское). Выкид материковой глины имел вид прерывающегося кольца, окружавшего могилу. Погребальное сооружение представляло собой прямоугольно-удлиненную с закругленными углами яму (0,75x2,15x0,95 м), ориентированную по линии С-Ю (рис. 6, 2). В заполнении встречались мелкие фрагменты деревянного перекрытия.

На полу лежал скелет женщины вытянуто на спине, головой на юг. Руки вытянуты вдоль скелета. Ноги сведены в коленях, череп лежал основанием на полу.

У северной стенки обнаружен железный черешковый нож (рис. 6, 3). Рядом с ним лежала лопатка мелкого рогатого скота (вероятно, овцы).

У правой лучевой кости умершей лежали остатки бронзового плоского зеркала (рис. 6, 4). Восстановить его тип не удалось из-за плохой сохранности.

Александровско-Донской могильник располагался на левом берегу р. Дон (высота до 15-20 м над уровнем поймы), на относительно ровном пахотном поле, в 2 км к юго-юго-востоку от южной окраины с. Александровка-Донская Павловского района (рис. 7, 1). Включал три насыпи.

Впервые получил описание в результате археологической разведки В.В. Степкина в 2000 г. (Степкин В.В., 2001). Два кургана исследованы в 2003 и 2004 гг. (Березуцкий В.Д., 2004; 2005). Поверхности курганов распахивались, насыпи сложены из темной супеси; материк – желтый песок.

Курган №1 (высота в среднем до 0,7 м, диаметр – до 22 м). Содержал пять захоронений (рис. 7, 2). Стратиграфически фиксировались досыпки кургана, а также перекоп, связанный с установкой триангуляционного знака.

Погребение 1 (впускное, катакомбная культура) представляло собой катакомбную конструкцию с шахтой подквадратной формы (1,15х1,25х0,9 м), забутованной материковым песком (рис. 8, 1), и примыкавшей к ней с юго-западной стороны камеры прямоугольной формы (1,15х1,45х0,9 м), ориентированной по линии ЮВ-СЗ. Заполнение состояло из материкового песка с примесью черной супеси.

На полу шахты находилась жаровня в виде придонной части лепного сосуда (рис. 8, 3).

На полу камеры стоял плоскодонный горшок с плавно расширяющимся кверху туловом и раструбным венчиком, закругленным сверху (рис. 8, 2), орнаментированный наклепными валиками с защипами, зубчатыми насечками. В средней части горшка – черные «нефтяные» потеки.

В камере найдены также бедренная кость человека и окисел бронзы продолговатой формы. По всей вероятности, здесь лежало бронзовое шило.

Погребение 2 (впускное, катакомбная культура) (рис. 7, 2) представляло собой катакомбную конструкцию (рис. 8, 4) в виде овальной шахты (0,8х1,0-1,2х0,8 м) и подпрямоугольной с сильно закругленными углами камеры (0,85х1,3х0,8 м), ориентированной по линии ЮЗ-СВ. Камера забутована материковым песком. На ее полу обнаружены остатки органической подстилки коричневого цвета. На ней стоял сосуд, рядом с которым найдено три зуба ребенка и охровая посыпка красного цвета.

Сосуд по форме – плоскодонный горшок с плавно расширяющимся кверху туловом и относительно коротким профилированным наружу венчиком, закругленным сверху (рис. 8, 5). Переход от венчика к тулову ребристый. Орнаментирован оттисками «тесьмы», мелкозубчатого штампа и овальными вдавлениями. На внешней стороне – следы черных подпалин.

Отметим, что в заполнении шахты фиксировались древесные угольки.

Погребение 3 (впускное, катакомбная культура) (рис. 7, 2) представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 8, 6). Шахта имела неровно-овальные очертания (0,7-1,0х1,45х0,25 м), в заполнении встречались на различной глубине древесные угли. К длинной стенке шахты примыкала овальная камера (2,1х2,5х0,25 м), ориентированная по линии ЮВ-СЗ. На полу камеры отмечена органическая подстилка коричневого цвета. Ближе к северо-западной стенке найдено несколько зубов взрослого человека, а вблизи их – охровая посыпка овальных очертаний (0,15х0,22 м) темно-красного цвета. У юго-восточной стенки находилась жаровня с углями, причем уголь лежал и вокруг жаровни.

Жаровня (рис. 8, 7) представляет собой боковую часть горшка, имевшего, вероятно, тулово биконической формы, орнаментированного валиками с защипами. Цвет серо-коричневый. На внешней стороне – следы черных подпалин, на внутренней – нагар.

Погребение 4 (впускное, предскифский период) совершено в насыпи (рис. 7, 2). Представляло собой, вероятно, яму, но определить ее размеры невозможно. В заполнении над погребенными встречались мелкие невыразительные фрагменты сгнившего деревянного перекрытия. Два скелета взрослых людей, лежавших в 0,7 м друг от друга, находились на полу ямы (рис. 9, 1). Первый скелет (юго-западный) лежал вытянуто на спине головой на ЗСЗ. Череп развернут лицевой частью на СВ. Левая рука сохранилась фрагментарно, но, по-видимому, она была вытянута вдоль туловища. Правая рука согнута в локте и направлена к тазу. Второй скелет (северо-восточный) сохранился плохо. Обнаружены лишь фрагменты черепа, часть бедренной кости и кость голени с пальцами. Восстановить первоначальное положение погребенного сложно, но, вероятнее всего, он лежал так же, как и первый скелет. Судя по небольшому перепаду уровня их залегания, не исключено, что один из скелетов был подзахоронен в могилу.

У головы первого скелета обнаружен развал вазы с плоским дном, шаровидным туловом и относительно коротким, плавно профилированным наружу венчиком. Венчик и край

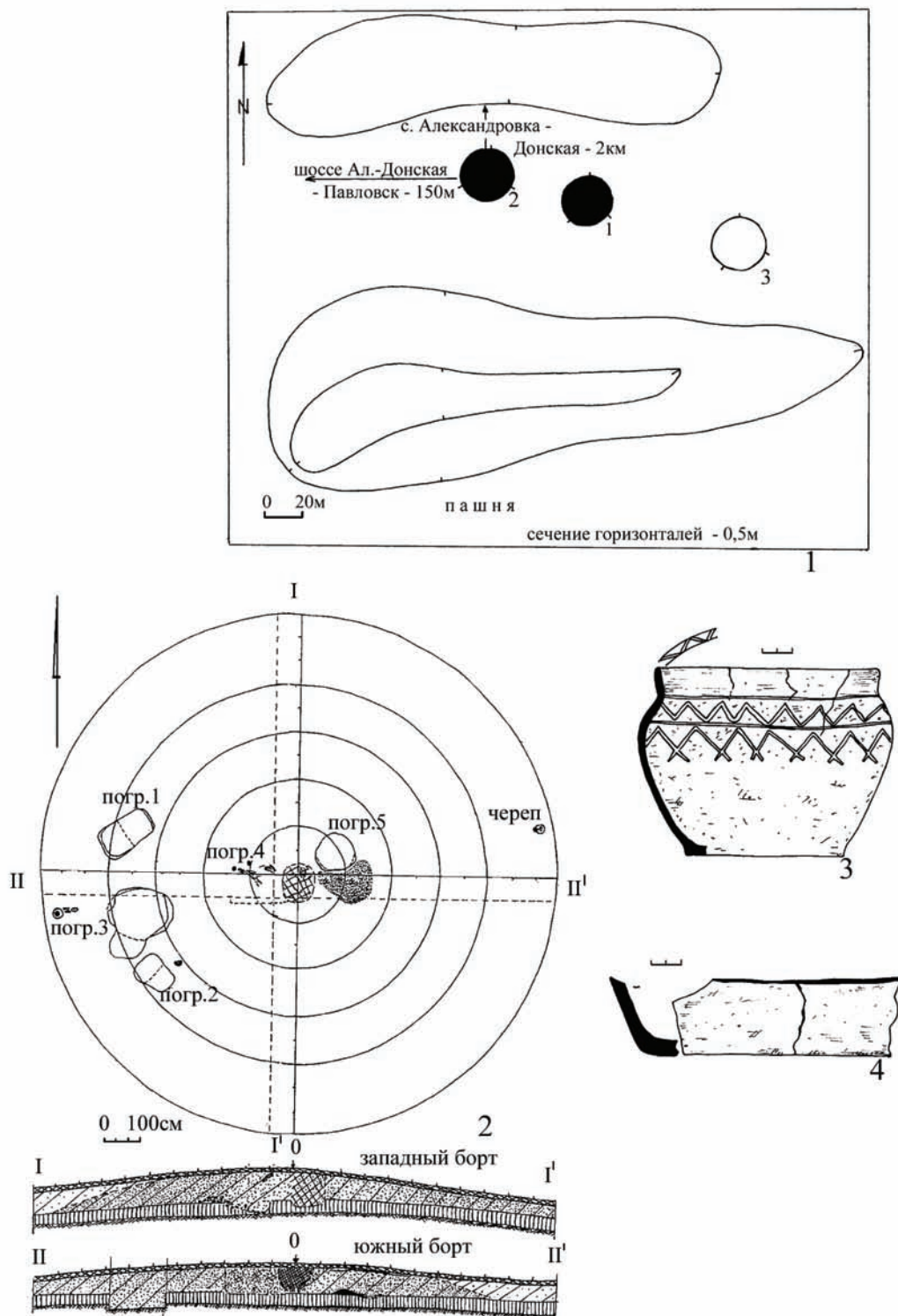

Рис. 7. Курганы у с. Александровка-Донская. Курган №1.
1 – план могильника; 2 – план и профили бровок; 3 – сосуды из насыпи

дна орнаментированы пальцевыми защипами (рис. 9, 2). По плечикам нанесены небольшие круглые вдавления, составляющие треугольники. В средней части тулова есть два ремонтных отверстия. Цвет керамики серый, в тесте – примесь шамота и органики.

Погребение 5 (основное, катакомбная культура) обнаружено в центральной части кургана в материке (рис. 7, 2). Материковый выкид серповидной формы располагался на уровне погребенной почвы.

Погребальное сооружение (рис. 9, 3) представляет собой яму овальной формы (1,55х1,7х0,2 м), ориентированную по линии ЗЮЗ-ВСВ. В заполнении встречалась дре-

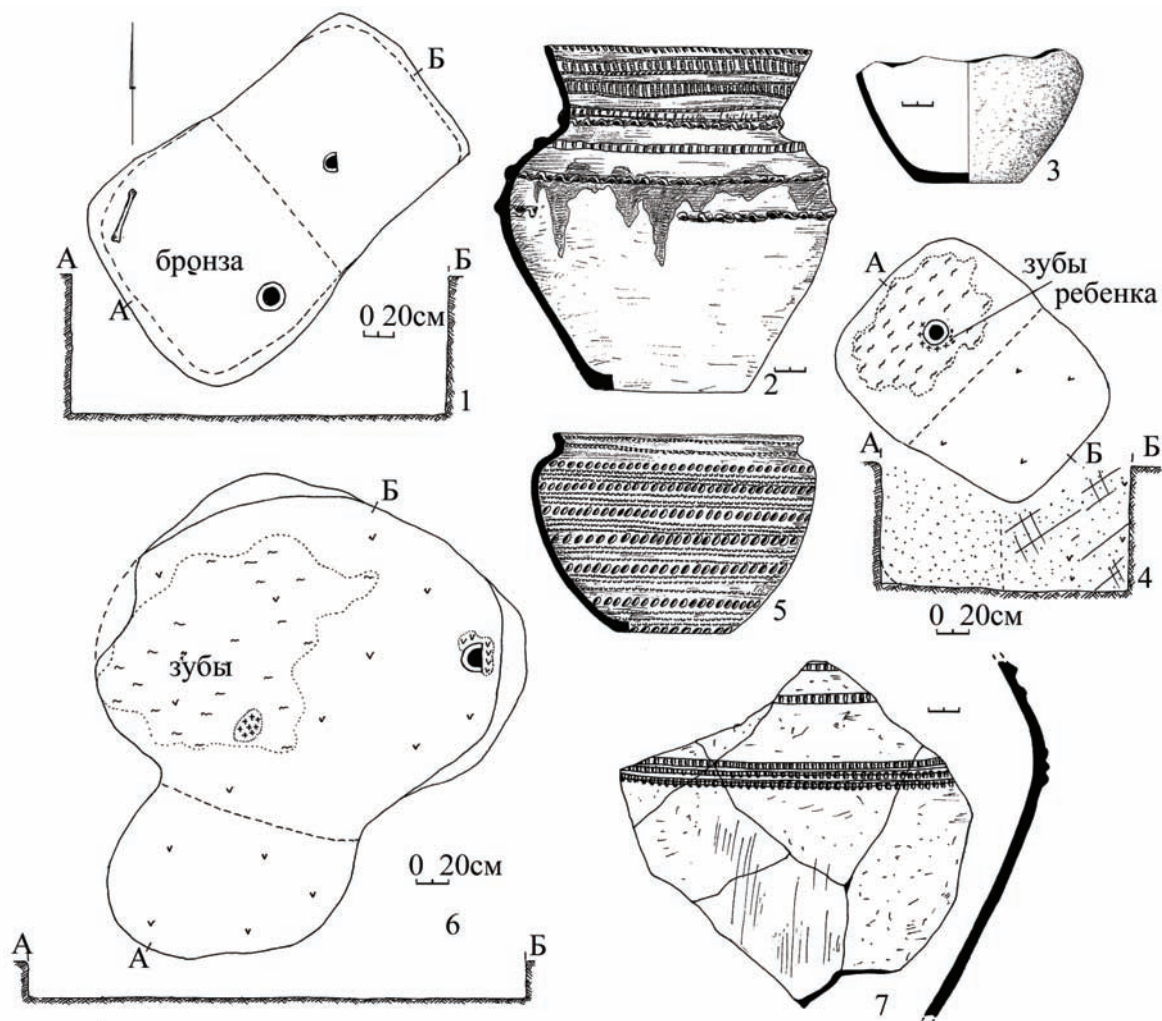

Рис. 8. Курганы у с. Александровка-Донская. Курган №1.
1-3 – погребение 1; 4-5 – погребение 2; 6-7 – погребение 3

весная труха от перекрытия. В восточной части ямы пол был устлан органической подстилкой черно-коричневого цвета. Почти в центре ямы в заполнении обнаружены неорнаментированные фрагменты лепного глиняного сосуда катакомбной культуры.

Кроме рассмотренных материалов в насыпи кургана выявлены отдельные находки и их скопления. В юго-западном секторе находился глиняный сосуд, две кости ног и остатки черепа овцы или козы. Сосуд имел форму горшка с плоским дном и чуть выделенным поддоном, плавно расширяющимся кверху туловом и относительно коротким прямым, несколько оттянутым наружу венчиком. По верху венчика нанесен орнамент в виде треугольников плоским штампом. Под венчиком и по верхней части тулова этим же штампом нанесены две горизонтальные линии. Между ними – зигзагообразная линия в виде треугольников, ниже – треугольники без основания с соединенными друг с другом окончаниями сторон. Принадлежит срубной культуре.

В северо-восточном секторе насыпи обнаружен лежавший основанием вниз череп взрослого человека плохой сохранности, (рис. 7, 2). На нем отмечены два пролома. В юго-западном секторе насыпи найдены фрагменты жаровни из придонной части лепного сосуда (рис. 7, 4). Внутри жаровни – остатки угля.

Курган № 2 (высота до 0,3 м, диаметр 24 м) (рис. 10, 1) содержал семь погребений.

Погребение 1 (впускное, катакомбная культура) (рис. 10, 1) представляет собой остатки катакомбной конструкции с шахтой прямоугольной формы (0,85x1,05x0,5 м), заполненной материковым песком, к которой примыкала овальная камера (1,6x1,6x0,5 м). У северо-западной стенки камеры находился небольшой реповидный

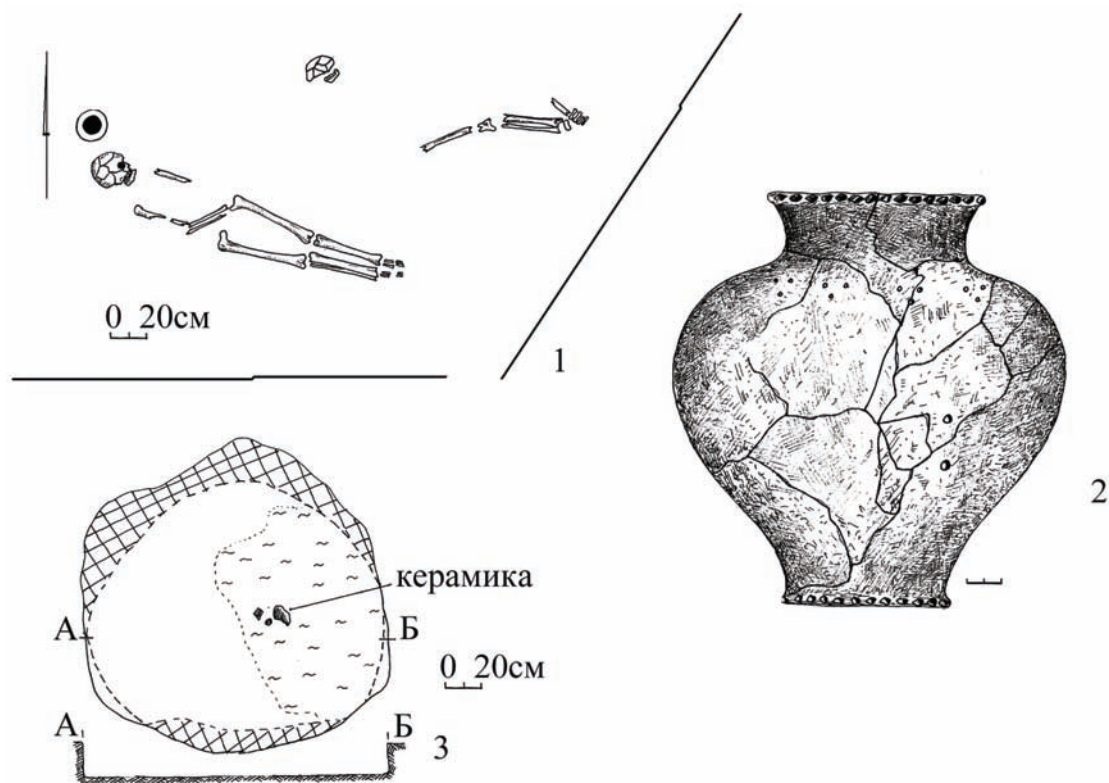

Рис. 9. Курганы у с. Александровка-Донская. Курган №1.
1-2 – погребение 4; 3 – погребение 5

сосуд орнаментированный глубокими вдавлениями плоского штампа и ногтевыми зацепками (рис. 10, 5).

Погребение 2 (впускное, катакомбная культура) (рис. 10, 1) представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 10, 6). К шахте полуовальной формы (0,8х1,2х0,9 м) при-мыкала овальная камера (1,1х1,5х0,9 м), ориентированная по линии ССЗ-ЮЮВ. У северо-западной стенки камеры обнаружена жаровня из придонной части сосуда (рис. 10, 7).

Погребение 3 (впускное, катакомбная культура). Представлено костным тленом (от черепа?) и фрагментами двух сосудов (рис. 10, 1). От первого сосуда катакомбной культуры сохранилась верхняя часть, орнаментированная пальцевыми зацепками, волнистыми линиями, горизонтальными нерасчлененными валиками (рис. 11, 2). Второй сосуд – чаша со следами вертикальных и косых расчесов по внешней поверхности. Чаша подвергалась воздействию огня: на ее поверхностях изнутри и снаружи отмечен нагар (рис. 11, 1).

Погребение 4 (впускное, предскифский период) (рис. 10, 1) представляло собой яму прямоугольной формы (1,0х1,5х0,4 м) (рис. 11, 3). На полу обнаружен плохо сохранившийся скелет человека, лежавшего на левом боку головой на СЗ. Правая нога вытянута (левая не сохранилась), руки положены вдоль тела.

У живота умершего найден неполный развал лепного сосуда вазовидной формы коричневого цвета с плоским без закраины дном, округлым туловом и плавно профилированным наружу венчиком (рис. 11, 4). В тесте – примесь крупнозернистого шамота. Под горлом – вдавления пальцем перпендикулярно стенке, сделанные с внутренней стороны сосуда по мокрой глине.

Погребение 5 (впускное) (рис. 10, 1) – яма прямоугольной формы (1,6х2,3х0,55 м), ориентированная по линии ЮЮВ-ССЗ (рис. 11, 5). На полу ямы, почти по всей его поверхности встречались остатки органической подстилки черного цвета толщиной 1-2 см. В северо-северо-западной части ямы обнаружено скопление древесного угля в виде небольшого пятна. В противоположной стороне лежали две кости ног человека. Культурная принадлежность захоронения не определяется.

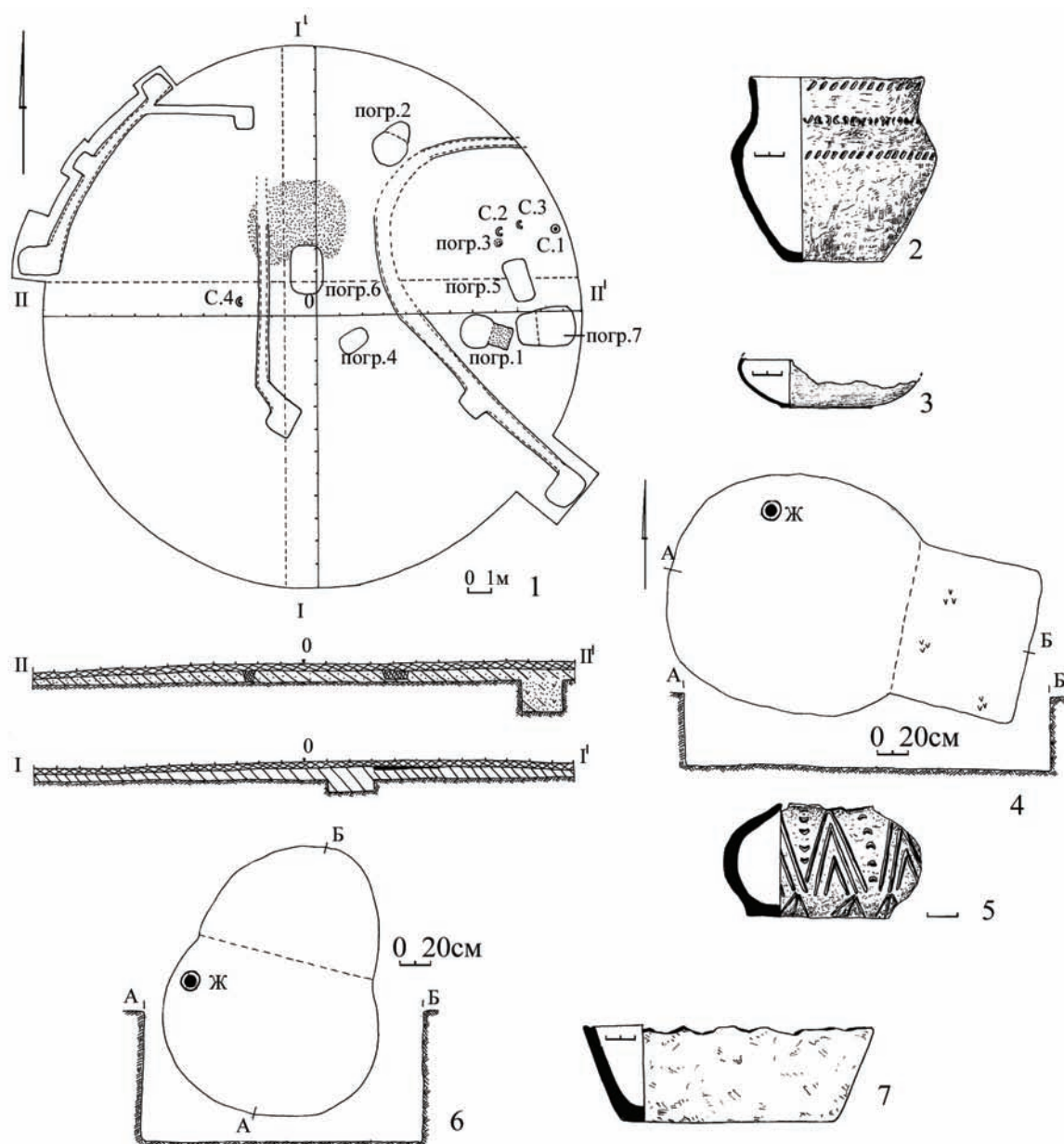

Рис. 10. Курганы у с. Александровка-Донская. Курган №2.

1 – план и профили бровок; 2-3 – сосуды из насыпи; 4-5 – погребение 1; 6-7 – погребение 2

Погребение 6 (основное, катакомбная культура) находилось под центром кургана в материке (рис. 10, 1). Материковый выкид располагался на уровне погребенной почвы. Представляло собой яму прямоугольной с сильно закругленными углами формы (1,8х2,2х0,5 м), ориентированную по линии С-Ю (рис. 11, 6). Заполнение – черная супесь с примесью древесных угольков. Пол ямы был устлан слоем черной органики и древесного угля толщиной 2-3 см. У южной стенки находилась жаровня с углями из придонной части сосуда, имевшего плоское без закраины дно (рис. 11, 7).

Погребение 7 (впускное, катакомбная культура) (рис. 10, 1) представляло собой катакомбную конструкцию (рис. 11, 8) с шахтой прямоугольной формы (0,6х1,6х1,0 м), в заполнении которой встречались древесные угли, и примыкающей к ней через ступеньку (высота 0,4 м) камерой овальной формы (1,4-1,5х1,9х1,4 м).

У ступеньки находилась жаровня из придонной (рис. 11, 12) и, частично, боковой части катакомбного сосуда (рис. 11, 11). Сосуд плоскодонный, в нижней части – с грубыми расчесами и темными подпалинами, орнаментированный двумя горизонтальными прочерченными линиями.

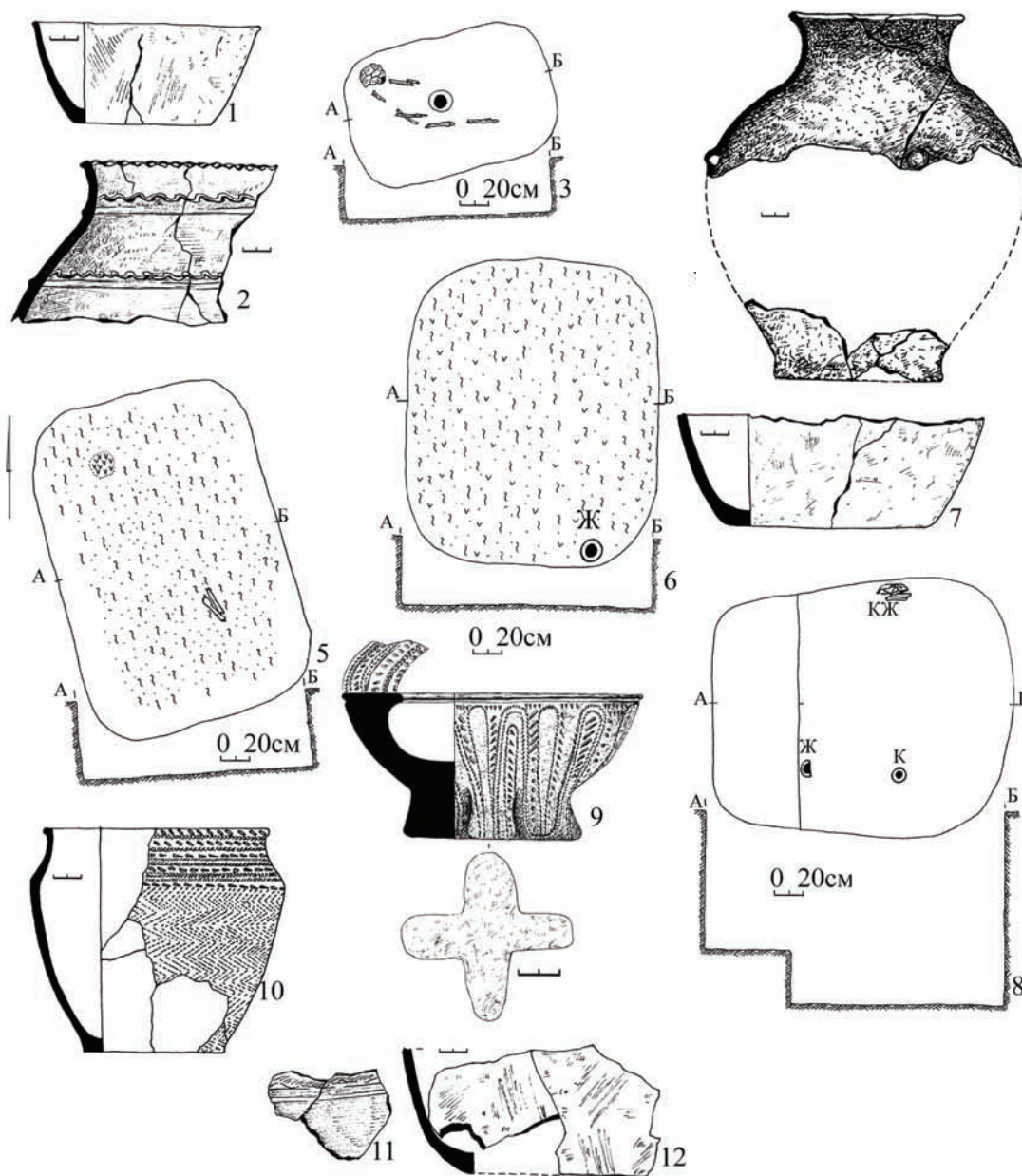

Рис. 11. Курганы у с. Александровка-Донская. Курган №2.
1-2 – погребение 3; 3-4 – погребение 4; 5 – погребение 5; 6-7 – погребение 6;
8-12 – погребение 7

На полу камеры, ближе к южной стенке, стояла курильница с крестообразно сросшимися ножками и круглой плоской (рис. 11, 9), орнаментированная оттисками «тесьмы», треугольными и овальными вдавлениями.

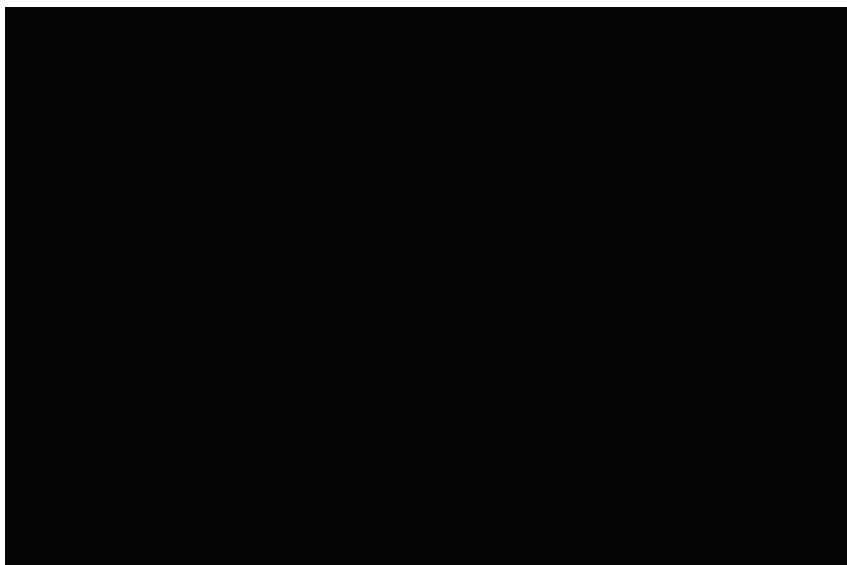
Между курильницей и жаровней в заполнении и на полу найдены фрагменты катакомбного горшка с уступом под горлом (рис. 11, 10). Венчик орнаментирован оттисками «тесьмы», треугольными и подпрямоугольными вдавлениями, оттисками мелкозубчатого штампа. У северной стенки камеры лежал череп и кости ног крупного травоядного животного (быка?).

В насыпи на разной глубине обнаружены отдельные керамические находки. В северо-восточном секторе находился горшок биконической формы, орнаментированный косыми вдавлениями и пальцевыми защипами (рис. 10, 2). Стенки еще одного горшка эпохи бронзы выявлены в юго-восточном секторе, в заполнении окопов времен войны.

Фрагменты гончарного сероглиняного тонкостенного сосуда с выступающей закраиной донца (рис. 10, 3) выявлены в центре кургана. Как выяснилось, сосуд происходит из сарматского погребения, разрушенного при устройстве окопов.

Стратиграфические данные кургана позволяют определить лишь основное погребение 6. Самыми поздними были погребение 4 предскифского периода, разрушенное сарматское погребение.

Вервековский курганный могильник, включавший семь насыпей, располагался неровной цепочкой вдоль края второй надпойменной террасы левого берега р. Богучарка

(правый приток Дона), возвышающейся над уровнем поймы до 25 м, в километре севернее с. Вервековка Богучарского района (рис. 12). Могильник впервые получил освещение после разведки А.Т. Синюка, проведенной им в 1992 г. (Синюк А.Т., 1993). В 1994 г. было исследовано два кургана (Синюк А.Т., 1995), а в 2000, 2002, 2003 гг. остальные шесть (Березуцкий В.Д., 2001; 2003; 2004). Насыпи разной величины сложены из чернозема; материк – жел-

Рис. 12. Курганы у с. Вервековка. План могильника

тая глина, на отдельных участках с меловыми включениями.

Курган №1 содержал четыре погребения.

Погребение 1 (впускное) представляло собой яму прямоугольной формы (1,15х1,35 м), едва углубленную в материк и ориентированную по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 13, 2). На полу лежал скелет взрослого человека скорченно на спине головой на север. В юго-восточном углу ямы отмечено скопление древесных углей.

Погребение 2 (впускное) (рис. 13, 1) представляло собой яму прямоугольной формы (0,6х0,85х0,4 м), ориентированную по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 13, 3). На полу лежала верхняя часть скелета взрослого человека (до бедер) на животе с отчлененными до плеч руками и головой на ССЗ.

Погребение 3 (впускное, катакомбная культура) с материковым выкидом (рис. 13, 1) серповидной формы, располагавшимся с запада, представляло собой яму почти квадратной формы (2,35х2,4х1,1 м), ориентированную по сторонам света. В верхней части заполнения ямы отмечены фрагментированные остатки деревянного перекрытия. На остатках органической подстилки коричневого цвета (береста ?) лежал скелет взрослого человека скорченно на спине головой на ЗСЗ. Кисть левой руки была положена на таз, положение правой руки не определяется. У головы умершего обнаружена жаровня из придонной и боковой частей сосуда. Внешняя поверхность заглажена штриховкой. Верхняя часть орнаментирована горизонтальными рядами налипных валиков, расчлененных пальцевыми защипами (рис. 13, 5).

Погребение 4 (основное, катакомбная культура) (рис. 13, 1) с материковым выкидом представляло собой катакомбную конструкцию (рис. 13, 6). Прямоугольная шахта (1,2х2,0х1,5 м) была ориентирована по линии С-Ю. Вход в камеру с западной стороны образован двумя ступеньками: первая шириной 1,2 м и высотой 0,5 м; вторая шириной 0,1 м и такой же высоты. Шахта была забутована материковой глиной и в ее заполнении найден зуб крупного травоядного животного. Свод камеры обвалился, на ее полу найдены фрагменты деревянных плах от заслона камеры.

На полу камеры, на органической подстилке буро-белесого цвета, лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку головой на юг. Левая рука согнута в локте и положена ки-

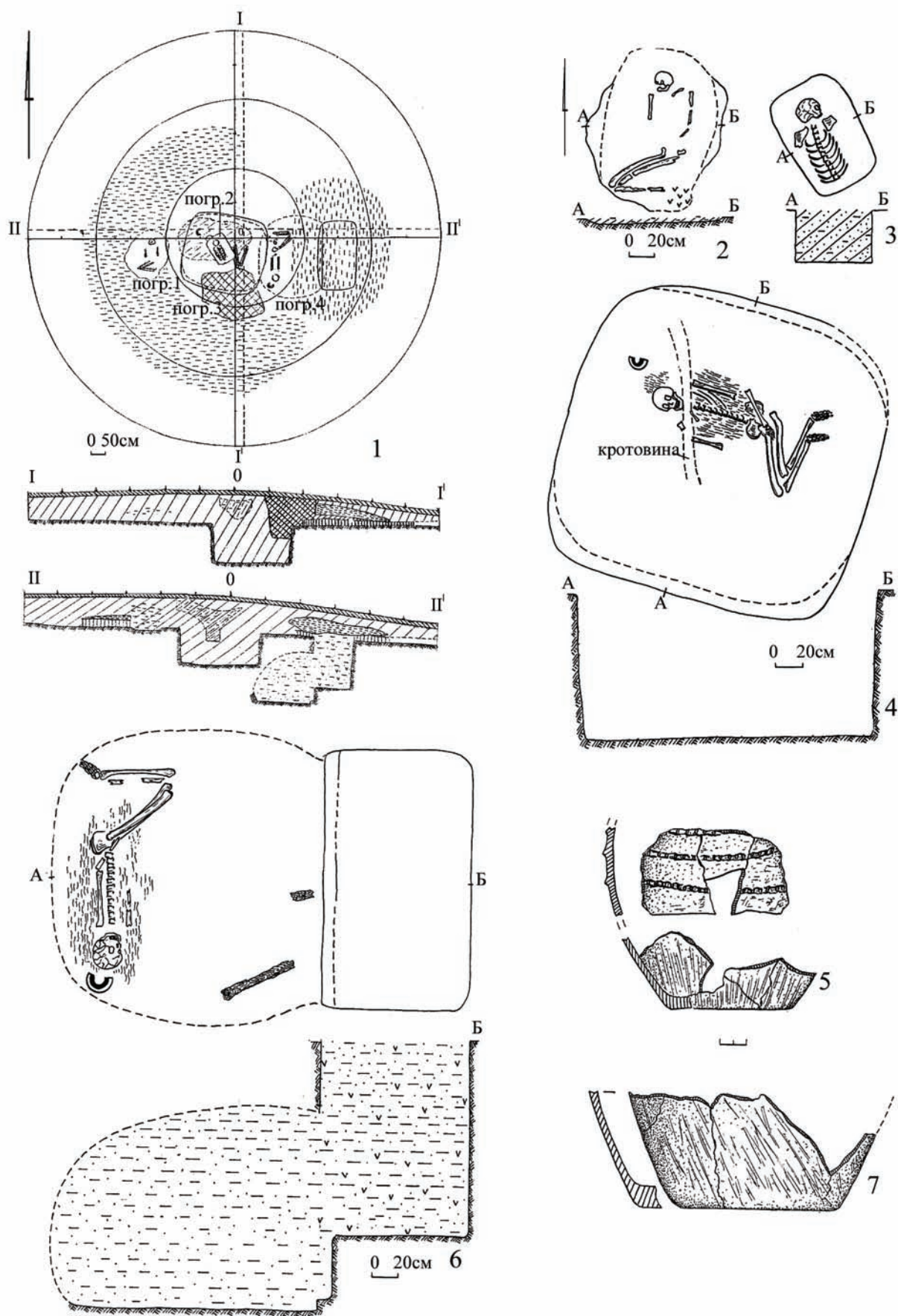

Рис. 13. Курганный могильник у с. Вerveковка. Кургaн №1.
 1 – план и профили бровок; 2 – погребение 1; 3 – погребение 2; 4-5 – погребение 3;
 6-7 – погребение 4

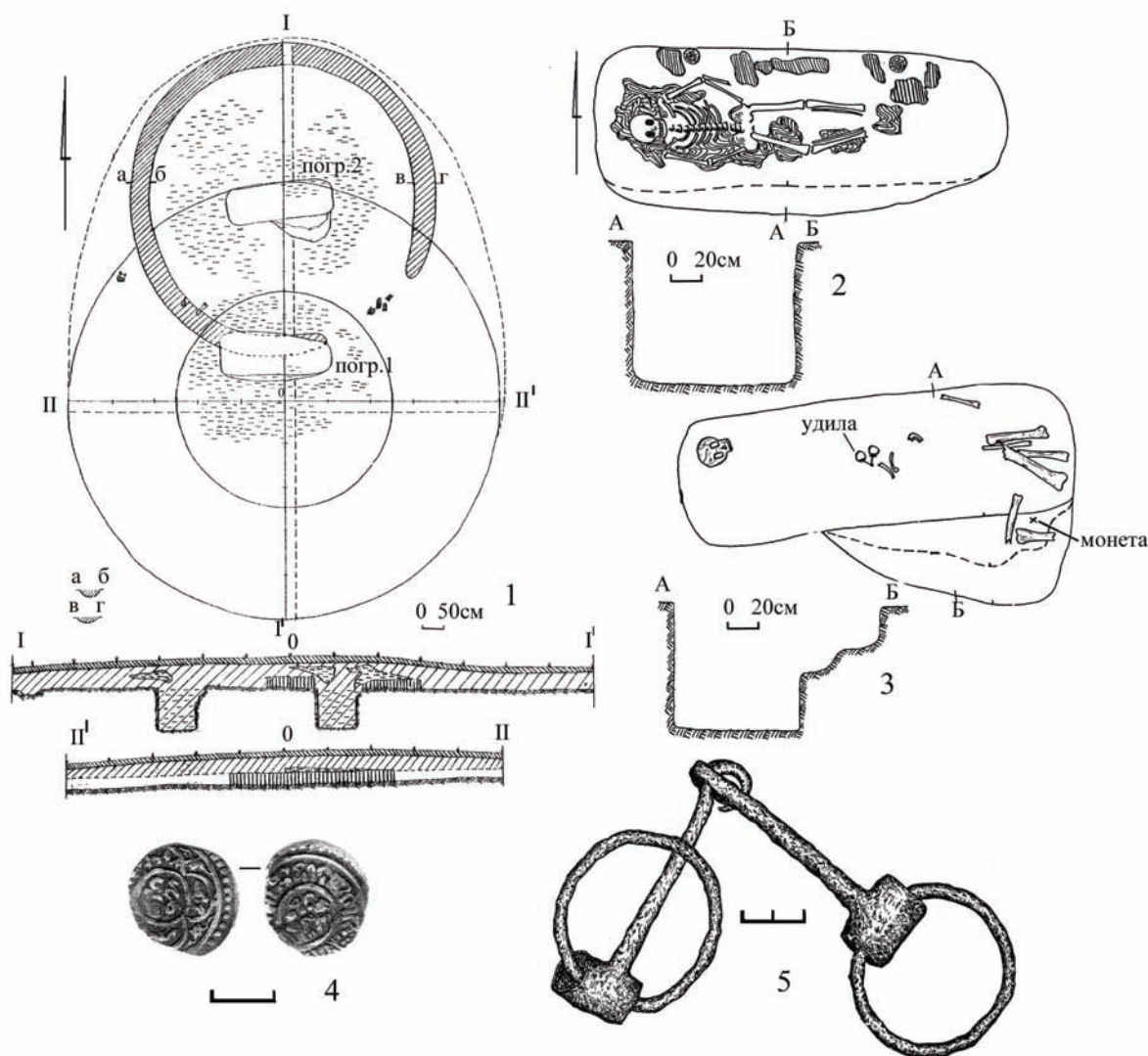

Рис. 14. Курганный могильник у с. Вerveковка. Кургaн №2.
1 – план и профили бровок; 2 – погребение 1; 3-5 – погребение 2

стью на таз. Положение правой руки не определяется. У головы умершего находилась жаровня из придонной части сосуда. Внешняя поверхность обработана штриховкой (рис. 13, 7).

Погребения, обнаруженные в кургане, по-видимому, принадлежат представителям катакомбной культуры (во всяком случае, таковыми являются погребения с жаровнями - 3 и 4). Стратиграфические данные показывают, что основное погребение было устроено под небольшим курганом диаметром до 6-8 м. Впоследствии курган был досыпан при устройстве погребения 3. Последовательность устройства погребений 1 и 2 по отношению к погребениям 3 и 4 не устанавливается.

Кургaн №2 – овальной формы (10x13,5 м) высотой до 0,25-0,3 м содержал два погребения.

Погребение 1 (впускное, средневековое) (рис. 14, 1) представляло собой яму прямоугольно-удлиненной формы (1,05x2,6x0,9 м), ориентированную по линии 3-В (рис. 14, 2). На полу, на берестяной подстилке, лежал хорошо сохранившийся скелет взрослого человека вытянуто на спине головой на запад. Руки согнуты в локтях и направлены к тазу. Кистей рук и стоп у погребенного не оказалось. Из погребального инвентаря найден только небольшой фрагмент бесформенного окислившегося железа. Погребение ограблено: яма была заполнена перемешанным грунтом, нарушена южная стенка, повреждена деревянная облицовка из плашек северной стенки.

Погребение 2 (основное, средневековое) (рис. 14, 1). Из него происходит бесформенный материковый выкид, окружавший могилу со всех сторон. На полу и в заполне-

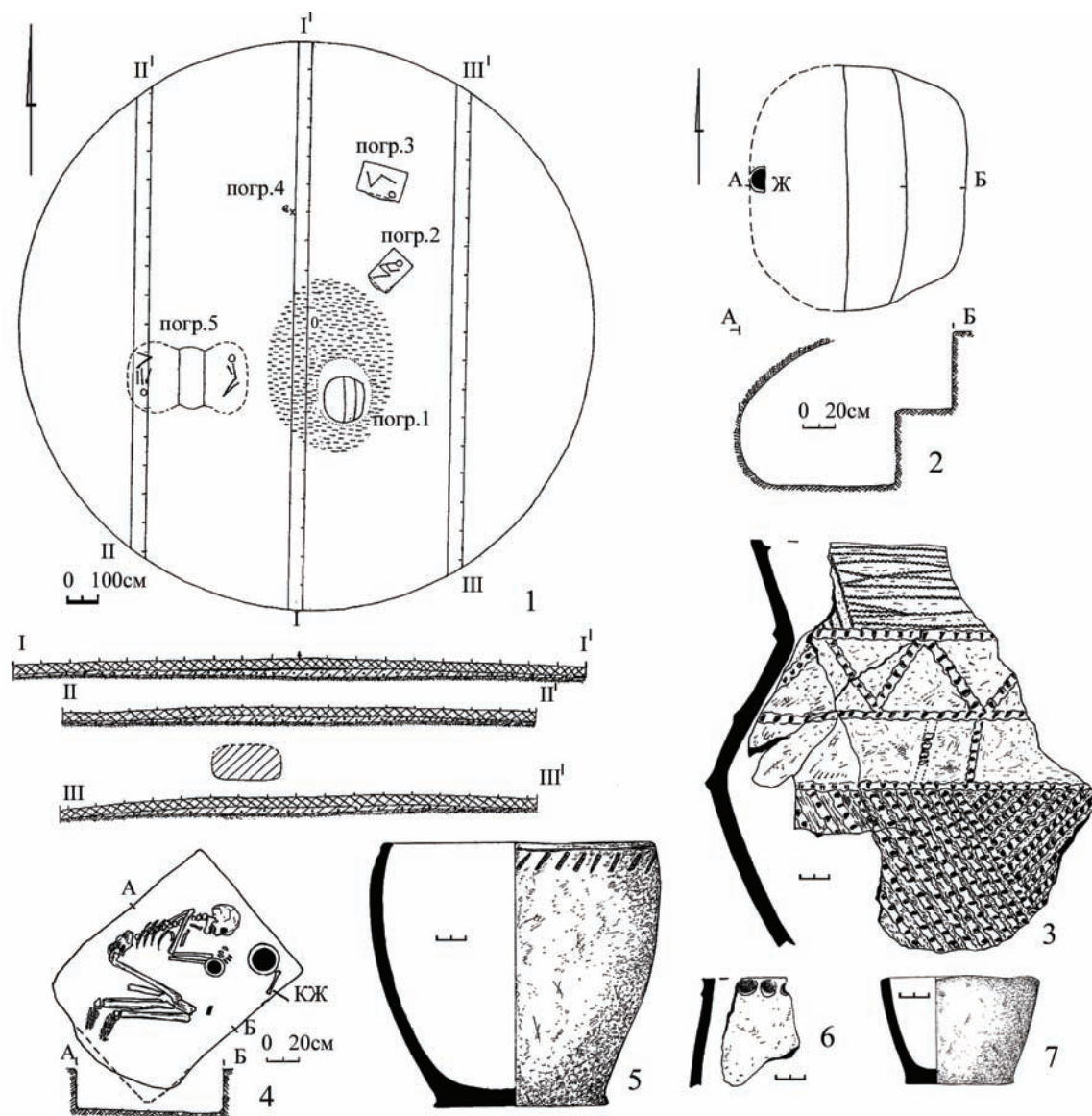

Рис. 15. Курганный могильник у с. Вerveковка. Кургaн №3.
1 – план и профили бровок; 2-3 – погребение 1; 4-7 – погребение 2

нии найдены разрозненные кости скелета человека и задних ног лошади. Череп взрослого человека находился у западной стенки. Вокруг погребения был устроен кольцевой ровик с перемычкой. В заполнении его найден зуб крупного травоядного животного и трубчатая кость животного. Несколько зубов найдены с внешней стороны ровика. В средней части перемычки на уровне погребенной почвы найдены фрагменты дерева, возможно – результат ограбления могилы.

В центральной части могилы в заполнении найдены железные кольчатые двусоставные удила (рис. 14, 5) и мелкие фрагменты окислившегося железа, а среди скопления костей лошади находилась серебряная монета (рис. 14, 4).

Кургaн №3 сильно распахан и едва просматривался на поверхности. Диаметр равнялся примерно 20-ти метрам (рис. 15). Содержал пять погребений.

Погребение 1 (основное, катакомбная культура) представляло собой остатки катакомбной конструкции в виде шахты полуовальной формы (0,36-0,4x1,5x0,5 м) со ступенькой и овальной камерой (1,0 x1,6x1,0 м). У западной стенки камеры находилась жаровня из верхней части биконического сосуда (рис. 15, 3). На внешней поверхности имеются черные подпалины, изнутри – нагар. Орнамент состоит из горизонтальных и пересекающихся оттисков «тесьмы», а также валиков с пальцевыми защипами. Признаков погребенного не обнаружено (кенотаф?).

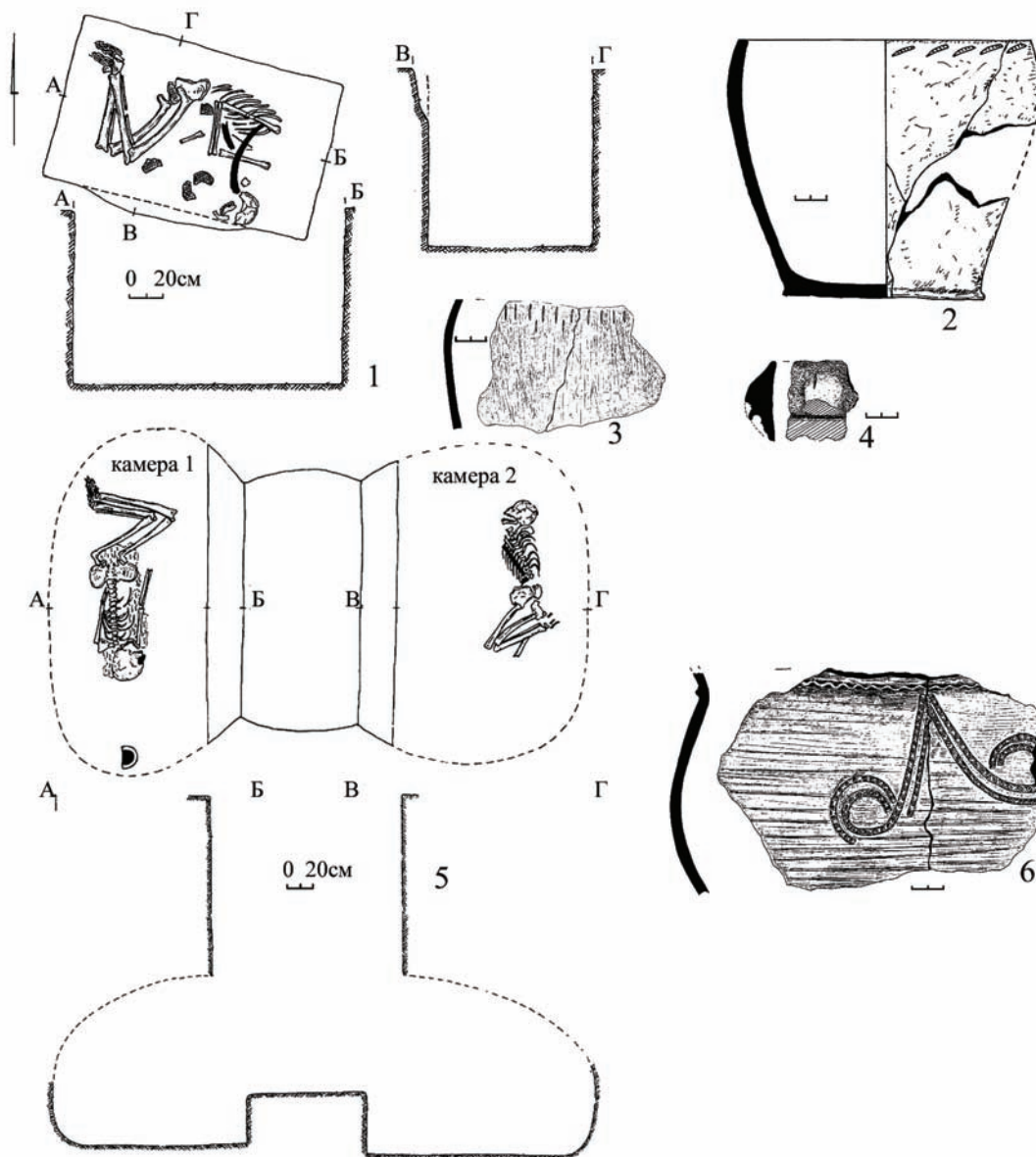

Рис. 16. Курганный могильник у с. Верековка. Курган №3.
1-4 – погребение 3; 5-6 – погребение 5

Погребение 2 (впускное, срубная культура) представляло собой яму прямоугольной формы (1,05х1,35х0,3 м), ориентированную по линии ЮЗ-СВ (рис. 15, 4). На полу лежал скелет умершего на левом боку головой на ВСВ. Руки согнуты в локтях почти под прямым углом, кисти расположены у лица. Ноги согнуты в коленях под острым углом. Погребенного сопровождали три глиняных сосуда. Первый сосуд стоял возле рук. Представлял собой неорнаментированную банку с открытым верхом и плоским с закраиной дном (рис. 15, 7). Второй сосуд стоял в восточном углу могилы. Он представляет собой банку с закрытым ровно срезанным верхом, с орнаментом в виде косых зубчатых насечек (рис. 15, 5). Третий сосуд – венчик серо-черного цвета из заполнения могилы, орнаментированный округлыми вдавлениями (рис. 15, 6).

Погребение 3 (впускное, срубная культура) представляло собой яму прямоугольной формы (1,0х1,65х1,05 м) со ступенькой, ориентированную по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 16, 1). На полу могилы лежал скелет взрослого человека скорченно на левом боку с ориентировкой на ВЮВ. Правая рука согнута под прямым углом кистевой частью к черепу. Под скелетом фиксировалась земляная насыпка. В засыпке могилы выявлены два ребра крупного рогатого скота или лошади и фрагменты трех сосудов. Первый сосуд представляет собой банку с закрытым верхом и плоским с закраиной дном. Орнаментирован рядами косых зубчатых вда-

лений (рис. 16, 2). Второй сосуд представлен верхней частью закрытой банки с вертикальными расчесами по поверхности, с орнаментом из овальных вдавлений (рис. 16, 3). Третий сосуд представлен фрагментом венчика несколько необычной формы: под выступающим наружу верхом имеется полукруглое вдавление (рис. 16, 4). На выпуклости нанесена вертикальная сегментовидная насечка. По-видимому, это боковое ушко сосуда. Похожие ушки на срубных сосудах известны, в том числе и на Среднем Дону (Пряхин А.Д., 1993, рис. 59, 16, 68, 5).

Погребение 4 (впускное) представляет собой мелкие кости черепа ребенка в насыпи, рядом с которыми лежали неорнаментированные фрагменты керамики эпохи бронзы с расчесами по внутренней поверхности. Погребение принадлежит срубной культуре и, возможно, являлось жертвенником.

Погребение 5 (впускное, катакомбная культура) представляло собой двойную катакомбу (рис. 16, 5). Шахта имела подпрямоугольную форму (0,93x1,8-2,0x2,3 м) и ориентирована по линии С-Ю. К длинной восточной стенке шахты примыкает первая камера (1,8x2,3 м), расположенная ниже шахты на 0,5 м. На полу лежал скелет молодого человека скорченно на правом боку с завалом на грудь, головой на север. Правая рука погребенного отсутствовала. Левая рука согнута в локте. Ноги согнуты в коленях под острым углом, пятки притянуты к тазу. Создается впечатление о частичном расчленении скелета.

С западной стороны шахты примыкала вторая камера (1,53x2,65 м). Перепад высоты ее пола и шахты составил 0,4 м. На органической подстилке черного цвета лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку головой на юг. Левая рука вытянута вдоль тела кистью к тазу, правая же рука чуть согнута в локте и отведена наружу. Ноги согнуты в коленях под острым углом. У южной стенки камеры находилась жаровня из верхней части сосуда, украшенного наклепными валиками с пальцевыми защипами и оттисками мелкозубчатого штампа (рис. 16, 6). На внешней поверхности имеются горизонтальные расчесы. Снаружи и изнутри керамика закопчена от использования на огне и покрыта сажей.

Судя по данным стратиграфии, основным в кургане является погребение 1 катакомбной культуры. После него было впущено еще одно погребение катакомбной культуры (погребение 5). Затем курган включил погребения срубной культуры, последовательность совершения которых не устанавливается.

Курган №4 находился в северной части могильника (высота до 0,7-0,8 м и диаметр до 28 м) (рис. 17, 1) и включал девять погребений.

Погребение 1 (впускное) (рис. 17, 1) представляло собой прямоугольную яму (0,75x1,8x0,15 м), ориентированную по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 17, 2). На полу у юго-восточной стенки найдены два фрагмента костей ног ребенка.

Погребение 2 (впускное) представляло собой округлую яму (1,5x1,5x0,1 м). В заполнении встречен древесный тлен от перекрытия (рис. 17, 3).

На полу лежал скелет человека скорченно на левом боку головой на ССЗ. Руки вытянуты вдоль туловища и скрещены в кистях, которые находились сзади таза (связаны?). У колен лежали два астрагала животного.

Погребение 3 (впускное) (рис. 17, 1) представляло собой прямоугольную с сильно закругленными углами яму (0,7x1,02x0,2 м), ориентированную по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 17, 4). По ее периметру находились небольшие камни щебня материка, попавшие сюда при сооружении могилы.

На полу находились фрагменты скелета ребенка без анатомического порядка головой на ВЮВ. Череп лежал лицевой частью к полу. По-видимому, ребенок был расчленен.

Погребение 4 (впускное, срубная культура) (рис. 17, 1) представляло собой остатки скелета человека: крышка черепа, кость ноги, фрагменты костей рук, по которым можно судить о том, что погребенный был ориентирован головой на ЗЮЗ (рис. 17, 5). С этим погребением связано пятно древесных углей и золы, перемешанных с черноземом 2,5x3,5 м и толщиной в несколько см под костями человека. Здесь же находились облом-

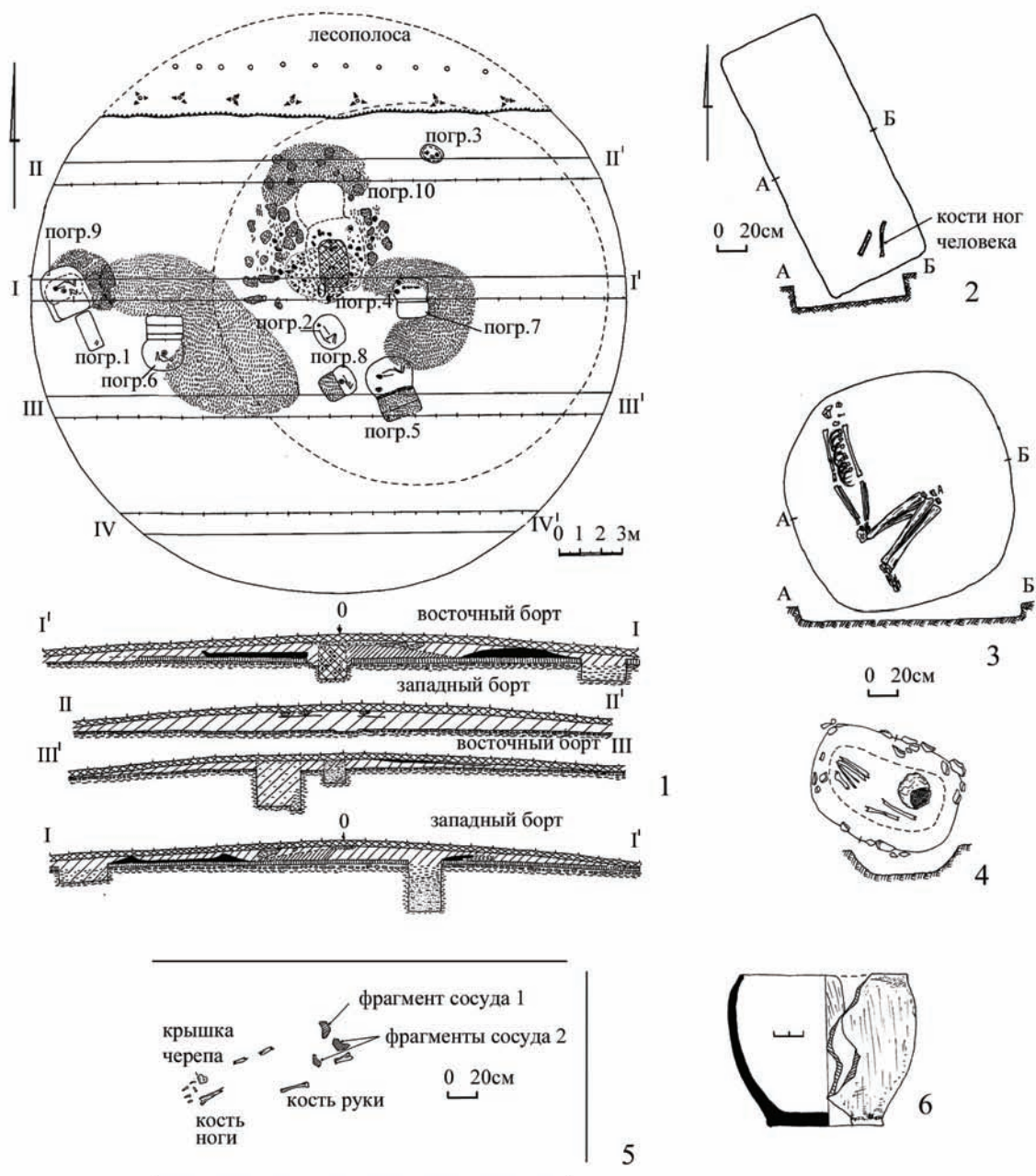

Рис. 17. Курганный могильник у с. Вервековка. Курган №4.
 1 – план и профили бровок; 2 – погребение 1; 3 – погребение 2; 4 – погребение 3;
 5-6 – погребение 4

ки двух сосудов. Первый сосуд (рис. 17, 6) по форме напоминает закрытую банку, имеет плоское с закраиной дно. Покрыт косыми вертикальными расчесами. Второй сосуд представлен двумя неорнаментированными стенками.

Погребение 5 (впускное, катакомбная культура) (рис. 17, 1) представляло собой катакомбную конструкцию (рис. 18, 1) в виде прямоугольной шахты (1,3х1,8 м) с двумя ступеньками и примыкающей к ней еще через одну ступеньку овальной камеры (1,75х2,3х2,2 м), ориентированной по линии ЗЮЗ-ВСВ. В заполнении шахты выявлены остатки семи деревянных плах, наклоненных в стороны камеры. Камера с необвалившимся сводом была забутована.

На органической подстилке бурого цвета лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку, головой на ЗЮЗ, с руками у бедер. Череп имеет явные признаки деформации.

Перед правой рукой находился овальный кусок охры красного цвета. Рядом с ним лежал молочный зуб ребенка (других костей ребенка не найдено). У западной стенки

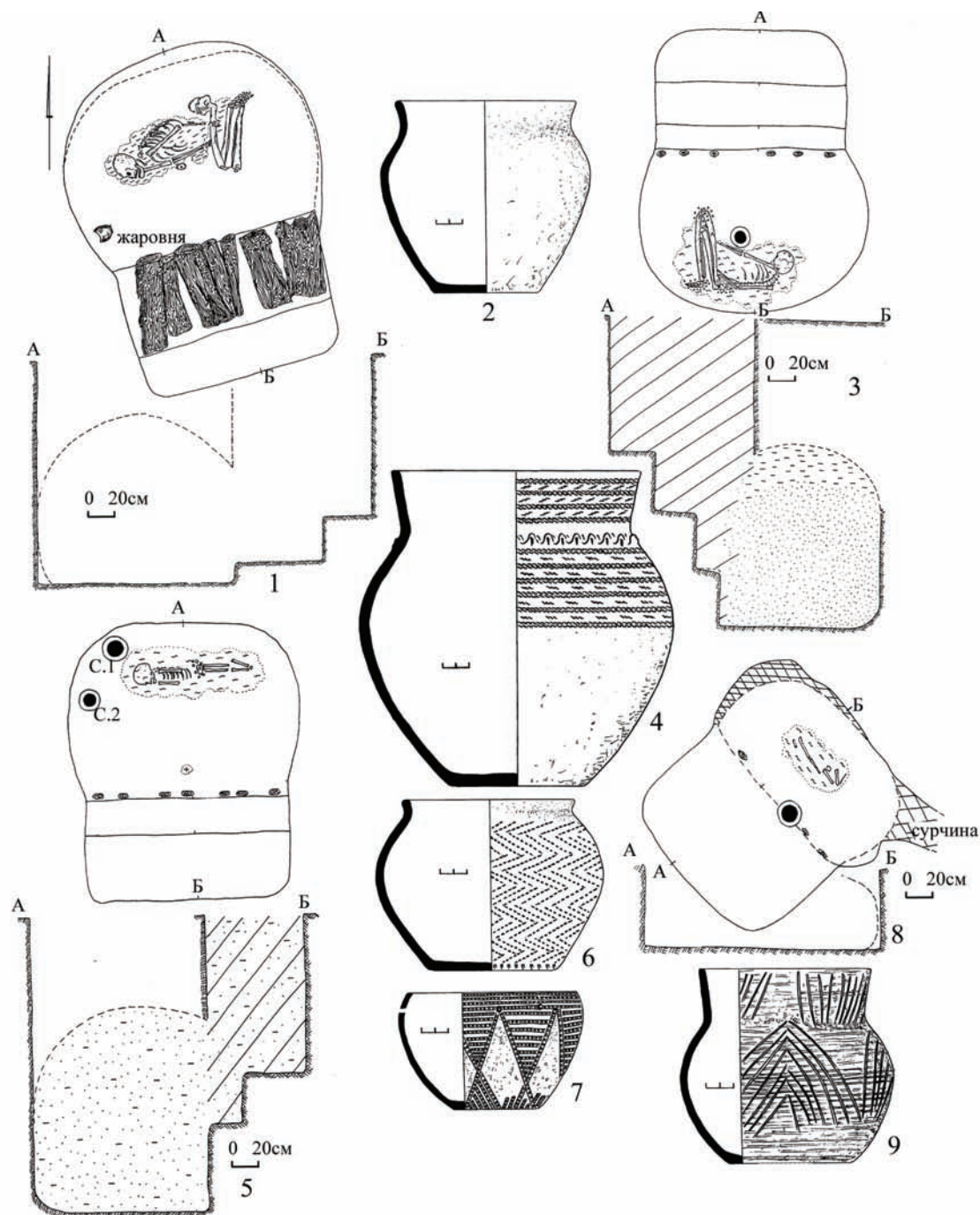

Рис. 18. Курганный могильник у с. Вerveковка. Курган №4.
1-2 – погребение 5; 3-4 – погребение 6; 5-7 – погребение 7; 8-9 – погребение 8

находилась боковая часть неорнаментированного сосуда с плавно профилированным наружу венчиком и плоским дном без закраины (рис. 18, 2). В тесте – примесь шамота.

Погребение 6 (впускное, катакомбная культура) представляло собой катакомбную конструкцию (рис. 18, 3) из прямоугольной шахты (1,1х1,75 м), которая имела три ступеньки. Вход в камеру был закрыт шестью небольшими плашками овальной в сечении формы, поставленными вертикально. Плашки в материк не углублялись.

Свод камеры не обвалился из-за значительной ее глубины (2,7 м). Она имела овальную форму (1,45х2,05 м), ориентирована по линии З-В. Заполнена материковой глиной. На полу камеры на органической подстилке черного цвета лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку головой на восток. Голова наклонена лицевой частью к груди. Правая рука находилась под позвоночником и вывернута на левый бок, кистью уходя к бедренным костям. Левая рука вытянута прямо к центру бедер, а кисть распола-

галась между ними. На органической подстилке обнаружены древесные угли. Слой горелой органики с мелкими углями отмечен и на самом скелете. Колени, ступни, таз, кости стопы посыпаны мелом.

Сосуд представлен развалом, возможно, разбит специально во время похорон. Это плоскодонный горшок, орнаментированный оттисками двойного шнура, зубчатого штампа и пальцевыми защипами. На сосуде имеются черные потеки и подпалины (рис. 18, 4).

Погребение 7 (основное, катакомбная культура) представляло собой катакомбную конструкцию (рис. 18, 5). Прямоугольная шахта (0,75x1,5 м) имела две ступеньки, забутована материком, перемешанным с черноземом. У входа в камеру выявлено семь плашек, не углубленных в материк. Здесь же отмечена охровая посыпка красно-бурого цвета. Овальная камера (1,3x1,7x2,17 м), ориентированная по линии З-В, была забутована материком. Свод ее не обвалился, а его высота у входа составляла 0,8 м.

На органической подстилке черно-бурого цвета лежал скелет ребенка вытянуто на правом боку головой на запад. Лицевая часть черепа повернута к входу, руки вытянуты вдоль тела. Череп деформирован, таз посыпан мелом. У западной стенки камеры находились два сосуда. Первый сосуд – плоскодонный горшок с относительно коротким плавно профилированным наружу венчиком (рис. 18, 6). Снаружи – черные подпалины. Орнаментирован оттисками гребчатого штампа и насечками. На внешней поверхности имеются черные подпалины.

Второй сосуд (рис. 18, 7) – чаша с плоским без закраины дном. Часть верха обломана в древности. Снаружи – черные подпалины. В верхней части расположены два отверстия диаметром 4 мм. Орнамент нанесен горизонтальными оттисками короткого вертикального продолговатого штампа.

Погребение 8 (впускное, катакомбная культура) (рис. 17, 1) представляло собой катакомбную конструкцию (рис. 18, 8) в виде прямоугольной шахты (0,87x1,38x0,6 м), забутованной материковым выкидом с примесью чернозема, и овальной камеры (0,85x1,5 м), ориентированной по линии ЮВ-СЗ. У входа в камеру обнаружены следы трех деревянных столбиков-плашек. Здесь же, рядом с охровой посыпкой красно-бурого цвета стоял плоскодонный горшок с высоким прямым, чуть отогнутым наружу венчиком, орнаментированный прочерчиваниями, образующими восходящие линии. На горшке – черные подпалины. Внутри сосуда, занимая пятую его часть, находилось желтое вещество органического происхождения.

В центре камеры на органической подстилке черно-бурого цвета лежали фрагменты скелета ребенка: кости руки, фрагменты таза и кости ног. Видимо, погребенный лежал скорченно на правом боку головой на северо-запад.

Погребение 9 (впускное, катакомбная культура) (рис. 17, 1) представляло собой остатки плохо сохранившейся катакомбы (рис. 19, 1). Шахта прямоугольной формы 0,8x1,6x0,7 м была ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Заполнение – чернозем, перемешанный с материковой глиной. При переходе от шахты к камере обнаружены три деревянных столбика овального сечения 3x4 см, не углубленные в материк.

С ССЗ к шахте без устройства ступеньки примыкала овальная камера 1,1x1,9x0,7 м. Свод ее провалился. На полу камеры на органической подстилке буро-коричневого цвета лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку головой на ЗЮЗ. Левая рука согнута в локте, кисть находилась на левом бедре. Правая рука вытянута к коленям.

У правой руки умершего находился сосуд (рис. 19, 2) в виде горшка с прямым, оттянутым наружу венчиком, округлым туловом и плоским дном, орнаментированный по венчику рядами двойного перевитого шнура. На внешней поверхности имеются тонкие прочерчивания.

Погребение 10 (впускное) (рис. 17, 1) – сооружение из шахты (2,0x2,5x0,25 м), ориентированной по линии С-Ю. Почти по центру камеры в нее вошел грабительский шурф-перекоп (1,4x2,3x0,6 м), разрушивший погребение. В перекопе найдено несколько фрагментов костей человека.

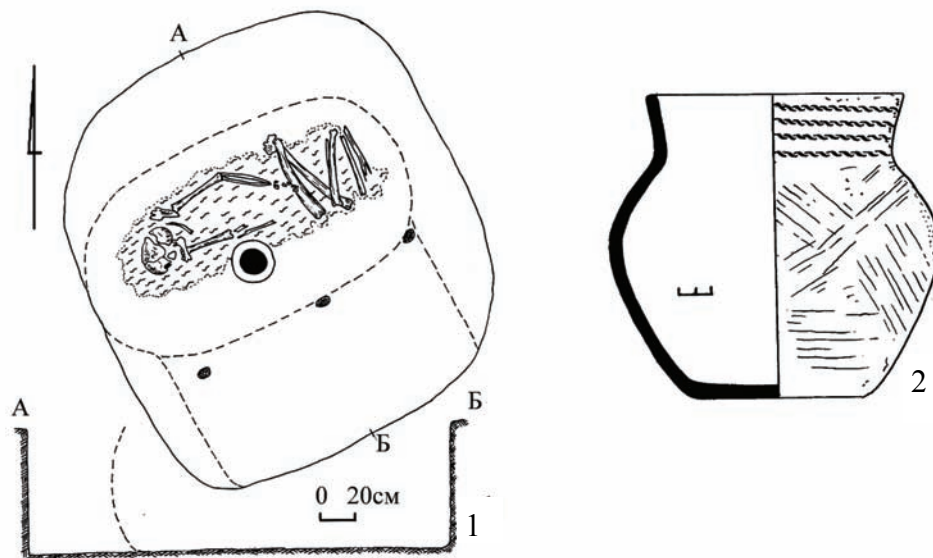

Рис. 19. Курганный могильник у с. Вервековка. Курган №4. 1-2 – погребение 9

Стратиграфические данные свидетельствуют, что основным погребением в кургане было погребение 7 с выкидом на уровне погребенной почвы на всем его протяжении. Примерный диаметр первичной насыпи составлял 20-22 м, а высота, примерно, – до 0,8 м. В эту насыпь были впущены погребения 2,5,8,4, но информации о последовательности их сооружения нет. Только погребение 4 можно уверенно считать самым поздним в кургане ввиду его культурной принадлежности.

По всей вероятности, уже после совершения погребений 2,5,8 (а также, видимо, и погребения-жертвенника 3) курган был досыпан с запада, что связано с сооружением погребений 1,6,9. Погребения 6 и 9 были совершены, вероятно, одновременно, так как имеют единый выкид. Погребение 1 являлось, возможно, жертвенником, связанным с погребением 9. Погребение 10 имеет, судя по стратиграфическим данным, поздний характер, с ним связана досыпка кургана с севера.

Курган №5 содержал шесть погребений.

Погребение 1 (впускное, срубная культура) (рис. 20, 1; 21, 1) представлено развалом лепного глиняного сосуда, стоявшего на днище и расположенной рядом с ним костью животного или человека. От сосуда сохранилась только нижняя часть (рис. 21, 2).

Погребение 2 (впускное, срубная культура) (рис. 20, 1) представляло собой овальную яму (1,1х1,55х0,35 м), ориентированную по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 21, 3). Скелет подростка сохранился плохо (отсутствуют позвонки, ребра, передние части рук). Он лежал скорченно на левом боку головой на ССВ. Положение рук четко не определяется. Если же судить по сохранившимся костям, руки были, возможно, согнуты в локтях.

У рук погребенного стоял острореберный горшок, орнаментированный в верхней части оттисками зубчатого штампа. Сосуд тщательно заглажен.

Судя по размещению могильного выкида, можно предположить, что погребение было устроено у края южной полы первичной насыпи с последующей досыпкой кургана с юга, диаметр которой составлял 8,5 м (высота не определяется).

Погребение 3 (впускное, срубная культура) (рис. 20, 1) представляло собой останки плохо сохранившегося черепа человека и двух сосудов (рис. 21, 5). Каких-либо следов могильного сооружения не зафиксировано. Оба сосуда – банки с закрытым устьем, неорнаментированные (рис. 21, 6, 7). На поверхности одной из них имеются следы нагара в виде черных пятен.

Погребение 5* (основное, катакомбная культура) (рис. 20, 1) представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 21, 8). К полуовальной шахте (0,65х1,7х0,97 м),

* Погребение 4 половецкого времени опубликовано отдельно в настоящем сборнике (см. Березуцкий В.Д., Кравец В.В., 2005)

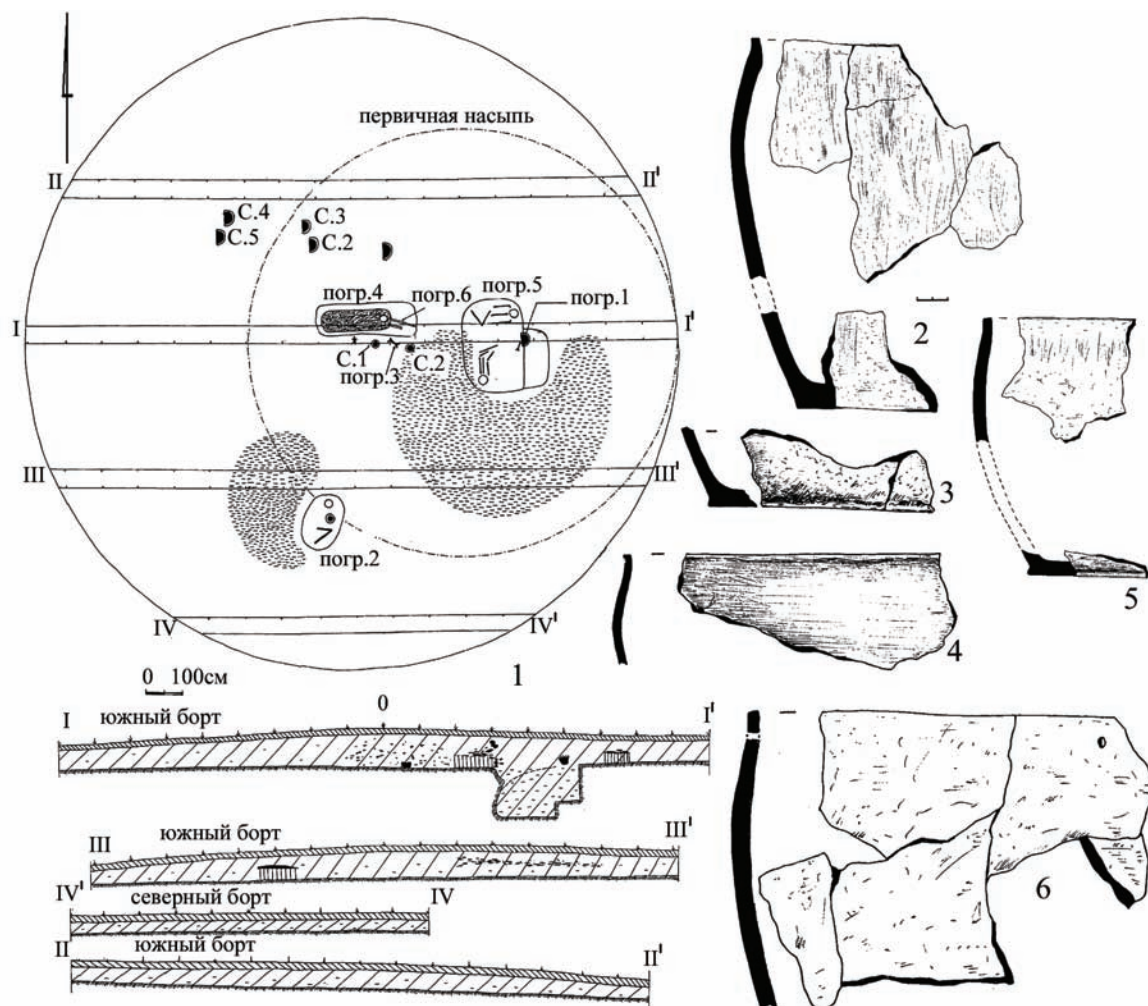

Рис. 20. Курганный могильник у с. Верековка. Курган №5.
1 – план и профили бровок; 2-6 – сосуды из насыпи

ориентированной по линии С-Ю, с запада к ее длинной стенке через ступеньку высотой 0,4 м примыкала овальная камера (1,7х2,3х1,37 м). При этом северная стенка камеры отстояла от стенки шахты на 0,7 м. При переходе шахты в камеру лежали голени человека. Основанием они находились на полу шахты, а остальной частью – в площади камеры, т.е. были уложены на забутовку (засыпку камеры) в ходе осуществления захоронения.

В камере обнаружены скелеты двух взрослых людей. Один из них лежал ближе к западной стенке камеры скорченно на правом боку головой на юг. Левая рука согнута в локте под тупым углом, а кисть положена перед тазом. Правая рука чуть согнута в локте и отведена в сторону. Кисть расположена рядом с кистью левой руки. От ног сохранились только бедренные кости, левая нога при этом наложилась на правую. У головы погребенного находилась жаровня из верхней части сосуда (рис. 21, 9), орнаментированного косыми прямоугольными насечками и рядами валиков с защипами. На внутренней стороне жаровни – сажа и угольки от горения органических веществ. Другой скелет лежал у северной стенки камеры скорченно на спине головой на восток. Череп имеет явные признаки деформации. Правая рука согнута под тупым углом, а кисть положена на таз. Левая рука прямо вытянута вдоль скелета. Ноги согнуты под острым углом.

У западной стенки, ближе к коленям погребенного лежала жаровня, изготовленная из верхней части сосуда, орнаментированного нерасчлененными валиками (рис. 21, 10).

Некоторые признаки дают основание предполагать впускной характер второго скелета по отношению к первому, хотя каких-либо явных признаков перекопа заполнения шахты и камеры не отмечено. По-видимому, именно с необходимостью размещения второго скелета в катакомбе, где уже имелось захоронение, было связано расширение камеры на север. При

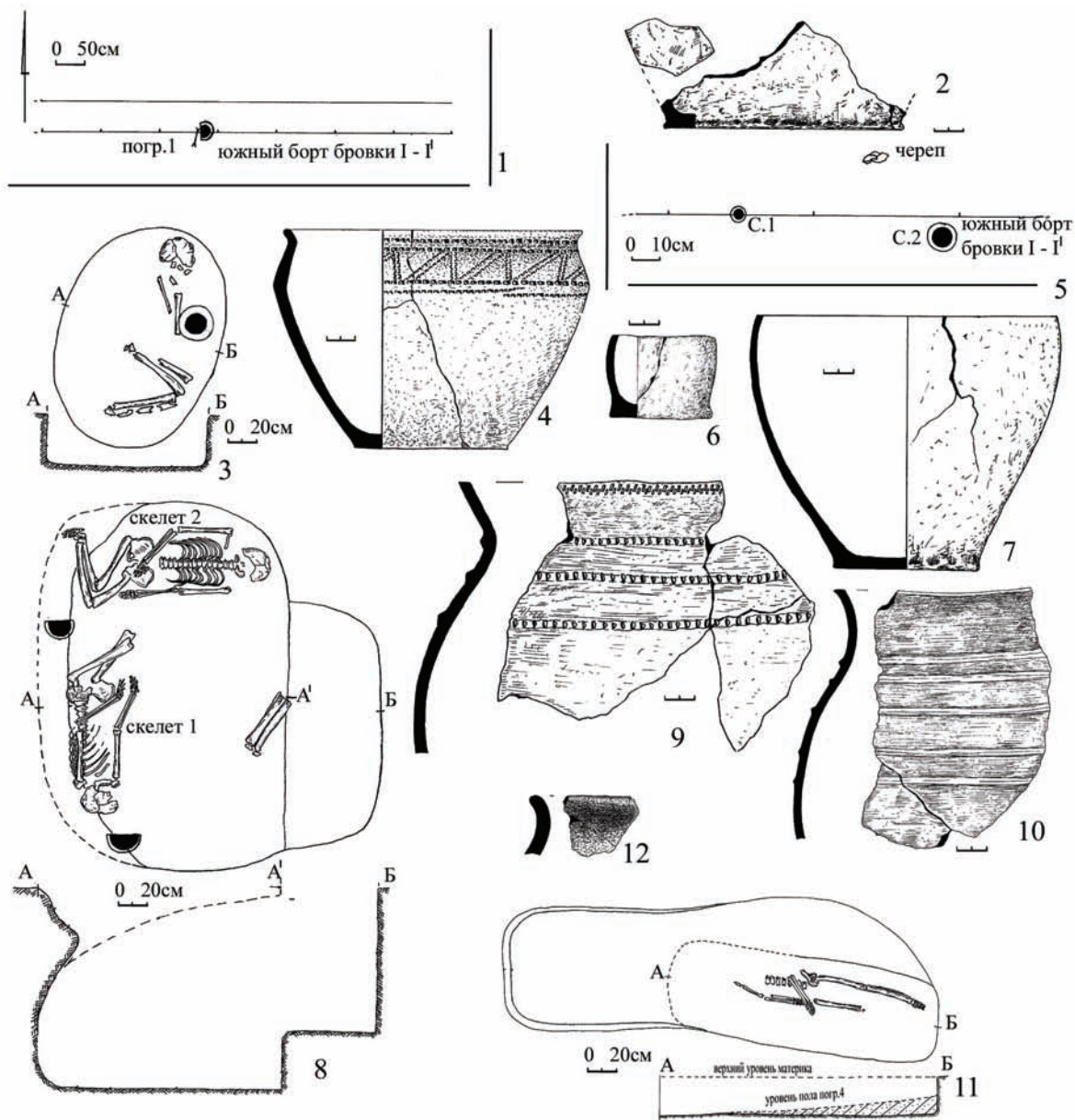

Рис. 21. Курганный могильник у с. Вerveковка. Кургaн №5.
1-2 – погребение 1; 3-4 – погребение 2; 5-7 – погребение 3; 8-10 – погребение 5;
11-12 – погребение 6

этом мешавшие, вероятно, голени первого скелета были вынесены ближе к шахте, а на место их положена вторая жаровня. Если наши предположения верны, то интересным представляется факт различного положения умерших в камере: ранний признак «скорченно на спине» оказался поздним по отношению к признаку «скорченно на боку».

Погребение 6 (впускное, предскифский период) (рис. 20, 1) оказалось в площади погребения 4. По-видимому, с этим обстоятельством в значительной степени связано изменение формы погребального сооружения погребения 4 в его восточной части (рис. 21, 11). Представляло собой остатки прямоугольно-удлиненной ямы (0,6x1,75x0,24 м). В могиле обнаружены останки скелета взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине головой на ЗСЗ. Правая рука погребенного чуть согнута в локте и вытянута вдоль скелета. Левая рука согнута в локте и кистью положена на кисть правой руки. У погребенного отсутствуют, кроме черепа и верхних частей скелета, кости правой голени, которые не были задеты при устройстве погребения 4. Видимо, кости эти отсутствовали изначально.

При погребенном, вероятно у головы, находился лепной глиняный сосуд, разбитый и выброшенный при создании погребения 4. От него найдено более двух десятков фраг-

ментов, не позволяющих реконструировать сосуд (рис. 21, 12). Керамика снаружи светло-коричневого цвета с оранжевым оттенком. В тесте имеется примесь песка и органики.

По своим характеристикам фрагменты керамики напоминают ранние сосуды предскифского периода, в которых еще сохранились керамические традиции поздней бронзы.

В насыпи кургана были обнаружены неполные развалы пяти сосудов срубной культуры без каких-либо признаков наличия поблизости погребений (рис. 20, 1). Первый сосуд (рис. 20, 2) представляет собой неполный развал горшка с невысоким венчиком и с небольшой закраиной на днище, по внешней поверхности имеются мелкие вертикальные расчесы, по внутренней – горизонтальные расчесы. Сосуд лежал на боку. Второй сосуд (рис. 20, 3) – фрагмент днища сосуда с закраиной. Третий – (рис. 20, 4) представляет собой венчик горшковидного неорнаментированного сосуда, лежавшего в грунте на боку, на внутренней поверхности имеются горизонтальные расчесы. Четвертый сосуд (рис. 20, 5) – неполный развал горшка с намеченным венчиком и закраиной на днище, по внешней поверхности – мелкие вертикальные расчесы. Сосуд в насыпи стоял на днище. Пятый сосуд (рис. 20, 6) представлен верхней частью неорнаментированного горшка с прямым коротким венчиком.

По-видимому, обнаруженные сосуды срубной культуры представляют собой следы тризны, при которой они были намеренно разбиты.

Курган №6 (рис. 12) (диаметр 18 м, высота до 0,65 м) содержал два погребения.

Погребение 1 (впускное) (рис. 22, 1) прорезало выкид из основного погребения, представляло собой бесформенное пятно древесных угольков примерно 0,6х0,7 м, толщиной до 1 см, среди которых обнаружено несколько фрагментированных кальцинированных костей грудного (?) ребенка. Как было выяснено впоследствии, это погребение, по всей вероятности, являлось единовременным с основным погребением, и было, возможно, жертвенником.

Погребение 2 (основное, катакомбная культура) (рис. 22, 1) представляло собой катакомбную конструкцию в виде прямоугольной с сильно закругленными углами шахты (1,4х1,9 м) с двумя ступеньками и камеры прямоугольных очертаний. Она была ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ-ВЮВ. В камере находилась еще одна ступенька, углублявшая основную часть камеры на 2,5 м. При переходе шахты к камере в заполнении на различной глубине встречалась древесная труха, вероятно, от деревянного заслона. В камере обнаружена органическая подстилка коричневого цвета. Сохранились незначительные отпечатки подстилки на глине, по которым можно предполагать, что ею служила либо циновка, либо стебли тростника. Подстилка лучше всего сохранилась под скелетом.

Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку с завалом на спину и головой на восток. Скелет оказался развернут в широтном направлении, в то время как камера была ориентирована по линии ВЮВ-ЗСЗ.

Правая рука вытянута вдоль тела и, чуть согнутая в локте, отстранена в сторону. Левая рука согнута под тупым углом в локте и, видимо, лучевой костью протянута к тазу. Ноги согнуты в коленях почти под прямым углом. Под головой погребенного, у лица и бедренных костей отмечена посыпка красной охрой.

У головы умершего близ ступеньки стоял горшок биконической формы с высоким раструбным горлом, орнаментированный оттисками перевитого шнура, наклепными валиками и насечками (рис. 22, 3). У правой руки погребенного у плечевой кости лежали кремневое орудие и каменный топор. Орудие (рис. 22, 4) изготовлено из черно-серого мелового кремня. Представляет собой многофункциональное плоское изделие овальной формы 2,8 х 6,0 см толщиной до 0,8 см, ретушированное по краю. Использовалось в качестве скобеля по керамике (для очистки внутренней поверхности от накипи и нагара), сверла по керамике и пилки по камню (трасологическое определение В.В. Килейникова). Топор (рис. 22, 5) изготовлен из камня зеленого цвета (оливин), относящегося к нономинералам. Его характеризуют одинаковость структуры и плотности (определение геолога из ВГПУ Н.П. Кузнецова). В профиле топор схож с топорами ладьевидной формы. Длина его

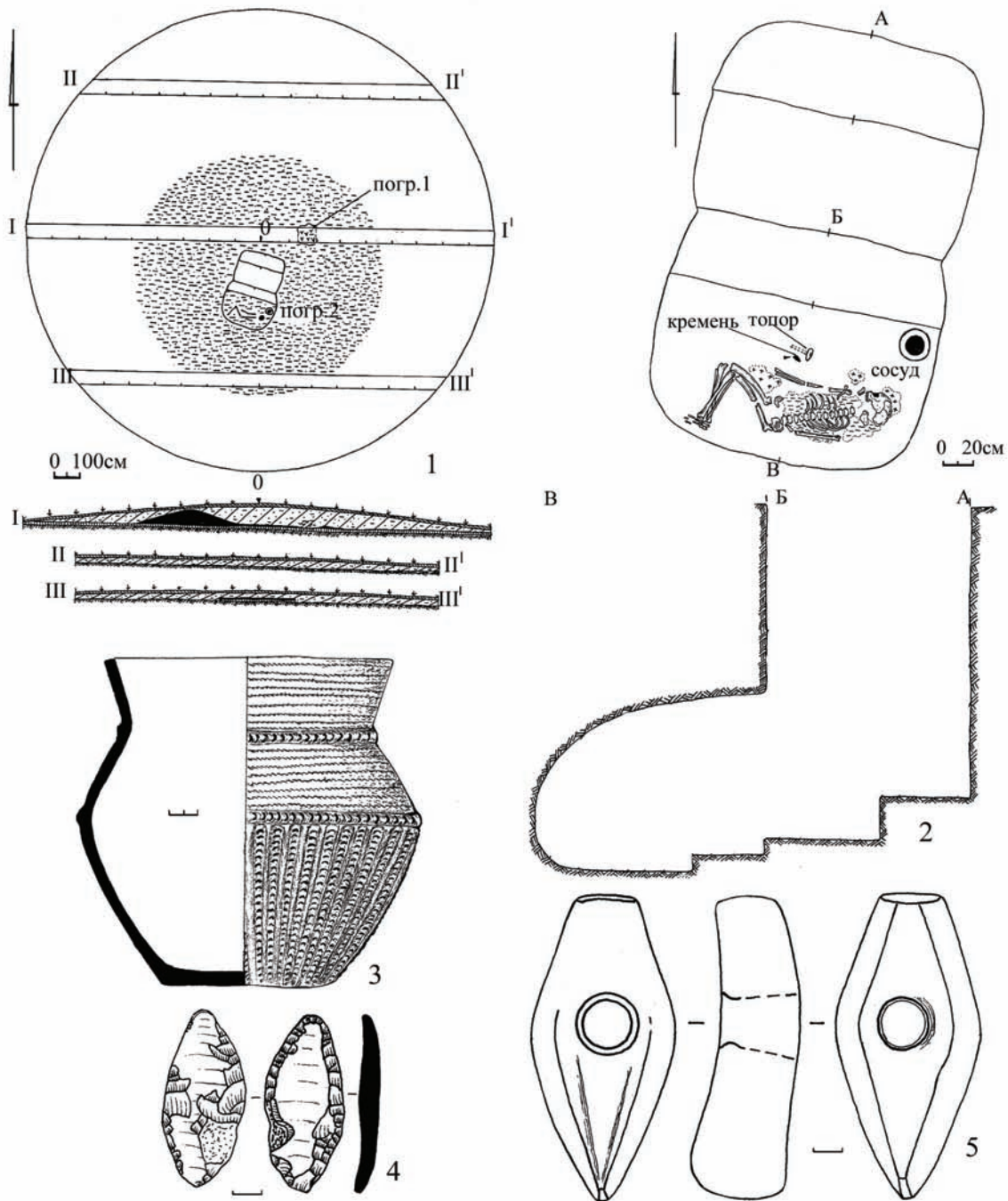

Рис. 22. Курганный могильник у с. Вerveковка. Кургaн №6.

1 – план и профили бровок; 2-5 – погребение 2

10,4 см, наибольшая ширина 5,0 см, толщина 2,8 см, диаметр отверстия 1,8 см и 1,0 см (с обратной стороны), вес 230 гр. На внешнюю плоскость топора нанесены прочерченные линии, повторяющие его форму. По мнению В.В. Килейникова, они, скорее всего, были нанесены кремневым орудием, найденным в этом же погребении. Следов рукояти не зафиксировано. Топор острием направлен к скелету, обушком – в сторону выхода из камеры.

Кургaн № 7 (рис. 12) (высота 0,3-0,4 м, диаметр до 22 м) содержал два погребения.

Погребение 1 (жертвенник для погребения 2) (рис. 23, 1) находилось в насыпи и представляло собой полностью истлевший скелет ребенка (грудного?), восстановить первоначальное положение которого невозможно. Можно лишь предполагать, судя по нескольким зубам, что умерший был ориентирован головой на запад.

Погребение 2 (основное, катакомбная культура) представляло собой сложную конструкцию, которая в целом напоминает двойную катакомбу, только не с двумя камера-

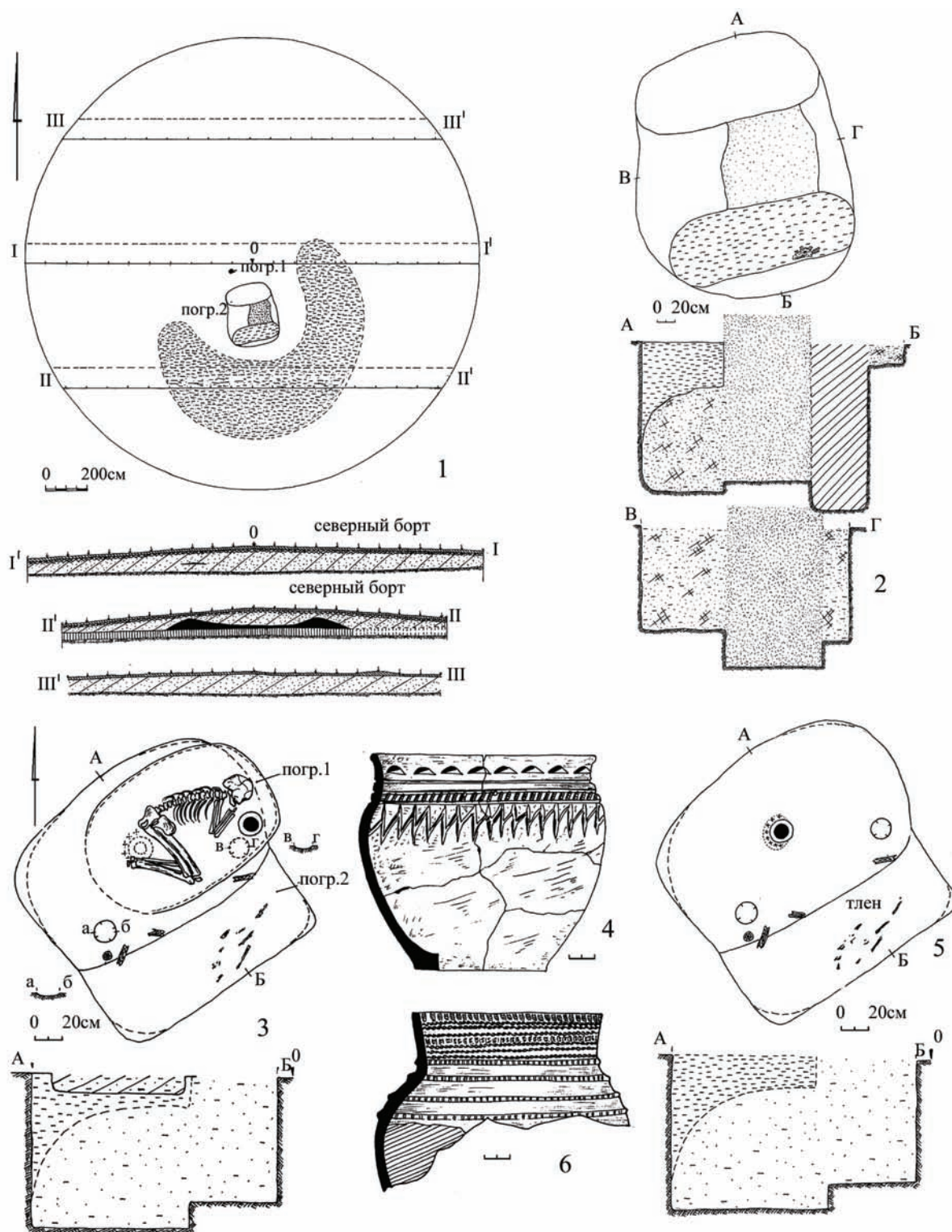

Рис. 23. Курганный могильник у с. Вerveковка. Курган №7.

1 – план и профили бровок; 2 – погребение 2. Курган №8. 3 – погребения 1 и 2;
4 – погребение 1; 5, 6 – погребение 2

ми, а камерой и ямой (рис. 23, 2). Шахта имела подпрямоугольную форму (0,85-1,05х1,0 м). С запада и востока к шахте примыкали своеобразные «ступеньки». С запада «ступенька» углублялась в материк на 1,2 м, а с востока на 1,3 м. Ступеньки выходили с севера на камеру и с юга на яму. Овальная камера (0,8-0,95х2,15х1,7 м) имела необвалившийся свод высотой 1,2 м у входа (от уровня пола). Находок не обнаружено (кенотаф?). Прямоугольно-удлиненная с сильно закругленными углами яма (0,65х2,12х1,9 м) устлана на полу толстым слоем (1-1,5 см) органики коричнево-серо-розоватого цвета

(шкура животного?). О вероятности нахождения на полу именно шкуры животного свидетельствует лежавший близ одной из стенок череп быка. Здесь же находилась пара копыт мелкого рогатого скота - козленка или барашка. Других находок в яме не оказалось.

Отмечена конструктивная деталь в устройстве погребения: на оконечностях выкид имеет в профиле вид мощных треугольников высотой от погребенной почвы до 0,6 м. В центральной же части выкид ровный, толщина его до 0,15 м. По-видимому, такое устройство выкида не случайно, а было задано строителями кургана.

Обнаруженные погребения принадлежат среднедонской катакомбной культуре.

Курган №8 практически не сохранился. На его месте выявлено два погребения.

Погребение 1 (впускное, срубная культура) (рис. 23, 3) представляло собой овальную яму (1,05х1,5х0,15 м), ориентированную по линии ЮЗ-СВ. На полу лежал скелет взрослого человека скорченно на левом боку (угол скорченности острый) головой на СВ. Руки погребенного согнуты в локтях кистями к лицу. Перед лицом лежал на боку неполный развал лепного глиняного сосуда.

Сосуд (рис. 23, 4) представляет собой плоскодонный плавнопрофилированный горшок. По верху его нанесен орнамент ногтевыми вдавлениями, ниже – три горизонтальные линии вдавлений, разделенные в одном месте наклонными вдавлениями зубчатого штампа. Ниже этой композиции – орнамент вдавлениями зигзагообразной формы.

Погребение 2 (основное?, катакомбная культура) находилось под погребением 1 в материке (рис. 23, 3,5) представляло собой катакомбную конструкцию в виде прямоугольной с сильно закругленными углами шахты (0,6-0,7х1,75х0,9 м) с забутовкой и овальной камеры (1,3х1,95х1,1 м), тоже забутованной. В шахте на глубине 0,5 м от уровня материка в заполнении найдены плохо сохранившиеся остатки скелета человека (костный тлен), лежавшего, вероятно, вытянуто на спине головой на ЮЗ. Несмотря на плохую сохранность и фрагментарность костей, не было обнаружено ни одного фрагмента черепа или челюсти погребенного.

Перед входом в камеру найдены остатки деревянного заслона из небольших бревнышек. Свод не провалился, поэтому можно установить его высоту – 0,9 м от уровня пола камеры.

У ступеньки шахты на полу камеры обнаружены две круглые ямки диаметром 0,15 м, углубленные в материк на 3-4 см. В профиле дно ровное, стенки покатые ко дну.

В центре камеры на находились остатки горшка с шаровидным туловом и раструбным венчиком, орнаментированного валиками и насечками, рядами «личинок» и оттисками перевитого шнура. Цвет керамики темно-коричневый. Почти вокруг всего сосуда отмечена охровая тонкая посыпка красного цвета (рис. 23, 6).

Обнаруженные захоронения в разрушенном кургане (?) имели четкую последовательность совершения: вначале было устроено погребение 2 (катакомбное), затем погребение 1 (срубное).

* * *

Таким образом, большинство исследованных погребений эпохи бронзы в курганных могильниках у сел Александровка-Донская, Архиповка и Вerveковка принадлежат среднедонской катакомбной культуре. Большая часть погребений этой культуры совершено в катакомбах (22 погребения) и четыре – в ямах. Преобладает правобочное расположение скелетов (14 на правом боку, один – на левом, один – на спине с завалом на левый бок). Керамика, в основном, представлена сосудами с высоким раструбным горлом, орнаментированными оттисками шнура или валиками; нередко в орнаментации наблюдается сочетание шнура и валика (рис. 2, 5; 8, 2; 15, 3; 18, 4; 22, 3; 23, 6), что характерно для развитого этапа существования среднедонской катакомбной культуры. Более поздний облик имеет сосуд из насыпи кургана 2 у с. Александровка-Донская (рис. 10, 2) и сосуд из погребения 4/8 у с. Вerveковка. К раннему этапу можно отнести лишь сосуд из заполнения погребения 2/7 кургана у с. Александровка-Донская (рис. 10, 2) и сосуд из погребения 4/8 у с. Вerveковка (рис. 18, 9). Показательно, что из этого же погребения происходит курильница (рис. 11, 9). Этот тип курильниц без внутреннего отделения при

наличии широкого, заходящего во внутрь бортика, является типичным для среднедонской катакомбной культуры и появляется уже на раннем этапе ее развития (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991, с. 6). Таким образом, устройство погребальных конструкций, положение умершего и погребальный инвентарь позволяют соотнести все рассмотренные катакомбные погребения, за исключением погребения 2/7 у с. Александровка-Донская и погребения 4/8 у с. Вервековка, с развитым этапом существования среднедонской катакомбной культуры.

Несмотря на то, что инвентарь большинства рассмотренных катакомбных погребений является типичным для среднедонской катакомбной культуры, в некоторых вещевых комплексах проявляются черты инокультурного влияния. Обращает на себя внимание находка жаровни в погребении 3/5 у с. Вервековка (рис. 16, 6). Керамика с подобным спиралевидным орнаментом, выполненным оттисками тесьмы или шнура, характеризует сосуды донецкой катакомбной культуры (Братченко С.Н., 1976, с. 38). Но в отличие от донецких сосудов, орнамент на жаровне из вервековского погребения «перевернут» и выполнен валиком.

Особо следует отметить погребение 6/2 у с. Вервековка (рис. 22, 1-5). Вещевой комплекс этого погребения включает в себя сосуд, кремневое оружие и каменный топор. Подобные погребения редки для катакомбной культурно-исторической общности. А.Т. Синюк, вслед за И.Н. Шарафутдиновой относит их к захоронениям жрецов или вождей-жрецов, отмечая, что, как правило, подобные погребения являются основными в курганах (Синюк А.Т., 1996, с. 309; Шарафутдинова И.Н., 1980, с. 60-70). В подтверждение этого предположения можно отметить катакомбное погребение из Северо-Восточного Приазовья (Бурлацкое 3/4), вещевой комплекс которого включал орудия мастера по изготовлению стрел, деревянное блюдо и тщательно зашлифованный каменный топор. Кроме того, здесь были выявлены и детали посмертной реконструкции лица погребенного (Санжаров С.Ж., 1991, с. 242-248). В.В. Отрощенко и С.Ж. Пустовалов считают, что моделирование черепов является признаком принадлежности умерших к социально значимым слоям населения (Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1987, с. 146-149).

Своеобразно костяное изделие из погребения 3/6 у с. Архиповка (рис. 2, 1; 3, 19, 22), которое, видимо, принадлежит кругу медальонов. Они получили распространение в эпоху средней бронзы, имели различные форму (в том числе и круглую с ушком, как у архиповской находки) и размеры, изготавливались из различных материалов – металла, кости, рога (Рогудеев В.В., 2004, с. 192-194, рис. 2, 1-3; Кияшко А.В., 1999, рис. 97, 6, 10, 11). Медальоны на шнурах располагались на шее, поясе, у руки погребенного. Эти костяные изделия, имевшие сакрально-религиозное значение, являются, вероятно, подражанием металлическим медальонам (Рогудеев В.В., 2004, с. 192).

Сарматские погребения, обнаруженные в курганах 4-6 могильника у с. Архиповка дополнили коллекцию материалов сарматской культуры первых веков н.э. лесостепного Дона. Тип погребальных сооружений, ориентировка могил, скелетов и обряд в целом находят массовые аналогии в материалах сарматских курганов средне и позднесарматской культуры степей Нижнего Дона и Нижнего Поволжья.

Погребение 4 в кургане 3 содержало лепную глиняную курильницу в виде стопки с отверстием в стенке (рис. 3, 3). Курильницы этого типа бытовали на всем протяжении сарматской культуры (Смирнов К.Ф., 1973, рис. 1; Илюков Л.С., Власкин М.В., 1992, с. 198).

Каменные сосуды, имевшие явно ритуальное назначение (Скрипкин А.С., 1990, с. 98), изготавливались из мягких пород камня и часто повторяли форму керамических сосудов. Они нечасто, но встречаются в сарматских погребениях, в которых явно присутствует жреческий характер захоронения (Ковпаненко, Г.Т., 1986, с. 64, рис. 65). Архиповский экземпляр повторяет форму небольших круглодонных сарматских лепных сосудов (Скрипкин А.С., 1990, рис. 11).

Ближайшей аналогией красноглиняному гончарному кувшину импортного производства является похожий кувшин из погребения 1 кургана 2 Архиповского могильника

(Березуцкая Т.Ю., Березуцкий В.Д., 2002, рис. 6, 3), а также красноглиняный кувшин из погребения 3 кургана 14 I Бережновского могильника (среднесарматская культура) (Синицын И.В., 1959, с. 79, рис. 19, 4). А.С. Скрипкин датирует подобные кувшины (тип ТЗ, по классификации исследователя) I в. н.э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 160, рис. 16). Не исключено, что подобные импортные кувшины на кольцевом поддоне привезены из боспорских керамических центров (Степи..., с. 181). Не противоречит этой дате и фрагмент миски из погребения. Большинство мисок встречено в памятниках I-II вв. н.э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 160).

Таким образом, наиболее вероятная дата совершения погребения – I в. н.э. Характер погребения свидетельствует о захоронении женщины-сарматки со жреческими функциями.

Погребение в кургане 4 содержало железный меч с рукоятью-штырем без перекрестья и навершия (рис. 4, 3). Подобные мечи датируются II-IV вв. н.э., но появляются раньше этого времени, уже в раннесарматское время в уже сложившемся виде (Скрипкин А.С., 1990, с. 132, 133). А.М. Хазанов разделил мечи с рукоятью-штырем без перекрестья и навершия на два типа: мечи с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять-штырь (как у архиповского экземпляра. – В.Б., Л.М.), которые исследователь датировал, главным образом, I-II вв. н.э., и мечи, основание клинка которых образует прямой угол с рукоятью-штырем (наиболее распространены в III-IV вв.) (Хазанов А.М., 1971, с. 17). А.С. Скрипкин не согласился с таким категоричным утверждением хронологического распределения мечей, приведя примеры наличия мечей, датированных А.М. Хазановым III-IV вв. н.э., в комплексах более раннего времени (Скрипкин А.С., 1990, с. 132, 133). Это, как представляется, не умаляет значения выводов А.М. Хазанова, но вносит в его взгляды необходимые коррективы.

Сероглиняный лощеный кувшин из погребения близок типу М14, по А.С. Скрипкину, и характерен для погребений I – второй половины II вв. н.э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 50). Остальные предметы погребального инвентаря не уточняют дату захоронения – I-II вв. н.э.

Погребение в кургане 5 содержит наиболее надежный материал для датировки погребения – лучковую фибулу с подвязной ножкой (рис. 5, 4). Этот тип изделий является одним из распространенных. По типологии А.К. Амброза, архиповскую находку следует отнести ко второму варианту этой серии, для которого, в отличие от первого варианта, характерны большие размеры, большая прогнутость дужки и большая проковка ножки. Исследователь датирует подобные фибулы I в. н.э., в основном, его второй половиной. Отдельные экземпляры могли заходить и во II в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 48-49). Последний признак отсутствует для архиповской фибулы, что, впрочем, объяснимо: четкие признаки, характеризующие два варианта лучковых фибул, часто перекрещиваются (Скрипкин А.С., 1990, с. 109).

Обломок бронзового зеркала, без сомнения, принадлежит плоским дисковидным зеркалам, которые широко известны в сарматских курганах, некрополях античных городов Восточной Европы (Скрипкин А.С., 1990, рис. 34, 1-10; Сымонович Э.А., 1983, с. 97; Хазанов А.М., 1963, с. 63 и др.). Этот тип зеркал характерен для I в. до н.э. – I в. н.э. (Скрипкин А.С., 1990, рис. 44).

Кувшин из погребения (рис. 5, 7) близок типу М17, по классификации А.С. Скрипкина, и датируется I – второй пол. II вв. н.э. (Скрипкин А.С., 1990, рис. 45). Сосцевидные налепы на плечиках горшка из погребения характерны для позднесарматских могильников (Скрипкин А.С., 1984, рис. 8, 3). Таким образом, погребение можно датировать, вероятнее всего, второй половиной I в. н.э.

Погребение в кургане 6 не имеет датирующих предметов погребального инвентаря. Можно предположить, что фрагменты бронзового зеркала принадлежат тому же типу зеркал, что и в погребении кургана 5 (рис. 6, 4). Этому не противоречит ориентировка погребенной женщины – головой на юг. Предположительная дата захоронения – I-II вв. н.э.

В итоге оказывается, что пять сарматских погребений, обнаруженных в Архиповском могильнике, имеют сравнительно узкий хронологический диапазон – I в. н.э. и I-II вв. н.э. В реальности, вполне вероятно, этот диапазон был еще уже.

Курган 2 в могильнике у с. Вервеевка содержал два погребения эпохи средневеко-

вья. Материал кургана был опубликован В.В. Кравцом, который не только датировал погребения золотоордынским временем (погребение 2 – второй половиной XIV в.), но и дал им этнокультурную атрибуцию (Кравец В.В., 2001, с. 236). Исследователю тогда не был известен результат анализа монеты, проведенный недавно Е.Ю. Гончаровым, за что авторы статьи выражают ему признательность. Таким образом, дату погребения 2 можно уточнить: монета Джанибека, чеканена в Сарае ал-Джедиде в 743 г.х. (1342/43 гг.). Вес монеты 1, 492 г.

- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д.1-30. М.
- Березуцкий В.Д., 2001. Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2000 г // Архив ИА РАН.
- Березуцкий В.Д., 2002. Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2001 г // Архив ИА РАН.
- Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени на юге Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.
- Березуцкий В.Д., 2003. Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2002 г // Архив ИА РАН.
- Березуцкий В.Д., 2004. Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.
- Березуцкая Т.Ю., 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж.
- Березуцкая Т.Ю., Березуцкий В.Д., 2002. Архиповские курганы // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.
- Бойков А.А., 1989. Отчет об исследованиях в Богучарском районе Воронежской области в 1988 г. // Архив ИА РАН.
- Бойков А.А., 1990. Отчет об исследованиях в Богучарском районе Воронежской области в 1989 г. // Архив ИА РАН.
- Бойков А.А., 1990. Курганный могильник «Высокая Гора» на юге Воронежской области // Археологические исследования в центральном Черноземье в 12 пятилетке: Тез. докл. науч. конф. Белгород.
- Братченко С.Н., 1976. Нижнее Поволжье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Ильюков К.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.
- Кияшко А.В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Ковпаненко Г.Т., 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев.
- Кравец В.В., 2001. Погребения кочевников X-XIV вв. на юге Воронежской области // Верхнедонской археологический сборник. Липецк. Вып. 2.
- Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая Гора на юге Воронежской области» // Донская археология. №3, 4.
- Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1987. Моделирование лица по черепу у племен катакомбной общности // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. науч. конф. Киев.
- Погорелов В.И., 1985. Раскопки курганов на юге Воронежской области // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж.
- Погорелов В.И., 1988. Погребения катакомбного типа 2-го Павловского могильника // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1993. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Воронеж.
- Рогудеев В.В., 2004. Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Ростов-на-Дону. Т. I.
- Санжаров С.Ж., 1991. Позднекатакомбные погребения из Северо-Западного Приазовья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.
- Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1957 гг.) // МИА. № 60.
- Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы среднего Дона. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1994. Отчет об археологической разведке в 1993 в окрестностях г. Богучара // Архив ИА РАН.
- Синюк А.Т., 1995. Отчет об археологических исследованиях за 1994 г. // Архив ИА РАН.
- Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Скрипкин А.С., 1989. Азиатская Сарматия. Саратов.
- Степи..., 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Степкин В.В., 2002. Отчет об археологической разведке в Павловском районе Воронежской области в 2001 г. // Архив ИА РАН.
- Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев.
- Черняков И.Т., Никитин В.И., 1988. Металлические украшения с пуансонным орнаментом ямной и катакомбной культур // СА. № 4.
- Шарафутдинова И.Н., 1980. Орнаментовані сокири-молотки в катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. № 30.
- Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских зеркал // СА. № 4.
- Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Первый научный анализ древностей бронзового века Среднего Дона связан с деятельностью Г.В. Подгаецкого, который обобщил накопленные в конце XIX – 20-30-х гг. XX века археологические источники*.

Результатом первых исследований Г.В. Подгаецкого был доклад «О непрерывном развитии хозяйства общества эпохи бронзы на территории бассейнов Дона и Донца», в котором рассматривались материалы с позиции стадияльного развития общества. Высказывая точку зрения на формирование срубной культуры на основе катакомбной, он рассматривал их как две стадии развития единого древнего населения. Эти взгляды нашли отражение в изданной в 1935 г. книге «Родовое общество степей Восточной Европы», написанной совместно с А.П. Кругловым (Пряхин А.Д., 1999, с. 35).

К концу 30-х гг. наблюдается постепенный отход Г.В. Подгаецкого от теории стадияльности, что нашло отражение в ряде статей и основных положениях диссертационного исследования «Предскифский (доскифский) период на Среднем Дону» (Пряхин А.Д., 1999, с. 40).

Эпоху бронзы Г.В. Подгаецкий разделил на два этапа. Ранний этап связан с бытованием на Среднем Дону племен катакомбной культуры, которая на позднем этапе трансформируется в срубную. Он выводит из биконических сосудов катакомбной культуры острореберную керамику срубной культуры (Пряхин А.Д., 1999, с. 41). Все изделия из бронзы – ножи, браслеты, разделены по двум хронологическим этапам (археологическим культурам).

Несмотря на последовательное рассмотрение археологических материалов через призму теории стадияльности, Г.В. Подгаецкий выделяет ряд вариантов в катакомбной и срубной археологических культурах. Для катакомбной – среднедонской и донецкий, а для срубной – среднедонской, хвалынский, донецкий, нижнедонской (Пряхин А.Д., 1999, с. 43, 45).

Г.В. Подгаецкий датировал культуры Среднего Дона: неолит – первая половина II тысячелетия до н.э., катакомбная культура – вторая половина II тысячелетия до н.э., срубная культура – начало I тысячелетия до н.э. (Пряхин А.Д., 1999, с. 42). Последняя сыграла роль в формировании сейминской, абашевской и поздняяковской культур (Пряхин А.Д., 1999, с. 46).

Несмотря на то, что многие положения о культурах эпохи бронзы, высказанные Г.В. Подгаецким, претерпели радикальные изменения, его работа явилась первым научным анализом донских памятников археологии, выполненным на высоком научном уровне, соответствующем теоретическим представлениям того времени.

В сороковых годах XX века в отечественной археологии происходит отказ от теории стадияльности и возвращение на новом уровне анализа к археологическим культурам, что, в свою очередь, потребовало по-новому проанализировать накопленные материалы. О.А. Кривцова-Гракова проводит критический анализ существующих взглядов на периодизацию и развитие культур бронзового века от Днепра до Тобола, группируя известные памятники по археологическим культурам (Кривцова-Гракова О.А., 1949).

В обобщающей работе «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы» О.А. Кривцова-Гракова наиболее подробно изложила свои взгляды на культурогенез и хронологию памятников степи и лесостепи Восточной Европы (Кривцова-Гракова О.А., 1955). На основании анализа керамического материала ею выделены два периода сруб-

*Полученные членами ВУАК, а также раскопками С.Н. Замятина, П.П. Ефименко, В.И. Равдоникаса и Н.В. Валукинского. Наиболее полное освещение научной деятельности Г.В. Подгаецкого сделано А.Д. Пряхиным (Пряхин А.Д., 1968; 1969; 1999).

ной культуры (первый период - XV-XIII вв. до н.э., второй - XIII-VIII вв. до н.э.) (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с.7). Срубная культура формируется на основе полтавкинской культуры в Нижнем Поволжье, откуда она распространяется на западные территории степи и лесостепи. Своеобразие срубной культуры на Среднем Дону она видит не только в отсутствии памятников второго этапа, но и в наличии в материалах погребений курганных могильников Попова Дача и на ул.Громова, исследованных Н.В. Валукинским в пределах г. Воронежа, элементов полтавкинской культуры, а в материалах Скорняковских курганов и с поселения Левобережного Костенковского черт катакомбной культуры (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с. 86). Это связано с представлениями как о распространении полтавкинской культуры в Донском Левобережье, а катакомбной в Правобережье, так и о одновременности процесса проникновения носителей срубной культуры в Подонье (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с. 86). Подход к оценке срубных древностей О.А. Кривцовой-Граковой был принят большинством исследователей бронзового века в конце 50-х - первой половине 60-х гг.

В 1964 г. вышла книга П.Д. Либера «Племена Среднего Дона в эпоху бронзы», являвшаяся подведением итогов археологических изысканий А.И. Мартиновича, А.И. Дольского, М.П. Юргенсон, Н.В. Валукинского, Г.В. Подгаецкого, В.А. Городцова, А.Н. Москаленко и других исследователей. Приведен также анализ новых материалов, полученных в результате работы Воронежской лесостепной скифской экспедиции ИИМК (Либера П.Д., 1964).

Многие позиции П.Д. Либера в оценке периодизации и хронологии археологических культур эпохи бронзы совпадают с выводами Г.В. Подгаецкого. Это было связано как с поисками местных корней сложения культур раннего железного века, так и с выбором системы датировок.

П.Д. Либера исходил из предположения, что влияние среднедонской катакомбной культуры на формирование погребального обряда раннего железного века было ведущим, а, следовательно, ее верхняя дата должна, по меньшей мере, относиться к рубежу I – II тысячелетий до н.э. Влияние срубной культуры на памятники среднедонской катакомбной культуры П.Д. Либера видел в формировании биконических сосудов катакомбного населения под воздействием острореберных, что прямо противоположно выводам Г.В. Подгаецкого. На основании наблюдения, что на керамике срубной культуры присутствуют андроновские элементы орнамента, которые не могли проникнуть на Средней Дон ранее XIII века до н.э., он датировал этим временем ранний пласт срубных памятников Среднего Дона.

Появление срубной культуры на Среднем Дону, по мнению П.Д. Либера, носило характер постепенного миграционного процесса с территории Нижней Волги. Им отвергалась дата (XV – XVI века до н.э.), предложенная Т.Б. Поповой, как рубеж появления памятников срубной культуры (Попова Т.Б., 1955, с. 33). Датировочные аналогии срубным погребениям Подонья определяются памятниками типа Ягодного и Хрящеватовки, датированные Н.Я. Мерпертом последней четвертью II тысячелетия до н.э. (Мерперт Н.Я., 1958, с. 150).

Памятники абашевской культуры на Среднем Дону синхронизировались П.Д. Либера с памятниками катакомбной и срубной культур. Он рассматривал территорию Средней Волги как очаг формирования абашевской культуры, откуда позднее она распространилась на более южные территории от Дона до Урала. При этом дата ее появления в Подонье определялось датой Пепкинского кургана, как наиболее поздней для памятников Средней Волги. Им отмечалась аналогичность глиняных тиглей и литейных форм из Пепкинского кургана и с поселения Баланбаш, которые близки литейной форме из погребения Кондрашовской группы на Дону (Халиков А.Х. и др., 1966, с. 23). Тем самым П.Д. Либера предполагает с XIII в. до н.э. сосуществование трех культур бронзового века.

В последующие шестидесятые и семидесятые годы, несмотря на расширение источниковой базы и появление новых методов исследования и более раннего датирования

памятников бронзового века лесостепного Подонья, он остался верен ранее высказанной точке зрения (Либеров П.Д., 1978).

Принципиально важными для понимания многих вопросов истории срубной культуры явились итоги исследований абашевских древностей. Работы А.Х. Халикова, К.В. Сальникова, Е.Н. Черных, А.Д. Пряхина, В.С. Горбунова и др. показали роль, которую играли абашевские племена в исторических судьбах населения Евразии бронзового века.

Совершенно в ином свете предстал, например, вопрос взаимодействия абашевского и срубного населения. Установление общих хронологических рамок абашевских древностей привело к заключению, что поздний период их существования совпадает по времени с началом срубной общности. Этот хронологический отрезок бронзового века отмечен интенсивными срубно-абашевскими контактами. Их весьма разнообразный характер подтверждается серией фактов, в том числе и наличием комплексов смешанного облика, сочетающих абашевские и срубные черты. По свидетельству археологических источников, наиболее активной зоной контактов было Поволжье, где число подобных комплексов особенно велико.

Рассматривая памятники абашевской культуры, А.Д. Пряхин затрагивает и проблему появления памятников срубной культуры в лесостепном Подонье, исходя из господствующего представления о формировании срубной культуры на территории Нижнего Поволжья. Стратиграфические наблюдения на поселениях Масловском, у Вогресовской дамбы, Боровском и Чижевском 4 позволили А.Д. Пряхину высказать мнение о предшествовании абашевской культуры срубной (Пряхин А.Д., 1971, с. 186-187). Аналогичные наблюдения были подтверждены на материалах подкурганых захоронений могильников Сады, Средняя Опочка, Владимировка, Частые курганы (Пряхин А.Д., 1971, с. 189). Исходя из стратиграфических наблюдений, он опровергает схему П.Д. Либерова и располагает хронологически последовательно катакомбную, абашевскую и срубную культуры.

На ряде памятников Подонья им выделяются комплексы, несущие смешанные материалы абашевской и срубной археологических культур. А.Д. Пряхин видит в этом явлении постепенную инфильтрацию срубного населения на территорию Верхнего и Среднего Дона и датирует этот процесс концом третьей - началом последней четверти II тыс. до н. э. (Пряхин А.Д., 1971, с. 190-191).

В книге «Погребальные абашевские памятники», посвященной анализу памятников абашевской культурно-исторической области, А.Д. Пряхин для памятников позднего этапа выделяет группу синкретических абашевско-срубных и абашевско-алакульских комплексов (Пряхин А.Д., 1977, с. 119). Именно как синкретические, по его мнению, должны рассматриваться погребения Покровских и Синташтинских могильников. Их он связывает с началом сейминского хронологического горизонта, датируемого Е.Н. Черных XVI - XV вв. до н.э. (Пряхин А.Д., 1977, с. 121).

В феврале 1978 г. в г. Куйбышеве прошло совещание по проблемам срубной культурно-исторической общности, материалы которого были изданы. Н.Я. Мерперт и А.Д. Пряхин высказали мысль, что формирование срубной культуры не может сводиться к проникновению с юга степных скотоводов и проходить только на основе полтавкинских древностей. Ими отмечается возможная трансформация доно-волжской абашевской культуры в срубную (Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., 1978, с.10).

В большинстве докладов участников совещания 1978 г. было высказано мнение о многокомпонентном характере процесса сложения срубной культуры. Это послужило основанием для поиска генетических связей с местными культурами эпохи средней бронзы. Тем самым были обозначены главные линии исследований генезиса срубной культуры и выявлены основные направления критики традиционной «полтавкинской» гипотезы.

Суммированные результаты исследований древностей бронзового века степи и лесостепи Восточной Европы привели к выводу, что многие концепции в оценке срубной общности нуждаются в пересмотре. В первую очередь, требовала новых решений периодизация срубных памятников. По мере накопления материалов выявились некоторые несоответствия в абсолютном датировании срубных комплексов. Главная причина заключалась в том, что разработки такого рода опирались на ограниченные категории источников. Это заставило обратиться к углубленной и широкой системе относительной хронологии. Стало очевидным, что в современных условиях, учитывая как территориальные, так и количественные масштабы срубной общности, уже невозможно решение проблемы ее общей периодизации. Более целесообразным представлялись исследования региональных групп памятников с последующим их сопоставлением.

Главными источниками построения периодизационной схемы срубных древностей явились курганные могильники. Такой выбор обусловлен, прежде всего, наличием в них курганной стратиграфии. В методическом отношении их анализ представлял собой дальнейшую модификацию системного подхода, применяемого Н. Я. Мерпертом к срубным и древнеямным памятникам, который показал, что наиболее информативными оказываются те курганы, где фиксируется не прямая вертикальная стратиграфия, то есть непосредственное перекрытие одного погребения другим, а горизонтальная. Под ней подразумеваются случаи, когда на основании количества досыпок насыпи, рвов, материковых выкидов из могил удастся установить временную последовательность захоронений в кургане (Качалова Н. К., 1979. С. 28—38).

В 1982 г. в г. Куйбышеве состоялось второе совещание по проблемам срубной культурно-исторической общности, на котором были сделаны обобщения имеющихся исследований в области периодизации, выделения характерных черт погребального обряда, характеристики поселенческого материала и культурогенеза срубных археологических культур, объединенных в единую общность. По материалам совещания в 1985 г. был издан сборник из пяти статей, посвященных региональным срубным культурам, и теоретической статьи Н.Я. Мерперта.

Следует отметить, что большинство авторов сборника рассматривали Нижнее Поволжье как центр формирования срубной культуры и распространения ее отсюда на сопредельные территории. Региональные различия срубных культур обусловлены сохранением черт археологических культур средней бронзы, участие которых в формировании новой культуры носило подчиненный характер.

В статьях Н.К. Качаловой и И.Б. Васильева, О.В. Кузьминой, А.П. Семеновой о периодизации срубных памятников Нижнего Поволжья и лесостепного Поволжья отмечается, что кроме полтавкинской культуры в процессе культурогенеза принимали участие отдельные группы катакомбного и абашевского населения (Качалова Н.К., 1985, с.43; Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985, с. 73). Особо обращалось внимание на то, что эти процессы носили характер перерастания, а не ассимиляции.

Обрядовые группы погребений, согласно их стратиграфическому положению с проверкой по всем курганным могильникам, получили распределение в шкале относительной хронологии. Соотношение их с типологическими категориями инвентаря, в первую очередь керамики, дали возможность выделения хронологических горизонтов срубных погребений. В итоге проделанной работы выделено четыре этапа развития культуры срубных племен Нижнего Поволжья (Качалова Н. К., 1985. с. 28—59), первый из которых именовался бережновским.

Схожесть отдельных абашевских компонентов в материалах бережновского и покровского этапов позволяют их синхронизировать. И тем самым процесс сложения срубной культуры в степной и лесостепной зонах Нижнего Поволжья приобретает схожие черты.

В 1974 г. Н.Я. Мерпертом была предложена методика выделения обрядовых групп по материалам подкурганных погребений (Мерперт Н.Я., 1974). Метод основан на представлении об устойчивости положения и ориентировки погребенного в рамках археологической культуры, обусловленной религиозными представлениями и традицией. В ос-

нове метода лежит принцип иерархического построения отдельных фиксируемых элементов погребального обряда – положение и ориентировка погребенного.

Методика выделения обрядовых групп была применена А.Т. Синюком и В.И. Погореловым при решении вопросов хронологии и культурогенеза срубной культуры Среднего Дона (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985). В качестве ведущих признаков были взяты позиция и ориентировка костяка и определены три обрядовые группы: скорчено на правом боку, скорчено на левом боку и скорчено на спине. Каждая из групп подразделялась на подгруппы в зависимости от ориентировки костяков (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 124-125). Для выделения хронологических этапов были привлечены данные стратифицированных курганов, которые позволили указать на ранний характер погребений, в которых погребенные были положены на правый бок, и их стыковку с заключительным этапом бытования среднедонской катакомбной культуры (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 125, 126).

Единство погребального обряда погребений подгруппы «а» первой группы (положение умершего на левом боку с кистями рук у лица с северной ориентировкой) и позднекатакомбных А.Т. Синюком и В.И. Погореловым видится в присутствии астрагалов, бус из голубой пасты, бронзовых сферических пустотелых серег с усиками, керамических сосудов с прочерченным орнаментом и некоторых орнаментальных композиций (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 132). Еще в рамках среднедонской катакомбной культуры появляются погребения на левом боку, что может рассматриваться как явление стадиального характера, а не как перерастание или влияния извне. По мнению авторов, это указывает на хронологическое смыкание памятников катакомбной и срубной культур (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 132, 133).

Целый ряд признаков данных погребений невозможно вывести из местной позднекатакомбной среды и объяснять изменениями стадиального характера. К ним относятся стройные пропорции и формы срубных сосудов, орнаментация крупногребенчатым штампом, зигзаговые и меандровые композиции. Нет соответствий и в типах бронзовых ножей и подвесок, костяных изделий с резьбой. Это указывает на инокультурное воздействие (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 133).

Черты влияния доно-волжской абашевской культуры в южной части лесостепного донского региона носят опосредованный срубной культурой характер, что, по мнению авторов, связано с процессом их взаимовлияния на более восточных и юго-восточных территориях (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 134).

А.Т. Синюком и В.И. Погореловым предложено хронологическое разделение донской срубной культуры на два периода. Материалы памятников первого (раннего) периода синхронизируются с первым этапом срубной культуры Нижнего Дона, со старшими покровскими погребениями Нижнего Поволжья, с маевской группой Поднепровья. На немногочисленных погребениях Среднего Дона фиксируются позднеполтавкинские и раннесрубные черты, что может быть связано с инокультурными проникновениями в позднекатакомбное время. Они синхронизируются с поздними бережновскими погребениями Нижнего Поволжья и вторым хронологическим горизонтом КМК в левобережном Поднепровье (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 137).

Решение вопроса периодизации срубных памятников Среднего Дона и их соотношения с катакомбными и абашевскими древностями было предложено А.Т. Синюком и В.И. Погореловым в статье «О раннесрубных погребениях на Среднем Дону» (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986). Ими были проанализировано более тридцати погребений девяти курганных могильников, некоторые из которых имели прямую стратификацию (погребения 4 и 5 кургана №2 Песковского и погребения 6 и 8 кургана №47 Павловского курганных могильников) (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986, с. 88, 90). Сравнение признаков погребений нижнего и верхнего стратиграфических горизонтов позволили вы-

явить отсутствие охры и органической подстилки у поздних погребений (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986, с. 90). При этом указывалось, что астрагалы, присутствующие в погребении 8 кургана № 47 Павловского могильника, свидетельствуют о влиянии катакомбной культуры (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986, с. 90). Аналогичное взаимодействие отмечено в погребении 3 кургана 2 Новомеловатского могильника (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986).

К катакомбным чертам были отнесены положение погребенного скорчено на правом боку, как и в позднекатакомбных погребениях пятой обрядовой группы Павловского курганного могильника, сосуды катакомбного типа, деревянные чаши с бронзовыми хомутиками, нож с параллельными лезвиями и ромбической расковкой острия позднекатакомбного типа (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986, с. 90, 91).

По мнению авторов, раннесрубные погребения Среднего Дона имеют черты, сближающие их и с комплексами Покровских курганов первой (ранней) хронологической группы. Они датируются верхней хронологической границей бытования среднедонской катакомбной культуры – XV – XIV вв. до н. э., старше бережновского этапа (XVI – XV вв. до н.э.) срубной культуры Нижнего Поволжья и синхронны покровскому этапу (XV – XIV вв. до н.э.) (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986, с. 93).

В 1988 г. вышла монография А.Д. Пряхина и Ю.П. Матвеева «Курганы эпохи бронзы Побитюжья», в которой подробно рассматривались погребальные памятники доново-волжской абашевской и донской лесостепной срубной археологических культур (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988).

В процессе формирования погребального обряда, по мнению авторов работы, особое значение приобретают погребения, в материалах которых фиксируется сочетание абашевских и срубных черт, выявленное Н.К. Качаловой в степном Поволжье и А.Д. Пряхиным в Подонье (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 133). Признаки, характерные для доново-волжской абашевской культуры – уплощенная насыпь кургана, круговые внемогильные конструкции, использование огня, остатки тризн и жертвоприношений в виде костей животных на перекрытии могильных ям, размещение сосудов и инвентаря на перекрытии и наиболее характерный признак керамических сосудов – колоколовидность, примесь толченой раковины в тесте, по мнению авторов, продолжают сохраняться в погребениях позднего этапа, включая погребения, интерпретируемые как абашевско-срубные и срубно-абашевские. От традиционных абашевских их отличает скорченное положение умерших, распространение баночной формы керамических сосудов и новые формы металлических изделий. Эти изменения, по мнению авторов, могут отражать как процессы ассимиляции разнотипных групп населения, так и саморазвитие в рамках одной культуры (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 134).

Тезис о процессе перерастания абашевского погребального обряда проиллюстрирован нестратифицированными материалами курганов Софьинского и Первого Левобережного Березовского могильников (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 135). Исчезновение из погребального обряда абашевских черт объясняется постепенным изменением мировоззрения древнего населения (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 136).

Рассматривая вопрос о сложении погребального обряда, авторы особо уделяют внимание критическому разбору фактов об участии в этом процессе населения среднедонской катакомбной культуры, приведенных в ряде работ А.Т. Синюком и В.И. Погореловым. В частности, смешанные катакомбно-срубные комплексы погребений из курганов Дальние Солонцы, Платавского выводятся за пределы возможного научного анализа в связи с плохой сохранностью погребений и неоднозначностью стратиграфических данных (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 142). А погребение 3 кургана 2 Новомеловатского могильника отнесено к среднедонской катакомбной культуре

(Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 143). Основанием отнесения погребения 3 кургана 2 Новомеловатского могильника к катакомбной культуре послужило наличие сферической пустотелой бронзовой серьги, орнаментация первого сосуда и присутствие астрагала - элементов, характерных для погребений среднедонской катакомбной культуры. На эту специфику данного погребального комплекса было обращено внимание при его публикации (Погорелов В.И., 1985, с. 90; Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 132; Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986, с. 90; Синюк А.Т., 1996, с.226). Поза погребенного скорченно на левом боку с кистями рук у лица и ориентировка костяка на север также встречаются в погребениях третьего, заключительного этапа среднедонской катакомбной культуры (Синюк А.Т., 1996, с. 135). Но данная поза отмечена в поздних погребениях доно-волжской абашевской культуры (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 135), а для донской лесостепной срубной культуры является ведущей (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 124). Следовательно, на основании только этого критерия нельзя давать однозначное культурное определение погребению.

К раннему этапу срубной культуры это погребение было отнесено автором на основании наличия в погребении второго сосуда, который по форме, наличию в тесте примеси песка и извести, обработке внешней поверхности крупными расчесами имеет прямые аналогии в поздних абашевских и раннесрубных комплексах Среднего Дона (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 147). Наличие астрагалов также не может быть безусловным индикатором катакомбных древностей, так как они присутствуют в погребениях доно-волжской абашевской культуры (погребение 3 Петропавловского грунтового могильника) и донской лесостепной срубной культуры (погребения 2 и 7 кургана 2 Первого Богучарского, погребения 1 кургана 1 Старая Калитва, погребения 2, 3, 4 и 7 кургана 2 Новомеловатского курганных могильников) (Погорелов В.И., 1989, с.101, рис. 3, 1-4; Синюк А.Т. 1996, с. 239, таб. 21; Ефимов К.Ю., Чекменев Ю.А., 1996, с. 196; Погорелов В.И., 1985, с. 78-80). Из всего вышесказанного следует, что погребение 3 кургана 2 Новомеловатского могильника представляет сочетание черт финальных этапов местных катакомбной и абашевской археологических культур, что и служит основой формирования элементов местной срубной культуры.

В качестве доказательства хронологической нестыковки этих двух культур на территории лесостепного Подонья выдвигается тезис о разделяющем их пласте памятников воронежской культуры. Исходя из этой схемы, А.Д. Пряхин и Ю.П. Матвеев предлагают синхронизировать погребения финального этапа среднедонской катакомбной и первого этапа доно-волжской абашевской археологических культур (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 143).

В статье А.Т. Синюка, В.И. Погорелова и в книге А.Д. Пряхина, Ю.П. Матвеева были высказаны идеи, ставшие исходными как для решения отдельных проблем формирования срубной культуры Подонья, так и для критики.

Развитие предложенной А.Д. Пряхиным и Ю.П. Матвеевым модели перерастания доно-волжской абашевской культуры в срубную стало определяющей в исследованиях и публикациях ряда воронежских археологов в 90-е годы.

Основной проблемой доказательства процесса перерастания являлось отсутствие стратифицированных курганов, имеющих погребения, в материалах которых отражались бы все этапы срубного культурогенеза. Исследования курганных могильников у хут. Шкарин Бобровского района и Подгорное-1 Калачеевского района Воронежской области позволили А.Д. Пряхину и Ю.П. Матвееву стратиграфически обосновать выдвинутую ими гипотезу (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1993; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994). Погребения кургана № 5 могильника у хут. Шкарин распределяются по четырем стратиграфическим горизонтам, фиксирующим последовательную смену катакомбной, абашевской, абашевско-срубной и срубной археологических культур (Пряхин А.Д., Матвеев

Ю.П., 1993, с. 46–48). В курганный насыпь, возведенную над катакомбным погребением № 3, были впущены погребения, относимые авторами к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры, материалы которых имеют аналогии в погребениях покровского типа Поволжья (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1993, с. 46–47). Третий горизонт связан с погребениями № 6, 7, в тесте найденных здесь керамических изделий отмечена примесь толченой раковины, что позволяет считать их срубно-абашевскими (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1993, с. 44, 46, 47). Последующее погребение № 8 уже относится к собственно срубной культуре (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1993, с. 48).

Большинство из 22 погребений кургана № 5 могильника Подгорное-1 были распределены по пяти стратиграфическим горизонтам (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994). По мнению авторов, стратиграфическое распределение погребений подтверждает вывод о хронологической последовательности абашевских, абашевско-срубных и срубных комплексов (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 47).

К первому стратиграфическому горизонту отнесено основное погребение № 17, представлявшее собой обширную яму, перекрытую бревнами с остатками жертвенного животного на них. Плохо сохранившийся костяк позволил предположить положение погребенного на спине. В тесте фрагментов сосуда присутствовала толченая раковина. Приведенные выше признаки характерны для погребального обряда доно-волжской абашевской культуры, а форма и орнаментация горшка позволяет отнести время совершения здесь захоронения к наиболее позднему этапу бытования культуры (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 39).

Второй стратиграфический горизонт связан с погребениями № 11, 12, 16, совершенными в ямах с деревянными перекрытиями. В погребении № 11 костяк располагался скорченно на левом боку с руками у лица в позе, характерной для срубной культуры. Сосуды имели незначительную примесь толченой раковины в тесте, в погребении № 11 один из них был поставлен на перекрытие. Все это в совокупности позволило авторам увидеть в погребениях проявление абашевских традиций и определить их как абашевско-срубные (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 38, 39).

Третий горизонт представлен погребениями № 12, 10 и определяется авторами как наиболее ранний срубный. По их мнению, такая черта погребального обряда, как наличие деревянного перекрытия могильной ямы и расположение сосуда на нем, восходит к абашевско-срубной (покровской) традиции (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 43). Остальные два стратиграфических горизонта представлены погребениями срубной археологической культуры.

В качестве главного культуроопределяющего признака авторами называется керамический материал. Специфика переходной (абашевско-срубной) керамики заключается в абашевской традиции приготовления керамической массы (примесь ракушки в тесте) и оформления венчика, совмещающей со срубной техникой орнаментации и оформления композиций. Другие элементы погребального обряда, как и традиции металлообработки и керамического производства, могли быть заимствованы у позднекатакомбных племен Среднего Дона. По мнению А.Д. Пряхина и Ю.П. Матвеева, погребения с абашевским инвентарем и срубным обрядом должны включаться в памятники абашевской культуры (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 48).

Различным аспектам анализа керамических материалов доно-волжской абашевской и срубной археологических культур был посвящен ряд статей В.И. Беседина, А.Д. Пряхина (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1990; Беседин В.И., Львович Е.А., 1991; Беседин В.И., 1992, 1994). Особое внимание уделялось анализу формовочных масс керамических изделий, которые были выдвинуты как основной критерий культурного определения материала. Отмечается для срубно-абашевской керамики сосуществование двух технологических традиций, заключавшихся в добавлении непластичных примесей – толченой раковины и шамота. Причем, традиция добавления раковины восходит к абашевской куль-

туре, а шамота - становится господствующей в срубное время (Беседин В.И., Львович Е.А., 1991, с. 52). Наличие в керамических изделиях шамота и раковины одновременно было объяснено использованием для получения шамота керамики с примесью толченой раковины.

Для анализа пятидесяти одного погребения Подклетненского могильника А.Д. Пряхиным и В.И. Бесединым был применен метод выделения обрядовых групп (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996). При выделении анализируемых элементов авторами было оговорено, что ориентировка будет условной в связи с плохой сохранностью останков погребенных, а позиция же костяка в этих условиях вообще не может подвергаться серьезному анализу (Пряхин А.Д. Беседин В.И., 1996, с. 35). В качестве ведущего признака была избрана ориентировка погребальной ямы по длинной оси по румбам от 0^0 до 180^0 (Пряхин А.Д. Беседин В.И., 1996, с. 36). Вторым выбранным признаком являются размеры погребальной конструкции, что может отражать как хронологические, так и социальные особенности. На основании этих критериев были выделены четыре обрядовые группы, керамический материал которых подтверждает их генетическое единство и хронологическую последовательность.

Но при детальном рассмотрении этих обрядовых групп выясняется, что погребение 1 кургана 3, в котором авторами указывалась иная ориентировка погребенного, включено в третью группу подгруппу «б» наряду с иными погребениями (Пряхин А.Д. Беседин В.И., 1996, с. 36, рис. 2). В тоже время, несколько погребений не вошли по параметрам ни в одну из обрядовых групп. Отсутствие представительной выборки стратифицированных курганов Подклетненского могильника ставит под сомнение выделение на его материалах хронологических этапов.

Проблеме контактов племен среднедонской катакомбной и доно-волжской абашевской археологических культур посвящена специальная статья Ю.П. Матвеева (Матвеев Ю.П., 1998). Автором признается значительное катакомбное влияние на материалы срубной культуры, фиксируемое как в позе погребенного (скорченно на левом боку), так и в традициях металлообработки, а также в совершении раннесрубных (покровских) погребений в катакомбных конструкциях (Матвеев Ю.П., 1998, с. 8). Но, исходя из точки зрения В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхина и Ю.П. Матвеева на хронологическое следование культур эпохи средней бронзы Подонья, следует предполагать восприятие срубными племенами катакомбных традиций через посткатакомбные культуры (КМК, воронежскую). Следовательно, племена катакомбной культуры могут контактировать только с абашевскими (Матвеев Ю.П., 1998, с. 9). Им рассмотрены комплексы катакомбной культуры с отдельными элементами абашевских технологических традиций в погребальном инвентаре и не фиксируются подобные заимствования в абашевских материалах, что было уже неоднократно отмечено (Пряхин А.Д. 1977, с. 102).

Время массового проникновения абашевского населения на территорию Среднего Дона Ю.П. Матвеевым относится к финальному этапу среднедонской катакомбной культуры, но начало этого процесса фиксируется на позднем (валиковом) этапе ее развитого периода, который синхронизируется с «относительно ранними памятниками» доно-волжской абашевской культуры» (Матвеев Ю.П., 1998, с. 19). Автором не указываются синхронизируемые им абашевские комплексы, что приводит к определенной размытости хронологических позиций.

Ю.П. Матвеев обобщил имеющиеся срубно-абашевские погребения Среднего Дона, которые, по его мнению, относятся к доно-волжской археологической культуре (Матвеев Ю.П., 1999). Он, как и в предшествующих работах, рассматривает эволюционный путь развития срубной культуры из доно-волжской абашевской.

Выдвинутая А.Д. Пряхиным и Ю.П. Матвеевым гипотеза оказала влияние на изучение металлургии эпохи бронзы Среднего Дона. А.С. Саврасовым было обращено внимание на преемственность в раннесрубных памятниках металлургических и металлооб-

рабатывающих традиций доно-волжской абашевской культуры (Саврасов А.С., 1990). Развивая это направление, А.Д. Пряхин и А.С. Саврасов выделили ряд общих черт, характерных для доно-волжской абашевской и срубной металлургии на Дону. Это подтверждается свидетельствами наличия комплексов полного производственного цикла, выплавки (плавки) металла и литья, кузнечной обработки на поселениях этих культур (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1996, с. 38, 41). Специально изготавливаемые плавильные чаши без ножек с поселений развитого и позднего этапов доно-волжской абашевской культуры (Шиловское, Левобережное к плотины) получают дальнейшее развитие в срубное время (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1996, с. 41). При изготовлении литейных форм абашевские традиции присутствуют в округлом оформлении обушковой части топоров, заготовок тесловидных орудий, «серпов», прутьевидных заготовок, ножей-кинжалов (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1996, с. 41, 42). Для процессаковки единство проявляется в применении молотов с перехватом (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1996, с. 42). Исходя из перечисленных фактов, авторы приходят к выводу, что «традиции абашевской металлургии являются базой, на которой строится в целом более поздняя металлургия срубников» (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1996, с. 43).

Практическое изучение возможного использования ланцетовидных заготовок, обнаруженных на литейных формах, относящихся к материалам позднего этапа доно-волжской абашевской культуры, позволило А.Д. Пряхину и А.С. Саврасову утверждать, что тип ножа-кинжала с перекрестием и ромбическим окончанием черенка был заимствован срубным населением от абашевского (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1998). При этом авторы не разделили анализируемые материалы на раннесрубные и собственно доно-волжские абашевские, а указание их в качестве памятников покровского типа не внесло культурно-хронологической ясности в исследуемую проблему (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1998, с. 27).

Идея эволюционного перерастания доно-волжской абашевской культуры в срубную на территории Среднего Дона была наиболее полно изложена в коллективной монографии «Дона-волжская абашевская культура», вышедшей в 2001 г. (Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б., 2001), хотя основная часть материалов и их интерпретация уже были освещены авторами в иных изданиях.

В 1991 г. была опубликована статья А.Т. Синюка «К проблеме хронологического соотношения абашевской, катакомбной и срубной культур в бассейне Дона» (Синюк А.Т., 1991). На основании стратиграфических наблюдений последовательности погребений кургана № 57 Павловского могильника, в котором в досыпку насыпи кургана, связанную с позднеабашевским погребением, (положение погребенного скорченно на левом боку, ориентировка в северо-восточную сторону горизонта), было впущено погребение в катакомбе, относимое автором к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры, делается вывод о возможности доживания местной катакомбной культуры до периода формирования срубной культуры (Синюк А.Т., 1991, с. 113). Здесь же был сделан вывод о взаимодействии катакомбной, абашевской и срубной традиций при участии КМК и воронежской культуры в процессе сложения донской срубной культуры (Синюк А.Т., 1991, с. 113).

В связи с тем, что полностью материалы кургана № 57 Павловского могильника были опубликованы А.Т. Синюком только в 2002 г. (Синюк А.Т., 2002), они оказались вне поля зрения других исследователей.

Материалы погребений кургана № 16 Первого Власовского могильника и Филатовского кургана поставили под сомнение правильность выдвинутой А.Д. Пряхиным схемы постепенного перерастания абашевской культуры в срубную на территории Подонья, так как в них наиболее отчетливо проявились культурные элементы более восточных территорий – Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995). В керамике присутствуют черты, характерные для

уральской (баланбашской) абашевской культуры, восточные аналогии прослеживаются и в сопроводительном инвентаре (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993, с. 22-25). А керамический комплекс погребения 3 кургана №16 Первого Власовского могильника свидетельствует о единовременном сочетании позднекатакомбных, доновожских и уральских (баланбашевских), полтавкинских, петровских и раннесрубных традиций (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993, с. 25, 26).

В монографической работе, посвященной анализу культур эпохи бронзы Среднего Дона, А.Т. Синюком было предложено выделение памятников, материалы, которых ранее рассматривались как синкретические абашевско-срубные, в самостоятельную покровско-абашевскую культуру (Синюк А.Т., 1996, с. 190-218). Основанием для ее выделения послужило сочетание в погребениях Филатовского, Власовского курганов компонентов абашевской (доно-волжской и уральской (баланбашевской)), срубной и алакульской археологических культур с некоторыми элементами из круга позднекатакомбных культур, КМК, опосредованных памятниками типа Петровка-Синташта-Новый Кумак (Синюк А.Т., 1996, с. 202). Автором отмечается особенно ярко проявляющийся в них восточный культурный компонент, происходящий с Урало-Поволжских территорий, что позволяет говорить о широком миграционном процессе, который затронул территории степного и лесостепного Подонья (Синюк А.Т., 1996, с.205). Это связывается с возвратным движением абашевских племен с востока на запад (Синюк А.Т., 1996, с. 228).

Эти процессы занимают достаточно узкий хронологический горизонт и могут быть датированы концом XVII – XVI вв. до н.э. (Синюк А.Т., 1996, с. 209) Погребения, выделяемые А.Т. Синюком в покровско-абашевскую культуру, А.Д. Пряхиным распределялись по позднему и синкретическому этапам доно-волжской абашевской культуры (Пряхин А.Д., 1977, рис. 21).

Выделение покровско-абашевской культуры не только привело к изменению существующих схем сложения срубной культуры в Подонье, да и на всей территории от Урала до Дона, но и определенным образом повлияло на направления ряда исследований последующих лет.

Современное состояние проблемы формирования срубной культуры нашло отражение в материалах международной научной конференции «Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи», проходившей в г. Воронеже в 2000 г., а так же в статье Г.Г. Пярых «К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры», опубликованной в первом номере «Российской археологии» в 2000 г.

Полтавкинская концепция претерпела ряд изменений как в ходе дискуссии конца 80-х - начала 90-х гг., так и благодаря выделению в Поволжье погребальных комплексов катакомбной культуры. Н.К. Качалова признала наличие в Поволжье катакомбного культурного компонента, оказавшего определенное влияние на развитие полтавкинской культуры на раннем этапе (Качалова Н.К., 2000, с. 220), что в определенной мере сближает ее с решением проблемы катакомбного влияния на формирование срубной культуры в Подонье.

Концепция о сложении срубной культуры на основе доно-волжской абашевской, детально разработанная в 90-е годы, отражает запутанность вопросов о хронологическом соотношении конкретных комплексов относительно друг друга и аморфность ряда археологических терминов. Нет четкого определения понятия «покровский тип» и «покровское время», которые у различных авторов относятся как к абашевским, так и к срубным древностям. Выделенная А.Т. Синюком покровско-абашевская культура не получила детальной разработки. Им не были определены территория ее распространения, внутренняя хронология и отличие от иных культурных образований.

Решение данных вопросов может быть осуществлено только путем детального анализа имеющихся источников с помощью различных методов для выявления критериев, дающих возможность осуществить культурно-хронологическое членение археологических материалов, конкретизации некоторых археологических терминов, сейчас неоднозначно воспринимающихся.

- Беседин В.И., 1992.* Формовочные массы керамики и изучение этнокультурных процессов в лесостепном Подонье // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
- Беседин В.И. 1994.* Абашевские традиции гончарного производства в керамике покровского типа и срубной культуры лесостепного Подонья // Срубная культурно-историческая общность: Материалы III Рыковских чтений. Саратов.
- Беседин В.И., 1996.* Историографический комментарий к покровской проблеме // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы. Воронеж. Вып. 2.
- Беседин В.И., Львович Е.А., 1991.* Формовочные массы керамики абашевских и срубных памятников лесостепного Подонья // Мосоловское поселение в системе памятников степи и лесостепи. Воронеж.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Ефимов К.Ю., Чекменев Ю.А., 1996.* Погребения эпохи бронзы курганного могильника Старая Калитва // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж.
- Замятнин С.Н., 1922.* Очерки по доистории Воронежского края (каменный и бронзовый век в Воронежской губернии). Воронеж.
- Качалова Н.К., 1979.* Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников // АСГЭ. Вып. 20.
- Качалова Н.К., 1985.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Качалова Н.К., 2000.* Полтавкинская проблема и «катакомбная эйфория» // Судьба ученого. СПб.
- Кривцова-Гракова О.А., 1949.* Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О.А., 1955.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы // МИА. № 46.
- Либеров П.Д., 1964.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.
- Либеров П.Д., 1978.* Срубная культура на Среднем Дону // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Матвеев Ю.П., 1998.* Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж.
- Матвеев Ю.П., 1999.* Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Евразийская лесостепь в эпоху металла: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Мерперт Н.Я., 1958.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. №61.
- Мерперт Н.Я., 1974.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.
- Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., 1978.* В.И. Сагайдак и исследование древностей срубной культурно-исторической общности лесостепной зоны Волго-Донского междуречья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., 1978.* Срубная проблема и лесостепь // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Моисеев А.В., 2000.* П.Д. Либеров и изучение эпохи бронзы лесостепного Подонья // Новик. Воронеж. Вып. 3.
- Погорелов В.И., 1985.* Раскопки курганов на юге Воронежской области // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж.
- Погорелов В.И., 1989.* Петропавловский грунтовый могильник эпохи бронзы на реке Толучеевке // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1968.* Памяти Г.В. Подгаецкого // СА. №2.
- Пряхин А.Д., 1969.* Г.В. Подгаецкий и изучение эпохи бронзы лесостепного Дона // Вопросы историографии истории СССР. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1971.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1977.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1996.* Размышления в связи с феноменом покровских древностей // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып. 5.
- Пряхин А.Д., 1999.* Археологи уходящего века. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 2000.* Срубная культурно-историческая общность (первые полвека изучения и осмысления массива памятников) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996.* К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

- Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1990. Развитие традиций керамического производства населения срубной культурно-исторической общности (по данным Мосоловского поселения) // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б., 2001. Доновожская абашевская культура. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1993. Курганный комплекс у хутора Шкарин // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994. Стратифицированный срубный курган Подгоренского могильника // Труды ВОКМ. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1996. К оценке традиций производственной деятельности в абашевско-срубное время // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж. Вып. 2.
- Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1998. Ножи-кинжалы с перекрестием и ромбическим окончанием черенка в абашевском и срубном мирах (к развитию производственных традиций) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.
- Саврасов А.С., 1990. Развитие традиций металлообработки в эпоху поздней бронзы // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Воронеж.
- Саврасов А.С., Чугунова Н.А., 1996. Научный вклад Г.В. Подгаецкого и изучение металлургии и металлообработки срубной культурно-исторической общности // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж.
- Свистова Е.Б., 2000. Б.Г. Тихонов и изучение эпохи бронзы Восточной Европы // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов.
- Сизов В.И., 1988. Скорняковские курганы Воронежской губернии Задонского уезда // Древности. Т. XI. Вып. 2.
- Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1991. К проблеме хронологического соотношения абашевской, катакомбной и срубной культур в бассейне Дона // Древние общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Киев.
- Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Синюк А.Т., 2002. Курган №57 Павловского могильника // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985. Периодизация срубной культуры Среднего Дона // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986. О раннесрубных погребениях на Среднем Дону // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган №16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. Пепкинский курган (Абашевский человек) // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.

Ю.Д. Разуваев
(Воронеж, ВГПУ)

КУЛЬТОВОЕ СООРУЖЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У С. ОРЛОВО В ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ВЕРХНЕГО ДОНА

У северной окраины с. Орлово Новоусманского р-на Воронежской области, в 0,5 км к северо-западу от церкви находится археологический памятник, который по формальным признакам можно отнести к категории городищ. Он расположен на плато коренного правого берега р. Усмань (левый приток р. Воронеж), удален от реки почти на 1,5 км (рис. 1, 1). Севернее него, на распаханном поле, фиксируются несколько курганов.

Памятник представляет собой округлую в плане площадку размерами 34х30 м, окруженную кольцевым рвом и валом, насыпанным с внешней стороны (рис. 1, 2). Ров в

современном состоянии имеет ширину 12 м, глубину 2 м. Ширина вала – 15 м, высота – до 1,5 м. В южной части ров прерывается перемычкой шириной по верху около 2 м. Скорее всего, такой же проход на площадку существовал и в северной части, однако ров и вал здесь были разрушены уже в новейшее время (во рву устроен скотомогильник, для засыпки которого и была снесена часть вала). На площадке, на восточной и южной сторонах, находились три котлована, примыкавшие ко рву, а в центре – довольно глубокая яма.

Информация об Орловском городище впервые попала в статистические сводки в XIX в. (Материалы...; Савельев А., 1859; Сведения..., с. 289). Однако долгое время оно не привлекало внимания специалистов, если не считать работу по истории Орлова городка (одного из укреплений Белгородской засечной черты XVII в.), в которой имеется информация о городище и его фотография (Кошелев В.И., 1950, с.183-184, рис. 6). В 1989 г. памятник был обследован отрядом археологической экспедиции ВГУ (Разуваев Ю.Д., 1989, с. 10-11), а в следующем году на нем был заложен раскоп 1 площадью 124 кв.м (Разуваев Ю.Д., 1990, с.2-4). Впоследствии памятник еще раз обследовался отрядом экспедиции ВГПУ (Орлов Б.И., 1999, пункт 2).

В 2002 г. при сооружении газопровода были разрушены восточная часть площадки городища, ров и вал с юго-восточной стороны (рис. 1, 2). Поэтому в следующем году отряд экспедиции ВГПУ провел охранные раскопки памятника, в результате которых почти полностью была исследована сама площадка, а также разрезан ров и вал (Разуваев Ю.Д., 2003).

В результате раскопок 1990 и 2003 гг. на памятнике вскрыто 800 кв.м. Слой на не потревоженных участках площадки достигал толщины 1 м. Стратиграфически он делился на три части: дерн (до 0,1 м), под ним – темно-серый суглинок (до 0,5 м), ниже – более светлый суглинок с глинистыми вкраплениями (до 0,45 м), материковое основание – коричневая глина. Культурные остатки содержались в темно-сером суглинке, нижележащий слой никаких археологических материалов не содержал.

В слое на площадке найдены сравнительно немногочисленные фрагменты лепной посуды раннего железного века: 15 венчиков, 3 днища и 97 стенок. Преимущественно они принадлежат горшкам, имевшим плавно отогнутую или, в одном случае, прямую, шейку, украшенным заплатами, вдавлениями по венчику или неорнаментированным (рис. 2, 2-11). Поверхность сосудов хорошо заглажена, коричневого или серого цвета. В глиняном тесте в качестве отошающей примеси использован шамот.

Одним фрагментом венчиков представлены сосуд типа банки или чашки (рис. 2, 12) и сероглиняный кувшин со сливом (рис. 2, 13). Кроме того, были найдены венчик и днище небольшой чашечки (рис. 2, 14), невыразительный обломок каменного орудия.

Никаких древних конструкций на площадке выявлено не было. Котлованы на ее поверхности относятся к позднему времени и представляют собой остатки производственного, очевидно, медеплавильного комплекса XVII-XVIII вв. (в слое встречались многочисленные фрагменты круговой керамики этого времени).

Ров и вал были исследованы в южной разрушенной части рядом с древним проходом (рис. 2, 1). Ров имел ширину 12-13 м, глубину до 2,5 м от уровня материка. Стенки его довольно пологие, плавно переходящие в дно, заполнение двухслойное: сверху - серый суглинок (толщиной до 0,4 м), ниже, до дна, - темно-серый (до 1,2 м). Насыпь вала на раскопанном участке сохранилась на высоту до 0,6 м от уровня погребенной почвы (верх ее ранее подвергался распашке), имела ширину 10-11 м. Она состояла из серого суглинка с довольно значительными включениями глины, т.е. из почвы, выброшенной из рва. Погребенная почва представляла собой слой темно-серого суглинка толщиной 0,8 м.

Под внешней полкой вала, на 0,2 м ниже уровня погребенной почвы, обнаружена тонкая (1-2 см) прослойка обожженной почвы, в плане округлая, диаметром около 0,2 м. Скорее всего, это следы костра, на котором готовилась пища для строителей сооружения. Не случайно рядом, на уровне погребенной почвы, лежали несколько костей животных. Кроме

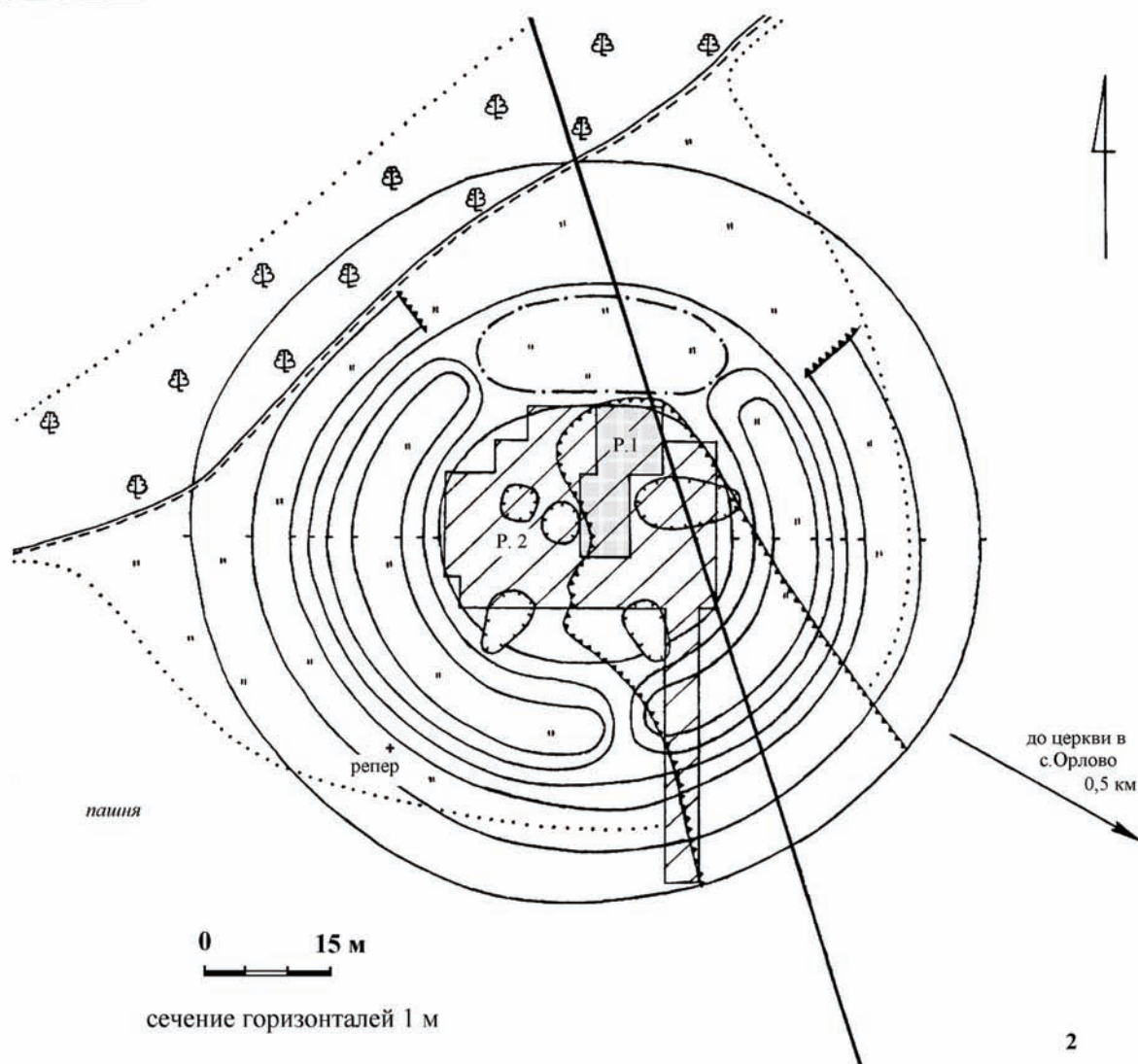
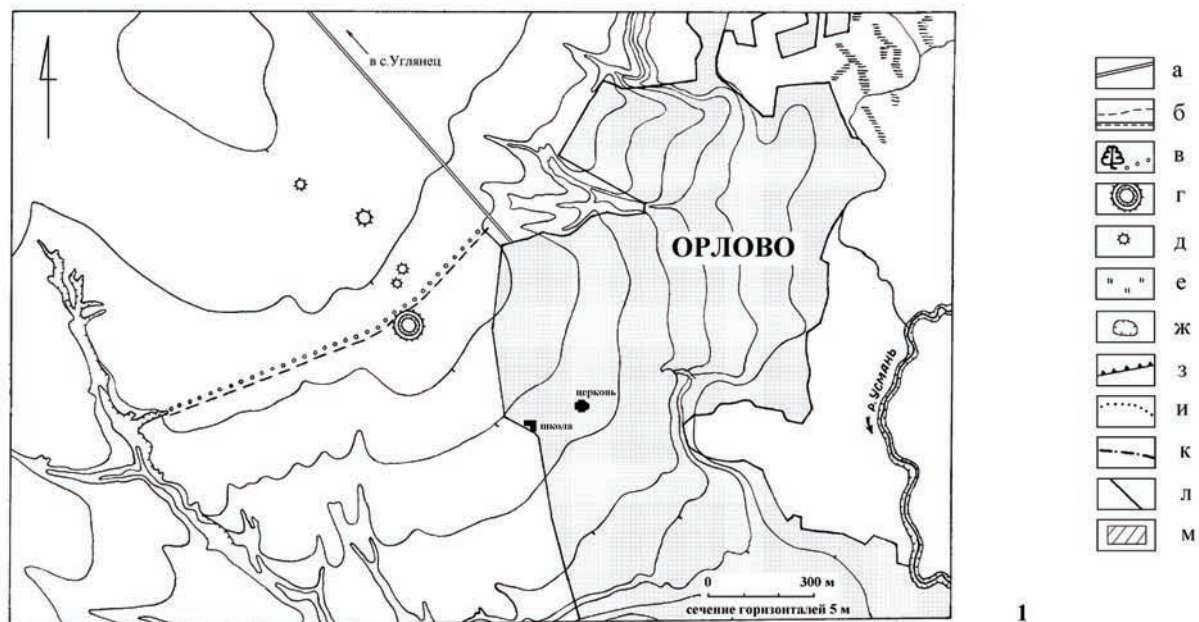

Рис. 1. *Культовое сооружение у с. Орлово.*

1 – картосхема, 2 – план (а – шоссейная дорога, б – полевая дорога, в – лесополо-
са, г – городище, д – курган, е – луг, ж – перекоп, з – обнажение, и – граница пашни, к –
граница скотомогильника, л – траншея газопровода, м – раскоп)

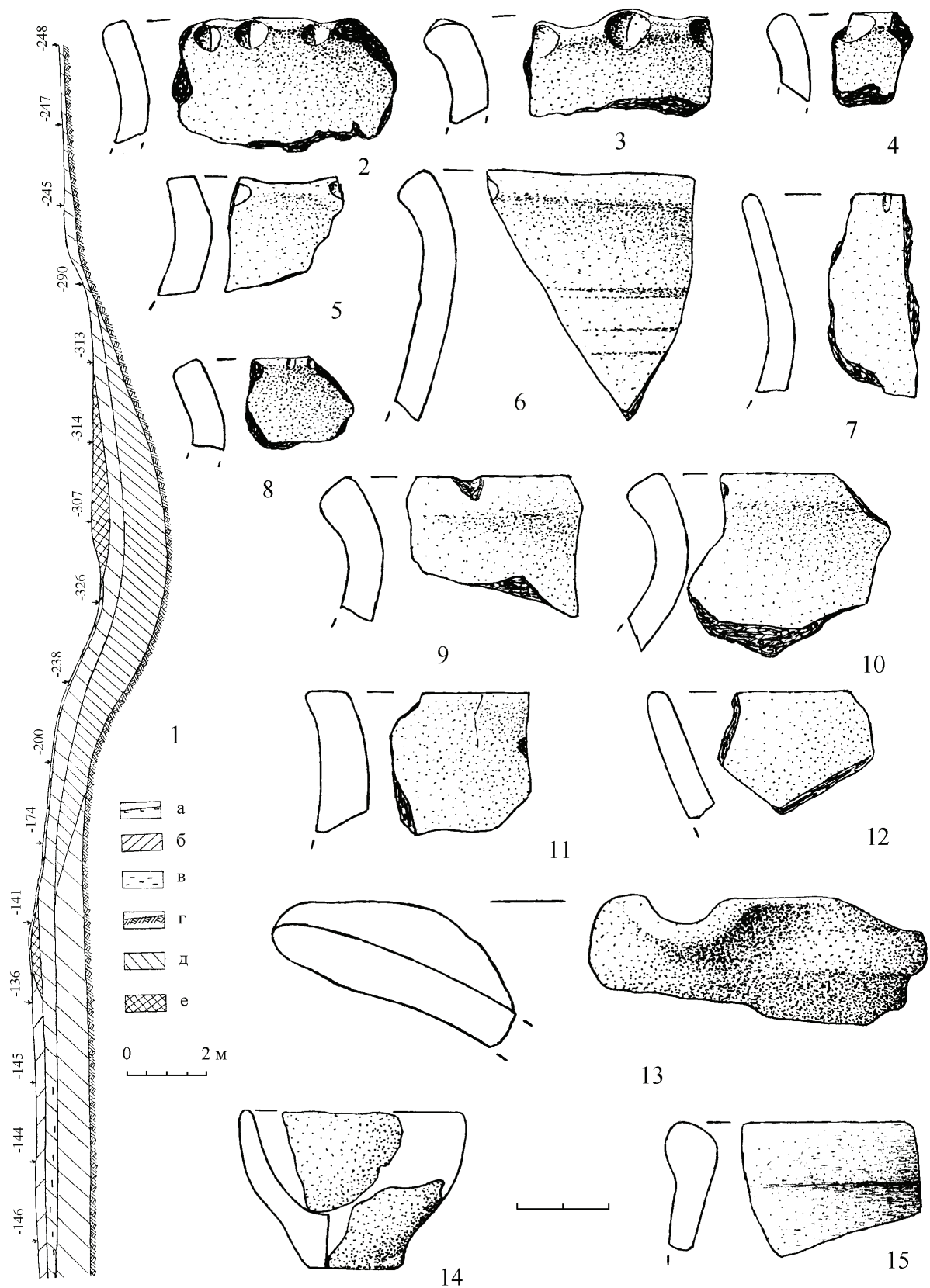

Рис. 2. Культовое сооружение у с. Орлово.
 1 – профиль рва и вала, 2-15 – керамика из слоя на площадке (2-14) и из насыпи вала (15):
 а – дерн, б – суглинок, в – глина, г – материк, д – пахотный слой,
 е – переотложенный грунт

костей, в насыпи вала найдены лишь стенка лепного горшка и венчик хиосской амфоры (рис. 2, 15), датирующей концом V (наиболее вероятно) – началом IV вв. до н.э.*.

Эта дата является единственным хронологическим репером для культурно-исторической атрибуции памятника. Немногочисленные обломки лепной керамики в этом отношении малоинформативны, а несколько сероглиняных круговых фрагментов, скорее всего, не относятся к сарматскому времени, как предполагалось первоначально (Разуваев Ю.Д., 2004, с. 191), а принадлежат русской посуде.

Типологически Орловское городище идентично встречающимся в степных курганных могильниках скифо-сарматского времени прямоугольным или круглым площадкам, огороженным валом, ровом или и тем, и другим (ров нередко находится с внутренней стороны). Такого рода сооружения бедны находками и традиционно интерпретируются исследователями как святилища, отражающие единство религиозных представлений кочевого населения степи (Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984, с.91-92; Итина М.А., 1984; Мошкова М.Г., 1984; Ольховский В.С., 1991, с. 133-134; Парусимов И.Н., 1992, с.75; Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А., 1979, с. 151-166; Смирнов К.Ф., Попов А.С., 1969).

В лесостепном Подонье такого рода сооружения, правда, квадратные в плане и более скромные по размерам, существовали в первые века н.э. (Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1997, с.25-27; Якименко Е.В., 1986). На курганных могильниках скифского времени они не известны, что примечательно в плане этнокультурной интерпретации Орловского святилища. Впрочем, оценивать рассматриваемый памятник пока, до исследования рядом расположенных курганов**, затруднительно, но уже сейчас несомненна его связь с номадами степной зоны.

Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. до н.э. Киев.

Итина М.А., 1984. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кошелев В.И., 1950. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке // Известия ВГПИ. Т.12. Вып.1.

Материалы... Материалы для статистики Российского императорского Министерства Внутренних Дел. СПб., 1859

Мошкова М.Г., 1984. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.

Орлов Б.И., 1999. Отчет к открытому листу № 275 о проведении археологической разведки в Новоусманском р-не Воронежской области в 1999 г. // Архив ИА РАН

Парусимов И.Н., 1992. «Курган Разрытый» // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. международной науч. конф., посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Мелитополь.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1997. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г.Воронежа. Воронеж. Вып.1.

Разуваев Ю.Д., 1989. Отчет об исследованиях в Воронежской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 13595.

Разуваев Ю.Д., 1990. Отчет о раскопках городищ скифского времени в Воронежской и Липецкой областях в 1990 г. // Архив ИА РАН

Разуваев Ю.Д., 2003. Отчет о раскопках городища у с.Орлово в Воронежской области в 2003 г. // Архив ИА РАН

Разуваев Ю.Д., 2004. Некоторые результаты исследования культовых сооружений сарматского времени в лесостепном Подонье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. I междунар. Нижне-волжской археологической конференции. Волгоград.

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А., 1979. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. М.

Якименко Е.В., 1986. Отчет к открытому листу № 742 о проведении археологической разведки в бассейне р.Воронеж в пределах Рамонского района Воронежской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12040

Савельев А., 1853. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб.

Сведения... Сведения 1873 года о городищах и курганах: Воронежская губерния // Записки Императорского Русского Археологического общества. 1896. Т. VIII. Вып. 1-2.

Смирнов К.Ф., Попов А.С., 1969. Сарматское святилище огня // МИА. № 169.

*Определение С.Ю. Монахова, которому автор выражает особую признательность.

**Судя по подъемному материалу, собранному на пашне, здесь существовал могильник эпохи бронзы, но наличие курганов раннего железного века исключать нельзя.

АКИНАК ИЗ ЭРТИЛЬСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В Эртильском краеведческом музее хранится железный меч скифского времени (инв. № 383), случайно найденный у с. Борщевские Пески Эртильского р-на Воронежской области. Он был обнаружен примерно в 2 км восточнее села на водораздельном плато левого берега р.Битюг (левый приток Дона). Вероятно, меч происходит из разрушенного впускного погребения или из насыпи одного из курганов, которых здесь насчитывается несколько десятков.

Общая длина меча составляет 39,4 см (рис. 1). Ромбический в сечении клинок имеет длину 27 см (кончик был обломан, по-видимому, еще в древности), ширину в верхней части 3 см, толщину до 0,6 см и плавно сужается к острию в нижней трети своей длины. Подпрямоугольная плоская рукоять несколько расширяется к навершию, имеет длину 8,6 см, ширину 2 - 2,5 см, толщину 0,35 см. Она отделена от клинка почковидным перекрестием, состоящим из двух сваренных пластин максимальными размерами 3,5х6,6 см и толщиной 0,2-0,3 см. В основании рукояти пластины раскованы, за счет чего перекрестие приобрело форму, которую можно расценивать как своего рода переходную к бабочковидной. Навершие представляет собой брусок (3,3х1,0х1,0 см) вытянуто овальной в сечении формы.

Данный предмет наступательного вооружения относится, по классификации А.И. Мелюковой, к 1-му типу первого отдела скифских мечей и кинжалов, датирующемуся VI в. до н.э., главным образом его второй половиной (Мелюкова А.И., 1964, с. 47-49). Раннескифские акинаки с почковидным перекрестием и брусковидным навершием совершенно неизвестны в погребениях среднедонских могильников (Савченко Е.И., 2004, с. 155-163). В то же время, три таких меча в лесостепном Подонье известны среди случайных находок (Клоков А.Ю., 1996, рис. 4, 3; 5, 7; Левенок В.П., 1964; Медведев А.П., 1999, рис. 51, 6, 7; Шоков А.Ф., 1964). Последние вообще представлены преимущественно мечами и кинжалами, не находящими аналогий в среднедонских курганных комплексах (Медведев А.П., 1999, с.102). Публикуемый акинак служит лишним тому подтверждением. Этот факт еще требует своего объяснения, но не исключено, что большинство такого рода находок, происходящих из районов, смежных с основной территорией распространения памятников среднедонской культуры скифского времени, связано с кочевыми группами, проникавшими в донскую лесостепь с юга.

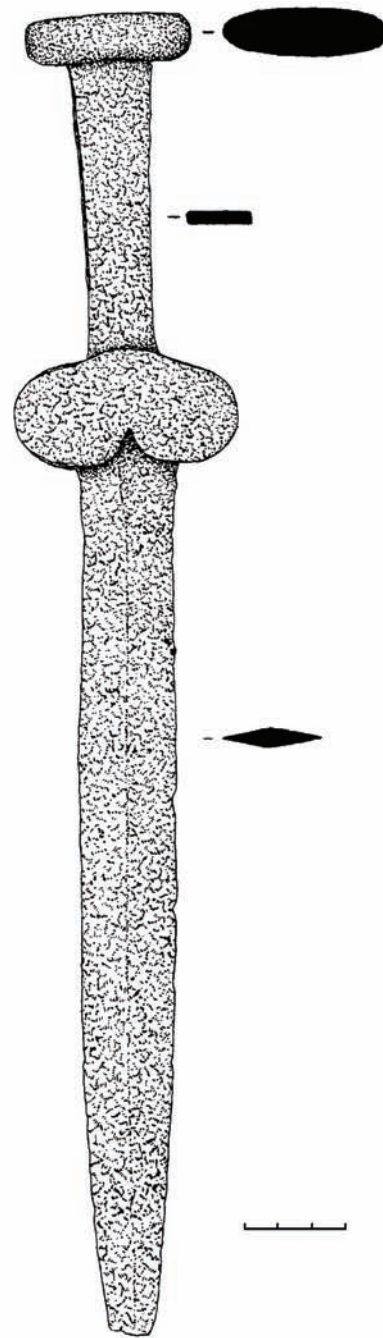

Рис.1. Акинак из
Эртильского района

- Клоков А.Ю. 1996. Находки скифских мечей и кинжалов в бассейне Верхнего Дона // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.
- Левенко В.П., 1964. Скифский акинак с Верхнего Дона // СА. № 2
- Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. М. Вып. Д1-4
- Савченко Е.И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001-2003 гг. М.
- Шоков А.Ф., 1964. Скифский меч с Верхнего Подонья // Известия ВГПИ. Т.45

Т.В. Сарапулкина (Морозова)
(Белгород, Управление культуры)

МЕЧИ СКИФСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Случайные находки мечей скифского типа не являются редкостью как для степной, так и лесостепной зон (Пузикова А.И., 1984; Корнюшин Г.И., Пузикова А.И., 1995; Апальков А.Н., 1992; Кулатова И.М., 1992; Воронина Р.Ф., 1962; Максимов Е.К., Полесских М.Р., 1971; Клоков А.Ю., 1992 и др.). Более трех десятков мечей обнаружено на территории распространения среднедонской скифоидной культуры, а чаще – на граничащих с ней землях (Медведев А.П., 1999). Еще один кинжал и два меча скифского времени происходят с западной окраины этой культуры, из Прохоровского района Белгородской области*.

Кинжал (рис. 1, 1) был найден в ур. Малиновка (к востоку от с. Тетеревино) на дне ручья. Общая длина кинжала равна 28,8 см. Длина клинка – 17,4 см (конец обломан), длина рукояти с навершием и перекрестием – 11,4 см. Навершие брусковидное, ширина его равна 1,5 см, длина – 4,4 см. Перекрестие бабочковидное (широкое, с ровной верхней стороной, «крылья» в развернутом виде), ширина его составляет 1,9 см, длина – 4,7 см. Длина стержня рукояти равна 8 см, ширина – 2 см. Поверхность рукояти гладкая, покрытая ржавчиной, не имеет следов членения. Линзовидное в сечении лезвие сильно корродировано, следов желобка, либо ребра не прослежено. Ширина лезвия у перекрестия 2,2 см, на конце – 0,9 см.

По типологии, предложенной А.И. Мелюковой, данный кинжал можно отнести к I-му отделу 2-го типа, характеризующемуся брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием и датирующимся VI – первой половиной V вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 49, табл. 16).

Наиболее близкие аналогии данному кинжалу составляют мечи, обнаруженные в Пензенской области у с. Старое Захаркино и в Саратовской области (Юловская волость) (Максимов Е.К., Полесских М.Р., 1971, с. 238-240, рис. 1, 4; 2, 1). Некоторые отличия прослеживаются в форме перекрестия. Так, для обоих предметов характерна сглаженность углов перекрестия, а у одного из них перекрестие имеет ребро, расположенное посередине.

Первый меч был найден у с. Береговое Прохоровского района на пашне (рис. 1, 2). Длина его (конец обломан) составляет 35,5 см: длина рукояти с навершием и перекрестием – 12 см, длина клинка 23,5 см. Навершие брусковидное, длина его равна 4 см, ширина – 1,5 см. Перекрестие почковидное (с треугольной врезкой на верхней части – «лежащая восьмерка»), длина его равна 5,1 см, ширина – 3 см. Стержень рукоятки ров-

*Предметы хранятся в музее школы р.п. Прохоровка. Материалы любезно были предоставлены для публикации учителем истории А.А. Мишуриным.

ный, длина его составляет 7,5 см, ширина – 2,2 см. Сильно коррозированное лезвие не несет на себе следов желобка или ребра. Навершие лишь немного выступает над рукоятью, а перекрестие, в свою очередь, лишь немного выступает над лезвием. Лезвие равномерно сужается к концу (1,8 см), т.е. имеет треугольную форму. Сечение рукояти брусковидное, лезвия – линзовидное.

Исходя из типологической схемы А.И. Мелюковой, данный меч можно отнести к мечам I-го отдела 1-го типа, характеризующимся брусковидным навершием и почковидным перекрестием и датирующимся второй половиной VI в. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 47, табл. 15).

Аналогии данному мечу прослеживаются в материалах кургана Старшая могила (Посулье) (Ильинская, 1968, с. 67-68, табл. 1, 1) и кургана 13 Аксеновского могильника-I (Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997, с. 135, рис. 9). При этом, меч из Берегового короче и не имеет желобка по лезвию.

Наиболее сложным для анализа оказался второй меч (рис. 1, 3), обнаруженный у с. Призначное Прохоровского района, на пашне. Длина его составляет 45,7 см: длина рукоятки с навершием и перекрестием равна 10,9 см, длина клинка – 34,8 см. Навершие овальное, ширина 1,2 см, длина 4,9 см. Стержень рукояти ровный, без следов членения, к низу немного расширяется. Длина его составляет 7,5 см, ширина – 2,5 см (вверху) – 3 см (внизу). Клинок узкий, сильно попорчен коррозией. Ширина лезвия у перекрестия 3,5 см, далее сужается до 2 – 2,5 см. Перекрестие сильно разрушено, в связи с чем нельзя точно определить его форму. Ширина его равна 2,2 см, длина – 5,5 см.

По классификации А.И. Мелюковой, овальные навершия сочетаются с двумя видами перекрестий: ложнотреугольными и трапециевидными (Мелюкова А.И., 1964, с. 51, 53). Исходя из формы сохранившейся части перекрестия, мы можем исключить второй вариант. При просмотре опубликованных мечей с овальным навершием других перекрестий (кроме ложнотреугольного и трапециевидного) встречено не было. Исходя из этого, меч из с. Призначное можно было бы считать наиболее близким к мечам с овальным навершием и ложнотреугольным перекрестием. Но форма сохранившейся части перекрестия, хотя и не исключает возможности наличия ложнотреугольного перекрестия, все же более близка, на наш взгляд, к почковидной или брусковидной формам. Таким образом, исходя из датировки мечей с овальным навершием и ложнотреугольным или трапециевидным перекрестиями IV – III вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 51, 53), данный меч можно продатировать этим же временем.

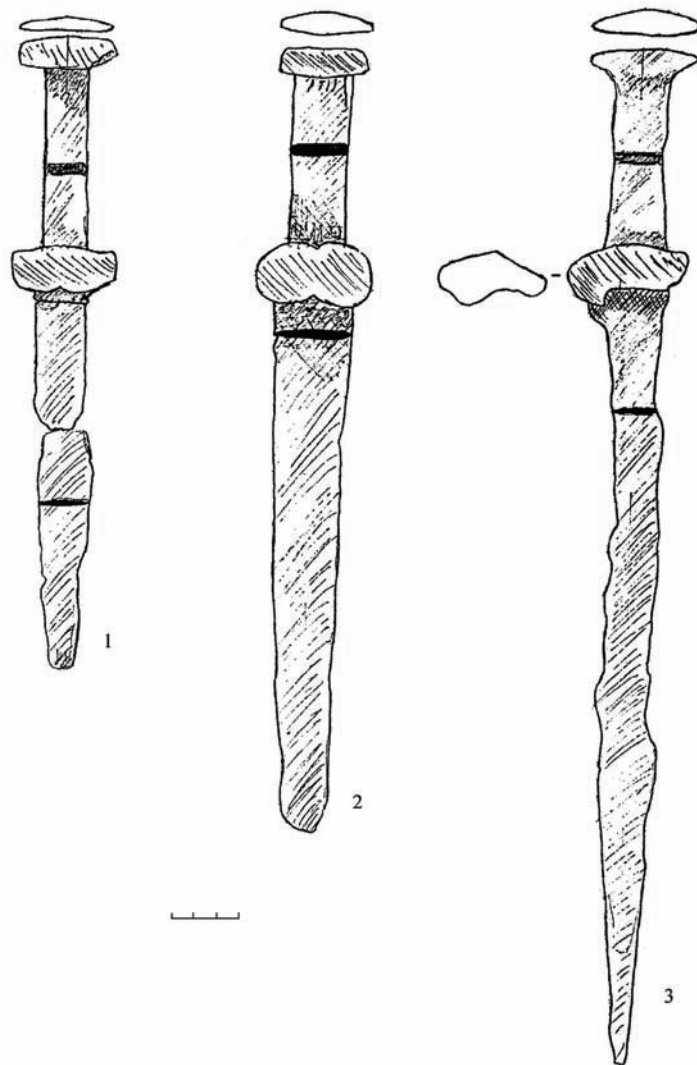

*Рис. 1. Акинаки из Прохоровского района
Белгородской области*

Публикуемые кинжал и мечи характеризуются обычными для скифского оружия типами наверший и своеобразными, редко встречающимися типами перекрестий. Подобные мечи характерны для погребальных памятников среднедонской культуры скифского времени. Кроме того, они отличаются отсутствием членения на ручке и желобка или ребра на клинке. Эта отличительная черта была отмечена ранее Р.Ф. Ворониной для мечей, обнаруженных в Курской области. Исследователь связывает это с локальным вариантом мечей, присущим лесостепной полосе Курской области (Воронина Р.Ф., 1962, с. 133).

Находка мечей подобного типа в Белгородской области, в принципе, не опровергает этого вывода, так как их местоположение на карте очень близко к границам Курской области и находится на окраине бассейна р. Сейм. Хотя более логичным будет в этом случае сменить формулировку «лесостепная полоса Курской области» на лесостепное Посеймье.

Обнаружение мечей на территории Прохоровского района Белгородской области не противоречит замечанию А.П. Медведева о концентрации находок акинаков на границах среднедонской культуры скифского времени (Медведев А.П., 1999, с. 51). По мнению исследователя, случайные находки скифских мечей свидетельствуют о «напряженных отношениях среднедонского скифоидного населения с юхновскими, городецкими и особенно – савроматскими кочевыми племенами» (Медведев А.П., 1999, с. 52).

Случайные находки скифских мечей принято связывать или с разрушенными погребениями, или с потерями мечей. Так как скифские курганы и курганы скифоидных культур характеризуются довольно глубокими погребальными ямами, распашкой их разрушить практически невозможно. Исключение составляют мечи, найденные при выкапывании подвалов, колодцев и т. д. Таким образом, лишь минимальное количество мечей могло оказаться на поверхности в результате разрушения погребений.

Гипотеза о попадании мечей в землю в результате их потери также вызывает некоторые возражения. Надо отметить, что клинковое оружие в принципе не часто встречается в материалах культур раннего железного века и средневековья. Объясняется это дороговизной данного типа оружия, делающей потерю меча, либо оставление трофейного оружия на поле битвы победившей стороной, очень редким явлением. Клинки скифского времени исключением не являются - находки мечей в наиболее богатых погребениях свидетельствуют о престижности данного вида вооружения и, скорее всего, о его наличии в наборе оружия только у наиболее знатных и богатых воинов. Для рядовых членов скифского войска типичным вооружением были лук и стрелы (Мелюкова А.И., 1964, с. 9).

Однако, несмотря на это, количество выявленных вне пределов могильников и поселений единиц клинкового оружия скифского времени многократно превышает число аналогичных предметов других эпох, обнаруженных при схожих обстоятельствах.

Ю.Д. Разуваев и А.В. Курьянов, рассматривая распространение случайных находок скифских мечей в лесостепной Подонье и обозначая их концентрацию по водоразделам и отдаленность от территории поселенческих памятников среднедонской культуры, связывают их с погребальными или культовыми комплексами (Разуваев Ю.Д., Курьянов А.В., 2004, с. 192). Нам кажется, что если появление мечей в земле в результате разрушения погребальных комплексов маловероятно, то идея об использовании акинаков в культовых целях представляется весьма продуктивной. Упоминание об использовании мечей в религиозной практике скифов встречается у Геродота (Геродот, IV.62). Примечательно, что по Геродоту меч являлся частью культового сооружения, воздвигаемого в честь военного божества. Возможно, случайные находки мечей, не приуроченные к погребениям и поселениям, являются остатками поминальных или жертвенных комплексов, связанных с военным культом, отправляемым непосредственно на поле боя, либо рядом с ним.

Апальков А.Н., 1992. О находках раннескифских акинаков на территории Курской области // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. Полтава. № 1.

Воронина Р.Ф., 1962. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области // МИА. № 113.

Геродот, 1999. История в девяти томах / Пер. Г.А. Стратановского. М.

Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (Курганы Посулья). К.

Клоков А.Ю., 1996. Находки скифских мечей и кинжалов в бассейне Верхнего Дона // Археологические

- памятники лесостепного Придонья. Липецк.
- Корнюшин Г.И., Пузикова А.И., 1995.* Находки скифо-сарматского времени в Аннинском районе Воронежской области // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.
- Кулатова И.М., 1992.* Архаїчний меч скіфського часу з басейну Середнього Псла // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. Полтава. № 1.
- Максимов Е.К., Полесских М.Р., 1971.* Заметка об акинаках // СА. № 2.
- Мелюкова А.И., 1964.* Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1-4.
- Пузикова А.И., 1981.* Марицкое городище в Посеймье. М.
- Пузикова А.И., 1984.* Акинак из с. Ключ Курской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Пузикова А.И., 1997.* Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.
- Разуваев Ю.Д., Курьянов А.В., 2004.* Акинак из с. Латное Воронежской области // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж.
- Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997.* Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II // МИ-АР. № 1. (Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы). М.

**Н.Н. Воропаева, А.Н. Ворошилов
(Воронеж, ВГПУ, ВГУ)**

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИХОПЕРЬЕ

Изучение древностей эпохи раннего железного века лесостепного Подонья продолжается уже более ста лет и к настоящему времени в результате масштабных раскопок накоплен обширный археологический материал. Вместе с тем, для археологии данного региона сохраняют определенное значение случайные находки. Настоящая публикация призвана ввести в научный оборот новые археологические материалы с территории Прихоперья, пополнившие в 2003-2004 гг. коллекцию Борисоглебского историко-художественного музея*.

Особого внимания заслуживает железный акинак, найденный в с. Нижний Карачан Грибановского района Воронежской области (рис. 1, 2). Акинак целиком изготовлен из железа. Общая длина меча составляет 385 мм, длина рукояти с навершием 100 мм, без навершия – 85 мм. Длина клинка составляет 255 мм, а его ширина у основания – 35 мм. Навершие акинака брусковидное, в плане имеет форму вытянутого овала, перекрестие сердцевидное. Плоская рукоять по бокам ограничена валиками. Клинок двулезвийный с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети клинка, имеющего ярко выраженное ребро жесткости. Клинок и стержень рукояти выкованы из одного куска металла, перекрестие изготовлено отдельно и затем приварено к рукояти. Скорее всего, оно состояло из двух отдельных пластин, соединенных между собой и рукоятью в процессе кузнечной сварки. Рассматриваемый меч изготовлен с соблюдением основных принципов, характерных для скифского оружия (Белозор В.П., Скорый С.А., 1985, с. 255). По классификации скифских мечей, предложенной А.И. Мелюковой, акинак из с. Нижний Карачан следует отнести к особому варианту 2-го типа первого отдела – мечам с прямым брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием (Мелюкова А.И., 1964, с. 50). Рукояти с боковыми валиками получили широкое распространение среди ранних скифских акинаков в Северном Причерноморье и на Кавказе (Смирнов К.Ф., 1961, с. 11). Подобная форма рукояти с двумя продольными валиками, судя по всему, является пережитком биметалличности, что вместе с сердцевидной формой перекрестия свидетельствует об архаичности данного экземпляра.

На территории Лесостепного Подонья уже известны случайные находки подобных акинаков: меч, происходящий из с. Инясево (в Прихоперье), кинжал, найденный у г.

*Авторы выражают искреннюю признательность директору Борисоглебского историко-художественного музея Ю.А. Апалькову за возможность использования неопубликованных материалов.

Павловска (Медведев А.П., 1999, с. 52, 104). Эти находки принадлежат к тому же типу, что и акинак из с. Нижний Карачан и датируются VI – началом V вв. до н. э. Исходя из этого и учитывая архаичность морфологии публикуемого экземпляра, его можно отнести к VI в до н. э., скорее всего, к первой его половине.

Большинством исследователей случайные находки мечей и кинжалов на территории лесостепного Подонья рассматриваются как свидетельства военных столкновений среднедонских племен с соседями (Либеров П.Д., 1971, с. 535; Пузикова А.И., 1984, с. 212; Медведев А.П., 1999, с.52). Однако, некоторые исследователи связывают эти предметы с погребальными или культовыми комплексами кочевых или полукочевых этнических групп (Разуваев Ю.Д., Курьянов А.В., 2004, с. 192). Таким образом, вопрос интерпретации случайных находок акинаков с территории лесостепного Подонья пока остается открытым.

В музее хранится обломок железного наконечника копья, отнесенный нами по морфологическим признакам к кругу древностей скифского времени (рис. 1, 1). Он обнаружен в черте г. Борисоглебска. От наконечника сохранилось перо и верхняя часть втулки. Длина пера составляет 130 мм, ширина – 34 мм, в сечении оно имеет форму вытянутого ромба, верхний диаметр втулки – 14 мм. По классификации А.И. Мелюковой, изделие следует отнести ко 2-му типу 1-му варианту второго отдела – остролистным наконечникам с широким и сравнительно коротким пером (Мелюкова А.И., 1964, с.41). Датируются

подобные находки IV – началом III вв. до н. э. Данный тип наконечников является наиболее распространенным в лесостепном Подонье (Ворошилов А.Н., 2004, с. 153), в то время как на других территориях подобные находки достаточно редки (Мелюкова А.И., 1964, с.41).

В фондах музея хранятся 15 бронзовых наконечников стрел скифского времени, точное место находок которых неизвестно. По классификациям А.И. Мелюковой и К.Ф. Смирнова, наконечники относятся к различным отделам.

Первый отдел 2-й тип 2-й вариант представлен одним двулопастным наконечником, имеющим головку лавролистной формы и шип на втулке (рис.1, 3). Лопасты головки гладкие. Ребро, имеющееся на головке и являющееся как бы продолжением втулки, в сечении круглое. Особенностью данного экземпляра является неотделенность шипа от втулки. Возможно,

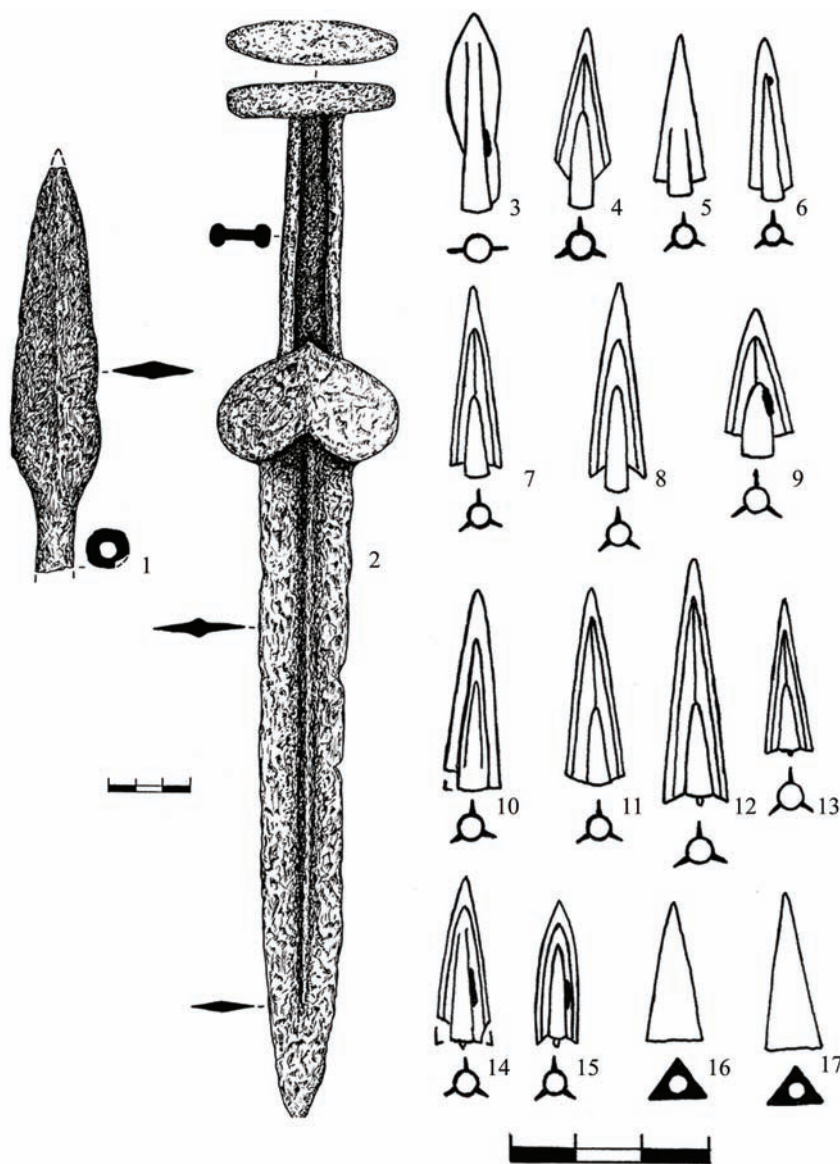

Рис. 1. Случайные находки в лесостепном Похоперье

это объясняется технологическим браком, допущенным при его изготовлении. Подобные наконечники характерны для VII – начала VI в. до н. э. и лучше всего представлены в комплексах Лесостепной Скифии (Мелюкова А.И., 1964, с. 18).

Второй отдел представлен двенадцатью трехлопастными наконечниками различных типов. Второй тип 2-й вариант – наконечник с остролистной в плане головкой и довольно длинной втулкой, без шипа (рис. 1, 4). Подобные наконечники преобладают в комплексах конца VII – начала VI вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 19). Третий тип 8-й вариант – наконечник легких пропорций с треугольной в плане головкой, прямо срезанными концами лопастей, довольно широкий в основании головки, имеющий относительно короткую втулку (рис. 1, 5). Датируется VI – V вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 19). Четвертый тип 3-й вариант – легкий наконечник, имеющий длинную головку острой пирамидальной формы с узким основанием (рис. 1, 6). Такого рода наконечники характерны для комплексов второй половины V – начала IV в. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 23). Четвертый тип 4-й вариант – наконечник, имеющий острую пирамидальную головку с углублениями на лопастях (рис. 1, 7). Датируется второй половиной V – началом IV в. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 23). Четвертый тип 6-й вариант – наконечник по форме аналогичный предыдущему варианту, отличающийся лишь пропорциями (рис. 1, 8). Относится к V – IV вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 23). Четвертый тип 9-й вариант – наконечник с треугольной головкой и выступающей втулкой, нижние края лопастей срезаны под прямым углом ко втулке (рис. 1, 9). Подобные наконечники характерны для савроматов (Смирнов К. Ф., 1961, с. 48). Датируется наконечник VI – V вв. до н. э. Пятый тип 8-й вариант – «базисный» наконечник, имеет концы лопастей, срезанные вровень с основанием скрытой втулки. Головка его в плане имеет форму треугольника с относительно широким основанием (рис. 1, 10). Датировка таких наконечников – вторая половина VI – первая половина V в. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 21). Пятый тип 11-й вариант – «базисный» наконечник вытянутых пропорций. Головка треугольная, концы граней лопастей срезаны под прямым углом ко втулке (рис. 1, 11). Относится ко второй половине V – началу IV в. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 21). Шестой тип 1-й вариант – два наконечника с внутренней втулкой, треугольной головкой и опущенными ниже втулки шипами (рис. 1, 12, 13). Наиболее характерны для савроматов (Смирнов К.Ф., 1961, с. 50 – 51). Датируются второй половиной VI – первой половиной V в. до н. э. Шестой тип 2-й вариант – легкий по пропорциям наконечник со слегка сводчатой в плане головкой (рис. 1, 14). Относится к V – IV вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 23). Шестой тип 6-й вариант – наконечник со сводчатой головкой, опущенными ниже внутренней втулки шипами (рис. 1, 15). Относится к VI – IV вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 50 – 51).

Третий отдел представлен двумя трехгранными однотипными наконечниками, относящимися к четвертому типу 3-му варианту – наконечникам с треугольной в плане головкой, внутренней втулкой и ровным основанием (рис. 1, 16, 17). Различаются по высоте головки. Характерны для V в. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 23)

Таким образом, большинство случайных находок вооружения скифского времени, происходящих из восточной части лесостепного Подонья, достаточно архаичны.

К сарматскому времени относятся две бронзовые пряжки и фрагмент фибулы.

Первая пряжка овальной формы, изготовлена из круглого в сечении дрота диаметром 3 мм, имеет размеры: 20x14 мм по внешнему контуру и 14x9 мм по внутреннему. Язычок длиной 13 мм, шириной 3 мм треугольной в сечении формы и загнутый на конце (рис. 2, 5). Вторая пряжка овальной формы - из круглого в сечении дрота диаметром 3 мм, слегка суженного к задней части, имеет размеры 15x12мм по внешнему краю и 10x8 мм по внутреннему. Язычок крепится к кольцу, огибающему рамку, и на месте скрепления образует трапецевидный в плане выступ, имеет сильно загнутый заостренный кончик. Общая длина составляет 11 мм, диаметр – 3 мм (рис. 2, 6). Подобные пряжки датируются концом III – IV вв. н. э., также известны в погребениях черняховской культуры (Скрипкин А.С., 1984, с. 53).

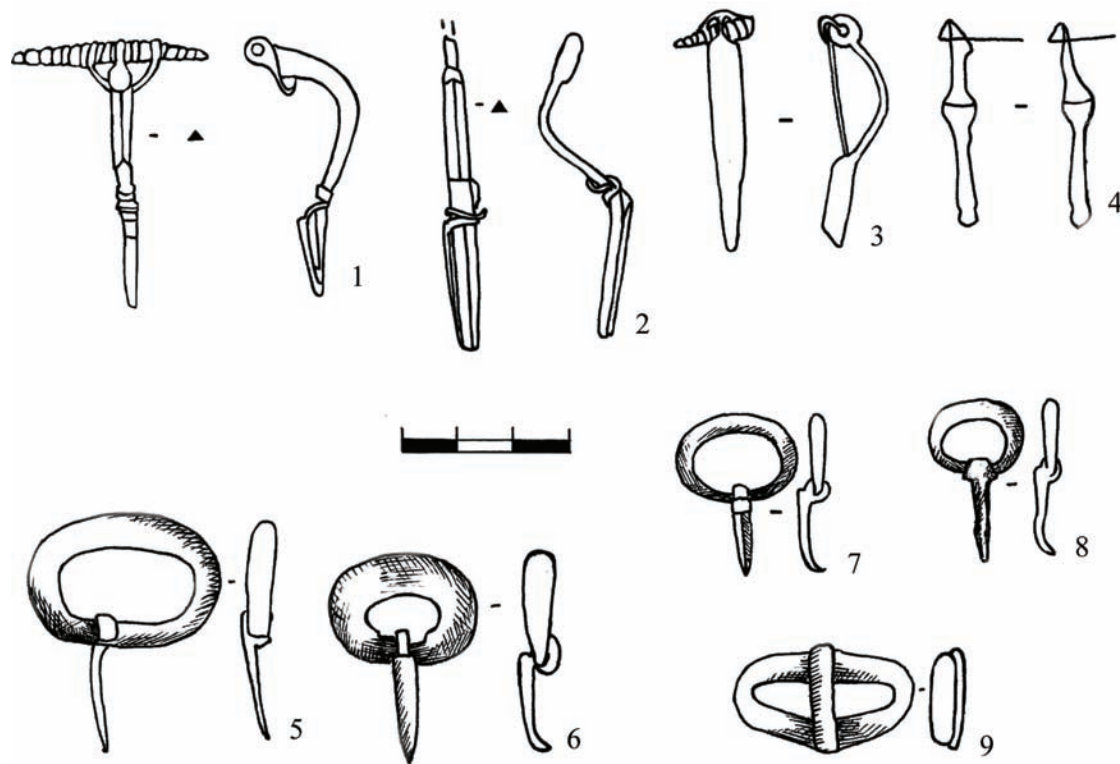

Рис. 2. Случайные находки в лесостепном Похоперье

Фрагмент спинки сильно профилированной фибулы – причерноморского типа, изготовленной из узкого прямого стержня, имеет биконическое утолщение и бусину на конце (рис. 2, 4). Относится к первому типу, датируется рубежом I – II вв. – второй половиной II в. н. э. (Скрипкин А.С., 1984, с. 32, 49).

Черняховские древности представлены тремя фибулами и двумя пряжками.

Наиболее архаичными являются две бронзовые фибулы. Одна из них - двучленная с асимметрично прогнутой спинкой и вертикальной пластиной для удержания оси пружины (рис. 2, 1). Ось продета через кольцо, образованное загнутым концом дужки. Длина ее корпуса составляет 42 мм, длина пружины – 32 мм. Спинка имеет треугольное сечение в верхней части, при переходе в ножку оформлена поперечными гранями, приемник имеет форму желобка, его край обломан в древности. Вторая фибула с асимметрично изогнутой шейкой и обломанной в древности головкой имеет длину корпуса 50 мм (рис. 2, 2). Сечение корпуса треугольное, переход шейки в ножку оформлен поперечной гранью шириной 6 мм, завязка приемника обвита в полтора оборота, приемник имеет форму желобка. Обе фибулы относятся к первому варианту I серии 2-й подгруппы прогнутых подвижных фибул и датируются второй половиной II – первой половиной III вв. н. э. (Амброз А.К., 1966, с. 61).

Фибула с пластинчатым корпусом, сужающимся к ножке, и сплошным приемником имеет длину 38 мм, ширину в верхней части – 5 мм, в нижней – 3 мм (рис. 2, 3). Шейка асимметрично изогнута, ось пружины продета через кольцо в верхней части корпуса, пружина обломана, имеет длину 9 мм. Скорее всего, относится к подгруппе двучленных «воинских» фибул с узкой ножкой (Амброз А.К., 1966, с. 70).

К черняховскому периоду также относятся три пряжки. Бронзовая пряжка овальной формы со спрямленным задним внутренним контуром переходящим в овальный передний контур, изготовлена из круглого дрота диаметром 6 мм в передней части и зауженного в задней (рис. 2, 7). Короткий фигурный и круглый в сечении язычок имеет длину 17 мм, диаметр 3 мм, крепится к петле, огибающей нижний край рамки, образует небольшой выступ, кончик загнут. Размеры пряжки по внешнему контуру 25x17 мм, по внутреннему – 12x8 мм. Вторая, овальная, пряжка сделана из круглого в сечении бронзового дрота диаметром 5 мм, имеет размеры 32x21 мм по внешнему краю и 22x11 мм

по внутреннему (рис. 2, 8). Язычок длиной 20 мм, шириной 2 мм образует незаконченную петлю, с помощью которой крепится к заднему концу рамки, слегка сужается к кончику. Третья пряжка по внешнему контуру имеет вытянуто-овальную форму и размеры 29х16 мм, слегка расширяется в центре; внутренний контур имеет размеры 23х6 мм и повторяет форму внешнего (рис. 2, 9). Рамку пересекает центральная перекладина длиной 13 мм, шириной 4 мм. Датируется IV в. н. э. (Скрипкин А.С., 1984, с. 54).

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д 1-30.

Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н., 1972. Металл черняховской культуры. М.

Белозор В.П., Скорый С.А., 1985. Архаический скифский меч из Киева // СА. № 1. С. 255-256.

Ворошилов А.Н., 2004. Копья в системе вооружения населения Среднего Дона в скифское время (VI – начало III в. до н. э.) // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: Тез. науч. конф. М.

Либеров П.Д., 1971. Древняя история населения Подонья: Дис ... док. ист. наук. М.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.

Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4.

Пузикова А.И., 1984. Акинак из с. Ключ Курской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Разуваев Ю.Д., Курьянов А.В., 2004. Акинак из с. Латное Воронежской области // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

В.Н. Ковалевский
(Воронеж, ВГУ)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛАВЯН ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖ- ДУРЕЧЬЯ VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI ВВ. История изучения вопроса (1930-середина 1990-х гг.)

До проведения масштабных археологических раскопок на донских городищах и полной публикации полученных материалов в советской исторической науке господствовала точка зрения на данный вопрос, наиболее полно выраженная Б.А.Рыбаковым. Основываясь на данные письменных источников, а также на вышедшую в 1931 году статью П.П. Ефименко, он характеризовал славянскую общину как патриархальную, неразделенную (Рыбаков Б.А., 1939, с. 326-327). Правда, относил он донские памятники к антам и датировал VI-VII вв. Данное направление было озвучено самим П.П.Ефименко: «Эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда»(Ефименко П.П., 1931, с. 8).

Эта предварительная публикация материалов раскопок вызвала настоящий взрыв отзывов в отечественной исторической и археологической литературе (Ковалев С.И. и др., 1934, с.15; История ..., 1939, с.214-215; Рыбаков Б.А., 1939, с. 323-327; Равдоникас В.И., 1995, с.125; Артамонов М.И., 1935, с.270 и др.).

В 1948 году материалы раскопок ГАИМК и Воронежского краеведческого музея публикуются в монографии из серии МИА (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948). С данными раскопок Большого Боршевского городища знакомятся многие специалисты. Они становятся эталоном при публикации материалов о славянах предгосударственного периода и включаются в различные пособия и учебники (История..., 1951, с. 3; Арциховский А.В., 1955, с. 193; Косвен М.О., 1963, с. 99-100; Третьяков П.Н., 1953а, с.288; Третьяков П.Н., 1953б, с. 22-23; Воронин Н.Н., 1951, с. 204-205; Никольская Т.Н., 1950, с. 94 и др.).

Чем был обусловлен подобный интерес? Видимо, свою роль сыграл тот фактор, что 18 исследованных полуземляночных построек соединялись между собой внутренними переходами. Это вроде бы подтверждалось данными письменных источников о славянах (известная цитата из Псевдо-Маврикия, что «живут они в лесах, у неудобно проходимых

рек болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей» (Мишулин А.В., 1941, с. 253)). Хорошая «состыковка» данных археологии и письменного известия о славянах надолго предопределила направление развития славистики в области общественных отношений эпохи раннего средневековья. Вплоть до середины 50-х гг. в советской исторической науке бытовало мнение, что а) «особенностью жилищ является соединение их внутренними переходами» (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с. 11). Отсюда следовал вывод, что б) эти жилища заселялись группой родственных семей (то есть общественная организация славян была представлена патронимией (Косвен М.О., 1963, с. 99-100)).

Потребовались определенные усилия И.И. Ляпушкина, подвергнувшего детальной проработке материалы раскопок донских городищ и доказавшего разновременность перекрывавших друг друга сооружений Большого Боршевского городища, чтобы пересмотреть эту точку зрения. К тому времени он имел для сопоставления полностью раскопанное Новотроицкое городище на Псле. В специально посвященной жилым комплексам восточных славян статье он пришел к выводу, что полуземлянки «являлись жилищами не больших (патриархальных), а малых (индивидуальных) семей, объединенных в сельскую общину» (Ляпушкин И.И., 1957, с. 13). Эти же выводы он повторил в вышедшей в следующем году книге (Ляпушкин И.И., 1958а, с. 172-179).

Первым усомнился в существовании крытых переходов на Большом Боршевском городище Л.П. Гуссаковский, указавший в кандидатской диссертации на неточности в публикации планов Большого Боршевского городища (Гуссаковский Л.П., 1956б, с.192 (195); 197(199)). Работа, к сожалению, так и не опубликованная, стала значительным шагом в истории изучения восточно-славянского жилища. Л.П. Гуссаковский рассмотрел материалы 160 археологических памятников VIII-XIII вв. (Гуссаковский Л.П., 1956а, с.4), в том числе большое количество архивных данных (раскопки Д.Т.Березовца в Волынцеве; Б.А.Рыбакова в Гочеве) (Гуссаковский Л.П., 1956б, с. 180(183)-181(184); 203(206)-204(207)).

Однако, в специальной литературе взгляд на соединенные переходами постройки, как на черту, свидетельствующую о сохранении у славян основ родового строя, встречался еще и в 60-е годы. В пример можно привести книгу М.О. Косвена (Косвен М.О., 1963), на соответствующий раздел которой обратила внимание А.Н.Москаленко, давшая его критический анализ (Москаленко А.Н., 1981, с. 19-20).

Сама исследовательница, также пыталась разрешить проблему общественных отношений у славян в предгосударственный период. Эта линия прослеживаясь с первых работ 50-х гг. (Москаленко А.Н., 1955, с.61; 1958, с. 141), была завершена в итоговой работе о славянской группировке на Дону. До выхода работы И.И.Ляпушкина в 1957 году исследовательница писала по данному вопросу буквально следующее: «...здесь, как и на всей территории Древней Руси, существовала территориальная, или соседская община. Отличительной особенностью этой общины является объединение ее членов не на основе родства, как это было в родовых общинах, а по принципу соседства, общей территории». К этому времени (VIII в.) уже выделилась индивидуальная семья, существовала социальная и имущественная дифференциация (Москаленко А.Н., 1955, с. 61). И, несколько позже, соглашаясь с И.И.Ляпушкиным: «Нет никаких оснований говорить о прочных устоях родового строя» (Москаленко А.Н., 1958, с. 141). В работе, посвященной городищу Титчиха, А.Н.Москаленко также говорит о малой семье, как основной ячейке древнего общества. Определяющим фактором для такого вывода был уровень развития производительных сил (пашенное земледелие). Вывод подкреплялся данными раскопок об изолированных однокамерных постройках – жилищах небольшой самостоятельной семьи. (Москаленко А.Н., 1965, с. 163). Исследовательница несколько не изменила свои взгляды впоследствии. В частности, она очень осторожно говорит о патронимических отношениях у донских славян. «Малые семьи, вероятно, и в Подонье, как и на остальной территории восточнославянского мира, входили в состав сельской или территориальной общины» (Москаленко А.Н., 1981, с. 97-101).

Интересен подход к данному вопросу П.Н.Третьякова. В работах 50-х гг., как уже говорилось, он отстаивает позицию, высказанную еще в 1948 году. Суть ее сводилась к тому, что у восточных славян до сложения государства основной экономической ячейкой общества была большая патриархальная семья, входящая в состав территориальной (сельской) общины. (Третьяков П.Н., 1948а, с. 155-156; 1953а, с. 291; 1953б, с. 22-23). В последующие годы, согласившись с утверждением об отсутствии на Большом Боршевском городище крытых переходов между постройками, он все же отмечает наличие здесь крупного хозяйства, принадлежащего большой патриархальной семье (Винников А.З., 1991, с. 26-27). В своей последней работе, однако, ученый принимает сторону большинства, говоря, что, «...к последним столетиям I тыс. большие семьи общины в славянской среде повсеместно распались. На первое место в качестве хозяйственной единицы выдвинулась малая семья, чем объясняются перемены в размерах и планировке поселений» (Третьяков П.Н., 1982, с. 118).

О точке зрения И.И. Ляпушкина говорилось выше. Его взгляд на славянскую общину как на соседскую, состоящую из отдельных семей по 4-5 человек, не претерпел изменений, свидетельством чему служит его итоговая книга о славянских племенах накануне образования Древнерусского государства (Ляпушкин И.И., 1968; Винников А.З., 1993, с. 45-46).

Пожалуй, особняком стояло в 50-е гг. заявление В.Д. Березовца о том, что северянское сообщество славян (с северянами Дмитрий Тарасович отождествлял роменскую и волынцевскую археологические культуры) находилось на этапе формирования феодальных отношений. «Патриархальные семьи тут уже нет, существует соседская община с индивидуальным хозяйством отдельных семей». Внутри общины происходит же существенная дифференциация, что приводит к зарождению феодального класса (Березовец Д.Т., 1953, с. 26).

Активный интерес к социологическим выкладкам на основе археологического материала проявляли историки и этнографы. И если историки привлекали выводы археологов, как дополнительный аргумент или контраргумент для заключений на основе письменных источников, то этнографы пытались в раскопанных жилищах увидеть удревнение непрерывной линии развития восточнославянского жилища и проводили аналогии с социально-экономическими устоями общества восточных славян, известными по материалам этнографии.

Интересное историографическое исследование социально-экономического строя Древней Руси IX-XII вв. провел В.В.Мавродин, признавший, что без трудов археологов «невозможно представить себе успехи советской исторической науки в области изучения начальной истории русского народа и государства (Мавродин В.В., 1962, с. 60).

В 1963 году вышла интересная книга М.О. Косвена, подводящая итог его многолетним работам. Именно в ней М.О. Косвен наиболее ясно выразил сущность понятия «патронимия», которое он сам ввел в этнографическую науку и которым затем стали широко пользоваться исследователи. Под патронимией понималась «историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю. Она представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания или сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т.е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование» (Косвен М.О., 1963, с. 97). В качестве примера восточнославянской патронимии автор приводил поселение групп родственных семей на городищах Боршевское, Березняки и Монастырище (Косвен М.О., 1963, с. 99-100). Как писали современники, тем самым «он сделал выдающееся научное открытие, установив, что в результате сегментации большой семьи появляется особая группа – патронимия. Разрастаясь и размножаясь, патронимия может, в свою очередь, стать исходным пунктом новых больших семей и патронимий, что делает ее особенно устойчивой и распространенной формой родственных коллективов на последней стадии существования патриархально-родового строя» (Гарданов В.К., 1967, с. 158). В развитии патронимии М.О. Косвен видел три этапа. На последнем, собственно интересующим нас, при распаде патронимического строя,

возникает соседская община. Далее уместно привести выдержку из работы: «Не следует, однако, впадать в наивный эволюционизм, упрощенно считая, что соседская община развивается из патронимии. Прежде всего, обе этих формы принципиально различны: патронимия основана на родственном начале; соседская община – на начале территориальном, соседском. В патронимии ... основой совместного поселения и совместного владения землей остается начало родственное. В соседской общине, являющейся в основном формой владения и пользования землей, это владение и пользование основывается на начале территориальном, соседском и ничего общего не имеет само по себе с отношениями родства» (Косвен М.О., 1963, с. 121). Столь пространное цитирование работы М.О. Косвена обусловлено тем, что его мысли нашли отклик во многих трудах этнографов и археологов. Не все с ним соглашались. Так, в рецензии на книгу Н.А. Кисляков, касаясь вопросов распада семейной общины, утверждал, что, скорее всего, после распада кровнородственные связи стали ослабевать. По прошествии времени в такой общине, владевшей еще на коллективных началах определенными землями или угодьями, вследствие переселений или выселений родственные связи стали заменяться соседскими (Кисляков Н., 1965, с. 153). Впоследствии, Н.А. Кисляков уделил понятию «патронимия» достаточную долю внимания. В специальной работе он делает заключение, что при оценке социальных отношений следует от него воздерживаться, обосновав это тем, что: 1) патронимия это пережиток родовой организации и нет необходимости вводить в научный оборот новый термин; и 2) «термин «патронимия» получил у многих авторов слишком всеобъемлющий, а вследствие этого расплывчатый характер, он трактуется различными авторами по-разному, что не помогает, а скорее мешает установлению правильной научной классификации позднейших этапов первобытно-общинного строя» (Кисляков Н.А., 1976, с. 280).

В сущности, ту же позицию высказали и другие этнографы и археологи. Например, М.В. Крюков для обозначения описанного типа социальной организации пользуется термином «клан», правда, оговаривая, что от этого «сущность патронимической организации не может измениться» (Крюков М.В., 1967, с. 88).

Н.А. Бутинов относил патронимию к этапу так называемой гетерогенной общины, то есть своеобразному этапу между общиной родовой и соседской (Бутинов Н.А., 1968, с. 152).

Включаясь в дискуссию, Ю.И. Семенов жестко полемизирует с М.В. Крюковым, говоря об антиисторизме подхода последнего (Семенов Ю.И., 1968, с. 83), и предлагает свой термин для тех социальных образований, которые Крюков называет «кланом» – семейно-клановый коллектив (или «родовая община», по Н.А. Бутинову).

Ссылаясь на письменные свидетельства и на данные археологии (скорее, на выводы, сделанные археологами), Ю.М. Рапов, приходит к заключению, что ни большие патриархальные семьи, ни сами патронимии для домонгольского периода Руси не прослеживаются. «Большинство источников убедительно свидетельствует о существовании в Восточной Европе, начиная примерно с VI века н.э., славянских поселений, представлявших собой соседские территориальные общины» (Рапов Ю.М., 1969, с. 117).

В ведущихся спорах о наличии патронимических отношений у восточных славян высказал свою точку зрения И.Я. Фроянов, написавший отзыв на статью О.М. Рапова (Фроянов И.Я., 1972, с. 90-97).

И.Я. Фроянов и В.В. Мавродин не раз касались в своих работах данной проблематики, в основном придерживаясь высказанных в более ранних работах тезисов. Вывод, базирующийся на археологических данных о том, что у восточных славян VIII-IX вв. был родоплеменной строй, прозвучал в их совместной статье середины 70-х гг. «Парная семья, перерастающая в большую семью, род, племя, племенной союз – вот элементы социальной структуры восточнославянского общества той поры». Авторы говорят о возникновении внутри рода большой семьи, в чем можно видеть начало его разложения. Вместе с тем, начинает складываться соседско-большесемейная община – одно из важнейших звеньев дофеодального общества (Мавродин В.В., Фроянов И.Я., 1978, с. 131). Идея

о малой семье отвергалась, поскольку семье такого типа сопутствует имущественное неравенство, что археологам проследить пока не удастся.

Не соглашается с тем, что славяне к IX в. преодолели стадию патриархально родового строя, М.М. Фрейденберг. Проводя параллель с общественными отношениями у народов, населявших в древности территорию современной Югославии, автор вполне обоснованно сомневается в том, что у славян на восточноевропейской равнине, начиная с VI в., все формы родственных коллективов, включая род и большую семью, были уже пройденным этапом. «Частная собственность, частное присвоение, индивидуальное ведение хозяйства, отсутствие родовых связей как средств социальной защиты – и все это уже с VI в.? И это в условиях, где отсутствовало сколько-нибудь значительное внешнее воздействие? Сомнительно...» (Фрейденберг М.М., 1972, с. 142).

Археологи не могли оставаться в стороне от обсуждения данных проблем. Получая все новые данные в процессе раскопок, данные, которые требовали интерпретаций, они пытались делать и социологические обобщения.

Но надо сказать, что с момента выхода работ И.И. Ляпушкина и вплоть до 70-х гг. наблюдается снижение активности в публикации материалов, свидетельствующих об общественных отношениях. Хотя можно упомянуть работы Г.Б. Федорова, изучавшего раннесредневековые памятники на территории Молдавии. Планировку жилищ на Екимауцком поселении он объяснял наличием у его жителей патронимной семьи (Федоров Г.Б., 1966, с. 273).

Археологи, за редким исключением (выше упоминаемые работы А.Н. Москаленко, П.Н. Третьякова), осторожно высказываются по вопросам социальной организации восточнославянских племен Днепро-Донского междуречья в VIII-начале XI вв. Лишь в 1971 году О.В. Сухобоков в обобщающей статье по роменской культуре говорит о наличии у славян территориальной общины. Это подтверждается находками отдельных жилищно-хозяйственных комплексов с индивидуальным хозяйственным инвентарем. Малые размеры жилищ соответствовали, видимо, небольшим семьям (Сухобоков О.В., 1971, с. 40).

Проработавший материалы раскопок славянских поселений VI-IX вв. в Пруто-Днестровском междуречье И.А. Рафалович сделал, видимо, первую попытку выделения археологических признаков общины VI-VII и VIII-X вв. Для более позднего периода это признаки, определенные в основном еще М.О. Косвенюком. Итак, признаками распада общины большесемейной и образования патронимий можно считать: «1. Значительная площадь, занятая городищем, или «комплексом сооружений», доходящая до нескольких десятков гектаров. 2. Определенная изолированность, ограниченность этой территории и довольно большая отдаленность ее от других занятых поселениями мест. 3. Сочетание жилых и хозяйственных построек на поселении и предполагаемая численность населения патронимии – несколько сот человек» ... все перечисленные признаки патронимии можно усмотреть в открытых гнездах поселений (Рафалович И.А., 1972. С.231-232). К X веку ей на смену приходит территориальная община, которая основана уже на экономических, а не родственных связях (Рафалович И.А., 1972, с. 233).

На теоретических вопросах изучения древних жилищ и поселений останавливался В.М. Массон (Массон В.М., 1974, с.5-8).

Изучившая жилища черняховской культуры М.А. Тиханова, акцентируя внимание на малых размерах жилых построек, говорит о том, что такие комплексы, без сомнения, являются обиталищами малой, индивидуальной семьи. Полезна мысль о недопустимости определения средней плотности населения, исходя из размеров жилищ и поселений (Тиханова М.А., 1974, с. 44).

В направлении изучения социальной организации древнеславянского общества у населения роменской и боршевской культур очень важными можно считать две монографии, вышедшие в одном году. В книге П.А. Раппопорта, где подводился итог изучению жилых построек славян, был собран практически весь имеющийся к тому времени материал. Имея богатейшую фактическую и источниковую базу, исследователь все же очень осторожно затрагивает вопросы социальной организации общества. Идею о том, что появление в южнорусских районах наземных жилищ связано с социальными переме-

нами, со становлением феодального общества он отвергает на том основании, что наземные дома не получили распространения именно в Киеве. Развитие основных элементов древнего жилища – его конструкции и планировки – объяснялось внутренним развитием домостроительства. В то же время, П.А. Раппопорт делает оговорку о том, что «существенно на развитии жилищ сказываются и социально-экономические факторы». Размеры построек свидетельствуют, что уже с VI в. в славянском обществе безраздельно господствовала индивидуальная семья (Раппопорт П.А., 1975б, с. 167).

О.В. Сухобоков видит социальную структуру роменцев такой, где хозяйственной единицей была индивидуальная семья. Критерии – малые размеры жилища (12-25 кв. м). Изученные жилые комплексы большой площади вряд ли говорят о существовании большой патриархальной семьи. Это объясняется большим количеством членов индивидуальной семьи. Существование семейной общины находит свое отражение и в небольших размерах поселений (Сухобоков О.В., 1975, с. 128).

На 80-е – начало 90-х гг. приходится создание нескольких обобщающих работ, в которых подводился итог изучения славянских племен, где раскрывалась интересующая нас тема. Авторы разделов – археологи, в принципе, были единодушны: в VIII-XI вв. у славян Днепро-Донского междуречья основной социальной ячейкой была индивидуальная семья в рамках территориальной общины (История Украинской ССР, с. 290-291; Седов В.В., с. 244; Этнокультурная карта территории УССР, с. 151; Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства и др.).

Ссылаясь на археологические материалы и анализируя Русскую Правду Краткой и Пространной редакции, М.Б. Свердлов, определял восточнославянскую общину VIII-X вв. не как земледельческую, а как «формирующуюся соседскую территориальную общину – элемент классового общества» (Свердлов М.Б., 1983, с. 96-97).

Большинство работ Б.А. Тимощука темой своего исследования ставят социальные отношения славян. Источником служили памятники Западной Украины, хотя привлекался материал и с других территорий. Нет надобности уделять здесь внимание всем работам археолога (Тимощук Б.А., 1983, с. 15, 22; 1985, с. 3-24; 1988, с. 186-191 и др.). Общий итог был подведен в монографиях (Тимощук Б.А., 1990, с. 95-107; 1995, с. 154-165). Для VIII-IX вв. – это соседско-большесемейная община, которая в IX веке распадается благодаря хозяйственной активности индивидуальных семей. Появляется и общинная знать, выделение которой было проведено по археологическим материалам. Разработана социальная типология поселений (более подробно о концепции Б.А. Тимощука см. приложение).

Раскопавший Большое Горнальское городище А.В. Куза, указывая на большой объем проведенных древним населением работ по возведению укреплений и построек, резюмирует, что это вряд ли было под силу коллективу обычной сельской общины. Он обратил внимание и на отдельные находки – свидетельства высокого ранга их владельцев (Куза А.В., 1981, с. 31, 38). Этим же автором было учтено 1128 памятников, проведена социальная классификация поселений. Основным критерием выступила площадь укрепленных поселений. Были выделены и исключительно археологические признаки, «работающие» именно в социально-экономическом аспекте (Куза А.В., 1983, с. 21-42).

Точка зрения П.П. Толочко о наличии у более богатых семей жилища наземного, а полуземлянок – у людей более низко стоящих в общественной иерархии, поддерживалась Н.В. Блажевич. Работа проводилась на материалах древнерусского города Чучина (Блажевич Н.В., 1983, с. 103). Интересный опыт демографической характеристики населения, полученный на археологических источниках трипольской культуры предложил А.Г. Колесников. Рассматриваются спорные стороны реконструкции социально-экономического развития населения в зависимости от способа ведения хозяйства; приводится обширная библиография (Колесников А.Г., 1988, с. 242-265).

Н.М. Кравченко на материалах Среднего Поднепровья, исходя из планиграфии жилищ и поселений, приходит к заключению о выделении в славянской среде индивидуаль-

ных хозяйств уже в VI-VII вв. Во второй половине VIII-IX вв., считает исследовательница, можно говорить уже о наличии соседской общины (Кравченко Н.М., 1988, с. 133).

Некоторые социальные признаки, характеризующие общину, выделяет А.В. Кропоткин. По его мнению, это характер планировки поселения, расположение хозяйственных построек относительно жилищ. Интересно, что и для первых веков н.э., исходя из малых размеров жилища, ученый пришел к выводу о существовании у черняховцев малой индивидуальной семьи, как ведущей экономической силы (Кропоткин А.В., 1988, с. 23-25).

Интересные сведения о ранних славянах сообщает И.П. Русанова. Соглашаясь с этнографами Ю.В. Бромлеем и А.И. Першецом, она пишет, что «основной ячейкой в жизни первобытного общества являлась община, а не род. Производственные отношения не совпадали полностью с кровнородственными. У славян в середине I тыс. н.э. община уже не была родовой, т.к. родовая община являлась основной производительной ячейкой первобытного общества, и ее члены вели коллективное хозяйство, тогда как в рассматриваемое время (VI-VII вв.) хозяйственной единицей выступала большая патриархальная семья, что было характерно для периода разложения родового строя и перехода от родовой к соседской общине (Русанова И.П., 1988, с. 9-10). Ранее же, в качестве отдельной структурной единицы она выделяла поселение (площадью до 1 га), которое отождествлялось с патронимией. В поселении находится 5-7 одновременных жилищ, что характерно для V-VII вв. Можно было рассматривать группу таких поселений, как территорию расселения патронимии, каждое поселение которой принадлежит большесемейной общине. Последующие в VIII-IX вв. изменения в планировке и топографии поселений связываются с развитием соседской общины (Русанова И.П., 1976, с. 48-50).

Не выбивался из предложенной схемы оценки социально-экономического уровня славянского общества V-IX вв. Я.В. Баран, рассмотревший планиграфию поселений у с. Рашков. Выделение групп одновременно существующих жилищ и соотнесение их с хозяйственными комплексами позволило автору удалось засвидетельствовать тот факт, что на последнем этапе существования поселения все большее количество малых семей употребляли прибавочный продукт отдельно. К VIII-IX вв. «появляется тенденция в стремлении малых семей выделиться экономически из состава большой и закрепить за собой свой участок» земли, что обуславливалось возросшим уровнем агрикультуры. Это позволяло получать устойчивый прибавочный продукт силами меньшего количества производителей. Этот процесс знаменовал собственно переход к соседской общине (Баран Я.В., 1988, с. 19). Такие выкладки делались со ссылкой на работы этнографов 70-х гг. (Бромлей Ю.В., Першиц А.И., 1972, с. 31; Семенов Ю.И., 1976, с. 42), хотя к тому времени этнографическая наука уже ушла далеко вперед в области изучения общественно-экономических отношений. Примером может служить вышедшая в том же году, что и статья Я.В. Барана, фундаментальная сводная работа коллектива авторов «История первобытного общества (эпоха классового общества)» (раздел написан Л.Е. Куббелем) (История первобытного общества, 1988, с. 158-172).

Археологи и этнографы часто отождествляют количество очагов в жилищах с количеством основных производственных ячеек. Однако, как отмечает В.С. Бузин, такое прямое сопоставление: количество очагов – количество социумов, вряд ли правомерно, на что есть этнографические примеры (Бузин В.С., 1990, с. 38-39).

Надо сказать, что этнографы данной тематике уделяли перманентное внимание. Стоит упомянуть ряд работ 80-х гг., где общественная структура восточнославянского общества от эпохи средневековья до современности рассматривалась с позиций этнографии (Громыко М.М., 1984; 1985; Маретина С.А., 1985, с. 72; Решетов А.М., 1985, с. 67; Коротаев А.В., Оболонков А.А., 1989, с. 39, 41).

В 80-е гг. сложной проблемой семейно-родственных отношений у славян в период перехода от доклассового общества к феодализму занимались историки (Свердлов М.Б., 1981, с. 101, 102; 1983, с. 90-105; Горский А.А., 1988, с. 120; Данилова Л.В., 1994).

Таким образом, рассматривая основные работы о социальной организации славян VIII-IX вв., можно сделать заключение о нескольких точках зрения по данному вопросу (см. приложение). Большинство же исследователей на конец 80-х – середину 90-х гг. высказыва-

ются за то, что уровень общественных отношений восточных славян соответствовал больше-
семейной общине, которая в конце IX – начале X вв. начинает распадаться на общину сосед-
скую, где главным экономическим звеном была малая (индивидуальная) семья.

- Артамонов М.И., 1935. Обзор археологических источников эпохи возникновения капитализма в Восточ-
ной Европе // ПИДО.
- Арциховский А.В., 1955. Основы археологии. М.
- Баран Я.В., 1988. Планировочная структура жилых комплексов славянского поселения Рашков I на Сред-
нем Днестре и ее социальное значение // Труды V Международного конгресса археологов славистов. Киев. Т.2.
- Березовец Д.Т., 1953. Археологические памятники летописных северян // КСИА АН УССР. Вып.2.
- Блажевич Н.В., 1983. Житла давньоруського Чучина // Археологія. №44.
- Бромлей Ю.В., Першиц А.И., 1972. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии
и антропологии в свете научного наследия Ф.Энгельса. М.
- Бужин В.С., 1990. Поселения и жилища волосовской культуры, как источник археологических реконструкций // СА. №3.
- Бутинов Н.А., 1968. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // ПИДО. Кн.1.
Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса. М.
- Винников А.З., 1991. Некоторые проблемы истории донских славян в работах П.Н.Третьякова // Археоло-
гия и история юго-востока Руси. Курск.
- Винников А.З., 1993. Некоторые вопросы истории восточных славян Днепро-Донского междуречья в освещении И.И.Ляпушкина // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж.
- Воронин Н.Н., 1951. Жилище. История культуры древней Руси. М.;Л. Т.1.
- Гарданов В.К., 1967. Марк Осипович Косвен // СЭ. №6.
- Горский А.А., 1988. О переходном периоде от доклассового общества к феодальному у восточных славян // СА. №2.
- Громыко М.М., 1985. Историзм как принцип изучения воспроизводства традиций в малых социальных группах // СЭ. №2.
- Громыко М.М., 1984. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме фо-
рмирования, хранения и изменения традиций // СЭ. №5.
- Гусаков Л.П., 1956. Древнерусское народное жилище VIII-XIII вв.: Дис... канд. ист. наук. - М. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-2. Д. 13-20. Альбом - Р-2, 1320 (5-а).
- Гусаков Л.П., 1956а. Древнерусское народное жилище VIII- XIII вв.: Автореф. дисс.... к.и.н. М.
- Данилова Л.В., 1994. Сельская община в средневековой Руси. М.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. №8.
- Ефименко П.П., 1931. Раннеславянские поселения на Среднем Дону // Сообщения ГАИМК. № 2.
- История первобытного общества. Эпоха классового образования. 1988. М.
- История русской архитектуры. 1951. М.
- История СССР. Ч.III-IV.1939. М.; Л.
- История Украинской ССР. 1981. Т.1 Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества. Ки-
евская Русь (до второй половины XIII в.). Киев.
- Кисляков Н.А., 1965. Рец. на кн.: Косвен М.О. Семейная община и патронимия // СЭ. № 6.
- Кисляков Н.А., 1976. О сущности понятия "патронимия" // Страны и народы Востока. Вып. XVIII.
- Ковалев С.И., Некрасов Е.К., Равдоникас В.И., Смирнов И.И., 1934. Краткое введение в историю докапи-
талистических формаций // Известия ГАИМК. Вып. 39.
- Колесников А.Г., 1988. Проблемы реконструкции общественных структур на материалах поселений и
жилищ // Проблемная ситуация в археологии. Киев.
- Кортаев А.В., Оболонков А.А., 1989. Родовая организация в социально-экономической структуре клас-
совых обществ // СЭ. № 2.
- Косвен М.О., 1963. Семейная община и патронимия. М.
- Кравченко М.Н., 1988. К изучению восточнославянской общины (по материалам археологических исследо-
ваний в Среднем Поднепровье) // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Киев. Т.4.
- Кропоткин А.В., 1988. К вопросу о характере общины у племен черняховской культуры. // Археологиче-
ские источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М.
- Крюков М.В., 1967. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // СЭ. №6.
- Куза А.В., 1981. Большое городище у с.Горналь // Древнерусские города. М.
- Куза А.В., 1983. Социально-историческая типология древнерусских укреплен-ных поселений IX - середи-
ны XIII вв. (методика исследования) // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепро-
вья I тыс. н.э. Воронеж.
- Ляпушкин И.И., 1957. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII-X вв. // КСИИМК. Вып. 68.
- Ляпушкин И.И., 1958. Городище Новотроицкое // МИА. № 174.
- Ляпушкин И.И., 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. № 152.
- Мавродин В.В., Фроянов И.Я., 1978. Об общественном строе восточных славян VIII-IX вв. в свете археоло-
гических данных // Проблемы археологии. Вып.2. ЛГУ. 1978.
- Мавродин В.В., 1962. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси // История СССР. №1.
- Маретина С.А., 1985. Обсуждение статьи М.М.Громыко «Место сельской (территориальной, соседской)

- общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиции // СЭ. №1.
- Массон В.М., 1974. Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л.
- Мишулин А.В., 1941. Древние славяне в отрывках Греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // ВДИ. №1.
- Москаленко А.Н., 1955. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж.
- Москаленко А.Н., 1958. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона // Славянский сборник. Воронеж. Вып. 1.
- Москаленко А.Н., 1965. Городище Титчиха. Воронеж.
- Москаленко А.Н., Славяне на Дону. Воронеж. 1981.
- Никольская Т.Н., 1950. Рец. на кн. П.П.Ефименко и П.Н.Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА. №8. М.-Л.1948 // ВДИ. № 4.
- Равдоникас В.И., 1995. За марксистскую историю материальной культуры // Антология советской археологии. М., Т. 1.
- Рапов Ю.М., 1969. Была ли вервь "Русской правды" патронимией? // СЭ. № 3.
- Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Рафалович И.А., 1972. Славяне VI-IX вв. в Молдавии. Кишинев.
- Решетов А.М., 1985. Обсуждение статьи М.М.Громыко «Место сельской территориальной соседской общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. № 21.
- Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI-VII вв. М.
- Русанова И.П., 1988. Об общественной структуре пшеворских поселений // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М.
- Рыбаков Б.А., 1939. Анты и Киевская Русь // ВДИ. № 1.
- Свердлов М.Б., 1981. Семья и община в Древней Руси // История СССР. № 3.
- Свердлов М.Б. 1983. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М.
- Семенов Ю.И., 1968. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // СЭ. № 4.
- Семенов Ю.И., 1976. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М.
- Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. 1990. Киев.
- Сухобоков О.В., 1971. Деякі проблеми вивчення роменської культури // Археологія. Вип.3.
- Сухобоков О.В., 1975. Славяне Днепровского левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев.
- Сухобоков О.В., 1992. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII-XIII ст. Київ.
- Тарновский К.Н., 1954. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян // ВИ. №4.
- Тимощук Б.А., 1990. Начало классовых отношений у восточных славян (по материалам поселений Украинского Прикарпатья) // СА. № 2.
- Тимощук Б.А., 1976. Слов'яне Північної Буковини V-IX ст. Київ.
- Тимощук Б.А., 1983. Общинный строй восточных славян (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дисс... д. и. н. М.
- Тимощук Б.А., 1985. Социальная типология селищ VI-X вв. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.
- Тимощук Б.А., 1988. Славянские поселения VI-VII вв. в Северной Буковине // Древняя Русь и славяне. М.
- Тимощук Б.А., 1995. Восточные славяне. От общины к городам. М.
- Тиханова М.А., 1974. К вопросу о поселениях и жилищах черняховской культуры // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л.
- Третьяков П.Н., 1948. Восточнославянские племена. М.
- Третьяков П.Н., 1953а. Восточнославянские племена. М.
- Третьяков П.Н., 1953б. У истоков древней Руси // По следам древних культур. М.
- Третьяков П.Н., 1982. По следам древних славянских племен. Л.
- Федоров Г.Б., 1966. Посад Екимауцкого поселения // Культура Древней Руси. М.
- Фрейденберг М.М., 1972. Род и семейная община в югославской научной литературе за последние десять лет // СЭ. №2.
- Фроянов И.Я., 1972. Семья и вервь в Киевской Руси (по поводу статьи О.М.Рапова // СЭ. №2.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э., 1985. Киев.

Приложение.

Большую работу по составлению социальной типологии славянских поселений проделал Б.А.Тимошук «Восточнославянская община VI-X вв. н.э. М. 1990». Здесь уместно привести выдержку из данной работы где определены методические основы выделения археологических критериев.

«Существенными, устойчивыми и общезначимыми критериями, позволяющими установить закономерности сходства и различия отдельных селищ VI-X вв по их социальному содержанию, являются: 1) планировка селища (особенности группировки жилищ, хозяйственных и производственных построек, наличие площадок общего пользования – дворов, индивидуальных усадеб и т.п.); 2) размеры селища (общая площадь, количество одновременных жилищ и других построек); 3) место селища в гнезде поселений, его отношение к общинному или другому центру. Устойчивое сочетание археологических признаков согласно этим критериям определяет тип селища. Конечно, при типологизации селищ следует учитывать и другие, второстепенные признаки (типы жилищ и их ориентация, наличие оград и т.п.). Но не они являются определяющими при выделении типов селищ. Им принадлежит вспомогательная роль в типологии.

Согласно первым двум главным критериям, селища VI-X вв. на современном уровне их изучения можно разделить на четыре основные группы: малые селища площадью до 1 га, на которых насчитывается от 6 до 15 синхронных жилищ, сгруппированных вокруг или возле площадки-двора коллективного пользования; Большие селища площадью до 10 га, на которых насчитывается несколько десятков синхронных жилищ, расположенных отдельными большими группами со своими площадками-коллективными дворами; миниатюрные селища площадью до 0,5 га, состоящие из 2-5 синхронных жилищ, рядом с которыми находятся хозяйственные постройки; большие селища, на которых не площадок-коллективных дворов и выделяются небольшие группы жилищ вместе с их хозяйственно-производственными постройками, а также индивидуальные усадьбы.

Типологическая классификация селищ показывает, что существенными особенностями их планировки являются, во-первых, наличие или отсутствие площадок-коллективных дворов и, во-вторых, характер группировки жилищ и хозяйственных построек. Например, если ямы-погребов на селище сгруппированы в одном месте и отдельно от жилищ, то это дает основание полагать, что эти погреба находились в общем пользовании жителей селища, сохраняющих между собой родственные или общественные связи.

Третий критерий социальной типологии селищ (место селищ в гнездах поселений) позволяет, кроме основных, выделить другие, не основные типы селищ. Так, в центре гнезда поселений могут располагаться крупные селища, площадь застроенной части которых составляет более 10 га и количество синхронных жилищ на их территории может превышать сотню. На территории этих селищ обычно имеются значительные остатки ремесла. Эти селища являлись общинными центрами.

Итак, селища второй половины I тысячелетия н.э., согласно главным критериям социальной типологии, делятся на следующие типы: 1) малые селища, состоящие из 6-15 синхронных жилищ, расположенных вокруг или около площадки-коллективного двора; 2) большие селища, состоящие из нескольких групп жилищ, каждая из которых сконцентрирована около своей площадки-коллективного двора; 3) миниатюрные селища, состоящие из 2-5 одновременных жилищ; 4) селища, на которых нет площадок-коллективных дворов, но выделяются отдельные небольшие группы жилищ, в количестве не более шести, а также индивидуальные усадьбы; 5) крупные селища со следами ремесла – общинные центры; 6) селища-спутники городищ – общинных центров; 7) селища-спутники городищ – феодальных центров» (стр.14-15).

Автор, год издания работы	Община		Семья						Время, культура	Археологические признаки, разное
	Позднепервобытная	Соседская, территорияльная	Парная	Малая	Индивидуальная	БПС	Нуклеарная	Патронимия		
Рыбаков Б.А. (1939)	Патриархальная, неразделенная								V-VII вв., анты	Объединенные переходами жилища
Ефименко П.П. (1931)	+								VIII-X вв., романская, боршевская культуры	«Обширные сооружения» (о соединенных переходами жилищах)
Ефименко П.П., Третьяков П.Н. (1948)	+								-“-	Жилища соединенные переходами
Ляпушкин И.И. (1958)		+							-“-	Отсутствие переходов, отдельные стоящие жилые комплексы
Косвен М.О. (1963)								+	-“-	Соединенные переходами жилища
Москаленко А.Н. (1955, 1958, 1981) (1965)		+	+	+	+				-“-	Изолированные однокамерные постройки
Третьяков П.Н., (1948а, 1953а,б) (1982)		+		+		+				Перемены в размерах и планировке поселений
Березовец Д.Т. (1953)		+							VIII-X вв., романская, волынцевская к-ры	(Зарождение феодального класса)
Рапов О.М. (1969)		+	+						C VI по XI вв. славянские культуры	Отсутствие общественных строений, в жилищах – вещи со знаками собственности; клейменная керамика, отдельные жилищно-хозяйственные комплексы
Фроянов И.Я., Мавродин В.В. (1978)		+				+				
Фрейденберг М.М., (1972)	+								Для VI-VIII вв.	
Федоров Г.Б., (1966)	Патриархальная, семейная община	+			Малая, индивидуальная	+		Образовалась в результате распада БПС		Для патронимии характерна кучная планировка жилищ на поселении

Автор, год издания работы	Община		Семья							Время, культура	Археологические признаки, разное
	Позднеперво- бытная	Соседская, тер- риториальная	Парна- я	Малая	Индиви- дуальна- я	БПС	Нук- леарна- я	Патрон- имия	Иное		
Сухобоков О.В., (1971)		+		+							Малые размеры жилищ, отдельные жилища с индивидуальным хозяйственным инвентарем
Тарновский К.Н., (1954)	1) Семейная община	2) С VIII в. (сельская) = территориальная (соседская)				+				1) Третья четв I тыс. н.э. 2) VIII в.	1) Отдельно стоящие дома и одно- этажное общественное здание; 2) На смену городищам приходят неукрепленные поселки.
Кисляков Н.А. (1965)	Семейная							+			
Рафалович И.А., (1972)	1) + до VIII в.	2) с VIII в.				+		+		До VIII в.; VIII-XI вв.	1) Рядовая и кучевая планировка, сменяется 2) гнездовой по 5-8 жилищ. БПС существует вместе с патронимией; Патронимия возникает в результате распада общины
Тиханова М.А., (1974)				+	+					III-V вв. н.э., черняховская культура	Маленькое жилище для малой индивидуальной семьи; Нет уверенности, что большие 2-х этажные дома заселялись БПС
Раппопорт П.А., (1975б)										С VI в.	Малые размеры жилищ
Сухобоков О.В., (1975)	Семейная, до V в. н.э.	+			1) +	+					1) Малые размеры жилищ; Большие размеры построек не говорят о существовании БПС
Седов В.В. 1982	1) Семейная, большая- патриархальная	2) Территориальная	+	+						3/4 I тыс. н.э. время от сем-ой общины к тер- риториальной	Размеры жилищ не могут служить для определения характера жилищ в них семей
Этнокультурная карта.... (1985)				+	+						Небольшие размеры построек
История.... (1981)	семейная	Большая территориальная община, сельская		1) +		2) +				Распад общины происходит с 1-х вв. н.э.	БПС входят в состав сельской общины; 2) несколько рядом расположенных жилищ
Мавродин В.В. (1962)	Домовая большесемей- ная община- вервь	+			«Дым»						

Автор, год издания работы	Община		Семья						Время, культура	Археологические признаки, разное
	Позднепер- вобытная	Соседская, тер- риториальная	Пар- ная	Малая	Инди- виду- альная	БПС	Нук- леар- ная	Патро- нимия		
Бромлей Ю.В., Пер- шиц А.И., (1972)	1) Гетерогенная, Соседско- родовая	2). Первобытная соседская				Большая семья		+		Большая семья, община и патрионимия – явления в основном одновременные
Свердлов М.Б. (1981, 1983)	Первобытная соседская	Соседско- территориальная		+				+- со- стоит из нераз- делная малых семей	VIII-X вв.	Отдельные дома соответствуют соседско-территориальной общине; «отдельно расположенные жилища с их кучным расположением свидетельствуют об автономности малых семей».
Русанова И.П., (1976) (1988)	Большесемей- ная; Патриар- хальная		1)+						V-VII вв. н.э., пражская культура; пшеворская	1) Малые жилища несколько БПС составляют; патронимию; 1') Дома 10-30 м ² ; 2') Группы жилищ
Кропоткин А.В., (1988)		Территориальная, соседская	Ма- лая- пар- ная	Малая- инди- виду- альная	1)+	2)+		+	III-V вв, чер- няховская культура	1) Малые размеры жилищ; 2) Боль- шие дома / находки замков можно трактовать как свидетельство распо- ла большого семейных коллективов
Горский А.А., (1988)		Территориальная, соседская							VI-X вв., вос- точные славяне	
Коротаев А.В., Обо- лонков А.В., (1988)	Родовая, семей- но-родственная группа									
Тимошук Б.А., (1985)				Малые неразде- ленные семьи		2) «Дым »		3)+		1) Миниатюрные селища из несколь- ких жилищ; 2) Малые селища с пло- щадкой-двором; 3) Несколько малых селищ
Тимошук Б.А., (1990)	Земледельче- ская; соседско- большесем- ная	Соседская; вервь, как один из видов		Малая- инди- я семья		+			VIII-XI вв.; Лука - Райко- вская	1) Гнезда поселений
Громыко М.М., (1984)		Сельская-соседская								
Решетов А.М., (1985)		Сельская, террито- риальная, сосед- ская								
Сухобоков О.В., (1992)	Родовая	1) Территориальная или первобытно- общинная; 2) Территориальная			1)+				1) Племя	1) Размеры жилищ 12-25 м ² и хоз.ямы в них; 2) Расположение жи- лищ скученно или отдельными ком- плексами.

АРТЮШКОВСКИЕ КУРГАНЫ НА СЕЙМЕ

В 1994 г. Посеймская археологическая экспедиция Курского педуниверситета и Курского музея археологии провела исследования группы курганов в 0,3 км к северо-западу от окраины деревни Артюшково (Рыльский район Курской области), расположенных на правом высоком, до 30 м, коренном берегу Сейма (рис. 1). Древнее кладбище предположительно связывалось с хорошо известным Артюшковским городищем роменского времени, расположенным в 1,5 км юго-восточнее, на территории деревни (Липкинг Ю.А., 1962), однако, как показали раскопки, погребальные насыпи являются более древними и относятся к иному культурно-хронологическому горизонту*.

П.Г. Гайдуков, составивший план памятника в начале 1980-х гг., насчитал 10 насыпей**. К началу стационарных исследований ситуация изменилась (рис. 1). В ходе строительства фермы курган №4 был полностью уничтожен. Как показал опрос местных жителей, курган №7 был срезан бульдозером. Отсутствовали какие-либо следы кургана №10. Вполне вероятно, он был разрушен полевой дорогой, которая периодически накатывалась на новом месте. Таким же образом был почти полностью уничтожен и курган №6, от которого сохранился только край юго-западной полы. Однако рядом с курганом №9 была выявлена отсутствовавшая на плане П.Г. Гайдукова насыпь, которой присвоен №11. Все курганы были задернованы. Самый большой в группе курган №1 очень сильно поврежден (описание приводится ниже).

Курганы №2 и №3, в которых имелось значительное количество современных предметов (под одной из них была даже вымостка из кирпича), являлись остатками сооружений XX в. Таким образом, собственно погребальные сооружения образовывали достаточно компактную группу, планиграфически тяготеющую к линии ССЗ-ЮЮВ.

Насыпи раскапывались на снос с использованием двух взаимоперпендикулярных бровок. С целью выявления ровиков предварительно исследовалась примыкающая к

курганам территория. С точки зрения процесса сооружения курганы обладали заметным сходством. Так, насыпи имели относительно правильную форму шарового сегмента и полностью были возведены из принесенного со стороны очень плотного желто-серого суглинка. В ряде случаев вместе с ним в курганы попали фрагменты керамики эпохи бронзы. Ровики отсутствовали. Однородность грунта насыпей позволяет предположить, что все

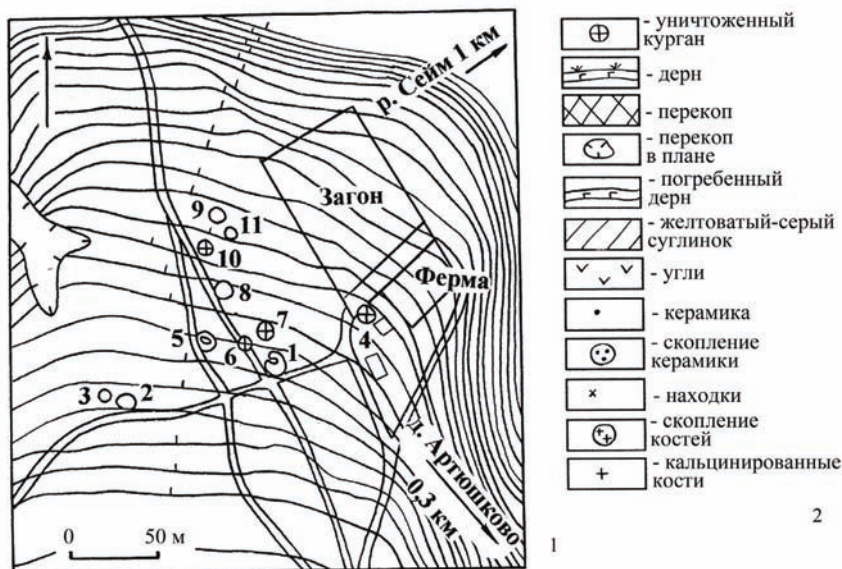

Рис. 1. План расположения курганов у д. Артюшково

* Пользуясь случаем, авторы приносят благодарность за консультации А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому.

** Составленный П.Г. Гайдуковым паспорт с планом хранится в комитете по культуре Правительства

они были возведены в один прием. Это, в свою очередь, дает основания считать, что курган насыпался либо для одного покойного, либо для нескольких, хоронившихся одновременно. Погребенный дерн хорошо «читался» только под курганом №1. В остальных случаях его границы были нечеткими (№8 и №11) или прослеживались только на отдельных участках (№5 и №9), что, скорее всего, являлось следствием специальной зачистки древней почвы перед сооружением насыпи.

Достаточно стандартным оказался и погребальный обряд. После проведения кремации на стороне кости специально отбирали, по возможности очищая от продуктов горения, о чем свидетельствует очень небольшое количество не образующих скоплений угольков. Далее кости развеивались как на месте сооружения кургана, так и в процессе возведения насыпи. В целом количество костей было невелико. В данном случае при характеристике обрядности сложно оперировать такой дефиницией как «вес костей», так как часть их была встречена в грунте в виде мелкой крошки.

Одновременно с рассыпанием костей разбивались лепные горшки, обломки которых также повсеместно разбрасывались. Тот факт, что сосуды разбивались не при совершении сожжения, а уже на месте кургана, подтверждается тем, что из значительной части фрагментов, которые в большинстве своем были мелкими, сложились либо почти целые формы, либо значительные их части, позволяющие провести графическую реконструкцию.

В распределении керамики и костей какой-либо порядок отсутствовал. Тем не менее, на планах они нанесены *in situ*. В отдельных случаях как кости, так и обломки керамики образовывали мелкие скопления, которые, однако, сложно трактовать как погребения в виду их незначительности. Вероятнее всего, они определяются причинами чисто случайного характера, как, впрочем, и тяготение находок в некоторых курганах к какой-либо части насыпи.

Ниже приводится описание исследованных курганов. Ввиду простоты стратиграфии на чертежах приводится только по одному профилю бровок З-В (южные фасы).

Курган №1. Диаметр 13 м, высота - до 1,9 м (рис. 2, 1). Западная часть вплоть до материка была прорезана траншеей, причем она неоднократно углублялась; юго-восточная пола почти полностью срезана. В насыпи на разной глубине встречались отдельные кальцинированные косточки и мелкие фрагменты лепной керамики (всего 14 экз.), в том числе два венчика. Часть фрагментов, несомненно, относится к эпохе бронзы, культурно-хронологическую принадлежность остальных из-за незначительности размеров определить сложно, хотя, вероятнее всего, они принадлежат раннесредневековым сосудам (рис. 2, 2).

Курган №5. Диаметр - до 10,9 м, высота 1 м (рис. 3). Центр и северо-западная часть, а также северо-восточная пола попорчены ямами. Повсеместно встречались косточки и мелкие обломки лепной керамики. Значительная их часть была встречена в юго-

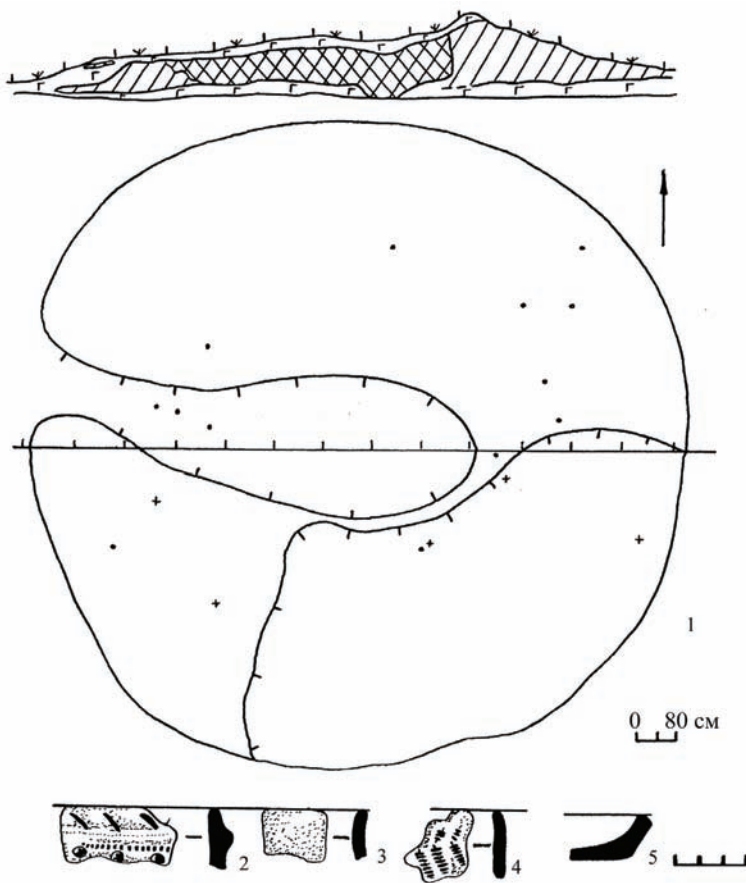

Рис.2. Курган №1. 1 - план; 2 - керамика

восточном и северо-западном секторах. В нескольких случаях пережженные кости образовывали мелкие скопления. Скопление 1 в виде небольшого количества костей вместе с редкими, отдельными угольками отмечено в верхней части насыпи, на глубине около 70 см от поверхности кургана и занимало площадь диаметром менее 10 см. Косточки встречались вглубь на 7 см. Скопление 2, столь же незначительное по размерам, было обнаружено сразу под дерном и содержало только немного косточек, без углей. Скопление 3 располагалось в нижней части насыпи, на 40 см выше материка. Оно занимало заметно большую площадь, однако количество костей (чуть более двух десятков), среди которых встречено два мелких уголька, было все так же мало. Скопление 4 находилось рядом, однако на 15-20 см глубже. По составу оно было аналогично предыдущему: немного костей и несколько мелких угольков, которые встречались до 10 см вглубь.

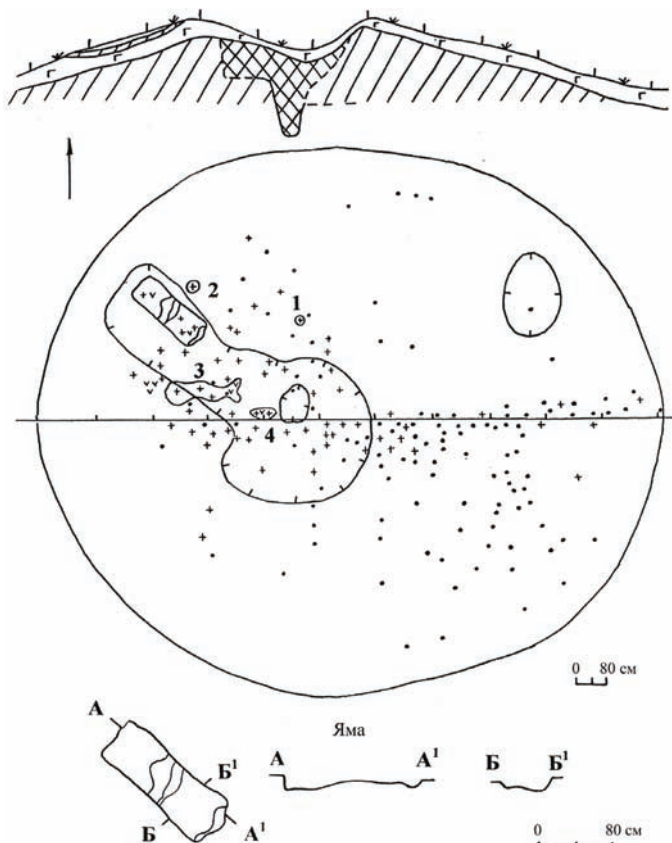

Рис. 3. Курган №5

Таким образом, если остатки трупосожжения в скоплениях 2 и 3 располагались примерно на одном уровне, то в скоплениях 1 и 4 имели некоторый «разброс» по высоте, но никаких границ ямок при этом не прослеживалось.

Под насыпью при зачистке была обнаружена подпрямоугольная в плане яма, имевшая размеры СЗ-ЮВ - 152 см, СВ-ЮЗ - 52 см при глубине 4-10 см. Ее дно было неровным, с неярко выраженными уступами, на отдельных его участках прослеживалась тонкая прослойка сероватого цвета. Заполнение почти не отличалось от насыпи, если не считать незначительной примеси гумусированных включений. В нем было немного кальцинированных косточек, а также редкие мелкие угольки. Рядом с ямой также зафиксированы отдельные кости.

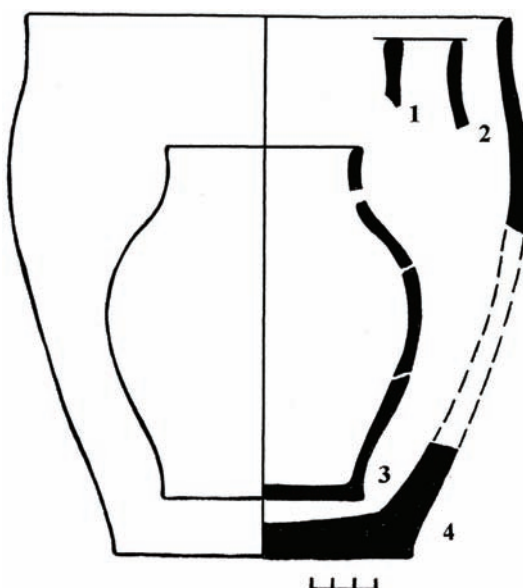
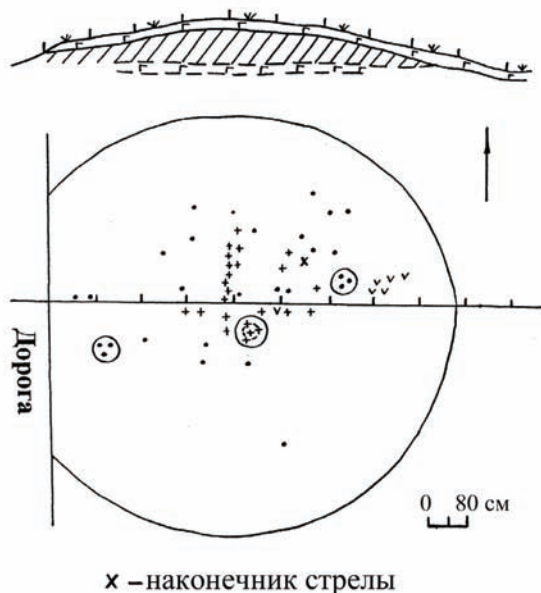

Рис. 4. Керамика из кургана №5

В различных частях насыпи кургана было найдено сравнительно много обломков лепных сосудов, из которых часть принадлежала двум горшкам, поддающимся реконструкции. Один представлял собой слабопрофилированный горшок из теста с примесью шамота высотой около 25 см, наибольшее расширение которого приходилось на верхнюю треть тулова (рис. 4, 4). Второй, меньших размеров (высота - до 17 см), отличался своими пропорциями. Наибольшее расширение у него приходилось на участок чуть выше середины тулова, а диаметр дна равнялся диаметру горла (рис. 4, 3).

Среди других обломков были два венчика, морфологически близкие первому сосуду (рис. 4, 1, 2), а также обломок стенки, края которого были сточены, в результате чего он получил трапециевидную форму.

x – наконечник стрелы

Рис. 5. Курган №8

диаметр дна (рис. 6, 5). Отдельные его обломки были встречены в насыпи. В 70 см к СЗ от данного развала, также на уровне погребенной почвы, найден железный втульчатый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 6, 7). Кроме того, в насыпи было обнаружено несколько обломков от третьего горшка, однако из них собрался только венчик (рис. 6, 2).

Помимо отдельных пережженных костей в различных частях кургана и под его насыпью, в центре, на уровне погребенной, почвы имелось небольшое скопление костей с редкими мелкими угольками, которое состояло как бы из двух частей. Четкая граница между ними отсутствовала. Отдельные косточки занимали округлую в плане площадку диаметром около 60 см, в центре которой на окружности диаметром 30 см концентрация их несколько увеличивалась.

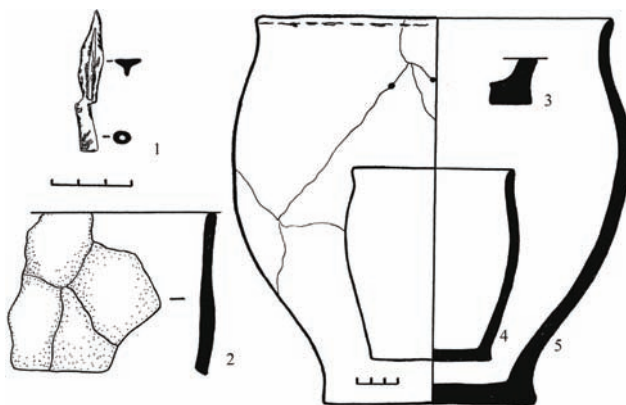

Рис. 6. Находки из кургана №8.

1 - наконечник стрелы; 2-5 - керамика

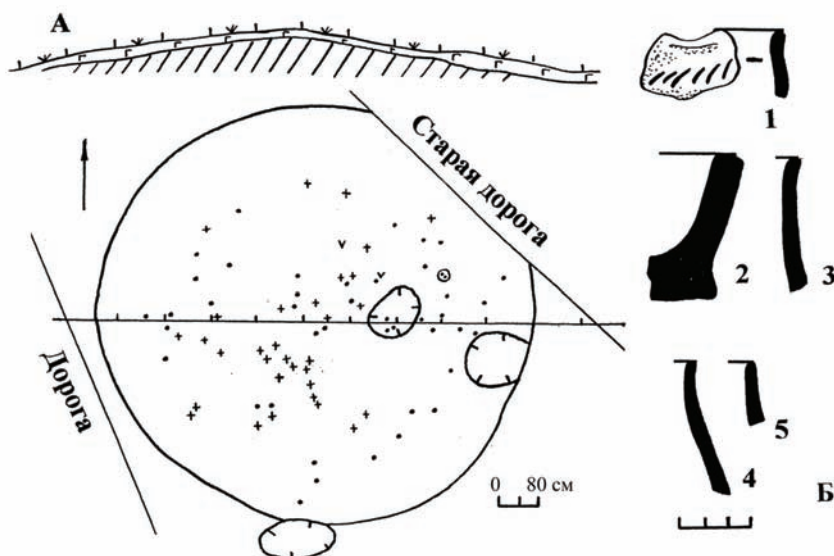

Рис. 7. Курган №9. А - план; Б - керамика

Курган №8. Диаметр 9 м, высота 1 м. Как в самой насыпи, так и под ней, встречались мелкие кальцинированные кости и обломки лепной керамики, а также отдельные угольки (рис. 5). В распределении керамики наблюдались некоторые отличия от других исследованных курганов. Если в насыпи в подавляющем большинстве были встречены мелкие фрагменты, то на уровне погребенной почвы имелось два скопления более крупных обломков, которые позволили реконструировать полные формы сосудов. В юго-западном секторе во время погребения был разбит небольшой слабо-профилированный горшок, достаточно близкий по своим пропорциям сосуду из кургана № 5 (рис. 6, 4). Из скопления в северо-восточном секторе собралась большая часть довольно крупного горшка высотой 28 см, у которого диаметр горла почти в два раза превышал

Курган №9. Диаметр - до 9,4 м, высота - до 0,64 см. Насыпь имела незначительные повреждения в виде неглубоких, хорошо задернованных старых ям (рис. 7, 1). В насыпи и под ней найдены мелкие обломки пережженных костей, отдельные угольки и четыре десятка фрагментов лепной керамики. В одном случае под насыпью было обнаружено небольшое скопление обломков сосудов, однако целые

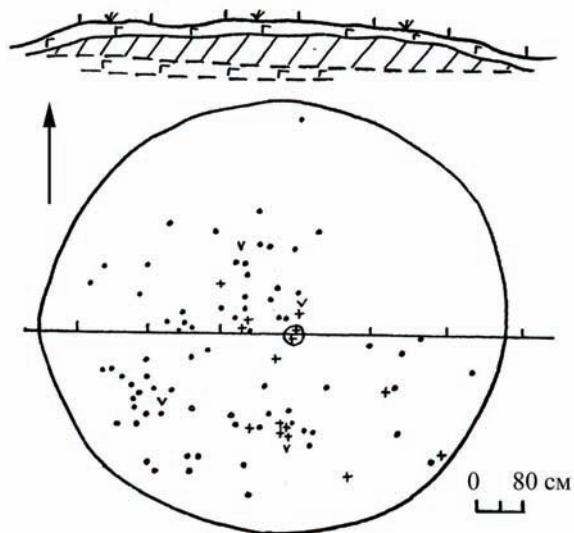

Рис. 8. Курган №11

Основным материалом для определения культурно-хронологической принадлежности исследованных курганов является керамика. В общей сложности реконструкции поддается пять сосудов, из которых четыре по профилировке и пропорциям достаточно близки (рис. 4, 4; 6, 4, 5; 9, 4). Они изготовлены из теста красновато-оранжевого или красновато-коричневатого цветов, с примесью шамота, поверхность довольно хорошо заглажена. Наибольшее расширение приходится на участок несколько выше середины сосудов. Диаметр дна заметно меньше диаметра горла. По пропорциям от них заметно отличается округлобкий горшок из кургана №5 (рис. 4, 3), хотя при этом он имеет похожий состав теста.

Керамика артюшковских курганов имеет прямые аналогии в посуде колочинской культуры. Так, при обзоре верхнеднепровской керамики, куда была включена и значительная часть Днепровского Левобережья, близкие формы были выделены И.П. Русановой в тип 2 (Русанова И.П., 1976, с. 69). По классификации Е.А. Горюнова, в основе которой лежал анализ деснинской керамики III-VII вв., сосуды из Артюшково соответствуют виду IV (Горюнов Е.А., 1981, с. 19). Идентичные горшки содержались в хрестоматийных на сегодняшний день колочинских могильниках - Княжинском и Лебяжинском, рас-

формы восстановить не удалось (рис. 7, 2-6). Из четырех обнаруженных венчиков один принадлежал сосуду эпохи бронзы и три - ранее отмеченным слабопрофилированным горшкам.

Курган №11. Диаметр 6 м, высота - до 0,5 м. Как состав, так и характер остатков сожжения остается прежним (рис. 8). Фрагменты керамики в большинстве случаев принадлежали слабопрофилированным горшкам (рис. 9, 1, 2, 5), из части их была реконструирована полная форма (рис. 9, 4). Меньшая часть обломков принадлежала сосудам эпохи бронзы (рис. 9, 3).

В центре кургана, на уровне погребенной почвы, найдено скопление диаметром 15 см, состоящее из нескольких мелких фрагментов лепной керамики, очень небольшого количества кальцинированных костей с золой и мелких угольков.

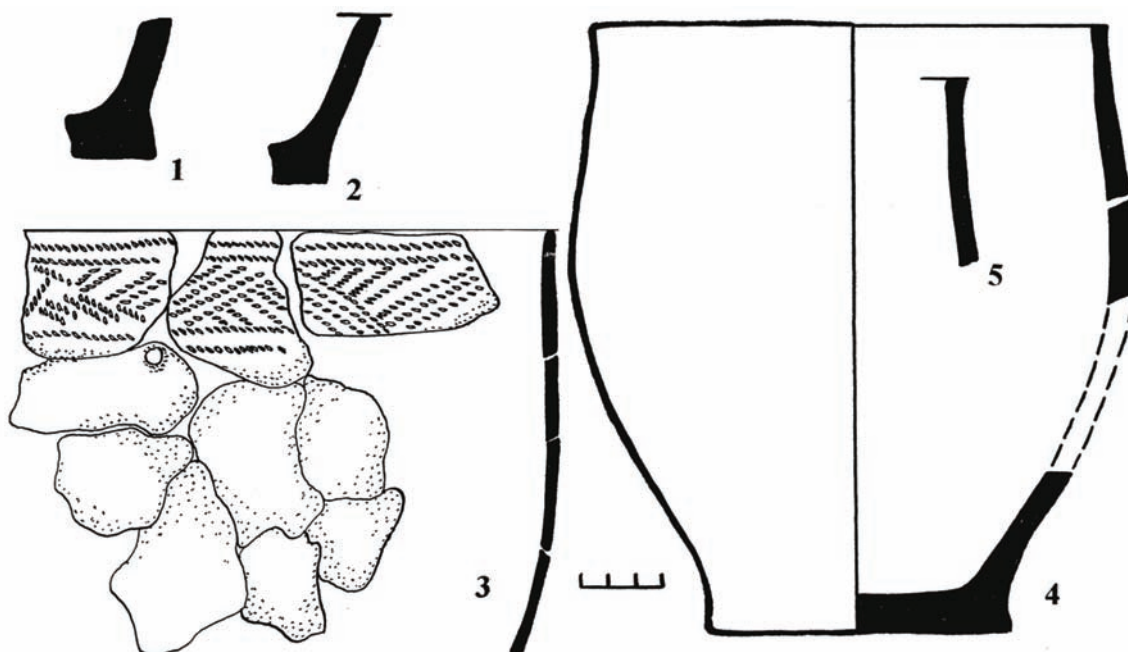

Рис. 9. Керамика из кургана №11

положенных непосредственно на территории курского Посеймья (Тихомиров Н.А., 1990, рис. 3, 4). По классификации И.В. Зиньковской, которая также обратилась к этим материалам, дополнив их керамикой из Картамышевского могильника, артюшковские сосуды соответствуют типу 1, хотя и имеют некоторые признаки типа 2 (Зиньковская И.В., 1998, с. 5, рис. 1, 1-5). В целом, морфология артюшковской посуды является достаточно типичной для южных колочинских памятников. По мнению А.М. Обломского, данная керамика, включая профильные фрагменты, относится к типам I, 3-а и I, 3-б его классификации, весьма характерным для данного региона, а явно выпадающий из общей картины округлобокий горшок из кургана №5 имеет аналогии в материалах трупосожжения б «постпеньковского» Дмитриевского могильника (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с. 102). Действительно, пеньковское население проживало на Северском Донце и Осколе до прихода сюда алан и праболгар, в результате чего сложился новый этнический массив, оставивший, в частности, и Дмитриевский могильник, однако его ранние захоронения относятся к середине VIII в. (Плетнева С.А., 1989, с. 268, 269), то есть ко времени, когда колочинская культура уже прекращает свое существование на территории Посеймья. Тем не менее, выбранное направление аналогий выглядит достаточно реалистичным. В пеньковской среде округлобокие горшки близких пропорций не являются редкостью (Славяне..., 1990, рис. 45, 8, 9), известны они на Пастырском городище (Приходнюк О.М., 1998, рис. 7, 1, 2). Сходство сосуда из Артюшково с данной керамикой, возможно, является даже большим, нежели мы можем себе представить, так как реконструкция формы его венчика является условной (в районе шейки отсутствует «стык») и, вполне вероятно, он был отогнут наружу. Не исключен, в то же время, и еще один вариант происхождения архетипа артюшковского горшка. Округлобокие горшки с расширением около середины высоты и близкими диаметрами дна и горла известны в раннеболгарских древностях. В частности, аналогичная керамика была встречена в Брусянском II могильнике, который функционировал со второй пол. VII в. Авторы раскопок полагают, что и раннеболгарская керамика, и некоторые группы салтовомаяцкой посуды формировались на основе единых морфологических прототипов, что подразумевает наличие общих культурных корней (Богачев А., Зубов С., 1993, с. 32, рис. 7).

Ни разу не отмечены в колочинских древностях наконечники стрел, подобные находке из кургана №8. Неизвестны нам такие формы и на смежных территориях.

Среди памятников колочинской культуры курганы исключительно редки. Это кладбища в Кветуни (ур. Дуля) в Подесенье и Воронине на левом берегу Днепра, напротив Нового Быхова. В обрядности Воронино прослеживается определенное сходство с Артюшково. Так, в четырех раскопанных там курганах были встречены остатки сожжения на стороне, в двух случаях обломки преднамеренно разбитых сосудов были обнаружены в насыпях (курганы №2 и №3), а в насыпи кургана №2 были также найдены и кальцинированные кости. Однако основная часть остатков трупосожжений размещалась под насыпями, а в курганах 1 и 5 их сопровождали целые сосуды (Соловьева Г.Ф., 1970, с. 98-99).

В Кветуни также господствовал обряд кремации на стороне и обычай разбивать сосуды при совершении погребения. Однако А.В. Артишевской там были отмечены и урновые погребения, а, кроме того, в большинстве случаев остатки сожжений помещались в округлых линзовидных ямах под насыпями (Артишевская Л.В., 1963, с. 98, 99). Сравнительно недавно А.М. Обломский, проанализировав полевую документацию, пришел к выводу, что ямы не имеют отношения к курганам и связаны частично с более ранним грунтовым могильником, частично - с поселением киевского времени, а в целом для Кветуни достаточно характерен обряд захоронения, зафиксированный в Артюшково: кальцинированные кости и черепки от сосудов рассеяны по насыпи (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с. 107). Таким образом, между двумя памятниками имеется существенная близость. В то же время Артюшково дает гораздо более однородную обрядность. В Кветуни, несомненно, присутствует большая вариативность, чему достаточно яркой иллюстрацией является погребение в урне кургана №2, которая, кстати сказать, чрезвычайно близка по форме артюшковским горшкам (Артишевская Л.В., 1963, рис. 3, 8).

На сегодняшний день материалов как для характеристики колочинских курганов, так и для уточнения их хронологии в пределах V-VII вв. явно недостаточно. Однако постепенное расширение списка древностей подобного рода на фоне традиционного мнения о господстве в пределах ареала культуры грунтовых могильников имеет несомненный интерес для реконструкции процесса формирования и эволюции похоронной обрядности населения Днепровского Левобережья второй половины I тысячелетия. Памятники типа «Артюшково-Кветуни» представляют собой первый в регионе эпохи средневековья опыт возведения курганов, столь характерных для славян Восточной Европы конца I - начала II тысячелетия н.э.

-
- Артишевская Л.В., 1963.* Могильник раннеславянского времени на р. Десне // МИА. №108.
Богачев А., Зубов С., 1993. Брусянский II могильник ранних болгар (раскопки 1988-1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
Зиньковская И.В., 1998. Керамика колочинских могильников: Лебяжинский, Княжинский, Картамышевский // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Воронеж. Вып. 12.
Липкин Ю.А., 1962. Городища эпохи раннего железного времени в Курском Посеймье // МИА. №113.
Плетнева С.А., 1989. На хазаро-славянском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
Приходнюк О.М., 1998. Основи підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. №3.
Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI-VII вв. М.
Соловьева Г.Ф., 1970. Памятники конца I тысячелетия н.э. в Верхнем Поднепровье // МИА. №176.
Тихомиров Н.А., 1990. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. Вып. 1.

В.Д. Березуцкий, В.В. Кравец
(Воронеж, ВГПУ)

ПОГРЕБЕНИЕ ПОЛОВЦА НА ЮГЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В полевом сезоне 2002 г. отряд археологической экспедиции ВГПУ производил раскопки курганов у с. Вerveковка в Богучарском районе Воронежской области (Березуцкий В.Д., 2003). В кургане №5 наряду с захоронениями эпохи бронзы и предскифского периода, было обнаружено погребение половецкого времени. Погребение 4 (впускное) находилось в центре кургана, в 0,25 м к северу от нулевой отметки.

Над погребением было зафиксировано скопление камней из дикого светло-серо-желтого песчаника (рис. 1, 1), размером от 0,05 до 0,42 м. На некоторых из них отмечены следы костров в виде угольков и золы на их поверхностях.

Под каменным завалом обнаружено погребение взнузданного коня (рис. 1, 2). Уровень залегания его составил в среднем – 95 см от нулевой отметки (показатели от – 80 до – 95 см). Фактически конь располагался под камнями. Он лежал в согнутом положении на левом боку головой на запад. Голова животного сильно загнута таким образом, что она оказалась повернутой на восток, между тем как скелет лежал в направлении на запад. Кости задних ног животного потревожены. Передние ноги находились в согнутом состоянии перед головой.

Железные удила обнаружены между челюстями животного (рис. 1, 3). Сохранность их неудовлетворительная, хотя тип изделий восстанавливается. Это двусоставные удила с кольцами. Кольца массивные, диаметром 5,5 см в сечении округлой формы диаметром 1,2 см. Стержни удила, тоже округлые в сечении, толщиной до 1,2 см. Они крепились к металлическим стержням при помощи загиба и расплющивания последних. Средняя часть удила не сохранилась.

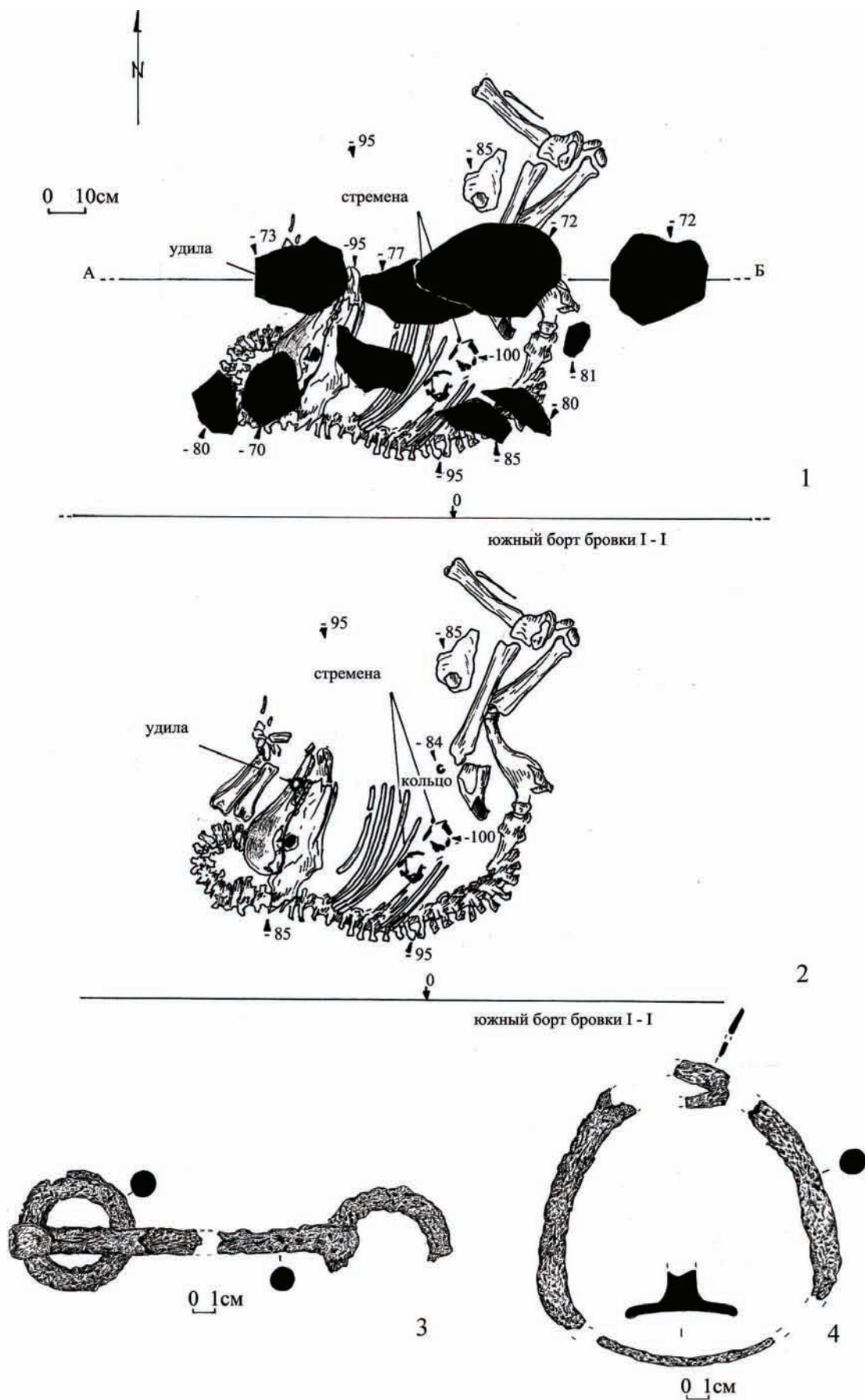

Рис. 1. Погребение коня. План и инвентарь

Железные стремена найдены у брюха лошади (рис. 1, 4). Сохранились они во фрагментах, хотя тип изделий в общих чертах не вызывает сомнений. Это были стремена с арочным контуром, плоской узкой подножкой с загнутыми наружу краями. Верхняя часть дужки расплющена. Вместо треугольного выступа сверху верхний край дужки образует округлый выступ под прорезью для путалища.

Железное кольцо обнаружено у левой задней ноги животного, рядом со стременами. Оно имеет внешний диаметр 2,0 см, сечение округлое диаметром 4-5 мм. Изделие аналогично кольцам, найденным в могиле (рис. 3, 9, 10).

Под конем, с уровня – 105 см от нулевой отметки (уровень материка) зафиксировано погребальное сооружение. Оно представляло собой удлиненную яму усложненной конфигурации, ориентированную длинной осью по линии 3-В (рис. 2, 1-3). Как затем было выяснено, зафиксированная форма ямы – результат наложения погребения 4 на более раннее погребение-6 предскифского периода. В результате контуры ям в восточной части погребального сооружения частично совпали.

Общая характеристика выявленной могилы следующая. Она имела длину 2,87 м, ширину в западной части 0,8 м, в центральной – 0,75 м. Примерно с центра могилы идет ее расширение: южная стенка постепенно расширяется к югу и отходит от общей линии контура могилы на расстояние до 0,25 м. Также, но менее значительно северная стенка отходит, начиная с центра на север на расстояние до 0,1 м. Затем она плавно закругляется на ЮВ, образуя форму левой «стопы человека». Глубина ямы неодинакова: с запада она имеет максимальные отметки, с востока – минимальные, т.е. ее пол поднимается с запада на восток. Глубина в западной части могилы составляет 0,25 м, в средней – 0,22 м и в восточной – 0,12 м. Стенки могилы в западной части пологие, в восточной части – отвесные. Заполнение состояло из чернозема, перемешанного с комками глины, песком, а также древесной трухой. Следов перекрытия не отмечено.

В погребальном сооружении обнаружена деревянная колода, в которой находился умерший. Она имела прямоугольную форму, сильно закругленные углы, длину 1,9 м, ширину от 0,48 до 0,52 м. Наилучшая сохранность ее отмечена для западной части могилы, худшая – с востока. Судя по сохранившимся частям деревянной колоды, она имела следующие характеристики: толщина нижней части (дна) составляла 2,0 – 2,5 см; ближе к краям толщина увеличивалась. Края и торцевые части плавно закруглялись. В западной и восточной частях колоды толщина торца составила до 7 см. Боковые стенки сохранились значительно хуже, но и здесь отмечено утолщение боковых стенок до 4 – 6 см. Сохранившаяся часть колоды возвышалась до 0,15 м над уровнем пола.

Сверху погребение в колоде было накрыто, по-видимому, такой же колодой, сохранившейся хуже. Ее остатки отмечены в западной части могилы. В восточной части они встречались при выборке заполнения могилы в виде древесной трухи.

Волокна на дереве идут одинаково – вдоль колоды. Нигде не зафиксировано следов соединения частей колоды. По всей вероятности, ее изготовили из целого бревна.

В колоде лежал скелет взрослого человека (мужчина) вытянуто на спине, головой на восток. Голова умершего наклонена лицевой частью к югу, руки вытянуты вдоль тела. Погребение сопровождали различные предметы.

Кружальный глиняный горшок (рис. 2, 2, 1, 1а; 3, 1) располагался у левой стопы погребенного на боку. Дно у него было отбито и находилось у левой тазовой кости, что свидетельствует о преднамеренном разбивании сосуда во время похорон.

Горшок имеет короткий, плавно отогнутый наружу венчик с закругленным верхом, плавно расширяющееся в верхней части тулово и плоское без закраины дно. С одной стороны в средней части горшка нанесено 16 сквозных отверстий диаметром 2-2,5 мм. Цвет его светло-коричневый, снаружи с черными подпалинами. Толщина стенок 3 мм. Диаметр верха 13,0 см дна 9,0 см, высота 16,5 см.

Железный нож (рис. 2, 2-2; 3, 3) лежал между ног погребенного у тазовых костей. Нож черешковый, длина черешка 3,5 см, в профиле овальной формы. Лезвие имеет чуть

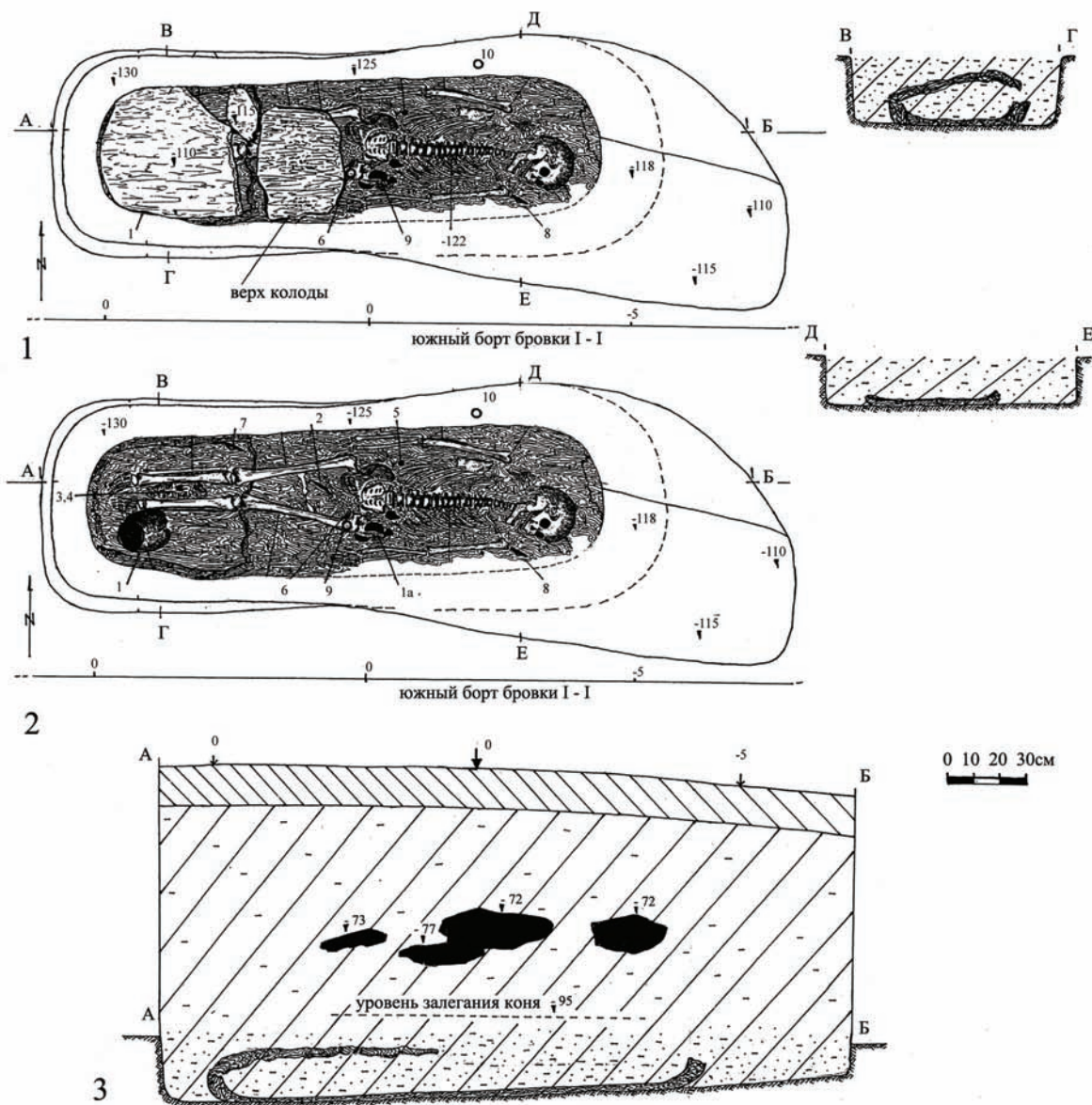

Рис. 2. Половецкое погребение. План и профиль

вогнутое лезвие длиной около 9,0 см, треугольное в сечении. Ширина лезвия – от 8 мм в нижней части лезвия до 1,3 см. Общая длина изделия составляет 12,5 см.

Железные наконечники стрел (рис. 2, 2-3,4; 3, 6,7) находились между голенищами, где обнаружены остатки колчана. Восстановить его форму невозможно из-за плохой сохранности. От колчана сохранились только фрагменты бересты.

Спекшиеся стрелы в количестве трех экземпляров входили в состав колчана. Одна из них почти полностью разложилась, восстановить ее тип невозможно. Две другие сохранились лучше. Обе они плоские, черешковые. Одна листовидная (рис. 3, 6), другая – ромбическая с вогнутыми нижними и несколько выгнутыми верхними ударными гранями (рис. 3, 7). Первая стрела имеет наибольшую ширину 1,5 см, длину пера – 4,0 см, общую длину – 5,9 см; наибольшая ширина второй – 2,4 см, длина пера – 4,5 см, общая длина – 5,5 см.

Костяная втулка находилась у правого подреберья (рис. 2, 2-5; 3, 4). Она представляет собой усеченно-коническое изделие с круглым сквозным отверстием по центру. Длина втулки 2,0 см, диаметр верха 5,5 мм, нижней, широкой части 1,1 см. Диаметр отверстия 5 мм, поверхность втулки заполирована.

Костяная пуговица, хорошо отполированная, находилась у левой ноги, у таза (рис. 2, 2-6; 3, 5). Она полусферической формы со сквозным круглым отверстием по центру. Диаметр составляет 2,2 см, толщина – 8 мм, диаметр отверстия – 6 мм. По внешней по-

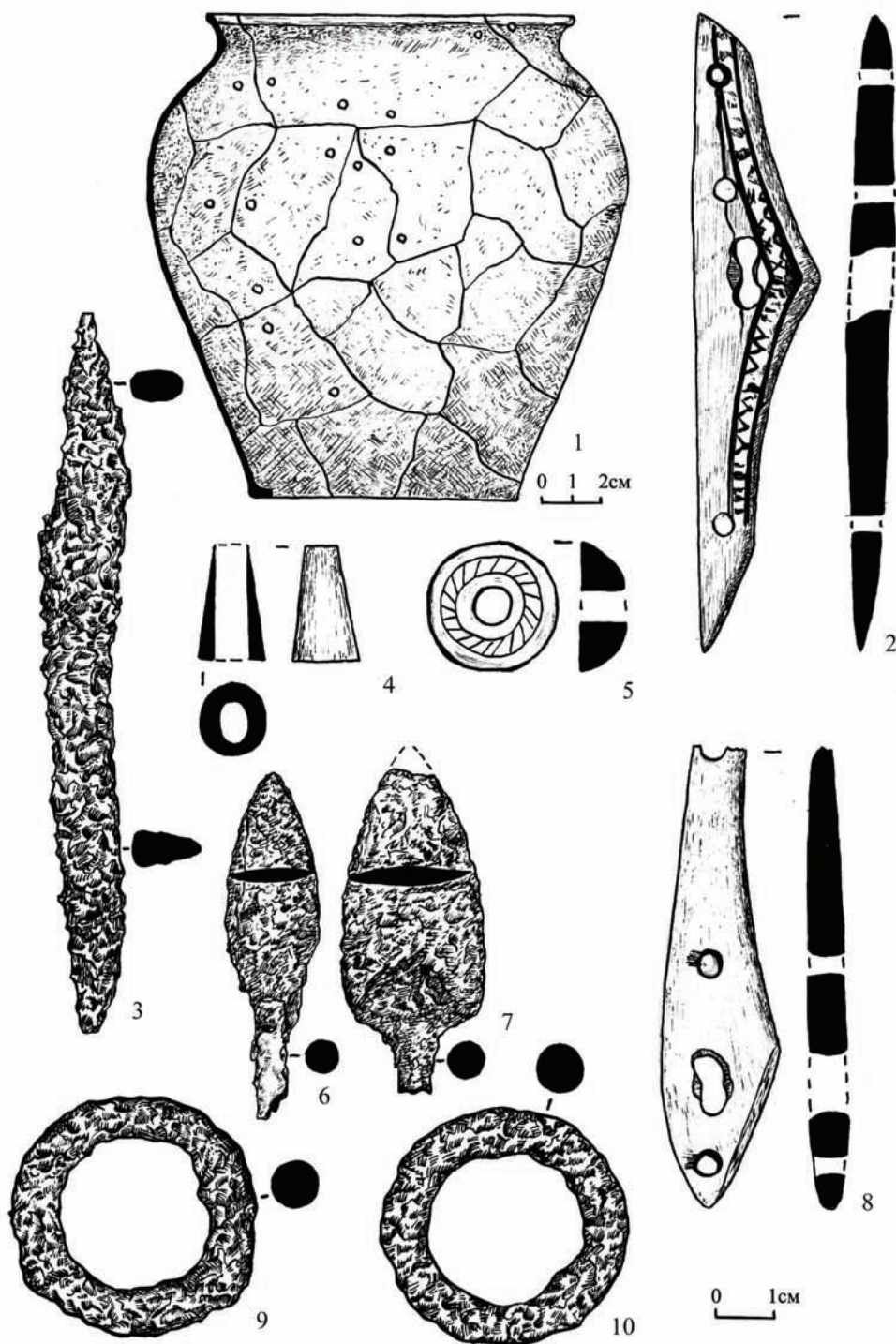

Рис. 3. Инвентарь половецкого погребения

верхности изделия нанесен орнамент тонким резцом в виде двух круглых полос вокруг отверстия, между которыми расположены косые насечки.

Костяные петли для подвешивания налучья или колчана находились у правого колена и у левого плеча погребенного (рис. 2, 2-7, 8; 3, 2, 8). Остатков лука или налучья в погребении не выявлено, но остатки колчана обнаружены в ногах погребенного, что может свидетельствовать в пользу принадлежности петель колчану. Следует предполагать намеренное расположение петель не на своем месте, так как признаки потревоженности погребения отсутствуют.

Петли представляют собой плоские отполированные костяные пластины толщиной 6-7 мм длиной 9,2 см (у плеча) до 10,9 см (у правого колена). На них имеются овальные «восьмерковидные» отверстия для закрепления ремня, а также по три округлых отвер-

ствия для закрепления петель на колчане. Окончание одного изделия обломано, на другом, лежавшем у правого колена, нанесен орнамент по внешней поверхности в виде вырезанных резцом треугольников между двумя параллельными линиями (рис. 3, 2). Орнамент раскрашен красной краской.

Железные кольца, одинаковые по размерам, обнаружены в количестве двух экземпляров. Одно кольцо лежало на левой ноге погребенного у тазовой кости (рис. 2, 2-9), другое – севернее правой руки за пределами колоды (рис. 2, 2-10). Оба кольца одинаковые. Их внешний диаметр 4,0 – 4,2 см, диаметр округлого сечения 8-9 мм (рис. 3, 9,10). На кольцах отмечены остатки древесной трухи и сетчатой ткани.

Погребальный обряд дает информацию для этнокультурной интерпретации захоронения. Восточная ориентировка погребенного типична для половецкого обряда, а тип погребения близок к типу ГІ, по Г.А. Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 126). Применение камня при сооружении насыпи – одна из особенностей половецкого погребального обряда (Степи..., 1981, с. 218).

Односоставные удила с одинарными большими подвижными кольцами для крепления поводка и ремней оголовья (тип ВІ, по Г.А. Федорову-Давыдову) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 18, 20) к XII в. выходят из употребления. По данным С.А. Плетневой, удила этого типа бытовали в IX-XIII вв., но чаще встречаются в погребениях X-XIII вв. (Плетнева С.А., 1958, с. 156). По замечанию этого же исследователя, удила, мало изменяясь во времени, в XI-XII вв. имеют чаще небольшие кольца, не более 4,0 см в диаметре (как у вервековских экземпляров – В.Б., В.К.), а в поздних погребениях XII-XIII вв. их диаметр доходит до 7,0 см (Степи..., 1981, с. 215).

Плохая сохранность стремян не позволяет отнести их однозначно к тому или иному типу. Вероятнее всего они принадлежат типу ДІІ (по Г.А. Федорову-Давыдову) – стремяна яйцевидной формы с узкой закругленной книзу подножкой и расплюсченной верхней частью дужки. Верхний край дужки образует округлый выступ над прорезью для путалища. По мнению исследователя, подобные стремяна не встречаются ранее XII в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 13, 16). По данным же С.А. Плетневой, изделия данного типа известны и в IX-X вв. в печенежских, половецких, торко-печенежских, черноклобуцких древностях XI-XII вв. (Плетнева С.А., 1973, табл. 10, 10-11; 15, 11 и др.). Известны эти стремяна на Южном Урале, на Нижней Волге, в Новосибирской области. Видимо, стремяна охарактеризованного типа бытовали на широкой территории евразийских степей с X по XIV в. Основное же их количество встречено в памятниках XII-XIV вв. (Сташенков Д.А., 1999, с. 177).

К XI в. исчезают в кочевнических древностях стремяна с выделенной петлей. Их место занимают стремяна с уплощенной дужкой и узкой подножкой (как у вервековских стремян). К XII в. относятся стремяна с прямоугольной или заостренной (треугольной) верхней частью с отверстием для ремня. К концу XII в. подножки изготавливали более широкими – до 10 см (Степи..., 1981, с. 215).

Костяные петли известны в памятниках IX-XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с. 20), в том числе – в половецких (Степи..., 1981, рис. 78; 83, 38). Пуговица (тип БІ по Г.А. Федорову-Давыдову) имеет аналогии в Белой Веже (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 70). С.А. Плетнева указывает наличие подобной бусины среди вещей воина-степняка половецкого времени XII в. (Степи..., 1981, рис. 83, 25).

Интересен сосуд из погребения (тип БІІ, по Г.А. Федорову-Давыдову). От подобных сосудов он отличается наличием отверстий, вероятно, производственного назначения (сырница?). Подобные горшки похожи на древнерусские с резко отогнутым венчиком и коническим туловом. Орнамент обычно линейно-волнистый, тесто серое или черное. Изгиб венчика образует вертикальный край. Встречаются в древнерусских памятниках XI-XII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 88, рис. 15). Обнаруженные наконечники стрел и железный нож не имеют узких хронологических признаков.

Таким образом, погребение у с. Вервековка можно отнести к половецким древностям и датировать XII в.

- Березуцкий В.Д., 2003.* Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2002 г // Архив ИА РАН.
- Медведев А.Ф., 1966.* Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел VIII-XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36.
- Плетнева С.А., 1958.* Печенег, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.
- Плетнева С.А., 1973.* Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1-19.
- Степи..., 1981.* Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Сташенков Д.А., 1999.* Белозерское погребение // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

С.И. Андреев
(Тамбов, Инспекция по охране памятников)

КОМПЛЕКС СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ В ВЕРХОВЬЯХ Р. ВОРОНЕЖ

Верховья р. Воронеж давно привлекают внимание ученых. Этот интерес вызван, прежде всего, нерешенностью вопросов, касающихся локализации летописного Воронежа и интерпретации сообщений источников об Урляповом городище в верховьях реки Воронеж. Первая экспедиция под руководством М.Е.Фосс, состоявшаяся в 1953 г., обследовала участок реки Воронеж от села Устье до села Старое Тарбеево (Фосс М.Е., 1953). В 1987 г. экспедиция Воронежского государственного педагогического института под руководством Т.Ю. Аринчиной обследовала участок реки Воронеж в районе села Устье и участок реки Польной Воронеж в районе сел Старое и Новое Хмелевое (Аринчина Т.Ю., 1987). В 1988, 1990 – 1991 гг. экспедиция под руководством Б.А. Фоломеева обследовала участок реки Воронеж от села Новое Тарбеево до села Ярок (Фоломеев Б.А., 1988, 1990), а также участок реки Польной Воронеж от села Старое Хмелевое до села Марьино (Фоломеев Б.А., 1991). И, наконец, в 1999 г. автором был обследован участок реки Лесной Воронеж от южной окраины города Мичуринска до села Старое Тарбеево на реке Воронеж и от этого села до села Новое Хмелевое на реке Польной Воронеж (Андреев С.И., 1999). В общей сложности обследованы берега обеих рек на протяжении примерно 65 км.

В результате этих исследований в бассейне верхнего течения реки Воронеж были выявлены 22 селища древнерусского времени, одно городище, и обследован Урляпов вал, входивший в систему укреплений Козловского участка Белгородской засечной черты (рис.1).

Картографирование древнерусских памятников позволяет выявить «гнезда», или группы концентрации селищ. Прежде всего, это группа, расположенная в районе села Новоникольское – здесь на участке протяженностью 3,5 км расположено шесть селищ. В районе сел Дубки и Мановицы имеется по четыре селища, у сел Старое Тарбеево и Гаритово – по три селища, в районе села Колобово – два.

Селища относятся к приречному типу заселения. По особенностям топографического расположения эти поселения можно разделить на две группы. Первая группа включает пять памятников, находящихся на дюнах в пойме рек. Остальные селища располагаются на склонах первой надпойменной террасы или на ее ровных участках. Отметим отсутствие памятников, расположенных на коренном берегу.

Для анализа размера селищ мы можем использовать данные по восьми из них. Поверхность памятников распаивается, площадь большинства из них не превышает 0,3 га. Эта цифра соответствует средним показателям площади поселений для памятников XIII-XIV вв. в Среднем Подонье (Цыбин М.В., 1987, с.39). Только одно селище – Старое Тарбеево 2 – выделяется своими размерами. Керамика древнерусского времени была собрана с площади около 5 га. Остальные памятники не доступны для исследования, т.к. находятся на огородах сел или задернованы.

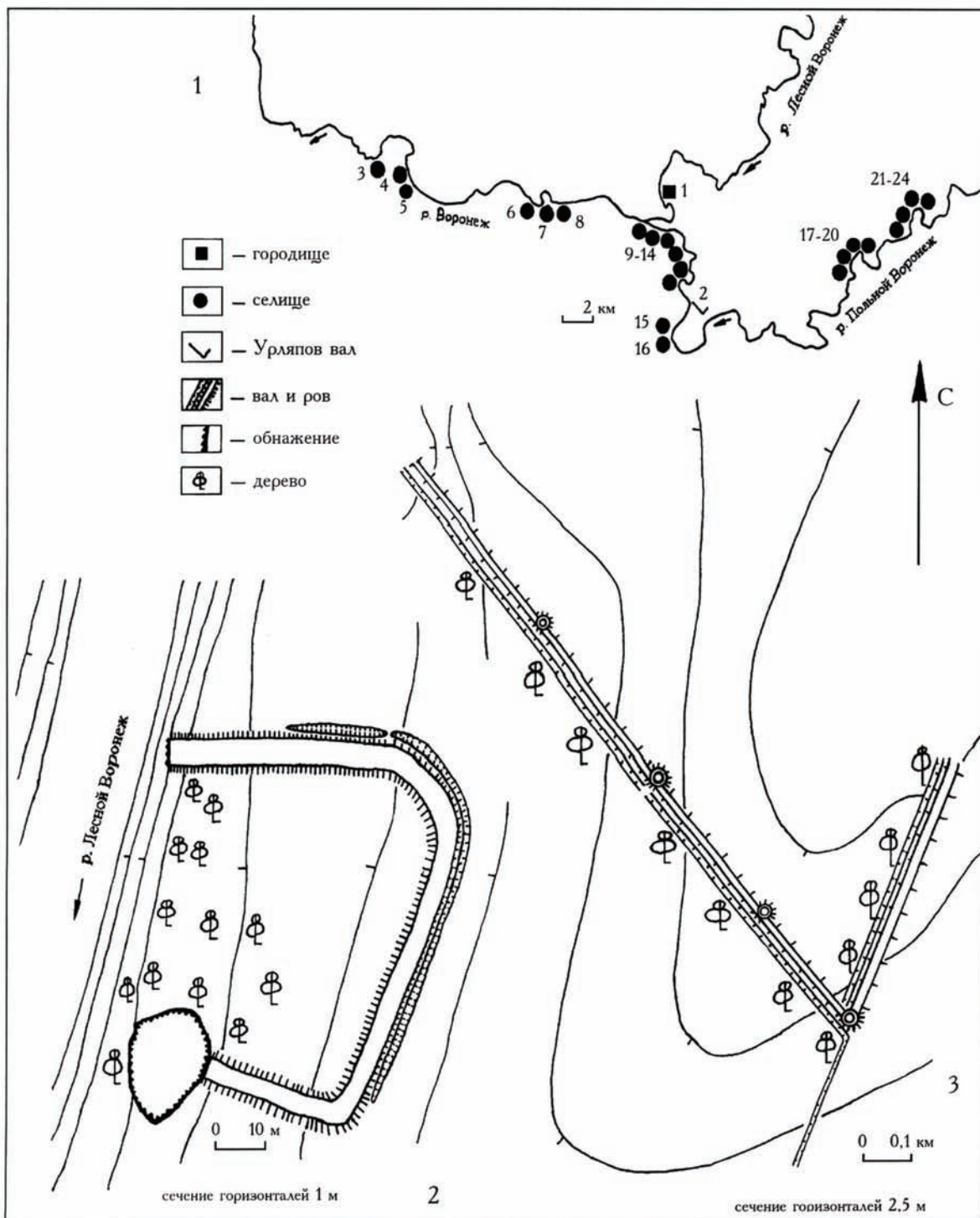

Рис. 1. Древнерусские памятники в верховьях р. Воронеж.

1 - карта-схема расположения; 2 - план городища у с. Стаево; 3 - план Урляпова вала (1 - Стаево городище; 2 - Урляпов вал; 3 - Ярок; 4 - Гаритово 3; 5 - Гаритово 5; 6-8 - Ст. Тарбеево 1-3; 9-14 - Новоникольское 2-5; 15 - Красный Городок 2; 16 - Красный Городок 3; 17-20 - Дубки 1-4; 21-24 - Мановицы 1-4)

На селищах собрана небольшая коллекция древнерусской керамики, что позволяет сделать предварительную датировку их существования (рис. 2, 1-31). Для этого мы использовали типологию, разработанную А.Д.Пряхиным, А.З.Винниковым, М.В.Цыбиным (Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987, с. 21), в основу которой положена форма венчика.

Тип 5 – горшки, имеющие венчик, край которого отогнут наружу в виде «козырька» (рис. 2, 8). Отметим находку на селище Старое Тарбеево 2 фрагмента дна сосуда с клеймом (рис. 2, 10).

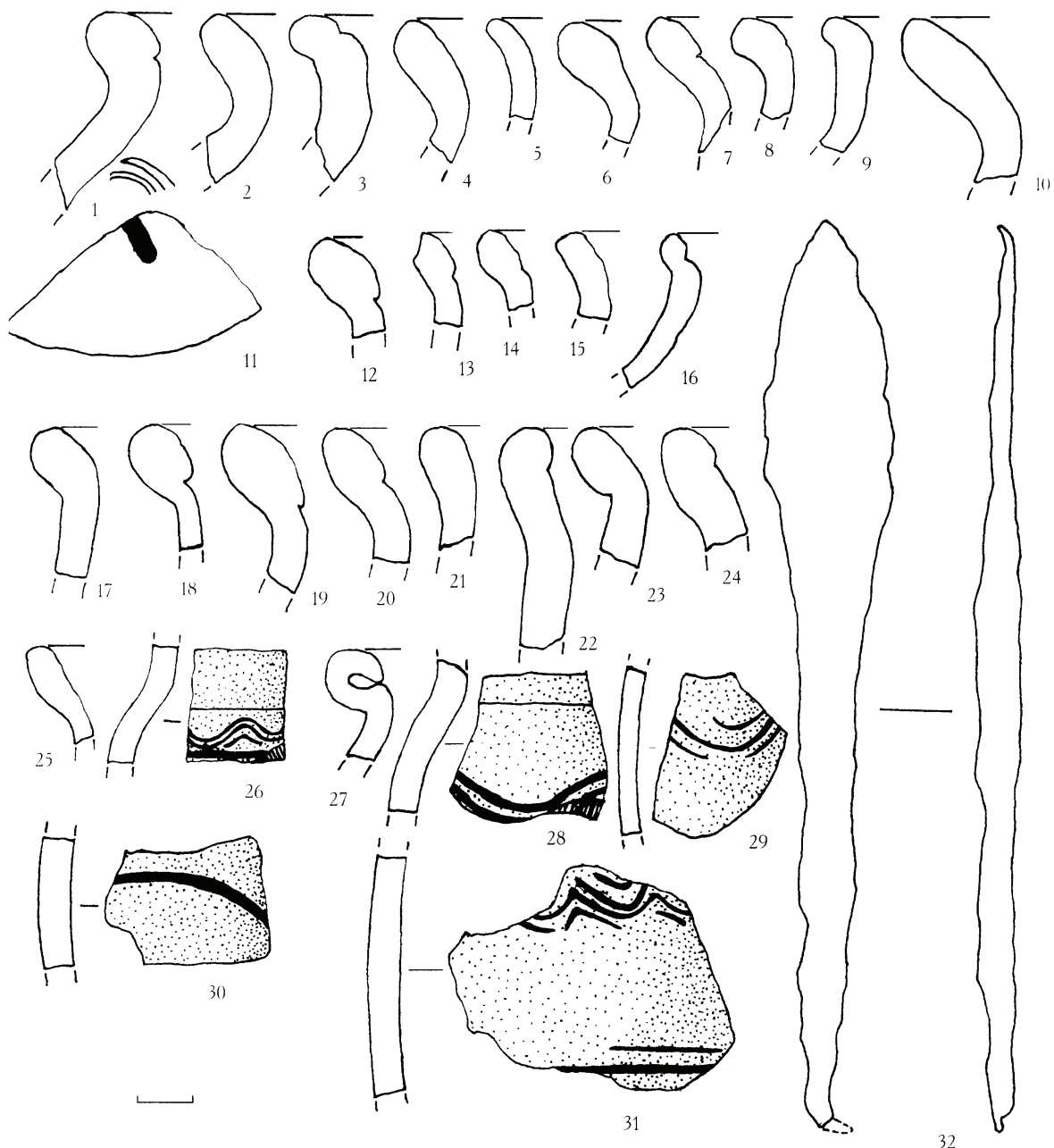

Рис. 2. Находки с древнерусских селищ верховьев р. Воронеж. 1-10 - Ст. Тарбеево 2; 11 - Ст. Тарбеево 3; 12-16 - Новоникольское 2; 17-21 - Новоникольское 3; 22-25 - Новоникольское 4; 26 - Новоникольское 5; 27 - Красный Городок 2; 28 - Красный Городок 3; 29-31 - Колобовка 3

Цветовая гамма поверхности сосудов разнообразна. Имеются фрагменты белого, серого, голубоватого, черного и красного цветов. Тесто сосудов различной плотности, от хорошо отмученной до рыхлой. Примеси в тесте – в виде песка крупного и среднего размеров, реже встречается примесь шамота. Орнаментация горшков традиционна для древнерусского времени и сочетает волнистый и линейный орнаменты.

На основании анализа найденной керамики существование селищ в верховьях реки Воронеж возможно отнести к концу XII-XV вв. Эту датировку подтверждает находка на пашне недалеко от селища Старое Тарбеево 2 сулицы с кинжаловидным черешковым наконечником, с широким плоским пером (рис. 2, 32). Наконечник имеет длину 15,3 см, длина пера 6,5 см, ширина 2,5 см. Его кончик загнулся, видимо, от удара о твердую по-

верхность. Аналогичный наконечник найден на Посаде Старой Рязани и датируется авторами XIII веком (Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995, с. 299).

В 1999 г. открыто городище у села Стаево (Андреев С.И., 1999). Оно расположено в пойме левого берега реки Лесной Воронеж, напротив села, на острове, образованном рукавом реки (рис. 1, 2). Городище имеет форму, близкую к прямоугольной. Его площадь составляет примерно 0,36 га, оно ограничено с трех сторон валом и рвом. Укрепления сильно оплыли вследствие разливов реки. С южной стороны ров замыт полностью. Вал имеет высоту до 1,5 м, ров глубиной до 0,5 м, поверхность городища сильно потревожена поздними перекопами. В северо-восточной части был заложен шурф размером 1х1 м, в результате выявлен культурный слой мощностью около 0,7 м, представляющий собой чередующиеся слои песка и угля. Материальные остатки не найдены.

Выскажем предположение, что эти укрепления были насыпаны для сторожи, о которой говорится в росписи сторожам от 1571 г.: «Лета 7079 в 1 день сентября приказал государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярину своему, князю Михаилу Ивановичу Воротынскому ведать станицы, и сторожи, и всякие государевы польские службы...

Сторожи из Рязского.

1-я сторожа из Рязского на Воронеже под большим под Юрьевым лесом у Хобота...» (Акты Московского государства. Т.1. СПб, 1890, с.1, 11-12) ("И пыль веков от хартии отряхнув...", 1993, с.7-8). Эта сторожа контролировала Ногайскую дорогу.

Не совсем ясно расположение этой сторожи. Ю.А.Мизис считает, что Хобот – это современная река Хоботец, правый приток реки Вишневка, которая в свою очередь является правым притоком реки Лесной Воронеж. Юрьев лес он помещает в верховья Лесного Воронежа (Мизис Ю.А. 1990, карта). В.П.Загоровский помещает Хобот в район слияния рек Лесной и Польной Воронеж (Загоровский В.П., 1969, с.63). На наш взгляд, Хоботом ранее называлась река Алешня, которая впадает в Воронеж в 7 км к западу от слияния рек Лесной и Польной Воронеж. Основанием для этого служит тот факт, что в верховьях реки Алешня расположено село Хобот.

Видимо, именно об этом городище говорится в расспросах служилых людей юга России о возможном месте строительства нового города на реке Воронеже в 1635 г.: «Лета 143 августа 18 расспрашивали в Разряде про Урляпово городище Григорий Федоровский сын Кириевский, Михайло Иванов сын Спешнев, да Воронежец сын боярский Иван Нос. Сказали: городище Урляпово меж Воронежа и Шацкова выдалось в степь на реке на Лесном Воронеже, на Красной стороне, а против городища с ногайской стороны впал Польной Воронеж. Стоит городище в лесных и крепких местах и уезду быть можно и места по всему погожи... А то де они, Григорий, Михайло и Иван, помнят, что царь Борис для оберегания от воинских людей на Урляпове городище хотел ставить город...» (ЦГАДА, фонд 210, столбцы Белгородского стола, столбец 201, лист 3 – 8, 12 – 17) ("И пыль веков от хартии отряхнув...", 1993, с.10). Таким образом, городище существовало уже в конце 16 - начале 17 вв.

Ногайская дорога проходила по Тамбовщине. Она начиналась от мест кочевий ногайцев на правобережье Волги и Приазовья и через междуречье Воронежа и Цны выходила на рязанские места. Татары пользовались переправами через Цну около Кузьминой Гати, при слиянии Польного и Лесного Воронежа на Урляповом городище (Мизис Ю.А., 1990, с. 19). Для контроля этой дороги в излучине р. Польной Воронеж (урочище Арляпова Поляна) «на старых татарских перелазах», был насыпан Урляпов вал (рис. 1, 3). Вал имел в длину 648 сажень (1,3 км), его создание относится к 1647 г., а в 1652 г укреплен дубовыми бревнами и дополнительным рвом «с полевой стороны». На валу располагался укрепленный земляной городок, в котором находилась башня, сделанная из липовых бревен (Загоровский В.П., 1969, с. 234). Отметим, что в настоящее время все укрепления отлично сохранились, ров глубиной до 1,5 м, вал высотой до 3 м. Сохранились следы трех башен, одна из которых – угловая. По середине вала – городок, его площадь около

0,2 га. Сохранился также ров, насыпанный с напольной стороны. Его длина 0, 25 км. В целом, это весьма оригинальное фортификационное сооружение. Оно хорошо вписывается в рельеф местности и, видимо, было эффективно для отражения татарских набегов.

- Андреев С.И., 1999. Отчет о разведке по р.Воронеж в пределах Липецкого и Добровского районов Липецкой области и Мичуринского района Тамбовской области в 1999 году // Архив ИА РАН.
- Аринчина Т.Ю., 1987. Отчет к открытому листу № 279 об археологических исследованиях Павловского отряда экспедиции ВГПИ в Мичуринском районе Тамбовской области и Хохольском районе Воронежской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11969.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Загоровский В.П., 1969. Белгородская черта. Воронеж.
- "И пыль веков от хартии отряхнув...", 1993. Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов.
- Мизис А.Ю., 1990. Заселение тамбовского края в 17-18 вв. Тамбов.
- Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Фоломеев Б.А., 1988. Отчет о работах Окской экспедиции в 1988 году // Архив ИА РАН.
- Фоломеев Б.А., 1990. Отчет о работах Окско-Донской экспедиции ГИМ в 1990 году // Архив ИА РАН.
- Фоломеев Б.А., 1991. Отчет о работах Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ в Никифоровском районе Тамбовской области в 1991 году // Архив ИА РАН.
- Фосс М.Е., 1953. Отчет о работе Лесостепной экспедиции в 1953 году в Мичуринском районе Тамбовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 4444.
- Цыбин М.В. 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII-XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Н.А. Поташкина
(Воронеж, ВГПУ)

У ИСТОКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Обычно в литературе весь период становления воронежской археологии до 1917 г. принято обозначать как «дореволюционный». Многообразный и в целом поступательный процесс представляется в виде отдельных разрозненных эпизодов, не связанных ни с общим развитием науки в стране, ни с тенденциями местной жизни; считается, что исследования носили случайный характер и их проводили дилетанты, имеющие приблизительные представления о целях и методике полевых работ. На самом деле случайны и отрывочны наши знания об этом периоде и людях, которые заложили фундамент археологического изучения губернии.

Предложенные А.А. Формозовым и Г.С. Лебедевым периодизации развития археологии в России (Формозов А.А., 1986; Лебедев Г.С., 1992), помогли по-иному взглянуть и на археологическое изучение Воронежского края. Оказалось, оно имеет гораздо более длительную историю, чем мы привыкли думать. Первые мероприятия по регистрации и охране археологических памятников относятся к нач. XVIII в., и до серед. XIX в., они проводились в рамках историко-географической деятельности столичных учреждений и организаций, далее – вплоть до 1917 г. – в рамках краеведческих исследований местных деятелей и организаций. В этих двух периодах можно, в свою очередь, выделить определенные этапы со своими особенностями и достижениями.

Изучению археологических древностей края предшествовал длительный период предистории или фольклорный период. Его основное содержание – различные предания и легенды о происхождении и назначении древних городищ, курганов, кладов, отдельных вещей. В этих преданиях нашли отражение непосредственные впечатления от памятников археологии, которые всегда окружали людей в их повседневной жизни. В Воронежской губернии большинство археологических объектов в народных представлениях своим происхождением обязано татарам (др. варианты – «литве», «мамаям») или раз-

бойникам (в разных уездах упоминается Кудояр; в Бобровском и Россошанских уездах – Лях Константин). Курганы, якобы, воздвигались для сохранения награбленных сокровищ; клады зарывали также и в городищах, служивших местом обитания разбойников (Воскресенский Н.В., 1886, с. 729-741; Воронежские губернские ведомости (далее ВГВ), 1850, № 11; 1863, № 4; 1866, № 2-3, 18, 19, 50-51; 1869, № 2, 3, 4). Предания объясняли происхождение и некоторых отдельных находок: кости мамонта, в большом количестве находимые в окрестностях с. Костенки, представлялись как «кости какого-то под землей живущего четвероногого зверя» (Болховитинов Е., 1992, с. 139); кремневые стрелки наделялись магической силой исцелять людей и использовались местными знахарями (Зверев С.Е., 1893, с. 164).

Определенным этапом в процессе формирования отношения к древностям является XVII в. С начала века резко возрастает количество упоминаний об археологических объектах в различных древнерусских текстах: в разрядных, писцовых, строельных книгах, земельных документах, донесениях воевод московскому правительству, географических справочниках. Это было связано с участвовавшими попытками использования древностей и необходимостью выработки государственной политики в отношении памятников. В Разрядном приказе появляются так называемые «сыски о кладах» – процедура расследования дела об обнаружении «имущества неизвестно кем зарытого». Охотников извлечь из земли разбойничью или татарскую «казну» было много и в Воронежской губернии, несмотря на опасности, подстерегающие кладоискателей: извлечению кладов из земли, по преданиям, препятствует охраняющая их нечистая сила (Новомбергский Н., 1917, с. 170, 172-174, 193).

При освоении новых земель на колонизируемых русскими территориях археологические объекты служили хорошими географическим ориентирами. В этом качестве они упоминаются в разнообразных планах и картах того времени, в земельных документах: Оксюзово городище, Казарские городища и поля, Старое Маяцкое городище (Вейнберг Л.Б., 1891, с. 25-26, 35-40, 49).

В XVII в. в ходе строительства Белгородской защитной черты на древних городищах, как на наиболее удобных местах, довольно часто строили города-крепости, караульные острожки: город-крепость Усерд, острожек на Голышевском городище (Загоровский В.П., 1969, с. 196, 208-209).

При всем многообразии различных сведений о памятниках археологии в письменных документах, задача специального сбора их в допетровскую эпоху не ставилась. Отношение к ним определяли «простое любопытство, а иногда и корысть» (Формозов А.А., 1986, с. 15).

Начало целенаправленному собиранию «археологических предметов» и сведений о них положили петровские указы 1718 г. (Смолин В.Ф., 1917, с. 124-125). С этого же времени можно говорить и о начале изучения археологических памятников Воронежской губернии. Этот период продолжался до середины XIX в. и в нем можно выделить два этапа: интерес к воронежским древностям первым проявил Петр I, затем они несколько раз попали в сферу интересов Академии наук, а с 1782 г. губернские древности начинают обследовать и описывать в ответ на различные запросы из столичных учреждений и организаций.

Еще в 1717 г. Петр I писал в Воронеж азовскому вице-губернатору С.А. Колычеву (до 1725 г. Воронеж был административным центром Азовской губернии), что «повелевает в Костенску и в других городах и уездах губернии...приискивать великих костей как человеческих, так и слоновых и всяких других необыкновенных» (Архив ИИМК РАН, ф. 69, д. 75). Многие из находимых в Костенках костей Петр I «вытребовал в Санктпетербургскую свою кунсткамеру» (Болховитинов Е., 1992, с. 137).

В 1751 г. Академия наук «послала студента Михаила Коврина проверить сообщение о развалинах близ дер. Студенец» (цит. по: Формозов А.А., 1986, с. 21). В 1768 и 1769 гг. город Костенск посетил «с палеонтологической целью» натуралист, академик Самуэль Готлиб Гмелин (1745-1774). Он обнаружил скопление мамонтовых костей («слоновых остатков») и отметил особенности находки: из костей невозможно собрать

полный скелет и «занимаемое костями место весьма малое пространство в себе заключает» (цит. по: Болховитинов Е., 1992, с. 137-138).

В XVIII в. были предприняты первые попытки систематического описания Российской империи, в рамках которого широко был поставлен сбор сведений и о всевозможных историко-археологических объектах. В 1782 г. Академия наук разослала в уездные суды вопросники по истории и современному состоянию уездных городов, один из вопросов касался наличия развалин «старых городков» или «городищ»; в донесении Острогожского уездного суда описаны три городища «коим особого наименования нет»: «циркуловально» городище над р. Мироном, городище на правом берегу р. Сосны с валом из тесаного мела и городище близ устья р. Сосны, «на превысокой горе, где полуциркулем вдаль к сосне» (ВГВ, 1855, № 27).

В 1837 г. отделение статистики МВД потребовало от губернаторов представить записку о губернских древностях для создания «краткого обозрения» древних отечественных памятников. К таковым в Воронежской губернии были отнесены памятники петровского времени и Валуйская земляная крепость 1593 г. (Архив ИИМК РАН, ф. 6, д. 51/IV, л. 80-82; Глаголев А., 1839, с. 122-123).

Самый активный отклик вызвало обращение Императорского русского географического общества. В архиве его хранятся около 70 рукописей 1840-х-50-х гг. – откликов из Воронежской губернии на призыв общества. Авторы большинства этих описаний – приходские священники. Судя по опубликованному описанию этих рукописей, в них содержится большое количество сведений о курганах и городищах губернии, преданиях и легендах, связанных с ними (Материалы для описания Воронежской губернии, хранящиеся в архиве Императорского Русского Географического общества).

С начала 1850-х гг. подобные материалы начинают активно публиковаться в местной периодической печати, иногда выходят и отдельными изданиями. И с этого времени можно, на наш взгляд, говорить о начале нового периода археологического изучения губернии. Археологические изыскания этого периода были частью комплексных краеведческих исследований наравне со статистическими, археографическими, этнографическими и др.; инициатива в исследованиях постепенно переходит к местным деятелям, начинается создание губернского археологического фонда. Этот период продолжался до 1917 г., и он распадается на два этапа. На первом этапе – до 1900 г. – археологическими исследованиями занимались отдельные энтузиасты, члены губернского статистического комитета; исследования носили отрывочный характер, основное содержание этого этапа – комплексные археологические экскурсии, исследования на местах случайных находок, создание музейного археологического фонда.

Разбудить местную интеллигенцию и вовлечь ее в процесс изучения края удалось приехавшему из Петербурга для службы в Воронеже чиновнику МВД Николаю Ивановичу Второву (1818-1865). При Н.И. Второве центром объединения желающих заниматься изучением Воронежского края стал губернский статистический комитет (ГСК), а «органом этих местных тружеников» сделались губернские ведомости (Воскресенский Н.В., 1888, С. 76). В губернских ведомостях начинают помещать большое количество исторических, статистических, топографических, фольклорных и этнографических материалов, в которых содержится много сведений в том числе и об археологических памятниках губернии (ВГВ, 1850, № 11,15,50; 1851, № 1,2,10; 1863, № 4).

Сам Н.И. Второв, хотя и не занимался археологическими изысканиями, но «следил за тем, что сделано было тогда по этому предмету: собирал сведения о городищах, курганах и каменных бабах, о раскопках, сделанных в этих местах и найденных при этом памятниках древности; что из этих находок возможно было приобрести, он приобретал» (Поликарпов Н., 1896, с. 8). В июне 1857 г. он обратился к губернатору Н.П. Синельникову с докладной запиской об учреждении при ГСК музея «для более обстоятельного изучения Воронежской губернии». В числе других отделов в музее предполагался и археологический, в котором были бы представлены различные «древности, найденные в губернии: оружие, сосуды, конские сбруи, монеты; модели старинных

зданий». Проект был Высочайше утвержден, но в конце июня 1857 г. Н.И. Второв уехал из Воронежа, не успев наладить дело, и, несмотря на общее сочувствие и большое количество пожертвований, дело было прекращено. ГСК по отношению к музею долгое время ограничивался «приемом и хранением случайно поступающих предметов» (Поликарпов Н.И., 1896, с. 8).

После отъезда Н.И. Второва местная инициатива постепенно затухла. Археологическими исследованиями занимались столичные учреждения и частные лица – образованная часть общества, в основном местные помещики, с целью пополнения личных коллекций: в 1880-е гг., когда стали собирать пожертвования для музея, у многих из них обнаружались археологические древности, найденные случайно или при раскопках курганов. Обстоятельства этих раскопок чаще всего оставались неизвестными, их не фиксировали, так как интерес представляли только сами находки. Но о некоторых изысканиях сохранились достаточно подробные сведения (Сизов В.И., 1888, с. 125-127; Шеппинг Д., 1867, с. 62-66).

Специалисты из столичных учреждений посетили Воронежскую губернию в XIX в. дважды: профессор Московского университета А.Я. Кожевников раскопал в 1872 г. погребение XIV в. в кургане из группы близ села Марки Острогожского уезда (Императорский..., 1893, с. 363-364) и хранитель Зоологического музея Академии наук, натуралист Иван Семенович Поляков открыл палеолит в с. Костенках Воронежского уезда в 1879 г. (Уваров А.С., 1881, с. 147).

Сбор сведений об исторических древностях продолжила в 1870-е гг. Императорская археологическая комиссия (ИАК), обратившаяся в 1873 г. через МВД в губернские статистические комитеты с просьбой собрать в течение лета по специальному вопроснику сведения уже только об археологических памятниках. Наиболее подробные сведения по Воронежской губернии были представлены исправниками Валуйского, Бирючинского, Коротоякского, Острогожского и Павловского уездов (Архив ВОМ 3821). Извлечения из этих сведений были опубликованы Л.Б. Вейнбергом (Городища и курганы..., 1887, с. 412-420) и в «Записках Русского археологического общества» (Сведения 1873 года..., 1896, с. 286-306).

В 1888-1889 гг. воронежскими древностями интересовалось Императорское Московское Археологическое общество (ИМАО). В процессе подготовки к VIII Археологическому съезду оно разослало по губерниям вопросник с легендой для составления археологической карты России. Вопросник помог ВГСК собрать сведения о находках в пределах Воронежской губернии каменных, медных и бронзовых изделий, старинных монет, оружия, каменных изваяний и др. (Зверев С.Е., 1893, с. 163). Сбор сведений и на этот раз осуществлялся через статистические комитеты; таким образом, благодаря разысканиям, произведенным ВГСК, было «положено начало местной археологической статистике» (Зверев С.Е., 1893, с. 163).

Интерес к археологическим памятникам губернии возродил назначенный секретарем ГСК в 1884 г. смотритель губернской типографии, провизор по образованию Леонид Борисович Вейнберг (1849-1901). Он активно и, главное, регулярно, занимался исследованием малоизученной губернии, составил первые археологические отчеты для ИАК, первым из секретарей статкомитета начал обследовать места случайных находок и активно занимался созданием музейного фонда. С 1888 по 1890 гг. он регулярно совершал экскурсии, которые носили комплексный характер, но преимущественное внимание уделялось археологическим изысканиям.

Так, в августе-сентябре 1888 г. Л.Б. Вейнберг произвел раскопки могильника на Тюнинском Селище в Задонском уезде: были исследованы «яма», образовавшаяся на месте огромного разрытого кургана с ходом в каменное подземелье и 4 кургана разных типов (Архив ИИМК, д. 32/1887, л. 9-55; ОИАК, 1891, с. CCCXVI-CCCXIX). К отчету, отправленному в ИАК, были приложены прекрасно выполненные план местности, на которой расположено Селище, чертеж «ямы» и все предметы, найденные при раскопках. После изучения в ИАК находки были возвращены в Воронеж.

В следующем 1889 г. Л.Б. Вейнберг произвел исследования на местах случайных находок погребений в селе Фоцеватка Землянского уезда и слободе Ольховатка Остро-

гожского уезда; определил топографию некоторых известных по письменным документам памятников на Верхнем Дону (Оксюзово городище, Большой межевой камень, Донская беседа); обследовал памятники правого берега реки Воронеж (Архив ИИМК РАН, д. 49/1889, л. 6-9, 11-15).

В 1890 г. ИАК поручила Л.Б. Вейнбергу выяснить значение «городища на Дивьих горах» и исследовать течение Дона для установления местонахождения Червленого Яра – древнего урочища, которое упоминается во многих старых документах. Археологические экскурсии в 1890 году Л.Б. Вейнберг совершал вместе с писателем и краеведом Евгением Львовичем Марковым. Краеведы осмотрели берега реки Воронеж, особенно тщательно изучили предполагаемое преддверие Червленого Яра; по дороге в Дивногорье изучили окрестности с. Костенки; в Дивногорье осмотрели разграбленный крестьянами склеп с женским захоронением в провале земли на Маяцком селище; посетили пещерные памятники: Шатрище, Дивногорье и Белогорье (Вейнберг Л.Б., 1891; Марков Е.Л., 1891-1892). Последним мероприятием в 1890 г. были раскопки пяти курганов близ села Таврова: погребения принадлежали «узколищному малорослому племени», в головах костей находились сосуды (Архив ИИМК РАН, ф. 1, д. 23/1890).

По результатам трех лет исследований Л.Б. Вейнберг составил отчет для ИАК под названием «Придонские исторические памятники Воронежской губернии» (Архив ИИМК РАН, д. 23/1890, л. 19-30) и издал «Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии» – оригинальный научно-популярный труд об археологических и исторических памятниках Воронежского края с описаниями и рисунками Е.Л. Маркова.

В 1891 г. Л.Б. Вейнберг уехал из Воронежа. Археологические предметы, полученные с помощью раскопок и пожертвований он оставил в комитетском музее. С отъездом Вейнберга из Воронежа активное обследование губернии на предмет выявления археологических памятников приостановилось. Следующий секретарь ВГСК, преподаватель истории в духовной семинарии и епархиальном женском училище Стефан Егорович Зверев (1861-1920) главное внимание уделял работе в области археологической статистики и по организации музея, исследования он проводил только на местах случайных находок; он же первый заявил о воронежских археологических памятниках с трибуны всероссийских Археологических съездов.

В 1892 г. он проводит исследование на месте случайной находки бронзовых вещей – двух топоров, долотца и пластинки – в деревне Скакун Землянского уезда (Архив ИИМК РАН, д. 170/1891, л. 1-27; ОИАК, 1893, с. 124, 176-177). При исследовании удалось приобрести у крестьян еще несколько бронзовых предметов, найденных в том же торфяном логу. Все находки были переданы в Исторический музей.

В 1893 г. вышла статья С.Е. Зверева «Воронежские древности», которая содержала перечень всех учтенных в архиве ВГСК находок каменных и бронзовых изделий за 30 лет (с 1863 по 1893 гг.), хранящихся в комитетском музее, в Историческом музее, в Геологическом комитете, в частных коллекциях (Зверев С.Е., 1893). Таким образом, в ГСК к 1893 г. были сосредоточены сведения о большей части археологических памятников губернии, которые благодаря публикациям Л.Б. Вейнберга и С.Е. Зверева были введены в научный оборот. В 1894 г. Зверев в статье «Материалы по археологии Дона» опубликовал археологическую статистику находок монет и предметов религиозного культа в бассейне Дона в пределах Воронежской губернии и Области войска Донского, сведения о которых он взял из ВГВ, Трудов АС, Этнографического альбома Н.И. Второва (Зверев С.Е., 1894, с. 194-200). В этих трех публикациях была представлена наиболее полная на тот момент сводка археологических древностей Воронежского края.

В 1894 г. Зверев оставил должность секретаря ВГСК, но не прекратил краеведческой деятельности. Археологическое изучение края теперь осуществляется через музей: Зверев разбирает и описывает коллекцию доисторических древностей, работает для ее пополнения—привлекает жертвователей, совершает археологические экскурсии, исследования на местах случайных находок.

В 1899 г. С.Е. Зверев доследовал раскопанный крестьянами курган у с. Мазурки Новохоперского уезда. В результате было открыто первое в Воронежской губернии захоронение скифского времени; обнаруженные вещи должны были поступить в комитетский музей, но в результате ошибки были отправлены в Исторический музей в Москве (Архив ИИМК РАН, ф. 1, д. 66/1899; ОИАК, 1902, с. 101-102).

На рубеже двух веков начинается новый этап в археологическом изучении губернии: в Воронеже открываются две собственно краеведческие организации – ученая архивная комиссия (ВУАК) и церковный историко-археологический комитет (ВЦИАК). Обе эти организации типовые, такие же учреждались во многих российских губерниях, и обе возникли, в первую очередь, под влиянием решения о проведении в 1902 г. очередного всероссийского археологического съезда в Харькове, при подготовке к которому было намечено произвести историко-археологическое обследование юго-восточных областей страны (так называемой «половецкой степи»), в том числе и Воронежской губернии.

ВЦИАК ставил своей целью изучение церковно-религиозной жизни Воронежского края, и главные задачи общества были продиктованы именно этой целью (Воронежские епархиальные ведомости, 1900, № 24). При Комитете был учрежден музей, куда сразу стали поступать различные вещественные и письменные памятники, в числе которых часто встречались и археологические. В 1906 г. по взаимному соглашению «первобытные древности» – фрагменты посуды, каменные орудия, наконечники стрел, бронзовые предметы, монеты, этнографические предметы – были переданы в Губернский музей в обмен на памятники церковной старины (Журналы заседаний и отчеты..., 1908, С. LXXXIII).

Ученые архивные комиссии создавались для «собирания и приведения в известность архивных дел и документов» и «рассмотрения и описания...уцелевших в губернии памятников зодчества и искусств, и для могущих требоваться раскопок местных курганов» (Положение о губернских исторических..., с. LXI-LXII). Воронежская архивная комиссия активно изучала археологические памятники губернии, но начала она проявлять эту активность не сразу: можно выделить определенные этапы уже в деятельности самой архивной комиссии.

Первый этап – 1900-1905 гг. Архивная комиссия воздерживалась от специальных раскопок в ожидании руководства со стороны центральных археологических учреждений страны и занималась тем, что «все поступающие время от времени сообщения о случайных находках и отдельные известия, касающиеся находящихся в губернии памятников, заносила в журнал заседаний и по возможности проверяла на месте» (Журналы заседаний и отчеты..., 1908, с. XLV).

В сентябре 1901 г. С.Е. Зверев с хранителем музея Александром Львовичем Дольским осмотрели место случайной находки древнего погребения вблизи Хазарского (Кузнецовского) городища (Журналы заседаний..., 1902, с. LI). В 1903 г. Владимир Дмитриевич Языков, Михаил Клавдиевич Паренаго, Михаил Павлович Трунов и др. осматривали пещеры близ с. Истобное Нижнедевицкого уезда, а осенью того же года Александр Иванович Милютин, С.Е. Зверев и некоторые другие члены ВУАК совершили археологические экскурсии на 30-40 верст вокруг Воронежа: осмотрели Лысогорский могильник, Шиловское и Подклетнинское городища, стоянку в с. Костенки (Журналы заседаний..., 1908, с. XXXVII).

Археологическими раскопками занимались отдельные члены комиссии по собственной инициативе: в 1900-1901 гг. Владимир Николаевич Тевяшов раскопал семь курганов из курганной группы у села Владимировка Острогожского уезда (Тевяшов В.Н., 1902, с. 93-114); в 1901-1902 гг. М.П. Трунов проводил изыскания в Бобровском уезде: раскопал четыре кургана у с. Новый Буравль, курган в с. Новопокровка, курган близ хутора Складнева, провел осмотр развалин «какой-то кирпичной постройки» в селе Мечетка Павловского уезда (Архив ИИМК РАН, д. № 85, л. 2-12 об.); в 1902 г. после находки топора и наконечника копья на Старом Маяцком городище в Острогожском уезде пробные раскопки внутри Маяцкого городища провел сначала Леоднид Михайлович Савелов (Архив ИИМК РАН, д. № 85, л. 7 об.), а позже М.П. Трунов составил подробное описание с замерами вала, рва, размеров городища и провел раскопки внутреннего вала

(Архив ИИМК РАН, д. № 85, л. 2-12 об.); летом 1902 г. А.И. Милютин произвел археологические наблюдения и пробные раскопки близ села Подклетного Воронежского уезда (Милютин А.И., 1904, с. XIX-XXII).

В 1902 г. делегация членов ВУАК приняла участие в XII Археологическом съезде в Харькове. На съезде воронежцы представили две археологические карты: карту Воронежской губернии, составленную землемером В.А. Перелешиным на основании сведений военно-топографического отдела Главного Штаба, и карту Коротояжского уезда, составленную Л.М. Савеловым на основании донесений земских начальников. Кроме того, Воронежская губерния была представлена на выставке съезда: витрину первобытных древностей составляли коллекции В.Н. Тевяшова, М.П. Трунова, А.А. Орлова и др., а также губернского и церковного музеев.

Второй период: с 1905 по 1915 гг. В эти десять лет архивная комиссия под руководством центральных археологических организаций страны наладила регулярное археологическое исследование губернии. Среди активных археологов можно назвать Милютину А.И., Языкова В.Д., Мартиновича А.И., Зверева С.Е., Паренаго М.К., Дольского А.Л., сестер Юргенсон – Маргариту Павловну и Надежду Павловну. Столичные специалисты из ИАК, ИРАО, ИМАО стали частыми гостями в Воронеже.

В 1905-1906 гг. для исследования Мастюгинских курганов приезжал член ИАК Александр Андреевич Спицын. Кроме того, он провел раскопки на селище и могильнике Большого Боршевского городища, обследовал Архангельское (Голышевское) и Маяцкое городища (Архив ИИМК РАН, ф. 1, д. 74/1905; 191/1905; 68/1906; ф. 5, д. 90). Все эти мероприятия он проводил вместе с членами ВУАК, которые получили уроки профессионального мастерства.

В 1905, 1908, 1909 гг. Воронежскую губернию посещал член РАО Николай Егорович Макаренко. Он обследовал места наиболее интересных находок в Валуйском (близ г. Валук, дер. Колосковой, хут. Гаевка), Бирюченском (в им г. Муравьевой) и Нижнедевицком (в с. Вислом) уездах (Архив ИИМК РАН, д. 70/1905; ОИАК, 1908, с. 84-86); провел раскопки двух майданов в слоб. Герасимовке Валуйского уезда (там же), пять Мастюгинских курганов, исследовал Маяцкое городище, осмотрел Александровское (Голышевское) городище и пещеры у Дивногорья (Макаренко Н.Е., 1911, с. 1-79).

В 1910 г. член ИРАО Владимир Николаевич Глазов раскопал два кургана на Тюнинском селище и пять курганов в дубовой роще, недалеко от селища (Архив ИИМК РАН, д. 68/1910).

Члены ВУАК в этот период ежегодно проводили раскопки и археологические экскурсии, некоторые памятники копались не один сезон, отчеты представлялись в ИАК и на археологических съездах, публиковались в местных и центральных изданиях – Трудах ВУАК, Трудах Археологических съездов, Известиях ИАК.

В 1905-1906 гг. ВУАК проводила раскопки на Лысогорском могильнике, было раскопано девять курганов (Журналы заседаний..., 1908, с. LXV; Мартинович А.И., 1908, с. 62-66). В 1906 г. члены ВУАК раскопали 15 курганов на могильнике вблизи села Чертовицкое (Труды четырнадцатого..., 1911, с. 113-114). С 1906 по 1909 гг. проводились раскопки на селище Маяцкого городища (Архив ИИМК РАН, д. 38/1909, л. 4, 37; Милютин А.И., 1909, с. 153-163; ОИАК, 1910, с. 102-103). С 1911 по 1913 гг. члены ВУАК исследовали могильники у сел Нижняя Ведуга и Кондрашевка Землянского уезда (Архив ИИМК РАН, д. 250/1912; д. 363/1913). Четыре полевых сезона раскапывался могильник «Частые курганы» под Воронежем—1910, 1911, 1912, 1915 гг. (Замятнин С.Н., 1946, с. 9-50).

В Острогожском районе продолжал проводить исследования В.Н. Тевяшов: в 1911 г. он раскопал 11 курганов в двух могильниках у сл. Марки (Архив ИИМК РАН, ф. 47).

Последние раскопки архивная комиссия провела в 1915 г. в урочище «Частые курганы». К этому времени из «старого» состава археологов остались только С.Е. Зверев и А.Л. Дольский; свой первый полевой сезон провел Сергей Николаевич Замятнин (1899-1952), в будущем известный ученый-археолог, а тогда 16-летний гимназист, только начинавший работать в губернном музее.

С.Н. Замятнин в 1916-1917 гг. он провел экскурсии «разведочного характера» в окрестностях села Подгорного Воронежского уезда (Архив ИИМК РАН, ф. 69, № 85). Это были последние археологические мероприятия архивной комиссии и последние предреволюционные исследования. После революции археологическим изучением губернии занимался Воронежский государственный историко-культурный музей, среди сотрудников которого были и бывшие члены ВУАК: М.К. Паренаго – зав. музеем, С.Н. Замятнин—хранитель археологического отдела и др..

Подводя итоги начальным периодам археологического изучения Воронежской губернии хотелось бы отметить, что это было время первоначального накопления археологического материала, в которое было начато изучение самых известных памятников края (Костенковская стоянка, Хазарское и Маяцкое городища, Частые и Мастюгинские курганы и др.), определены первые направления исследований (скифское, славянское), составлены первые своды археологических памятников, опубликованы первые отчеты о раскопках, собрана богатая музейная коллекция древностей (к сожалению, почти полностью погибла во время Великой отечественной войны). Профессиональное несовершенство первых археологов с лихвой окупалось цельностью и эмоциональностью восприятия, которые в наш узкоспециализированный век уже невозможны. Длительное игнорирование этих периодов специалистами имеет свои причины, но не имеет никакого оправдания. Отсутствие интереса и небрежное отношение к истории своей науки обедняет ценность современных исследований и часто дает неверную картину прошлого края.

-
- Болховитинов Е., 1992.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. Воронеж.
- Вейнберг Л.Б., 1891.* Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж.
- Воскресенский Н.В., 1886.* О Кудояре разбойнике и кладоискателях // Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия города Воронежа. Воронеж. Т. 1.
- Воскресенский Н.В., 1888.* Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей. Воронеж.
- Глаголев А., 1839.* Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения, при статистическом отделении Совета МВД. СПб. Отделение I.
- Городища и курганы ..., 1887.* Городища и курганы в Воронежской губернии // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Воронеж. Т. 1.
- Журналы заседаний..., 1902.* Журналы заседаний Воронежской губернской ученой архивной комиссии // ТВУАК. Вып. I. Отдел III.
- Журналы заседаний ВГУАК, 1904* // ТВУАК. Вып. II. Отдел III.
- Журналы заседаний и отчеты..., 1908.* Журналы заседаний и отчеты Воронежской ученой архивной комиссии 1903-1907 // ТВУАК. Вып. IV. Отдел III.
- Загоровский В.П., 1969.* Белгородская черта. Воронеж.
- Замятнин С.Н., 1946.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. VIII.
- Зверев С.Е., 1893.* Воронежские древности // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Воронеж.
- Зверев С.Е., 1894.* Материалы по археологии Дона // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж.
- Императорский..., 1893.* Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. М.
- Лебедев Г.С., 1992.* История отечественной археологии. 1700-1971 гг.. СПб.
- Макаренко Н.Е., 1911.* Археологические исследования 1907-1909 годов // ИИАК. Вып. 43.
- Марков Е.Л., 1891.* Поездка в Дивногорье // Русский вестник. Кн. 5-6.
- Марков Е.Л., 1891.* Червлёный Яр. Путевые заметки // Русский вестник. Кн. 8.
- Марков Е.Л., 1891.* Хазарские городища на реке Воронеж // Русский вестник. Кн. 11.
- Марков Е.Л., 1891.* Древний город Костенск // Русский вестник. Кн. 12.
- Марков Е.Л., 1892.* Белогорские пещеры // Русский вестник. Кн. 1.
- Мартинovich А.И., 1908.* Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. // ТВУАК. Вып. IV.
- Милютин А.И., 1904.* Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда // ТВУАК. Вып. II.
- Милютин А.И., 1909.* Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // ИИАК. Вып. 29.
- Новомбергский Н., 1917.* Клады и кладоискательство в Московской Руси XVII столетия // Журнал министерства народного просвещения. Петроград. Новая серия. Часть LXVII. Февраль.
- ОИАК, 1891.* ОИАК за 1882-1888 годы. СПб.
- ОИАК, 1893.* ОИАК за 1891 год. СПб.
- ОИАК, 1902.* ОИАК за 1899 год. СПб.
- ОИАК, 1908.* ОИАК за 1905 год. СПб.
- ОИАК, 1910.* ОИАК за 1907 год. СПб.

- Поликарпов Н., 1896.* Историческая записка о Воронежском губернском музее (1832-1894 гг.). Воронеж.
Положение..., 1902. Положение о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях // ТВУАК. Т. I.
Сведения..., 1896. Сведения 1873 года о городищах и курганах. Воронежская губерния // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1-2. Новая серия.
Сизов В.И., 1888. Скорняковские курганы в Воронежской губернии Задонского уезда // Древности. ТМАО. Т. XII.
Смолин В.Ф., 1917. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // Известия ИАК. Вып. 63.
Тевяшов В.Н., 1902. Отчёт о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах // ТВУАК. Воронеж. Вып. I.
Труды..., 1911. Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1909. М. Т. 3.
Уваров А.С., 1881. Археология России. Каменный период. М. Ч. 1.
Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.
Шептинг Д., 1867. Известие о раскопке двух майданов Воронежской губернии Острогожского уезда // Древности. Археологический вестник МАО. Март-апрель.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ДМИТРИЕВИЧА ЛИБЕРОВА (1904-1983) (материалы к библиографии)

**Сост. А.В. Моисеев
(Воронеж, ВГУ)**

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ*

1949

Скифские курганы Киевщины // КСИИМК. – Вып. 30. – 1949. – С.93-104.

1950

К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине // КСИИМК. – Вып. 34. – 1950. – С.75-84.

1951

К вопросу о скифах-пахарях // ВДИ. – 1951. – № 4. – С.178-185.

Курганы у села Константиновки // КСИИМК. – Вып. 37. – 1951. – С.137-143, илл.

1952

К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI-II вв. до н.э. // Материалы по истории земледелия СССР. – Сб. 1. – М., 1952. – С.66-114, илл.

1954

Раскопки каменных «кучугур» в 1952-1953 гг. // ВДИ. – 1954. – № 4. – С.176-179, илл.

Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М., 1954. – С.132-137, илл.

1956

Курганы у села Черемушны // КСИИМК. – Вып. 63. – 1956. – С.98-102, илл.

1959

Археологические памятники р.Береки // КСИИМК. – Вып. 77. – 1959. – С.35-41, илл., карт.

К вопросу о времени одомашнивания курицы // СА. – 1959. – № 2. – С.232-235, илл.

1960

К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н.э. – V в. н.э.) // История скотоводства в Северном Причерноморье. – М., 1960. – С.110-164, илл., карт. – (МИА. № 53)

Мастюгинские курганы и Волошинские городища // СА. – 1960. – № 3. – С.162-170, илл.

Некоторые результаты разведок на Среднем Дону в сезон 1957 г. // Труды ВОКМ. – Вып. 1. – 1960. – С.74-86, илл., карт.

*В список не включены статьи в газетах.

1961

Мастюгинские курганы (Некоторые материалы из раскопок 1959-1960 гг.) // СА. – 1961. – № 3. – С.152-165, илл.

Новые материалы из курганов у села Черемушны // КСИА. – Вып. 83. – 1961. – 104-109, илл.

Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р.Осколе // КСИААНУССР. – Вып. 11. – 1961. – С.53-58, илл.

Разведки в пойме реки Оскол [1955 г.] // КСИА. – Вып. 83. – 1961. – С.95-103, илл., карт.

1962

Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // Лесостепные культуры скифского времени. – М., 1962. – С.5-85, илл. – (МИА. № 113)

Статуэтка собаки из кургана у села Мастюгино // КСИА. – Вып. 89. – 1962. – С.60-65, илл.

Рец.: Шрамко Б.А. Древности Северного Донца. Харьков, 1962 // СА. – 1964. – № 3. – С.340-344. (Соавтор С.А.Плетнева)

1964

Гелоны и будины на Среднем Дону // Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исследований 1963 г. – М., 1964. – С.42-46.

К вопросу об этнической принадлежности археологических памятников I тысячелетия до н.э. в районе Среднего Дона // Научная сессия по этногенезу мордовского народа. Тезисы. Краткое содержание докладов. – Саранск, 1964. – С.39-43.

Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – М., 1964. – 208 с., илл., карт.

1965

Исследования лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР на Среднем Дону за 11 лет // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. – С.36-46.

Памятники скифского времени на Среднем Дону. – М., 1965. – 112 с., илл., карт. – (САИ. Д1-31).

1966

Исследования на Среднем Дону // АО 1965 (1966). – С.91-93, илл.

Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // Тезисы докладов и сообщений на Конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. Москва, 1967. – М., 1966. – С.36-38.

1969

Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время. – М., 1969. – С.5-26, илл., карт. – (МИА. № 151)

Савроматы ли сирматы? // Население Среднего Дона в скифское время. – М., 1969. – С.27-37, илл., карт. – (МИА. № 151).

1970

Археологические исследования на Воронежском водохранилище // АО 1969 (1970). – С.50-52. (Соавторы: А.Д.Пряхин, А.Т.Синюк, Б.Г.Тихонов)

1971

Древняя история населения Подонья. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1971. – 57 с.

Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // Проблемы скифской археологии. – М., 1971. – С.103-115, илл., карт. – (МИА. № 177)

1972

Локальные особенности «звериного» стиля у населения Среднего Дона // Труды 3-й Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. – М., 1972. – С.16-17.

1973

Памятники абашевской культуры в Курской области // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. – С.117-120, илл.

Работы Воронежской экспедиции // АО 1972 (1973). – С.73-74. (Соавтор А.И.Шкурко)

1974

Обследование памятников по р.Потудани // АО 1973 (1974). – С.63-64.

1975

Работы Воронежской лесостепной скифской экспедиции // АО 1974 (1975). – С.61-62, илл. (Соавтор Н.В.Колошницын)

1976

Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве Евразии. – М., 1976. – С.138-146, илл.

1977

Раскопки курганов в Саратовском Заволжье // АО 1976 (1977). – С.137-138. (Соавторы: Л.Л.Галкин, Н.Г.Ким, Н.М.Малов, В.И.Мельник)

К вопросу о гелонах Геродота // История и культура античного мира. – М., 1977. – С.100-104.

О хронологии абашевской культуры // СА. – 1977. – № 2. – С.43-54.

1978

О хронологии курганов у с.Староюрьево // Проблемы советской археологии. – М., 1978. – С.102-108, илл.

Раскопки Воронежской новостроечной экспедиции // АО 1977 (1978). – С.71-72. (Соавтор А.Т.Синюк)

Срубная культура на Среднем Дону // Научные труды КуйбГПИ. – Т.221. – 1978. – С.75-78.

1980

О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы // КСИА. – Вып. 161. – 1980. – С.21-24, илл.

2000

Заключение о положении древнего скифского населения, известного под названием "Каменские кучугуры" Каменско-Днепровского района Запорожской области в связи с засадкой его лесом / Говрилюк Н.А., Котова О.И. Сто лет раскопок Каменского городища. Приложение 2 // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000. – С.13-14. (Соавтор Б.Н.Граков).

PERSONALIA

Ad memoriam / Материал подготовлен Д.С.Коробковым // РА. – 2004. – № 4. – С.188-189.

Гуляев В.И. Либеров Петр Дмитриевич (1904-1983) // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. – М., 2000. – С.151-153, портр.

Гуляев В.И. С.Н.Замятнин и П.Д.Либеров и их вклад в изучение памятников скифской эпохи на Среднем Дону // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография. Материалы региональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н.Замятнина. – Воронеж, 1999. – С.63-65.

Крупнов Е.И. К 60-летию П.Д.Либерова // СА. – 1964. – № 2. – С.89-91, портр.

Моисеев А.В. Абашевско-срубная проблематика в оценке П.Д.Либерова // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Материалы международной научной конференции. – Воронеж, 2000. – С.173-177.

Моисеев А.В. П.Д.Либеров и изучение абашевских древностей Подонья // Проблеми гірничої археології (Матеріали I-го Картамиського польового археологічного семінару) с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської області 7-8 серпня 2002 р. – Алчевск, 2003. – С.78-83.

Моисеев А.В. П.Д.Либеров и изучение эпохи бронзы лесостепного Подонья // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып.3. – Воронеж, 2000. – С.24-29.

Пряхин А.Д., Моисеев А.В. П.Д.Либеров и археологическое изучение лесостепного Подонья // Вестник Елецкого государственного университета. Выпуск 1. – Серия "История, право". – Елец, 2002. – С.156-163.

**ТЕКСТЫ ДИССЕРТАЦИЙ П.Д.ЛИБЕРОВА
(АРХИВ ИА РАН)**

Скифские курганы Киевщины. Кандидатская диссертация. – М., 1948. – 467 л. (P2-827) + Альбом-приложение. – 10 л. (P2-830)
Древняя история населения Подонья. Диссертация представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1971. – Ч. I-II. – 1085 л. (P2 2088, 2089) + Альбомы. – 30 л.; 30 л. (P2-2089а, 2089б) – (Автореф. см. № 31)

**ОТЧЕТЫ О ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ, ПРОВЕДЕННЫХ ПОД РУК.
П.Д. ЛИБЕРОВА (АРХИВ ИА РАН) ***

Отчет о раскопках курганов у хут. Харчевик Каменско-Депровского р-на Запорожской области в 1950 г. – М., 1950. – 20 л., прил. 37 фото. (P1-528)
Отчет Харьковского отряда Скифской экспедиции о результатах раскопок памятников в районе с.Огурцы Вальковского р-на Харьковской обл. в 1953 г. – М., 1953. – 91 л. (P1-867) + Альбом. – 30 л. (P1-866)
Отчет за 1953 г. о раскопках каменных кучугур – скифского городища, расположенного в р-не с.Каменки-Днепровской Запорожской области. – М., 1953. – 17 л. (P1-868) + Альбом. – 38 л. (P1-869)
Отчет о раскопках Харьковского отряда Скифской экспедиции в 1954 г. в с.Черемушны. – М., 1954. – 31 л. (P1-957)
Отчет о раскопках "Частых Курганов" Воронежской экспедицией. Воронежская обл. – М., 1954. – 49 л. и альбом. (P1-1024)
Отчет о работе в 1955 г. Донецкого отряда Донской экспедиции Харьковская обл., Сталинградская, Ворошиловоградская обл. УССР. – М., 1955. – 13 л., прил. 30 фото. (P1-1088)
Отчет о раскопках курганов в группе "Частые курганы" в 1955 г. Воронежская область. – М., 1955. – 18 л., прил. 14 рис., 60 фото. (P1-1202)
Отчет о разведках и раскопках Северо-Донецкого отряда Донской экспедиции ИИМК АН СССР. (р.Оскол). – М., 1956. – 96 л. (P1-1273)
Отчет о работе Воронежского отряда, Донской экспедиции ИИМК АН СССР. – М., 1956. – 32 л. – (P1-1275) + Альбом к отчетам Северско-Донецкого и Воронежского отрядов, Донской экспедиции ИИМК АН СССР 1956. – 33 л. (P1-1276)
Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной Скифской экспедиции. – М., 1957. – 42 л., прил. 7 черт. (P1-1460) + Альбом. – 20 л. (P1-1461)
Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции. – М., 1958. – 76 л. (P1-1726) + Альбом. – 20 л. (P1-1726а)
Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции Ин-та археологии АН СССР. – М., 1959. – 88 л. (P1-1871) + Альбом. – 20 л. (P1-1871а)
Отчет об археологических работах Воронежского отряда Лесостепной экспедиции у с.Мастюгино Коротоякского р-на, по р.Тихой Сосне Острогожского р-на, и об археологических разведках в Аннинском р-не Воронежской области. – М., 1960. – 179 л. (P1-2118) + Альбомы. – 21 л., 14 л. (P1-2118а, P1-2118б)
Отчет о работе Воронежского отряда Скифской лесостепной археологической экспедиции. – М., 1961. – 225 л. (P1-2258) + Альбом. – 20 л. (P1-2258а)
Отчет Воронежского отряда Лесостепной скифской археологической экспедиции о разведках по рр. Тихой Сосне и Битюгу и о раскопках у с.Мастюгина, у с.Русской

*Полевая документация (дневники, полевые чертежи и т.п.) храниться в Архив ИА РАН, ф.18.

- Тростянки и у с.Вознесенки (на правом берегу р.Ведуги). – М., 1962. – 146 л. (P1-2489) + Альбом. – 28 л., прил. 6 фото. (P1-2489a)
- Отчет о работе Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской экспедиции. – М., 1963. – 44 л. (P1-2682) + Альбом. – 30 л. (P1-2682a)
- Отчет Лесостепной скифской археологической экспедиции о раскопках курганов и поселений в Белгородской и Воронежской области. – М., 1964. – 75 л. (P1-2860) + Альбом. – 49 л. (P1-2860a)
- Отчет о раскопках в Белгородской, Воронежской областях, произведенных Лесостепной Скифской археологической экспедицией. – М., 1965. – 167 л., 24 черт. (P1-3126) + Альбом. – 69 л. (P1-3126a).
- Отчет об археологических исследованиях Воронежской лесостепной скифской экспедиции. – М., 1968. – 96 л., прил. 20 черт. (P1-3692) + Альбом. – 52 л. (P1-3692a)
- Отчет Воронежской археологической экспедиции ИА АН СССР о раскопках в зоне строительства водохранилища на реке Воронеж. – М., 1969. – 23 л. (P1-3945) + Альбом. + Альбом. – 17 л. (P1-3945a)
- Отчет о работе Воронежской Лесостепной скифской экспедиции. – М., 1971. – 39 л. (P1-4549) + Альбом. – 27 л. (P1-4549a)
- Отчет о работе Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР. – М., 1972. – 37 л. (P1-4809) + Альбом. – 26 л. (P1-4809a)
- Отчет Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции. – М., 1973. – 6 л. (P1-5241) + Альбом. – 23 л. (P1-5241a)
- Отчет о работе Воронежской лесостепной скифской экспедиции. – М., 1974. – 46 л. (P1-5257) + Альбом. – 30 л. (P1-5257a)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	–	Археологические открытия
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВГПУ	–	Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	–	Воронежский государственный университет
ВДИ	–	Вестник Древней истории
ВОКМ	–	Воронежский областной краеведческий музей
ВУАК	–	Воронежская ученая архивная комиссия
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ИАК	–	Известия археологической комиссии
ИА РАН	–	Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК АН	–	Институт истории материальной культуры Академии наук
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории Материальной культуры
МАСП	–	Материалы по археологии Северного Причерноморья
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
ОИАК	–	Отчеты императорской археологической комиссии
РА	–	Российская археология
РЭ	–	Российская этнография
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СГЭ	–	Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	–	Советская этнография
ЭО	–	Этнографическое обозрение

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Дудин А.А. Памятники ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района на Дону (тенденции научного поиска последних лет).....	4
Пустовалов А.Ю. О культурно-хронологическом статусе памятников средней поры верхнего палеолита Костенковско–Борщевского района.....	10
Чернышов С.С. О типологии жилых комплексов Верхнего палеолита Русской равнины.....	16
Сурков А.В., Федюнин И.В. Финальнопалеолитический комплекс стоянки Плаутино 2 в Среднем Похоперье.....	19
Федюнин И.В. Мезолитическая стоянка Каменка 1 в Среднем Похоперье.....	35
Смольянинов Р.В., Федюнин И.В. Дружба 2 – новый мезолитический памятник Верхнего Подонья.....	38
Синюк А.Т., Гапочка С.Н. К истории изучения культурной принадлежности, периодизации и хронологии неолитических памятников лесостепного Подонья...	40
Сурков А.В. Неолитические материалы стоянки Плаутино 2	52
Килейников В.В., Сурков А.В. Стоянка Плаутино 4 в Среднем Похоперье.....	64
Моисеев Н.Б., Смольянинов Р.В. Материалы эпох неолита-энеолита с поселения Уварово.....	76
Золотарев П.М. Находки долбленых лодок на территории Верхнего и Среднего Дона.....	81
Корниенко Т.В. О функциональном назначении «трехчастного» плана неординарных строений Месопотамии в эпоху Убейд.....	88
Маслихова Л.И. К истории изучения семантики орнамента керамики эпохи бронзы лесостепи Восточной Европы.....	98
Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Новые данные к изучению Первого Власовского могильника.....	1032
Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И. Исследование курганов на юге Воронежской области.....	108
Чекменев Ю.А. История изучения проблемы формирования срубной культуры на Среднем Дону.....	142
Разуваев Ю.Д. Культовое сооружение скифского времени у с.Орлово в левобережье Верхнего Дона.....	154
Разуваев Ю.Д. Акинак из Эртильского района Воронежской области.....	159
Сарапулкина Т.В. Мечи скифского типа с территории Белгородской области.....	160
Воропаева Н.Н., Ворошилов А.Н. Случайные находки раннего железного века в лесостепном Прихоперье.....	163
Ковалевский В.Н. Социальная структура славян Днепро-Донского междуречья VIII – первой половины XI вв. История изучения вопроса.....	167
Енуков В.В., Енукова О.Н. Артюшковские курганы на Сейме.....	180

Березуцкий В.Д., Кравец В.В. Погребение половца на юге Воронежской области.....	186
Андреев С.И. Комплекс средневековых памятников в верховьях реки Воронеж.....	192
Поташкина Н.А. У истоков археологического изучения Воронежского края....	196
Моисеев А.В. К 100-летию со дня рождения Петра Дмитриевича Либерова (1904-1983) (материалы к библиографии).....	204

Научное издание

Археологические памятники Восточной Европы

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Компьютерная верстка: *А.В. Сурков*

394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86
Исторический факультет, кафедра отечественной истории
E-mail: archvgpu@mail.ru

Лицензия ЛР №040324

Подписано в печать 05 г. Формат 60х84 1/8. Печать трафаретная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. . Заказ. Тираж экз.

Воронежский госпедуниверситет.
Отпечатано с готового оригинал макета в типографии университета.
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86.